

Russian Academy of Sciences,
Far Eastern Branch
Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East
Center for Global and Regional Studies

VICTOR LARIN

FACING THE EAST
(selected works of 2012—2021)

Vladivostok
2022

Российская академия наук,
Дальневосточное отделение
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Центр глобальных и региональных исследований

ВИКТОР ЛАРИН

ЛИЦОМ К ВОСТОКУ
(из работ 2012—2021 гг.)

Владивосток
2022

УДК 327(571.6+5)
Л25

Ларин В.Л.

Лицом к Востоку (из работ 2012—2021 гг.). — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. — 348 с. ISBN 978-5-6045470-5-2

Монография включает статьи и доклады, сделанные и опубликованные автором в последнее десятилетие и посвящённые текущим событиям на Дальнем Востоке России и в Тихоокеанской Азии. Они являют собой осмысление и толкование таких актуальных тем и проблем, как трансформация этих регионов во втором десятилетии XXI в., сущность и результаты тихоокеанской политики Москвы, её подходы к развитию восточных окраин страны, состояние и тенденции развития российско-китайских отношений.

Для специалистов, интересующихся историей, политикой, экономикой и международными отношениями Тихоокеанской Азии и Тихоокеанской России, а также студентов, аспирантов и государственных служащих.

Larin V.L.

Facing the East (selected works of 2012—2021). — Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 2022. — 348 p. ISBN 978-5-6045470-5-2

The book includes articles and reports made and published by the author in the last decade and devoted to current events in the Russian Far East and Pacific Asia. They represent the author's understanding and interpretation of such actual topics and problems as the transformation of this region in the second decade of the 21st century, the essence and results of Moscow's Pacific policy, its approaches to the development of the country's eastern frontier, the state and development of Russian-Chinese relations.

For specialists interested in history, politics, economics and international relations of Pacific Asia and Pacific Russia, as well as students, postgraduate students and civil servants.

Рецензенты:

академик РАН П.Я. Бакланов, академик РАН В.И. Сергиенко

Утверждено к печати Учёным советом ИИАЭ ДВО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

РОССИЯ В ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ: МЕЖДУ МЕЧТАМИ И РЕАЛИЯМИ	14
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	20
СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI в.: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЧАСТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	34
ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: КОЛЛИЗИИ XXI в.	43
ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: МЕЖДУ ДВУМЯ КРИЗИСАМИ	60

РАЗДЕЛ 2. ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

ВНЕШНЯЯ УГРОЗА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОСВОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ	70
РАЗВИТИЕ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ	94
ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ: МЕЖДУ МОСКВОЙ, ПЕКИНОМ, СЕУЛОМ И ТОКИО	113
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ	132
ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ» НАЧАЛА XXI в.: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ	146

РАЗДЕЛ 3. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАКУРС РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ	167
РЕАЛИИ НОВОГО МИРА И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	182
ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОЖИДАНИЕ ПРОРЫВА	193
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	212
«КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ» В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХІ в. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА ...	231
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАКУРС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ: ВИРТУАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ОБЪЕКТИВНЫЕ РЕАЛИИ.....	254
РОССИЯ В ПЛАНАХ И ПРОГРАММАХ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КИТАЯ.....	273

РАЗДЕЛ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: РАКУРСЫ РОССИЙСКОГО ВОСПРИЯТИЯ	291
НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ.....	296
ГЛОБАЛЬНЫЙ КИТАЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ ИЛИ БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ?	309
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ КИТАЯ «В НОВУЮ ЭПОХУ»	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные события на западных рубежах России и попытки предположить, как они повлияют на обстановку в Тихоокеанской Азии, наши отношения с государствами региона и судьбу восточных районов страны (Тихоокеанской России) подтолкнули меня сначала пересмотреть свои публикации последних лет, а потом составить небольшую антологию из, как мне представляется, самых любопытных и актуальных из них.

Как оказалось, всё то главное, о чём я писал в предшествующее десятилетие и что пытался обсуждать с коллегами-учёными и донести до власть предержащих: аморфность тихоокеанской политики Москвы как в её внутреннем, так и во внешнем изложениях, односторонность российско-китайских отношений, ущербная статусность Тихоокеанской России, — злободневно именно сегодня. Иногда не надо придумывать что-то новое, оригинальное — достаточно перечитать уже осмысленное и описанное.

С большим сожалением приходится констатировать, что до творцов тихоокеанской политики России достучаться не удалось. За десятилетие так и не были чётко сформулированы её цели и стратегические приоритеты, не были увязаны внешняя и внутренняя составляющие. И ряд проблем и вызовов, которые возникли перед Россией на волнах мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. и обострения её отношений с США и Европейским Союзом, так и не получили внятного и результативного ответа. Так что мы возвращаемся к тому, с чего начинали, только в куда более сложных условиях.

Возведение Западом нового «железного занавеса» практически посередине Европы в очередной раз делает животрепещущим философский вопрос о цивилизационных основах России и их азиатских составляющих. Фактический разрыв экономических и минимизация политических отношений с англосаксонским миром и Европейским Союзом вновь поднимает тему места и роли Китая, Индии, стран АСЕАН, исламского мира в новой картине мироустройства, в которой бы хотела существовать и развиваться Россия. Ставит вопрос о целях и принципах взаимодействия с Востоком, который непросто понять, но который, в случае восприятия его ценностей

и особенностей как данности, будет куда более предсказуемым и надёжным партнёром, чем капризные и злопамятные европейцы и ковбои с берегов Потомака. Но при этом, в отличие от «коллективного Запада», Восток даже близко не является единым, и, чтобы реально его понять и успешно с ним взаимодействовать, руководству страны необходимо срочным образом озаботиться состоянием российского востоковедения.

Необходимость создания новой экономики в очередной раз, как в июне 1941 г., заставляет серьёзно задуматься о роли Сибири — в самом широком её понимании, от Урала до берегов Тихого океана — в строительстве новой России. В нынешней геополитической реальности Москве придётся расстаться с иллюзорными идеями о превращении Дальнего Востока в «мост» и «коридор» для соединения Запада с Востоком, в насос для выкачивания природных ресурсов и полигон для апробации управленческих фантазий. Сибирь и Дальний Восток — это уже не «стратегический резерв выживания России», а пространство для её самоочищения и модернизации. При этом на первое место в неприлично затянувшейся истории «освоения Дальнего Востока» должны быть поставлены не создание «заводов, газет, пароходов», а рачительное использование территории и сбережение населения.

Одним из фундаментальных выводов из развёрнутой Западом войны против России должно стать, наконец, осознание властью и политическими элитами необходимости и неизбежности кардинальной смены вектора глобальной ориентации российского государства. Должен ли это быть радикальный поворот с запада на восток? Убеждён, что нет. Судьба России — это равноудалённость и одновременно равноприближённость к этим двум географическим, политическим и идеологическим полюсам современного мира. Главное — не уйти в самоизоляцию, как и не увлечься идеями славянофильства и мессианства. Запад нам не помог. Восток тоже не протянет руку помощи, если это не будет ему выгодно.

Пора перестать оглядываться по сторонам и обратить свой взор в себя. Осознать значимость и предназначение современной России. И в этом контексте задача формирования новой тихоокеанской политики, в одинаковой степени адекватной интересам России и её возможностям в этом непростом регионе мира, становится для неё крайне актуальным и принципиальным вызовом.

Фактическая неудача в том псевдоповороте на Восток, который стал одним из главных эпитетов при описании и толковании внешней и внутренней политики России во втором десятилетии XXI в., убедительно говорит в пользу необходимости кардинальной смены мировоззрения и приоритетов. В многочисленных публикациях на тему российского «поворота» было проявлено немало эмоций, эйфории и прожектерства, с одной стороны, и глубочайшего пессимизма и язвительного злословия, с другой. Как сегодня представляется, правы были и те, и те — и оптимисты, и скептики. Желания было много, желания искреннего, но сугубо метафорического. И оно быстро разбилось о скалы мировых интриг, утонуло в волнах мятущегося сознания российской политической элиты, удушено дружескими объятиями госкорпораций и крупного бизнеса, скукожилось под прозой российского бытия. Нельзя утверждать, что ничего не было сделано. Было, но до обидного мало.

Перечитывая свои мысли, выводы и прогнозы, я вижу, что они мало менялись за последнее десятилетие. Конечно, некоторые оценки пересматривались по мере того, как происходили те или иные изменения в политических и экономических реалиях на востоке России и в Тихоокеанской Азии, в отношениях России с восточноазиатским миром. Ясно также, что они не могли быть беспристрастными. Трудно сохранять объективность, когда это касается тебя, твоих близких и друзей, того города, края, региона, где ты прожил уже немалую жизнь, и в судьбе которых заинтересован даже на уровне простых человеческих инстинктов, не говоря уже о выражении своей гражданской позиции.

Во многих моих статьях последнего десятилетия, в том числе и вошедших в эту книгу, речь идёт о геополитических и геоэкономических пространствах, которые хотя и постепенно внедряются в общественное сознание жителей России, но названия которых пока остаются непривычными для многих читателей. Чтобы избежать неправильных толкований, к двум из них я считаю целесообразным обратиться во введении, изъясв эти разъяснения из текстов статей.

Первый из них — Тихоокеанская Россия*, в которой я вижу территорию страны от Байкала до побережья Тихого океана, экономически

* Из статьи: Ларин В.Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 18.

и психологически ориентированную на Тихоокеанское экономическое пространство. Тихоокеанская Россия — это не только часть Евразийского континента. Это ещё и морская экономическая (200-мильная) зона страны и восточная часть арктического шельфа. И очень важно, более того — принципиально то, что в самом этом названии отражено не удалённое от европейской прародины местоположение (дальний от Европы Восток), а стратегически важная притихоокеанская географическая позиция региона¹.

Экономическая ориентация Тихоокеанской России на восток очевидна. Это обусловлено тремя факторами. Во-первых, географической структурой внешних связей региона. В 2012 г. в общем объёме внешней торговли Дальневосточного федерального округа и Забайкалья на долю стран АТР пришлось 84,2%, в том числе на три страны Северо-Восточной Азии (Китай, Южную Корею и Японию) — 78%². Во-вторых, ориентированностью стратегий и программ развития территорий Тихоокеанской России на восток, на тесное взаимодействие со странами Северо-Восточной Азии (СВА)³. В-третьих, предпочтениями жителей, увязывающих будущее ТР со странами СВА. В 2013 г. за первоочередное развитие отношений с Китаем высказались 68% опрошенных жителей региона, 52% — назвали приоритетными отношения с Японией, 49% — с Республикой Корея. В то же время за первоочередное развитие отношений с Западной Европой выступали лишь 6% респондентов⁴.

Очевидно, что понятие «Тихоокеанская Россия» достаточно условно. С экономической и политической точек зрения единого региона не существует. Впрочем, таким же во многом формальным объединением на сегодняшний день остаётся Дальневосточный федеральный округ. Внутренние связи между территориями Тихоокеанской России пока слабы. Но объединяющее их начало, которое одновременно и воодушевляет (платформа для интеграции в АТР), и пугает (призрак «сибирского сепаратизма») Москву, достаточно очевидно — это экономическая и всё более выраженная социальная ориентация на Тихий океан.

Второе пока ещё малоизвестное пространство — российско-китайское транграничье (РКТ)*. Это понятие достаточно условно и используется автором в целях более удобного описания процессов, которые

* Ларин В.Л. Российско-китайское транграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. С. 69.

происходят на соседних территориях России и Китая, жизнь и благополучие которых в силу объективных обстоятельств в значительной степени зависят от отношений друг с другом. В целом используемый автором подход вписывается в теорию трансграничных территорий, активно разрабатываемую в последние годы российскими учёными применительно к Тихоокеанской России. Трансграничная территория определяется ими как «сложная природно-общественно-территориальная система, обладающая определённой природной и территориальной целостностью», а в случае её международного характера — как «взаимодействующие приграничные территории», прилегающие к государственной границе и обладающие «сочетаниями природных ресурсов и тех или иных видов хозяйственной деятельности»⁵. Но при этом фокус нацелен на геополитическую компоненту понятия⁶. «Приграничное сотрудничество» трактуется как взаимодействие между соседствующими территориями, не управляемое из федерального центра и основанное на соответствующей инфраструктуре, как административно политической (договоры, соглашения, специальные органы), так и физической (пограничные переходы, различные виды сообщения и др.).

Обычно российско-китайское приграничное сотрудничество понимается как отношения между двумя весьма условными географо-административными образованиями: Дальним Востоком России (как правило, отождествляемым с Дальневосточным федеральным округом) и Северо-Восточным Китаем (Маньчжурией). Учитывая достаточно высокую степень самостоятельности и внутренней разобщённости российских (края и области) и китайских (провинции, автономные районы) административных образований и их глубоко формальное включение в такие структуры, как ДФО или СВК, ничто не мешает нам ограничить анализ этого пространства только самими приграничными территориями: тремя — с китайской стороны (пров. Хэйлунцзян, Цилинь и автономный район Внутренняя Монголия) и пятью (Приморский, Хабаровский, Забайкальский края, Еврейская автономная и Амурская области) — с российской. При этом Российско-китайское трансграничье (РКТ) — это не только зона тесного соприкосновения и взаимопроникновения экономик и социумов России и КНР, но и территория их общих интересов, гуманитарного и культурного взаимодействия и взаимозависимости.

Обширное пространство РКТ (3,5 млн кв. км, что по территории равно 1/3 площади Европы или всей Индии) разделено границей (от Монголии до КНДР), общая протяжённость которой составляет 4204 км. Китайская (1804 тыс. кв. км) и российская (1783 тыс. кв. км) части трансграничья почти равны по площади. Их демографический и экономический потенциалы, на первый взгляд, несопоставимы: на китайской территории проживают 90 млн человек (50 человек на 1 кв. км), на российской — в 17 раз меньше (5,3 млн); совокупный ВРП трёх китайских провинций составил в 2014 г. около 760 млрд долл., а пяти российских в 2013 г. — около 47 млрд долл. (по курсу на 1 января 2014 г.). Но при этом ВРП на душу населения в этих регионах практически одинаков: 8,4 тыс. долл. на 1 человека в Китае и 8,9 тыс. долл. (по курсу тех лет) — в России. Более того, поскольку с позиции Москвы и Пекина эти районы в одинаковой степени являются отстающими, периферийными и мало влиятельными с политической и экономической точек зрения, то в стратегии рыночного транзита, которой сегодня руководствуются политические элиты двух государств, выживать и развиваться они вынуждены самостоятельно, опираясь прежде всего на свои естественные преимущества. И одним из таких преимуществ является трансграничное положение, которое обе стороны активно, но не всегда эффективно используют.

Теперь о структуре этой книги. Собранные в ней статьи и доклады сгруппированы по четырём разделам в хронологическом порядке. Первый из них позволит читателю последовательно проследить эволюцию тихоокеанской политики России за последнее десятилетие, естественно, так, как я её воспринимал и оценивал. Второй посвящён проблемам развития Тихоокеанской России. В центре его — стремление понять, почему все попытки России добиться реального развития и процветания этой территории оказались тщетными, и предложить свою модель её будущего развития. В третий раздел вошли статьи, посвящённые российско-китайским отношениям, прежде всего, в их пригранично-региональном преломлении. Заключительный раздел посвящён оценке перемен, происходящих в Тихоокеанской Азии, и международной политике уже глобального Китая.

Статьи подвергнуты незначительной правке. Прежде всего, из них изъяты некоторые однотипные сюжеты и ссылки на документы, которые часто упоминаются в тексте.

Не все ресурсы интернета, на которые делаются ссылки в статьях, сегодня доступны. Поэтому из примечаний убраны указания на даты обращения к ним, которые обычно требуется указывать в научных журналах. Поскольку достоверность этих ссылок подтверждена в аутентичных публикациях, то здесь они являются излишними.

Я надеюсь, что предлагаемая в сборнике подборка статей будет для читающих эти строки не только интересной, но и полезной, и буду очень рад, если она подвигнет читателей на размышления, дискуссии, желание самостоятельно окунуться в те проблемы и сюжеты, с которыми связано настоящее и будущее России на Тихом океане.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / под ред. П.Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 4.
- ² В Сибирском федеральном округе на эти три страны пришлось 34,1% объёма внешней торговли, в России в целом — 17,2% (Внешнеторговый оборот по странам по Сибирскому федеральному округу за 2013 год. URL: <http://stu.customs.ru>).
- ³ Концепция социально-экономического развития Иркутской области на период до 2020 года. URL: <http://irkobl.ru/economy/strategy>; Программа социально-экономического развития республики Бурятия на период до 2020 года. URL: http://www.economy.burnet.ru/makroprognozirovanie/documents_sip.php; Программа развития Приморского края до 2017 г. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php>; Стратегия развития Хабаровского края до 2025 г. URL: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/postan_13012009.htm.
- ⁴ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 11—12.
- ⁵ См.: Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 17, 67.
- ⁶ См.: Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 167 с.; Тихоокеанская Россия... С. 262—272.

РАЗДЕЛ 1. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

РОССИЯ В ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ: МЕЖДУ МЕЧТАМИ И РЕАЛИЯМИ*

●

Является ли Россия азиатско-тихоокеанской державой? При желании все три составляющих этого словосочетания нетрудно оспорить, аргументировано доказав и увядание российской державности, и отсутствие у неё азиатской идентичности, и её мизерное присутствие на Тихом океане. Градус неверия достаточно высок: в ходе наших социологических опросов не более половины дальневосточников отвечают на этот вопрос положительно. Закономерен и их скептицизм по поводу бравых заявлений Кремля о судьбоносном «повороте России на Восток», как и о «развитии дальневосточных территорий». Мол, слышали, видели, знаем, но, простите, не верим, голосуем, конечно, «за», но преимущественно... ногами.

Не верят в искренность Москвы и большинство зарубежных экспертов. В недавнем комментарии по поводу «поворота Путина на Восток», опубликованном в августовском номере журнала «Foreign Affairs», известные эксперты по России и Азии Бобо Ло и Фиона Хилл в один голос утверждают, что «российский поворот — это больше разговоры, чем политика»¹. Так что устоявшееся в среде политиков и учёных США, Китая, Японии, Кореи, Сингапура и других стран АТР представление о том, что Россия лишь номинально — благодаря только географии — является азиатско-тихоокеанским государством, поколебать трудно.

Весьма сдержанно, если не сказать — негативно, реагируют на призывы Путина повернуть страну лицом к востоку российские политическая, деловая и интеллектуальная элиты. «Европы» им ближе, понятнее, милее...

* Доклад на Валдайском форуме, 18 сентября 2013 г.

С другой стороны, в Тихоокеанской Азии на Россию также смотрят без особых симпатий. Наследие царской России и СССР свежо в памяти поколений. Не забыты потерянные территории, пограничные конфликты, идеологическая экспансия и военное противостояние. Что бы по этому поводу ни говорили продвинутые учёные и политкорректные дипломаты, по большому счёту — нас здесь не ждут.

И тем не менее вопрос — нужна ли Тихоокеанская Азия России и нужна ли Россия Азии? — вне зависимости от чьих-то идей и взглядов остаётся открытым.

Что бы ни утверждали самые большие скептики, Россия остаётся великой державой, по крайней мере пока есть у неё запасы нефти и газа, потенциал сдерживания, место постоянного члена в Совете безопасности ООН и ещё немалый интеллектуальный ресурс. То, что она, благодаря неуёмным реформаторам во власти, разбрасывает по миру свой умственный и человеческий капитал, с каждым днём теряет позиции мирового интеллектуального лидера, скажется несколько позднее.

Тем не менее, вопреки всем поклонникам Европы, Россия была и остаётся азиатско-тихоокеанской державой. И не только географически. Не надо себя недооценивать. Россия — тихоокеанская держава с исторической, политической, культурной и экономической точек зрения. Надо гордиться тем, что уже сделали, и верить в то, что ещё способны совершить.

Последние четыре столетия истории российского государства — это не только история Москвы, Санкт-Петербурга и Казани (чему учат россиян большинство учебников истории), но и продвижения — без преувеличения героического по своей сути — русских на восток, к берегам Тихого океана. Достаточно вспомнить, что первое русское поселение на побережье Охотского моря — Удский острог — возник в 1639 г.; первый русско-китайский договор — Нерчинский — был подписан в 1689 г. (а первые договоры Китая с западными державами — только в 1842 г.); в 1697 г. к России была присоединена Камчатка; в 1732 г. русские первопроходцы открыли и начали осваивать Аляску и т.д. Для меня очевидно, что роль этих процессов в истории России, которая традиционно пишется с большим перекосом в сторону Европы, сильно недооценена.

Столь же очевидно, что российское присутствие на Тихом океане оказало немаловажное влияние на историю Китая, Японии, Кореи, США, некоторых стран Юго-Восточной Азии. Вспомним хотя бы

визит Тихоокеанской эскадры в Сан-Франциско в 1863 г., ставший мощной демонстрацией поддержки борьбе США за независимость; вклад России в освоение Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. и победу КПК в гражданской войне в Китае в 40-е гг. XX в.; роль СССР в событиях на Корейском полуострове в 50-е гг. и во Вьетнаме в 60—70-е гг. прошлого столетия.

Сегодня модно говорить о российской идентичности. Вот и последний Валдайский форум был посвящён именно этой проблеме. К сожалению, на этом мероприятии ничего не было сказано о дальневосточной и сибирской идентичности, которая сформировалась не без влияния азиатских культур и цивилизаций — не только Китая, Японии и Кореи, но и малых народов Сибири и Дальнего Востока. Возможно, не сказано потому, что фантом «сибирского и дальневосточного сепаратизма» прочно засел в умах московской политической элиты, способной смотреть только в одном направлении — на запад. Не случайным был, наверное, в валдайском выступлении президента пассаж об этом самом «сибирском сепаратизме».

И с геополитической точки зрения в Тихоокеанской Азии, по которой сегодня гуляют волны национализма, где наращивается вооружение, обостряются территориальные споры и где уже, по мнению некоторых экспертов, реально зарождается вторая холодная война, без России, даже с её крайне ослабленным военно-морским потенциалом, тоже никак. Где по инерции, а где — в силу сложившихся реалий. По крайней мере, потенциальный военный союз между Россией и КНР является кошмарным сном как для американских политиков, так и для их японских и южнокорейских союзников.

Как бы мы ни сетовали на слабое экономическое присутствие России в этом регионе мира, оно есть и в последние годы заметно увеличилось. Спасибо, конечно, нефти и газу. Но разве то, что Дальний Восток в жуткие 90-е гг. выжил не по причине отеческой заботы российского центра, а лишь благодаря энергии самих дальневосточников и географической близости к Китаю, Японии, Южной Корее и сегодня благосостояние его жителей и развитие региона как такового в незначительной степени зависит от взаимодействия с соседями — это ли не аргумент в пользу нашего экономического присутствия и участия? Это ли не пример той самой экономической интеграции с Азией, о которой высоким стилем говорят, но которую не способны разглядеть или предпочитают не замечать в кабинетах Кремля, Госдумы, правительства?

Конечно, российского присутствия в Тихоокеанской Азии мало. Хотелось бы много больше и эффективнее. Для нашего собственного блага, ибо мы рассчитываем прежде всего на самих себя. Опрос общественного мнения, проведённый сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН на юге Дальнего Востока летом 2013 г., подтвердил уже известный факт: жители региона считают, что главными партнёрами для развития отношений их края должны быть сибирские и дальневосточные территории (70% опрошенных), Китай (68%), Япония (52%) и Южная Корея (49%). За связи с европейскими районами России — 44%, а с Западной Европой — только 6%. Таковы реалии.

Сегодня многим кажется, что возможности для продвижения имеются. Президент объявил о стратегической значимости Тихоокеанской Азии для будущего самого российского государства, сделав акцент на экономической компоненте российского присутствия в АТР. Локомотивом движения России на восток могли бы стать политическая воля высшего руководства страны, с одной стороны, и насущные потребности власти, бизнеса и населения самой Тихоокеанской России — с другой. Но есть ли реальные подвижки и тем более — поворот?

Печально, но нет. Есть процесс, который продолжается уже более трёх столетий, и конца ему пока не видно. Похоже, что нынешний энтузиазм Кремля также выдыхается... Наскоком решить проблему не получилось. Безусловно, символов российского присутствия в АТР стало немного больше — АТЭС, ДВФУ, ВСТО, но что до комплексного развития Дальнего Востока, так оно привычнее сочинять грандиозные планы (которые со времен Л.И. Брежнева с завидным постоянством не выполняются) и перекладывать ответственность на плечи будущих поколений, чем поднимать никому в Москве не нужную периферию России. И в наборе тех обязательств, которые уже взяла на себя российская власть на грядущее десятилетие, продвижение в Азию и развитие Дальнего Востока отнюдь не является главным приоритетом. В конце концов, проживает на этой территории менее 5% населения России.

Главным препятствием к реальному осуществлению Россией «поворота на Восток» является отсутствие внятной идеологии этой политики и её массовой поддержки в стране. Обращению к Азии серьёзно препятствуют устойчивая проевропейская ориентация российских политических, деловых и академических элит, отсутствие

в них консенсуса о путях развития России в целом и Сибири и Дальнего Востока в частности. Не менее сложным барьером для продвижения России в АТР и развития Дальнего Востока как платформы для этой интеграции является отсутствие в российском обществе реального интереса к Азиатско-Тихоокеанскому региону, его адекватного восприятия и понимания.

Одного желания стать полноправным членом сообщества азиатских государств мало. При всех своих амбициях и намерениях Россия является не более чем пассивным участником происходящих в регионе процессов, имеет минимальные возможности влиять на формирование его политического ландшафта и экономическое развитие. Низкий спрос на российское присутствие в регионе не компенсируется, вопреки надеждам Кремля, спросом на богатые ресурсы Сибири и Тихоокеанской России. В условиях высокой конкуренции между продавцами на азиатских рынках энергоресурсов это присутствие имеет альтернативы и кардинально не влияет на обеспечение энергетической безопасности государств.

Ещё один серьёзный и, вероятно, на сегодняшний день непреодолимый барьер — «цена вопроса». Причём по любому направлению, будь то экономическое развитие Тихоокеанской России (или хотя бы её малой части), восстановление её военно-морского потенциала или наращивания «мягкой силы». Впрочем, о последней скоро вообще можно будет забыть: исчезновение Восточного института и корейского колледжа в процессе трансформации Дальневосточного государственного университета в федеральный наглядно отражает глубину понимания Азии, её специфики и значимости людьми, призванными отвечать (но не отвечающими) за формирование интеллектуального потенциала России. А незнание и непонимание Востока порождают страх, подозрительность, политику охранительства и самоизоляции от самого динамичного района мира.

И тем не менее России жизненно нужна Тихоокеанская Азия. Необходима значительно больше, чем запутавшаяся в своих внутренних проблемах старушка Европа. Нужна не только как источник модернизации и экономического развития. Не только как один из последних ресурсов для сохранения статуса Великой державы, коей без своих восточных районов Россия перестанет быть довольно скоро. Неучастие в формировании нового экономического и политического пространства в АТР чревато для России возможностью остаться

на обочине мировой экономики и играть второстепенную роль в политике, что опасно для российского государства, особенно в условиях растущей военно-политической нестабильности в регионе. Но не только поэтому. Азия необходима и для затянувшейся самоидентификации россиян, которая основывается на элементарном противопоставлении «Не я!».

Нужна ли Азии Россия? Обычно, обсуждая эту проблему, вспоминают только ресурсы Сибири, которые, по мнению некоторых космополитов, в том числе и российских, «должны принадлежать всему человечеству». В контексте назревающей технологической революции, которая неизбежно затронет и энергетическую сферу, ограничиться этим аспектом — значит априори вычеркнуть Россию из Азии. Но я бы подумал о России как о силе, способной в бурном XXI в. уравнивать и примирять интересы соперничающих — иногда веками — держав в регионе, выступать в роли балансира, модератора и миротворца. Не всем эта роль будет по нраву, и исполнить её России будет достаточно трудно, тем более если взоры твои и симпатии обращены в противоположную сторону. Для этого России нужны новые взгляды на Азию, новые подходы, идеи и решения. И конечно, новые люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Hill F., Lo B. Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East? // Foreign Affairs. 2013. July 31. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139617/fiona-hill-and-bobo-lo/putins-pivot?page=show>.

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ*

По известным причинам возвращение на пост президента страны В.В. Путина не привело, да и не могло привести к принципиальному изменению характера и содержания внешней политики России. Во время своего пребывания в должности главы правительства он постоянно держал руку на пульсе внешней политики, не прерывал связей с зарубежными коллегами и готовился к возвращению в клуб мировых лидеров.

Не удивительно, что одним из первых актов вновь избранного президента стал указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подписанный им в день вступления в должность — 7 мая 2012 г. Указ предписывал Министерству иностранных дел РФ в том числе разработать до декабря 2012 г. новую редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ПОЛИТИКИ

15 февраля 2013 г., представляя новую Концепцию членам Совета безопасности РФ, В.В. Путин сделал акцент на неизменности основных принципов внешней политики России, положенных в основу этого документа: «прежде всего открытость, предсказуемость, прагматизм, нацеленность на достижение и отстаивание национальных интересов, безусловно, без всякой конфронтации»¹. Эти принципы в полной мере соответствуют базовым элементам внешнеполитической доктрины В.В. Путина, сформировавшейся ещё в начале первого срока его пребывания на посту президента: мир должен быть многополярным; Россия — великая держава; приоритет национальных задач как основа внешней политики; принципы внешней политики — независимость, самостоятельность, прагматизм, экономическая эффективность; цель политики — интеграция РФ в мировую экономику.

Концепция внешней политики 2013 г.², как и её предшественница 2008 г.³, декларируют «многовекторный характер» внешнеполитического курса страны. При этом одна из главных дилемм, кото-

* Опубликовано в бюллетене: У карты Тихого океана. 2013. № 31. С. 40—51.

рую вынуждена решать и пока никак не может решить российская власть, — это найти место России между Европой и Азией. Концепции внешней политики РФ 2000 и 2008 гг. позиционировали Россию как «крупнейшую евразийскую державу». В новой редакции такое определение отсутствует, зато появились положения о важности «формирования Евразийского экономического союза» как «связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом».

Раздел Концепции-2013, посвящённый АТР, начинается с посылки о «возрастающем значении», которое «приобретает **укрепление позиции России** (здесь и далее выделено мной. — В.Л.) в Азиатско-Тихоокеанском регионе», и объясняется это значение «принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству». Однако в перечне региональных приоритетов государства «самому динамично развивающемуся геополитическому пространству» отводится лишь пятое место, не только следом за СНГ, Европой, США, что традиционно повторяется с первой Концепции внешней политики РФ 1993 г., но теперь уже и после Арктики и Антарктики. Любопытно при этом, что в Указе президента «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ» от 7 мая 2012 г. в списке региональных приоритетов АТР находился на третьем месте (вслед за СНГ и Европейским Союзом). Вопрос о том, кто автор корректировки приоритетов, остаётся открытым.

В феврале 2011 г. в статье, опубликованной в газете «Московские новости» ещё в статусе главы правительства РФ, В.В. Путин, как бы включаясь в затянувшуюся дискуссию о месте страны в мире, выразил свою точку зрения: «Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации». Там же будущий президент определил магистральный курс российского государства: «к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства — общности, называемой российскими экспертами „Союзом Европы“, который только укрепит возможности и позиции России в её экономическом повороте к „новой Азии“, предложив «поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока»⁴. Вот и в Концепции-2013 РФ объявляется «неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации», а её основной задачей в отношениях с Европейским Союзом провозглашено «продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана».

Место и роль России в этом пространстве, исходя из Концепции-2013, достаточно скромны: «ключевое транзитное направление по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом». При этом из нового документа исчезла достаточно фантастическая задача предыдущего, нацеливавшего на создание «системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона — от Ванкувера до Владивостока».

Таким образом, энтузиазм по поводу ускоренного движения в Азию и быстрой интеграции РФ в Азиатско-Тихоокеанский регион следует поумерить. Европоцентризм в отечественной политике по-прежнему доминирует. Несмотря на длительные и активные разговоры о необходимости интеграции России в экономику АТР, Концепция-2013 высказывается на этот счёт весьма осторожно и декларирует лишь «заинтересованность» страны «в активном участии в интеграционных процессах» в регионе и не более того. Такую формулировку следует признать отражением реальности. На большее сегодня РФ претендовать просто не в состоянии.

В то же время заметное внимание, существенно большее, чем в Концепции-2008, уделено проблемам обеспечения безопасности в АТР. Вероятно, сыграла свою роль жёсткая критика в адрес разработчиков Стратегии национальной безопасности РФ 2009 г., в которой Азиатско-Тихоокеанскому региону места вообще не нашлось.

Общий подход к обеспечению безопасности в обеих концепциях мало отличается. И там, и тут говорится о необходимости оздоровления военно-политической обстановки в Азии, «где сохраняется значительный конфликтный потенциал, наращиваются военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения». Но если в первой из них действия России сводились лишь к «деятельному участию» «в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова», в поддержании «конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея» и абстрактном «укреплении безопасности в Северо-Восточной Азии», то Концепция-2013 уже декларирует активность России в различных региональных объединениях (прежде всего, на площадке Восточноазиатского саммита), приложении усилий «по формированию в Северо-Восточной Азии эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой

архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и, в конечном счёте, — создание в АТР «транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах».

С незначительными вариациями идея такой «транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества» появилась в ряде двусторонних соглашений России с её стратегическими партнёрами в Азии. В течение последнего года она зафиксирована в совместных заявлениях, опубликованных по итогам переговоров В.В. Путина с президентом СРВ Чыонг Тан Шангом⁵, премьер-министром Республики Индия М. Сингхом⁶ и председателем КНР Си Цзиньпином⁷. Напомню, что сама концепция была озвучена в сентябре 2010 г. на встрече Д.А. Медведева и Ху Цзиньтао, которые и высказались за создание в АТР «открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учёте законных интересов всех сторон»⁸.

Пока не ясно, как в создание такой архитектуры безопасности вписываются проходившие в Японском море с 8 по 10 июля 2013 г. крупномасштабные российско-китайские учения «Морское взаимодействие», которые ещё более «подогрели существующие в США опасения об антиамериканской оси между двумя авторитарными великими державами»⁹, и широкомасштабные учения Восточного военного округа у российско-китайской границы и на Сахалине в середине этого месяца, да ещё и с участием президента РФ. Известный своими алармистскими и антикитайскими заявлениями А.А. Храмчихин со всей откровенностью заявил, что «наземная часть учений направлена против Китая, а морская и островная — против Японии»¹⁰. Не удивительно, что это откровение растиражировали многие СМИ на Западе и Востоке.

Ещё один важный тезис связан с ситуацией на Корейском полуострове. В упомянутой выше статье в «Московских новостях» В.В. Путин писал о неприемлемости для России ядерного статуса КНДР. Концепция-2013 подтвердила приверженность РФ безъядерному статусу Корейского полуострова и её готовность «всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата». Россия остаётся приверженцем мирного решения корейской проблемы и главным его инструментом видит шестисторонние переговоры.

ВЕКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

КНР

На азиатском направлении внешней политики КНР для РФ является главным приоритетом, тем более что, по убеждению российского президента, «российско-китайские отношения находятся на подъёме и переживают лучший период за свою многовековую историю»¹¹. Не удивительно, что по уже устоявшейся традиции первый официальный зарубежный визит в качестве президента В.В. Путин совершил в КНР¹² менее чем через месяц после вступления в должность, в начале июня 2012 г. Результатом поездки стали Совместное заявление «О дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия» и полтора десятка соглашений, протоколов и меморандумов.

Переговоры показали, что основой отношений стратегического партнёрства Москвы и Пекина по-прежнему остаются схожие подходы к общим принципам современного и будущего мироустройства и многим проблемам глобальной политики. «Наши позиции близки, созвучны, и главное, что мы вышли на высокий уровень координации», — так президент России охарактеризовал результаты переговоров в июне 2012 г.¹³

В Концепции-2013 отношения с Китаем обозначены соответственно формуле, выраженной в Совместном заявлении от 5 июня 2012 г.: как «всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие». В Концепции-2008 присутствовало более скромное «стратегическое партнёрство». Видимо, таким образом было решено прикрыть тему «недостаточного уровня политического доверия», мелькавшую во многих документах и речах политиков КНР последнего десятилетия, и обозначить содержание и направление китайской политики РФ.

Из Концепции-2013 исчезла присутствовавшая в прежнем документе задача «приведения объёма и качества» российско-китайского экономического взаимодействия «в соответствие с высоким уровнем политических отношений». Нет её и в текстах последних коммюнике и совместных заявлений. Видимо, предполагая безуспешность

попыток изменить характер экономических отношений между двумя странами, в Кремле уже избегают ставить такую задачу, ограничиваясь общими фразами о необходимости делать «всё возможное для дальнейшего развития торгово-экономического взаимодействия, гуманитарных и других связей»¹⁴. В результате в итоговом документе последнего российско-китайского саммита, состоявшегося в Москве в марте 2013 г., появилась, видимо, устраивающая обе стороны «стратегическая», но при этом абстрактная задача в области двусторонних связей: «конвертация достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах»¹⁵.

Результатом такого «практического сотрудничества» стала многомиллиардная нефтяная сделка Москвы и Пекина, которая, похоже, удовлетворила обе стороны. 21 июня 2013 г. в присутствии В.В. Путина и первого вице-премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли председатель правления НК «Роснефть» И.И. Сечин и президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) Чжоу Цзипин подписали долгосрочные соглашения по экспорту нефти в КНР. Контракт предусматривает поставку в Китай в течение 25 лет около 360 млн т нефти, его объём составляет 270 млрд долл. В результате в ближайшие 5 лет КНР превратится в крупнейшего покупателя российской нефти в мире.

Обратная сторона этой сделки заключается в том, что на фоне стремления РФ сокращать вывоз сырой нефти и наращивать экспорт нефтепродуктов, нефтяной контракт с КНР закрепляет за Россией статус простого поставщика сырья. На заседании круглого стола «Саммит энергетических компаний: изменения на мировых нефтяных рынках», состоявшемся в рамках Петербургского международного экономического форума на следующий день после заключения этой мегасделки с Китаем, В.В. Путин провозгласил начало «новой эры» международного сотрудничества России в энергетике. Суть «новой эры» заключается в том, что «во взаимодействии со стратегическими партнёрами мы переходим от чисто сырьевых поставок к полномасштабному сотрудничеству в производственно-технологической сфере»¹⁶. Хотя «Роснефть» и будет, вроде бы, участвовать в строительстве Тяньцзиньского НПЗ, но к Китаю это, похоже, не относится.

В традиционном ключе, преимущественно через призму разработки сырьевых ресурсов в России и их экспорта в КНР, рассматривается

взаимодействие с Китаем в Программе развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., утверждённой правительством РФ в марте 2013 г.

Похоже, что использование потенциала АТР как источника модернизации российской экономики, о чём также немало говорится в последнее время в Кремле, к КНР не относится. Достаточно того, что «отношения между Россией и Китаем достигли беспрецедентно высокого уровня, стали примером гармоничного сосуществования великих держав»¹⁷. За счёт растущего экспорта российской нефти будет в определённой степени выполнена задача «доведения объёмов двусторонней торговли к 2015 году до уровня 100 млрд долларов США и к 2020 году — 200 млрд долларов США», и РФ вместе с КНР могут сосредоточиться на работе «по совместному укреплению мира, обеспечению стабильности, развития и процветания, построению более справедливого, демократического и гармоничного миропорядка»¹⁸.

ЯПОНИЯ

Концепция-2013 закрепляет курс на «динамичное развитие добрососедских многоплановых отношений» РФ с Японией. Отличие от «отношений добрососедства и созидательного партнёрства» Концепции-2008 — чисто стилистическое. Добавился тезис о необходимости взаимодействовать на международной арене. Ну и, конечно, подтверждается «продолжение диалога о путях взаимоприемлемого решения неурегулированных вопросов».

На переговорах с японской стороной российские политики продолжают делать акцент на развитии экономических связей, всячески подчёркивая их перспективы для обоих государств. Примером может служить заявление В.В. Путина на встрече со спецпредставителем японского правительства, бывшим премьер-министром Японии Ёсиро Мори 21 февраля 2013 г.: «В целом у нас очень успешно развиваются отношения в экономике — это и автомобилестроение, и фармацевтика, и энергетика, и лесопереработка. Япония получает уже, по-моему, 10 процентов сжиженного газа, который производится на территории России. Можно подумать о развитии сотрудничества в области сельского хозяйства»¹⁹.

Внешние условия, в которых сегодня оказалась Япония, фактически вынудили её согласиться с предложениями российской стороны

о переносе акцента с обсуждения проблемы Курильских островов на вопросы экономического взаимодействия и подписания мирного договора. Токио, где серьёзно обеспокоены ростом мощи и влияния КНР в мире и регионе, усилением её позиций в Тихоокеанской России, а также надеются на готовность В.В. Путина пойти на компромисс в решении проблемы «Северных территорий», вынужден смягчить свою позицию в территориальном споре. В результате на переговорах между В.В. Путиным и Синдзо Абэ в конце апреля 2013 г. в Москве стороны согласились возобновить переговоры по заключению мирного договора, фактически прервавшиеся ещё в 2001 г.

США

Отношения с США рассматриваются в РФ исключительно в контексте глобальной или евро-атлантической политики. В тихоокеанской повестке дня в отношениях между Москвой и Вашингтоном фигурирует лишь проблема Северной Кореи. Эта тема единственная из тихоокеанской повестки вошла в совместное заявление по результатам встречи В.В. Путина и Б. Обамы на Саммите G-8 в Мексике в июне 2012 г.²⁰ Обсуждалась она и на очередной встрече в аналогичном формате в июне 2013 г. в Ирландии. Очевидно, что подходы сторон к проблеме КНДР не во всём совпадают, но «точки соприкосновения» находятся и готовность «усилить взаимодействие по всем этим направлениям» РФ и США проявили²¹.

СТРАНЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Первая путинская Концепция внешней политики России 2000 г. сообщала о том, что усилия РФ «будут сосредоточиваться на... поддержании сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами»²². Документ делал упор на «поддержании конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея, на поощрении диалога между Пхеньяном и Сеулом». Концепция-2013 более пространна. Она сообщает, что Россия нацелена на поддержание «дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея». При имеющихся нюансах в оценке характера отношений с корейскими государствами во всех концепциях они

рассматриваются прежде всего через призму межкорейского политического урегулирования и поддержания региональной безопасности. В то же время констатация «дружественных отношений» с Пхеньяном даёт понять, что Кремль заинтересован в сохранении КНДР как независимого государства. Южная Корея, с которой у РФ нет каких-то политических противоречий (если не считать таковыми её союзнические отношения с США), рассматривается в Москве как потенциальный инвестор и потребитель российского сырья.

Контактов на высшем уровне с политическим руководством двух Корей за последний год не отмечено, за исключением направленного В.В. Путиным поздравления Пак Кын Хе по случаю её избрания на пост президента Республики Корея.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Две последние концепции внешней политики РФ в равной степени декларируют развитие дружественных отношений с Индией, «упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепление взаимовыгодных двусторонних связей во всех областях, прежде всего в торгово-экономической сфере», а также «эффективного внешнеполитического и экономического сотрудничества в формате Россия — Индия — Китай». Специфика Концепции-2013 в том, что она вводит понятие «привилегированного стратегического партнёрства с Индией», зафиксированное в Совместной российско-индийской декларации от 24 декабря 2012 г.²³

Суть этой «привилегированности» не расширявается, но она, видимо, заключается в тесном сотрудничестве России и Индии в военно-технической области: совместной работе по созданию истребителя пятого поколения, многоцелевого транспортного самолёта, сверхзвуковой ракеты «БраМос» и др., а также в том, что в структуре двусторонних экспортно-импортных обменов преобладают, по утверждению российского президента, высокотехнологичные товары — примерно 50% с обеих сторон²⁴. Для РФ такая структура внешнеэкономических связей явно нетипична и, естественно, «греет душу».

В Юго-Восточной Азии главным партнёром России остается Вьетнам. Визит президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга в РФ в июле 2012 г. завершился принятием Совместного заявления об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства, которое

предусматривает расширение двустороннего взаимодействия в различных областях, в том числе и на международной арене.

Помимо Вьетнама, с которым Россия, намерена «углублять стратегическое партнёрство», другие страны в Концепции-2013 не представлены. В Концепции-2008 упоминались Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и Сингапур. В новом документе предполагается «интенсификация отношений с Австралией и Новой Зеландией, поддержание регулярных контактов и налаживание связей с островными государствами южной части Тихого океана».

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

Уже не раз упомянутый выше указ от 7 мая 2012 г. обосновывает необходимость участия России в региональных интеграционных процессах с целью «содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока»²⁵. Более развёрнуто эта мысль выражена в выступлении президента России на президиуме Госсовета в ноябре 2012 г., посвящённом ситуации на Дальнем Востоке. «Мы должны, — заявил В.В. Путин, — в полной мере использовать соседство с такими крупными, развивающимися регионами мира и с крупными странами, которыми являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, использовать как для подъёма самих дальневосточных территорий, так и для России в целом...»²⁶.

На последнем, пожалуй, стоит сделать главный акцент. Ключевой задачей и одновременно головной болью российской власти остаётся поиск средств и путей ускоренного развития Тихоокеанской России. Но это развитие — не самоцель. Оно рассматривается сегодня в Москве как неотъемлемое условие решения более масштабной генеральной задачи: **обеспечить будущее российского государства**. Как заявил на том же заседании президиума Госсовета президент РФ, «наша страна сможет успешно двигаться вперёд только при условии качественного и динамичного развития этих территорий... Мы должны обеспечить ускоренное, устойчивое развитие этих территорий, с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали **важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом**»²⁷.

Эта же мысль подчёркнута в декабрьском (2012 г.) послании президента Федеральному Собранию РФ: необходимо использовать

«колоссальный потенциал Сибири и Дальнего Востока» для того, чтобы «занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»²⁸.

Однако в Концепции-2013 посыл в отношении восточных районов страны несколько отличается от установок президента. В документе, как и в Концепции-2008, сообщается только о том, что Россия заинтересована в использовании возможностей Азиатско-Тихоокеанского региона «при реализации программ экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока». Обратим внимание, что в обоих случаях речь идёт не о «развитии Сибири и Дальнего Востока» как таковом, а лишь о «реализации программ» их «экономического подъёма». А программы будут те, которые выполняют общегосударственные задачи. Это тот самый бес, который в деталях...

Однако и с реализацией этих программ дело обстоит не лучшим образом. Даже запланированные на них средства Москва не выделяет: программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья на 2008—2013 гг. профинансирована менее чем на 30%. Новая программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г. формально утверждена правительством, но при этом не согласована Министерством финансов. Складывается ощущение, что главным для этого правительства было отрапортовать президенту о своевременном выполнении поставленной задачи — составлении программы. О её качестве и исполнимости речь вообще, похоже, не идёт.

А ЕСТЬ ЛИ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК»?

Скептицизм по поводу «нового восточного поворота» Кремля в мире и самой России достаточно велик. Не меньший — в странах АТР и Северо-Восточной Азии, в том числе в Китае — главном стратегическом партнёре. Обращение к историческим прецедентам показывает, что в прошлом эта политика быстро выдыхалась, раз за разом наталкиваясь на непреодолимые для Москвы препятствия: расстояния, климат, европейский менталитет, иную культурно-цивилизационную среду и, в конечном результате, крайне высокую и неподъёмную для России стоимость приобщения к клубу тихоокеанских держав²⁹.

Тем не менее проведение Саммита АТЭС во Владивостоке вопреки всем пессимистическим пророчествам показало, что с Россией

не всё так безнадежно. Но только при условии, что есть политическая воля первого лица и его готовность эту волю претворять в жизнь. В остальных случаях инерция мышления и непрофессионализм исполнителей губят все инициативы практически на корню. Лишь 20% эффективности выполнения поручений Госсовета правительством и чиновниками на местах, отмеченные президентом России во время совещания на Сахалине³⁰, — яркое свидетельство качества их работы.

В результате ощущения судьбоносности «поворота» России на Восток нет, как нет и осознания подлинной значимости этого региона для страны. Есть много общих слов, за которыми прячется не более чем обыкновение бюрократии маршировать в русле указаний президента и при этом старательно избегать и принципиальных решений, и конкретных дел.

Очевидна ставка Кремля на экономическое проникновение в регион. Именно на этой стороне отношений делает акцент В.В. Путин на переговорах с азиатскими партнёрами России. Однако единственным локомотивом, способным втащить РФ в экономическое пространство АТР, сегодня остаётся Китай. Интерес Японии сдерживается не только осторожностью её бизнеса, сохранением территориального спора, но и опасением дальнейшего российско-китайского сближения. Даже планируемого роста товарообмена со стратегическими партнёрами — Индией (до 20 млрд долл.) или Вьетнамом (до 5 млрд долл.) — к 2015 г. будет недостаточно, чтобы серьёзно повлиять на укрепление РФ в регионе³¹. При этом двойственное и противоречивое отношение российской властной и политической элиты к КНР сохраняется.

Вторая «линия российского проникновения» — создание «новой архитектуры безопасности» — сталкивается с настороженным, если не негативным отношением со стороны США и их союзников в Азии, прежде всего Японии и Южной Кореи, усматривающих в этом проекте намерение РФ и КНР перекроить мир по собственному разумению и в собственных интересах.

Слишком многое — история, культура, экономика, традиции — связывает Россию с Западом, чтобы она могла в одночасье повернуться лицом к Востоку. Реальный поворот будет возможен лишь тогда, когда азиатские владения страны станут не менее привлекательными для жизни россиян, чем их европейская прародина. Но сам Восток помогать в этом РФ не намерен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Совещание с членами Совета Безопасности. 15 февраля 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17520>.
- ² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>.
- ³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.
- ⁴ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // «Московские новости». 2011. 27 февр. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18252/>.
- ⁵ Совместное заявление об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. 27 июля 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1279.
- ⁶ В заявлении говорится, что «Россия и Индия считают важным добиваться создания... транспарентной, открытой, всеобъемлющей и сбалансированной архитектуры неделимой безопасности и равноправного сотрудничества». См.: Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию Президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнёрство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства». 24 декабря 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369.
- ⁷ «Россия и Китай считают приоритетной задачей формирование в АТР открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной архитектуры безопасности и сотрудничества», — говорится в этом документе. См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.
- ⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия. 27 сентября 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.
- ⁹ Mankoff J. The Wary Chinese-Russian Partnership // The New York Times. 2013. July, 12.
- ¹⁰ BBC News Service. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-23327158>.
- ¹¹ Путин В.В. Интервью информационному агентству ИТАР-ТАСС. 22 марта 2013 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/17723>.
- ¹² Первые официальные зарубежные визиты в качестве избранных президентов РФ В.В. Путин (июль 2000 г. и октябрь 2004 г.) и Д.А. Медведев (май 2008 г.) также совершали в Китай. Аналогичный жест сделал Си Цзиньпин, который приехал в Москву 22 марта 2013 г., уже через неделю после избрания его председателем КНР.
- ¹³ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. Пекин. 5 июня 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15552>.
- ¹⁴ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 22 марта 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17728>.

- ¹⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.
- ¹⁶ Встреча с руководителями энергетических компаний. Санкт-Петербург. 21 июня 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18382>.
- ¹⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Встреча с Ёсиро Мори. 21 февраля 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17560>.
- ²⁰ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединённых Штатов Америки Б. Обамы. Лос-Кабос. 18 июня 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1244.
- ²¹ Встреча с Президентом США Бараком Обамой. Лох-Эрн. 17 июня 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18355>.
- ²² Концепция внешней политики Российской Федерации 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в четырех томах. Т. IV. Документы. М.: РОСПЭН, 2002. С. 120.
- ²³ Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию Президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнёрство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства». 24 декабря 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369.
- ²⁴ Заявления для прессы по итогам переговоров с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом. 24 декабря 2012 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17183>.
- ²⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610881>.
- ²⁶ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ²⁹ Подробнее см. в разделе 2 «Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России».
- ³⁰ Путин В.В. Выступление на совещании о комплексном социально-экономическом развитии Сахалинской области. 16 июля 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18824>.
- ³¹ Согласно таможенной статистике РФ, в 2012 г. объём торговли России с Индией составил 11, с Вьетнамом — 3,7, а с Японией — 31,2 млрд долл. Общий товарооборот России со странами АТЭС достиг 200 млрд долл. (24% товарооборота), из которых 44% пришлось на долю Китая (87,5 млрд долл.). В 2019 г. торговля РФ со странами АТЭС выросла всего лишь до 212,7 млрд долл., и на долю КНР пришлось уже 52%. Товарооборот с Вьетнамом составил 4,9, а с Индией — 11,2 млрд долл., что далеко от названных ориентиров.

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI в.: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЧАСТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Северо-Восточная Азия является пусть не самым крупным, но в то же время наиболее важным (по причине её динамичного экономического развития и большой стратегической напряжённости) подрегионом АТР. Этот факт, а также географическая причастность России к данному району мира обуславливают то обстоятельство, что стратегические подходы Москвы к АТР в значительной степени являются проекцией её отношений со странами СВА, прежде всего с Китаем, а также влияют на оценку ею обстановки в наиболее напряжённых точках этого подрегиона.

МОТИВЫ И ЦЕЛИ МОСКВЫ В СВА

Начну с определения побудительных мотивов российского руководства, которые заставляют его активизировать политику в АТР в начале XXI в. Главными стимулами для РФ двигаться на восток на сегодняшний день являются следующие:

- **Геополитические.** Прежде всего, возрастание военно-стратегической и политической значимости Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и его отдельных государств (Китай, Индия), в частности. Не менее значимым является постепенное, но стабильное ухудшение политических отношений России с Европой, а также продолжающееся военно-политическое давление на неё Запада (движение НАТО на восток, размещение системы ПРО у границ РФ и др.).
- **Экономические.** Прежде всего, это сформировавшееся в политической элите России представление о возможности осуществить модернизацию экономики и ускорить социально-экономическое развитие страны за счёт ресурсов быстро развивающейся Азии. Свою роль играют снижение экономического потенциала,

* Доклад на VI Международном форуме «Региональное развитие и сотрудничество в Северо-Восточной Азии». Харбин, 14 июня 2013 г.

возможностей и привлекательности Европы, а также востребованность природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в мире в целом и в АТР — в частности.

- **Идеологические.** Потребность в самоидентификации, укреплении чувства национальной гордости и самоуважения граждан РФ, представление политических элит об «исторической необходимости» исполнить «миссию России».
- **Военно-стратегические.** Реальные и гипотетические угрозы для территориальной целостности страны (борьба против «происков соседей» в целях отторжения восточной окраины), ослабленные ресурсы и возможности отстаивать интересы РФ в регионе.

Анализ комплекса источников, представляющих взгляды российской власти и политической элиты на содержание политики РФ в АТР и СВА (государственные доктрины, планы, программы и проекты, выступления политических лидеров), позволяет определить её следующие приоритеты, являющиеся производными от мотивов формирования российской политики на Востоке.

Главная цель российского правительства в АТР на первые десятилетия XXI в. концентрированно изложена в Концепции внешней политики РФ 2013 г.: укрепить позиции государства через участие в идущих в регионе интеграционных процессах и создание там новой архитектуры безопасности и сотрудничества¹. Формулировка цели свидетельствует о преимущественно геополитических и экономических мотивах и устремлениях Кремля. В перечне его главных интересов в зоне АТР доминируют следующие:

- воспользоваться экономическим, технологическим и финансовым потенциалом Азии в интересах внутреннего развития России;
- активизировать экономическое развитие восточных районов РФ как плацдарма и моста для продвижения в АТР;
- «сбалансировать» отношения с Западом, ослабить экономическую зависимость страны от европейского рынка энергоресурсов;
- обеспечить территориальную целостность, суверенитет России и безопасность её восточных рубежей;
- сохранить за РФ статус и влияние как «великой» и «тихоокеанской» державы.

Хотя все отмеченные выше послы декларируют интеграцию России в АТР, в реальности доступной для неё сферой такой интеграции является сегодня СВА.

Перечисленные выше побудительные мотивы, цели и интересы влияют на власть в разной степени и не сформировались в какую-либо осознанную систему взглядов или доктрину. Сила их воздействия варьируется в зависимости от многих внутренних и внешних факторов. Поэтому у Кремля до сих пор отсутствуют однозначная трактовка, чёткие иерархия и интерпретация целей и задач РФ в СВА и АТР. Хотя совершенно очевидно, что в перечне страновых приоритетов Москвы на Востоке на первом месте стоит Китайская Народная Республика. Напомню только, что в Концепции внешней политики РФ 2008 г. важнейшими приоритетами в АТР объявлены «развитие дружественных отношений с Китаем» и «наращивание российско-китайского стратегического партнёрства во всех областях... в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности»².

При этом, хотя КНР уже стала для РФ партнёром № 1 в мире в сфере внешней торговли, система и структура их экономических отношений далека от идеальной модели. Это, скорее, отзвук прошлого, чем идеал будущего. Соответственно Пекин стихийно продолжает быть для Кремля прежде всего геополитическим и стратегическим, а потом уже экономическим партнёром. Главными (стратегическими) основами близости России и Китая остаются:

- протяжённая граница (4250 км);
- логика истории (выгоднее быть друзьями, чем врагами);
- схожие социальные ценности;
- экономические интересы (диверсификация энергетических связей, инвестиции, развитие Тихоокеанской России);
- противоречия с Западом, общие подходы ко многим глобальным и региональным проблемам современности.

В настоящее время российская политическая элита только пытается построить идеологическую платформу, способную служить основой для формирования долгосрочной стратегии РФ в Тихоокеанской Азии. Однако, не имея однозначного или хотя бы частично согласованного представления о процессах, происходящих в регионе в целом и в отдельных государствах в частности, российская политическая элита пока не готова ни сформировать комплексное видение своих будущих действий в АТР, ни сформулировать чёткое представление о строительстве отношений РФ со странами региона (с Китаем, Японией, Индией и др.). Во многом по этим причинам не выполнено поручение президента России о разработке Стратегии развития сотру-

ничества РФ со странами АТР и прогноза социально-экономического развития ДВ до 2050 г., данное им три года назад, 17 марта 2010 г.

Приходится также констатировать, что нормативно-правовая база для интеграции России в АТР, создававшаяся в последние годы, во многом остаётся декларативной, схематичной и противоречивой. Официальные документы, предназначенные для законодательного закрепления долговременной стратегической линии и обозначения интересов государства в регионе (концепции, доктрины, программы)³, содержат лишь общие и размытые направления и цели политики. В столь же общем виде параметры стратегического курса страны в Тихоокеанской Азии обозначены в речах и публикациях её политического руководства (В.В. Путин, Д.А. Медведев, С.В. Лавров).

Российская политическая элита пока ещё не готова адекватно сформулировать долговременную стратегию РФ в АТР. Во многом этому препятствует как её собственная, так и всего российского общества неготовность принять и осознать значение Востока в современном мире. Она обусловлена прежде всего идеологическими и психологическими факторами:

- Нерешённостью проблемы самоидентификации России, отсутствием адекватного понимания перспективного курса развития государства, его роли и места в новой системе мировых координат.
- Противоречивым воздействием на умы власти, политических и интеллектуальных кругов различных идей и доктрин (либерализма, евразийства, славянофильства, великодержавия, европоцентризма и др.).
- Славянофильскими представлениями о мессианской роли России то ли как «буфера», то ли как «моста» между Западом и Востоком, «полпреда» Европы в Азии.
- Духовной, экономической и политической ориентацией большей части населения и экономики страны в сторону Европы.
- Чрезмерно эмоциональным, иррациональным и подозрительным отношением к Тихоокеанской Азии, обусловленным культурно-историческими (цивилизационные различия) и экономическими (слабое экономическое присутствие) факторами.

Современному руководству страны явно импонирует образ РФ как евразийского государства и «моста» между Европой и Азией. Однако поскольку идеи традиционного евразийства сформировались в России на основе её взаимодействия с Центральной, а не Восточной

Азией, то этот регион мира, как и весь АТР, представлен в них только как внешняя среда. Собственные азиатские владения в силу их обширности и ресурсной значимости выступают в глазах российской политической элиты в первую очередь как «главный индикатор влияния [РФ] в международных делах»⁴, источник природных ресурсов, и только потом — как территория освоения и развития.

РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ

Фактически основные усилия России на восточном направлении внешней и внутренней политики в начале XXI в. были направлены на решение следующих задач:

- Присутствие и участие в работе региональных организаций (АТЭС, АРФ, ВАС и др.). Важное значение для укрепления статуса и позиций РФ в АТР и СВА имело проведение Форума АТЭС 2012 г. во Владивостоке. Это было, по сути, знаковое событие, призванное продемонстрировать миру решимость страны твёрдо обосноваться в Тихоокеанском регионе, превратить столицу Приморья в крупный и влиятельный центр международного экономического и гуманитарного сотрудничества⁵.
- Проникновение на энергетические рынки СВА. Это направление дало, пожалуй, самый ощутимый результат: доля государств АТЭС во внешней торговле России выросла с 17,1% в 2007 г. до 24% в 2012 г. Энергетическая линия является сегодня наиболее реальной возможностью для включения РФ в интеграционные процессы в АТР.
- Участие в решении региональных проблем (шестисторонние переговоры по КНДР, охрана окружающей среды, борьба с невоенными угрозами безопасности, последствиями природных и технологических катастроф).
- Формирование новой архитектуры региональной безопасности (один из вариантов институционального характера — российско-китайская инициатива создания Азиатско-Тихоокеанской системы безопасности и сотрудничества на принципах «шанхайского духа», предложенная в сентябре 2010 г.).
- Создание плацдарма на территории Дальнего Востока для последующего продвижения на рынки АТР (проведение Форума АТЭС

во Владивостоке, массированные инвестиции в инфраструктуру, нефте- и газопроводы, освоение природных ресурсов, проекты Транскорейской железнодорожной магистрали и др.).

- Развитие двусторонних отношений со странами АТР (Китай — главный приоритет).
- Закрепление тихоокеанского статуса России посредством активной политики в гуманитарной сфере.

Очевидно, что далеко не всё происходит в политике Кремля так, как было декларировано или задумано. Есть достижения, есть провалы. Существует достаточно широкое поле для критики. Но даже самый большой скептик не может не заметить движение вперёд, не зафиксировать медленный, «со скрипом», но всё же реальный «поворот» России в сторону Азии.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В СТРАТЕГИИ И ПОЛИТИКЕ КРЕМЛЯ

Тихоокеанская Россия, как и в предыдущие столетия, остаётся, прежде всего, геополитическим проектом российского государства. Объективно, исходя из процессов, происходящих в мире, АТР, Восточной Азии, РФ в начале нового столетия, дальневосточные территории выполняют несколько важных государственных (в контексте интересов России) и региональных (в масштабе Восточной Азии и АТР) функций.

Первая по важности и для региона, и для самой РФ функция Тихоокеанской России — **стабилизационная**. Мощный природно-сырьевой и пространственный потенциал этих территорий уже сам по себе гарантирует Москве определённый запас прочности для решения труднейших задач экономической, политической и социальной модернизации страны, выступает как «стратегический резерв выживаемости России в XXI в.», мощнейший ресурс для её развития. Для соседей РФ по региону он способен предоставить надёжные источники энергии и свободные пространства для развития экономик.

Вторая функция — **коммуникационная, транзитная**: соединение экономик России и — частично — Европы с экономиками Восточной Азии и АТР. Для самой страны Дальний Восток — это плацдарм для экономического продвижения в АТР. Концепция внешней политики

РФ 2008 г. прямо указывает на намерение Москвы использовать потенциал и возможности региона для экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока и тем самым закрепить «принадлежность России к этому динамично развивающемуся району мира»⁶. В декабрьском (2012 г.) послании Федеральному Собранию РФ президент страны В.В. Путин ещё раз подтвердил установку Кремля на использование «колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока» как средство «занять **достойное место** в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁷.

Третья функция — **культурно-цивилизационная**. РФ является единственным европейским государством, имеющим общую границу с восточно-азиатскими культурами, обширную естественно-географическую зону прямых связей. Для культурной среды Тихоокеанской России характерны высокая степень культурной толерантности, большой интерес населения к восточным культурам и традициям.

Четвёртая функция — **обеспечение региональной безопасности**. Для большинства стран Восточной Азии и АТР Тихоокеанская Россия, наверное, впервые за многие десятилетия не выступает как источник военной и политической угрозы. За исключением Южных Курильских островов её территория не является зоной территориальных споров. Значительное сокращение российского военного присутствия на Дальнем Востоке существенно снизило экологическую нагрузку на регион. В отличие от других государств АТР, Россия не имеет территориальных претензий к соседям и заинтересована исключительно в поддержании региональной стабильности и безопасности и развитии международного сотрудничества.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Главной задачей и одновременно головной болью Кремля является поиск средств и путей ускоренного развития Тихоокеанской России, что рассматривается сегодня как неотъемлемое условие решения генеральной задачи по обеспечению будущего российского государства. Как заявил на заседании президиума Госсовета 29 ноября 2012 г. президент РФ В.В. Путин, «сегодня наша страна сможет успешно двигаться вперёд только при условии качественного и динамичного развития этих территорий... Исторической миссией наших поколений является, безусловно, то, что мы должны обеспечить ускоренное, устойчивое

развитие этих территорий, с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»⁸ Альтернативы этому пути, похоже, у РФ нет. Хотя нет и чёткого понимания, как этот путь построить. Экономическая мысль пока не идёт далее создания очередных грандиозных проектов комплексного развития Дальнего Востока типа Программы развития ДВ и Забайкалья до 2025 г., не так давно утверждённой правительством страны, но при этом не получившей ни адекватного финансового обеспечения, ни поддержки у общественности.

Возвращаясь к ранее высказанным собственным идеям, ещё раз подчеркну, что РФ крайне необходима стратегия Восточной политики и аналогичная стратегия развития своих восточных районов как неотъемлемая часть этой политики. Обе стратегии должны быть выстроены в жёсткой последовательности: «интересы — цели — задачи — угрозы — решения, стратегия с ясными целями, прагматичными задачами и достижимыми результатами... Стратегия должна чётко выстроить вертикаль „восточноазиатских ценностей“ для России в целом и для её восточных районов в частности»⁹.

Успех или неуспех в реализации одной из российской сверхидей начала XXI в. — интеграции страны в Азиатско-Тихоокеанский регион — во многом зависит от того, сможет ли Москва (в иных интерпретациях — Кремль, Центр) превратить тихоокеанскую часть России (Дальний Восток) в привлекательную для бизнеса и людей территорию. Первые шаги на этом пути, предпринятые Кремлём в последние годы, показали сложность и масштабность этой задачи. Тем не менее энтузиазм Москвы не пропал, и последующее десятилетие даст нам ещё немало оснований и поводов порассуждать о продвижении РФ на восток, трансформации облика её Тихоокеанской части и последствиях всего этого для СВА и АТР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.

- ³ Концепция внешней политики РФ 2008 г.; Концепция внешней политики РФ 2013 г.; Стратегия обеспечения национальной безопасности 2009 г.; Программа развития ДВ и Забайкалья на 2008—2012 гг.; Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.; Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г.
- ⁴ Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. Washington D.C.: Brooking Institution Press, 2003. P. 8.
- ⁵ Вступительное слово В.В. Путина на совещании по вопросам подготовки к саммиту АТЭС. 1 сентября 2008 г. URL: <http://www.government.ru/content/rfgovernment/rfgovernmentchairman/chronicle/archive/2008/09/01/6859553.htm>.
- ⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.
- ⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ⁸ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ⁹ Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 56.

ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: КОЛЛИЗИИ ХХІ В.*

ВВЕДЕНИЕ

Азиатско-тихоокеанская составляющая российско-американских отношений хотя и насчитывает уже два столетия, но большим перечнем запоминающихся событий не отличается. Далеко не все даже могут вспомнить такие исторические вехи, как продажа Россией Аляски Соединённым Штатам (1867 г.), американская военная интервенция на Дальнем Востоке России (1918—1920 гг.), поставки по ленд-лизу через Тихий океан в годы Великой Отечественной войны, союзничество в войне против Японии (1945 г.), косвенное вооружённое противоборство в ходе Корейской (1950—1953 гг.) и Вьетнамской (1965—1973 гг.) войн. Более того, тихоокеанская составляющая всегда находилась в тени глобальных и европейских проблем, вокруг которых в XX столетии преимущественно сталкивались интересы России и США.

Закономерно, что и сегодня отношения между двумя странами на Тихом океане, по сути, не имеют самостоятельного оформления. Их экономическое значение мизерно¹, а исторически доминировавшая военно-политическая составляющая почти сошла на нет. В результате эти отношения пульсируют преимущественно вокруг нескольких сложившихся во второй половине XX в. глобальных и региональных тем и проблем: противостояния на Корейском полуострове, отношений США с их азиатскими союзниками, «китайского вызова». События последних лет показали, что провозглашённая в 2011 г. «перебалансировка» Вашингтона в сторону Азии и обозначившийся примерно в это же время «восточный поворот» Москвы не сопровождаются укреплением тихоокеанского вектора

* Материал опубликован в виде брошюры: Ларин В. Тихоокеанское измерение российско-американских отношений: коллизии XXI века. М.: Московский центр Карнеги, 2015. 19 с.

в российско-американских отношениях. Характерно, что Украина в них играет на данный момент более важную роль, чем Китай. Процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, оказывают на коммуникацию Москвы и Вашингтона преимущественно опосредованное воздействие, степень которого откровенно невелика, да и в целом обе стороны по-прежнему воспринимают свои отношения в Азии больше в глобальной или даже европейской проекции, чем в азиатско-тихоокеанской.

Главным фактором, определяющим нынешнюю ситуацию в АТР, является курс Пекина на «восстановление исторической справедливости»: «национальное возрождение Китая» («китайская мечта»), возвращение ему статуса государства номер один в регионе, обретение им роли композитора и дирижёра восточноазиатской политики и архитектора новой региональной структуры безопасности.

Последовательные шаги Токио в утверждении самостоятельной внешней политики на основе постепенного отказа от унижительных (с точки зрения японцев) условий послевоенного устройства мира и ограничений на укрепление военного потенциала страны (ст. 9 Конституции Японии), особенно актуальные в свете роста мощи, амбиций и претензий со стороны Китая, также играют свою роль.

Сравнительно более слабым фактором являются импульсы, идущие с Корейского полуострова. Но они также существенны. С одной стороны, это стремление Сеула к большей самостоятельности и независимости от Вашингтона в региональной политике, выработка им стратегии собственного развития, осторожная и даже деликатная — в отличие от Вашингтона — политика в отношении КНДР. С другой стороны, это очевидное, хотя и вызывающее немало вопросов укрепление режима Ким Чен Ына в Пхеньяне. На этом фоне остальные члены «шестёрки» демонстрируют разобщённость подходов к решению северокорейской ядерной проблемы.

Нельзя не отметить также медленный, но поступательный рост интереса стран Юго-Восточной Азии к Северной Пацифике, обусловленный меняющейся экономической конъюнктурой в регионе, реконструкцией и созданием новых транспортных и логистических путей (северный морской и «новый Шёлковый» пути), наличием нераспределённых ресурсов, перспективных рынков и острых межнациональных противоречий.

Наконец, общий фон создаётся возрастанием экономической, политической и социальной значимости восточноазиатской сферы международной политики как в глобальном, так и в региональном измерениях.

Сегодня есть немало свидетельств того, что цели Белого дома на Тихом океане как минимум не находят поддержки и понимания со стороны Кремля, и наоборот. В результате расшатывается и без того узкая платформа конструктивного взаимодействия двух государств в Азии. Алгоритм поведения Москвы на Тихом океане, как и в мировой политике вообще, во многом определяется её твёрдым нежеланием более играть по правилам, установленным США и Европой. Высокая степень напряжённости в европейских делах автоматически побуждает Москву искать альтернативы и шансы в Азии, тем более что американская политика в этом регионе напрягает её незначительно. Основным оппонентом Соединённых Штатов в Азии сегодня выступает Пекин, который стремится заручиться поддержкой Москвы. Прямые угрозы интересам России со стороны США в этом регионе не просматриваются, косвенные не критичны, возможности экономического взаимодействия минимальны. Даже незавершённое территориальное разграничение в Беринговом проливе не очень волнует российское руководство.

В России, как представляется, ещё не созрело понимание необходимости выстраивать отношения с США на Тихом океане. Да и делать это непросто. С одной стороны, Кремль до сих пор не может предложить внятной трактовки собственной тихоокеанской политики. С другой — Москве непонятны цели и приоритеты Вашингтона в регионе. Впрочем, не только Москве. Как образно выразился недавно ведущий американский эксперт по АТР Дуглас Х. Паал, «США выглядят как страна, постоянно переживающая из-за очередного камешка, что попал ей в ботинок, — будь то Эбола, „Исламское государство“ или Украина, — но не знающая, по какой дороге она идёт»². И в целом непрагматичная, импульсивная внешняя политика вашингтонской администрации, отмеченная серией провалов на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и в Африке, её откровенная неспособность выстраивать прагматичные отношения с Китаем и утрата ею способности единолично формировать основные векторы развития международных отношений в АТР, ограничивает возможности конструктивного диалога США с Россией.

Азиатско-тихоокеанская стратегия Вашингтона сегодня чётко ориентирована на устранение существующих и предотвращение новых угроз интересам и безопасности США в АТР, сохранение настойчиво расшатываемого Китаем «регионального стратегического баланса», расширение и углубление экономического присутствия (через развитие Транстихоокеанского партнёрства на принципах свободной торговли) и военно-политического доминирования в регионе. В такой повестке дня Россия для Белого дома — не более чем досадная помеха в выстраивании «правильных» отношений с Китаем и решении (в нужном для него русле) ядерной проблемы Северной Кореи. В списке тихоокеанских приоритетов США наша страна не представлена и в лучшем случае воспринимается как побочный фактор, который необходимо принимать во внимание при решении региональных и изредка глобальных проблем. Априори предполагается, что Москва может лишь опосредованно и преимущественно негативно влиять на реализацию этих целей, прежде всего через её отношения с третьими странами. Корейский полуостров — одна из таких проблем, на примере попыток решения которой явная необходимость сотрудничества не приводит к заметным результатам.

Очевидно, что вплоть до возникновения в 2014 г. конфликта на Украине главными причинами умножения стратегического интереса Москвы и Вашингтона к Азиатско-Тихоокеанскому региону были рост мощи и повышенная военно-политическая и экономическая активность Китая в Азии и на Тихом океане. Настойчивое стремление Пекина утвердить свои экономические позиции на восточной окраине России (в Забайкалье и на Дальнем Востоке) и озабоченность этим его азиатских соседей и экономических конкурентов — Токио и Сеула — стали поводом для Вашингтона обратить пристальное внимание на события в этом районе. Таким образом, на протяжении 2000-х гг. поведение Китая оказывало определённое влияние на развитие российско-американских отношений, причём не только в региональном, тихоокеанском, но и в глобальном измерении. Резкое обострение этих отношений в начале 2014 г. повлекло существенное повышение значимости «китайского фактора» в отношениях между Москвой и Вашингтоном, а также в глобальной политике в целом. Более того, оно заставило Пекин обозначить свой стратегический выбор, который оказался в пользу России.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Треугольник Россия — КНР — США, о котором немало рассуждают в последнее время, ещё в конце 1980-х — начале 1990-х гг. превратился в иллюзию. Он существует лишь в теоретических построениях. Реальные отношения пульсируют в парах Россия — КНР, Россия — США, КНР — США. Ни одна из сторон в полной мере не доверяет другой, хотя уровень взаимопонимания и доверия между Москвой и Пекином неизмеримо выше, чем между каждой из этих двух столиц и Вашингтоном. Ни Пекин, ни Москва не пытаются разыгрывать карту США в отношениях друг с другом, в то время как в американских СМИ существует много спекуляций, которые в России и КНР толкуют как нацеленные на вбивание клина между Китаем и Россией. Отношения между тремя государствами строятся на двусторонней основе, любые попытки сформировать реальный, а не виртуальный альянс двух против третьего крайне опасны глобальными последствиями и в конечном счёте обречены на неудачу.

Поддержание равновесных отношений между всеми тремя партнёрами невозможно хотя бы по причине разных основ их двусторонней близости (экономической — между Китаем и США, геополитической — между Китаем и Россией, военно-стратегической — между Россией и США) и явного намерения Пекина кардинально изменить баланс сил и правила игры в регионе.

Россия давно отказалась стать потенциальным союзником и партнёром США в борьбе с «общей угрозой» — усилением Китая. Этот вариант был возможен в 1990-х гг., когда Москве была совершенно непонятна китайская версия внешней политики и внутреннего развития, в российском обществе существовали большие иллюзии в отношении намерений и политики США, а мысли о «китайской угрозе» буйно прорастали в головах политиков, журналистов и обычных граждан на почве неожиданно тесных и личных контактов с восточным соседом, буквально ошарашившим многих россиян своей напористостью, непохожестью и алогичностью (в российском понимании) поведения. Сегодня, напротив, при наличии выбора между США и Китаем большинство населения, даже держа в подсознании страх перед «китайской угрозой», отдаёт приоритет Китаю.

А нынешнее давление Запада на Россию, в основе которого лежит стремление добиться смены внешнеполитического курса, не оставляет Кремлю иного выбора, кроме как развивать и укреплять отношения с Китаем.

Аналогичным образом «поворот США к Азии» и ряд шагов Вашингтона в АТР, которые в Пекине трактуются как попытки «окружения» и «сдерживания» Китая, толкают КНР к сближению с северным соседом. Как откровенно замечают китайские эксперты, «противостоя стратегическому повороту США на восток, Китай нуждается в том, чтобы Россия выступала в роли рычага для сдерживания Соединённых Штатов Америки»³.

В результате в 2014 г. российско-китайские отношения развивались по самому невыгодному для США сценарию:

- произошло дальнейшее укрепление стратегического партнёрства России и КНР, расширилось их взаимодействие по всем стратегическим направлениям, в этом взаимодействии усилились военно-политический (продвижение новой концепции безопасности через Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии — СВМДА) и «антигегемонистический» (т.е. антиамериканский) компоненты;
- осуществлялось перенацеливание энергетических потоков России на Китай (крупномасштабные и перспективные нефтяная и газовые сделки, атомная энергетика, электроэнергетика), декларировано открытие для Китая доступа к разработке углеводородов на территории России;
- Россия занимает как минимум нейтральную позицию в морских спорах Китая с Японией и странами Юго-Восточной Азии и с большой долей вероятности поддержит Китай в его подходах к решению проблемы Тайваня.

Нынешний «синоцентризм» восточноазиатской политики России в большей степени проистекает не из особых симпатий Кремля и российского населения к Китаю. С одной стороны, это реакция на умную политику Пекина, последовательно вовлекавшего Москву в орбиту своих интересов, с другой — следствие откровенно выжидательных, с оглядкой на Вашингтон, действий Токио и Сеула. Их вынужденное, хотя и крайне осторожное присоединение к антироссийским санкциям только усилило прокитайский акцент российской внешней

политики. Реакцией на санкционное давление на Россию со стороны США стало также расширение и углубление межрегионального взаимодействия России и КНР на базе более широкого вовлечения Китая в освоение территориальных и природных ресурсов Сибири и российского Дальнего Востока.

В настоящее время Пекин стимулирует повышение активности не только приграничных с Россией северных и северо-восточных территорий (Хэйлунцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия), уже тесно завязанных на отношения с Дальним Востоком и Забайкальем, но и крупного бизнеса Шанхая и Гуанчжоу. Последний нацеливают на участие в освоении всего экономического пространства к востоку от Урала.

США неточно просчитали реакцию Пекина на события на Украине. На весах политических расчётов китайского руководства проблема сепаратизма оказалась не настолько весомой и значимой, чтобы перевесить солидарность России и Китая в противостоянии «гегемонизму США», а также преодолеть их совпадающие стремления к сохранению государственного суверенитета, построению новой архитектуры безопасности в Азии. Расчёт Белого дома на неприятие любых проявлений сепаратизма в Пекине и антикитайские фобии в Москве не оправдался.

Двойное давление США — на Пекин и Москву — привело к результатам, которых в Вашингтоне, вероятно, не ожидали: ускоренному сближению России и КНР, уменьшению стратегического недоверия между ними и разрешению на этой основе ряда проблем, которые долгое время сдерживали развитие отношений, прежде всего в энергетической и инвестиционной областях. Не случайно в ноябре 2014 г. в Пекине председатель КНР Си Цзиньпин говорил о «вечнозелёном дереве российско-китайской дружбы, с которого мы уже собрали богатые плоды» и о необходимости для Пекина «сделать китайско-российские отношения приоритетным направлением внешней политики нашей страны»⁴.

Одновременно стремление Вашингтона вовлечь в антироссийский поход своих надёжных союзников в Восточной Азии — Японию и Южную Корею, похоже, оборачивается не только их скрытым недовольством действиями старшего партнёра, но и эрозией идеологических основ союзнических отношений.

ЯПОНСКИЙ ФАКТОР

В настоящее время политика Японии в отношении России в целом и её восточных районов в частности определяется тремя главными обстоятельствами: нерешённостью территориальной проблемы, давлением со стороны США и политикой Пекина. Последний фактор играет всё более заметную роль. Страхи политической и экономической элиты и общественности Японии, озабоченных экономическими последствиями подъёма Китая, сформировались к концу 1990-х гг. в концепцию «китайской экономической угрозы». Наличие ядерного оружия, быстрый рост и непрозрачность военного бюджета Китая, его всё более активные действия на море вызвали к жизни представление о «китайской военной угрозе». На этом фоне Токио стал серьёзно задумываться об улучшении отношений с другими соседями в Азии, в частности с Индией и Россией.

Особенно заметным в последнее десятилетие был прогрессирующий интерес Токио к восточным районам РФ. В его основе — задачи обеспечения национальной безопасности, угрозы которой возникают уже не на почве военно-политического противостояния с Россией, как это было на протяжении почти всего XX столетия, а обусловлены причинами невоенного свойства, преимущественно внутренними: зависимостью от внешних энергетических и продовольственных рынков, боязнью уступить в экономической конкуренции с Китаем, озабоченностью проблемами экологии Северо-Восточной Азии.

В начале 2000-х гг. Токио удалось переломить настроения в российском руководстве и добиться переноса конечной точки трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан с территории Китая на побережье Японского моря. В 2007 г. Токио болезненно отреагировал на идею координации российской и китайской стратегий развития соседних территорий — восточных районов России и Северо-Восточного Китая, предложив выработать аналогичную программу взаимодействия соседних территорий России и Японии. Стремление убедить российскую сторону в исходящих от Китая угрозах, корыстных мотивах его активности на Дальнем Востоке прослеживаются в высказываниях японских политиков и учёных по сей день.

Весной 2014 г. Вашингтон в очередной раз продемонстрировал незаинтересованность в сближении России и Японии. Политическое давление Вашингтона на Токио привело к срыву запланированного на конец апреля 2014 г. визита министра иностранных дел Японии и большой японской экономической делегации в Россию. Не состоялся запланированный на осень 2014 г. визит президента Путина в Японию. Тем самым сведены на нет попытки премьер-министра Синдзо Абэ улучшить отношения с Россией, которые он активно предпринимал вплоть до февраля 2014 г., когда присутствовал на зимней Олимпиаде в Сочи.

Как оказалось, сегодня Японии нечего противопоставить синоцентричному «повороту России на Восток». Подключившись к политике санкций, Токио лишился средств влияния на Москву в «борьбе за Россию» и имеет минимум шансов не допустить полного экономического доминирования Китая на её тихоокеанской территории, к чему он так стремился все последние годы. Однако списывать со счетов кабинет Абэ, чья партия успешно победила в декабре 2014 г. на внеочередных парламентских выборах, явно преждевременно. Япония будет продолжать свою игру в отношениях с Россией, хотя и уступая американскому давлению, но всегда держа в уме свои интересы.

Модернизация и наращивание вооружённых сил Японии, укрепляющееся намерение японской политической элиты отказаться от ст. 9 Конституции страны свидетельствуют, что Токио по большому счёту не надеется на защиту со стороны США в случае открытого конфликта с Китаем. Экономическая зависимость США от КНР сегодня слишком глубока, чтобы Вашингтон без крайней необходимости пожертвовал отношениями с Пекином ради сохранения суверенитета Японии. А такой конфликт уже рассматривается не как гипотетическая, а вполне вероятная угроза. Токио крайне озабочен не столько ростом экономической и военной мощи КНР, сколько нынешними (о-ва Сенкаку) и потенциально будущими (Окинава) территориальными претензиями Пекина и его готовностью отстаивать их с помощью силы.

Предстоящее в 2015 г. празднование 70-летия победы во Второй мировой войне и войне на Тихом океане Россия и Китай планируют проводить общими усилиями. Риторика празднования, без сомнения, будет малоприятной для Японии. Трудно будет не вспомнить

не только об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки американской авиацией, но и о том, что именно с благословения президента США Франклина Рузвельта СССР получил Южно-Курильские острова, которые японцы называют северными территориями.

ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Крайне зыбкой становится в этих условиях и единственная общая основа для сотрудничества России и США в Азии — ядерная проблема КНДР, тем более что подходы к её решению у Москвы и Вашингтона не совпадают принципиально. Обострение в начале 2014 г. российско-американских отношений сыграло на руку руководству КНДР, которое не преминуло воспользоваться ситуацией. В ноябре 2014 г. в Москву отправился специальный представитель Ким Чен Ына — секретарь ЦК Трудовой партии Кореи Цой Рён Хэ. Как сформулировал главный итог визита северокорейского эмиссара министр иностранных дел России Сергей Лавров, «Цой Рён Хэ передал послание Ким Чен Ына на имя Владимира Путина, в котором подтверждена нацеленность на всемерное развитие наших двусторонних связей, на сотрудничество в решении проблем, которые сейчас сохраняются на Корейском полуострове»⁵. Трудно предположить восстановление прежних отношений и влияния Москвы на Пхеньян, но их сближение в нынешних условиях становится легко прогнозируемым. Объявление перекрёстного года дружбы Россия — КНДР с мая 2015 по май 2016 г. — это только начало. Если учесть, что новые инициативы по развитию прямых отношений с Пхеньяном проявляет также официальный Токио, то шансы США играть первую скрипку в решении проблем на полуострове становятся призрачными.

Данное соображение подтверждается и тем, что кризис российско-американских отношений и давление США на союзников практически никак не сказались на отношениях между Южной Кореей и Россией. Формально попеняв Кремлю за Украину, Сеул продолжает играть свою игру, главным призом в которой остаётся объединение страны. 9 декабря 2014 г. в Сеуле прошёл очередной российско-корейский экономический форум, в котором приняли участие более 200 высокопоставленных чиновников, дипломатов, бизнесменов,

учёных и журналистов, в том числе «десант» из семи губернаторов регионов российского Дальнего Востока во главе с заместителем председателя правительства России, полпредом президента на Дальнем Востоке Юрием Трутневым. Тема прежняя — участие корейского бизнеса в развитии Дальнего Востока как платформа для вовлечения Северной Кореи в трёхстороннее сотрудничество. Проект набирает силу.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

Малозаметен, маловлиятелен и сомнителен с точки зрения перспективы региональный фактор — сотрудничество РФ и США через Тихоокеанскую Россию, хотя полтора десятилетия назад этот канал двусторонних отношений успешно развивался. В 1992 г. правительство США начало реализацию программы помощи российскому Дальнему Востоку, которая была нацелена на снижение стратегической угрозы западным районам США, укрепление экономических (создание здесь базовых институтов рыночной экономики, формирование основных управленческих навыков, обеспечение малому бизнесу доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям) и политических (поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества) позиций США в регионе. В 1998 г. была даже официально сформулирована «Американская правительственная стратегия для российского Дальнего Востока». Уже в начале 2000-х гг., однако, началось свёртывание американского делового и гуманитарного присутствия в этой части России, причиной чему стали как общие тенденции деградации российско-американских отношений, так и сужение сферы взаимных экономических интересов в зоне Тихого океана.

Региональные экономические связи тихоокеанских территорий России и США не играют заметной роли ни для американского Запада, ни для российского Востока. В последние несколько лет доля США в объёме внешней торговли Дальневосточного федерального округа составляла от 2,2 до 2,6%, в то время как в 1995 г. она достигала 16%. США являются важным торговым партнёром лишь для Чукотского автономного округа (23,1% объёма торговли и 33,3% импорта) и Магаданской области (17 и 27,8% соответственно). Товары из США составили в 2013 г. 5,8% дальневосточного импорта (714 млн долл.),

и Америка практически не покупает дальневосточные товары (0,6% объёма дальневосточного экспорта)⁶. Объём накопленных прямых американских инвестиций на Дальнем Востоке неуклонно сокращался и в 2013 г. оказался в пять раз меньше, чем инвестиции из Китая (247 млн долл.), составив лишь 1,7% всех накопленных прямых американских капиталовложений в России⁷. Введённые США в 2014 г. экономические санкции против России ещё больше снизили эти показатели.

Американское гуманитарное присутствие и влияние в Тихоокеанской России также минимально. Фактически прекратили работу американские некоммерческие и неправительственные организации на Дальнем Востоке, которых в 1990-х гг. было немало. В октябре 2012 г. по всей России были закрыты представительства Агентства США по международному развитию (USAID), одно из которых работало на Дальнем Востоке и финансировало ряд программ в сфере поддержки малого бизнеса, рационального природопользования, здравоохранения, демократических инициатив и т.д. Соединённые Штаты, обладавшие высоким уровнем популярности среди дальневосточников в 1990-х гг., сегодня уступают по уровню симпатий местного населения Китаю. Большинство дальневосточников рассматривает политику Вашингтона как угрозу, не доверяет американскому правительству и не видит в США приоритетного партнёра для экономического сотрудничества. Летом 2013 г. более половины жителей Дальнего Востока (55%) разделяли убеждение, что США представляют угрозу безопасности России на Тихом океане (в угрозе со стороны Китая были убеждены 50%). Китай, однако, назвали приоритетным направлением для развития сотрудничества 68% респондентов, в то время как США — в шесть раз меньше, только 11%⁸.

Проведённый осенью 2014 г. в Владивостоке и Хабаровске опрос 247 экспертов (представителей органов власти, научного и бизнес-сообщества) вообще продемонстрировал их разочарование в США и ориентацию на Китай. Симпатии к Соединённым Штатам испытывают только 2% опрошенных (к Китаю — 33%), считают необходимым развивать отношения с США 5% (с КНР — 88%), угрозу безопасности России со стороны США видят 76% (со стороны КНР — 36%).

Похоже, Вашингтон крайне скептически воспринял путинскую идею «поворота России на Восток» и развития Тихоокеанской России. Публикации ведущих экспертов Запада, быстро пришедших

к заключению, что поворот России на Восток — это «больше риторика, чем реальность», и «не столько политика, сколько болтовня»⁹, с недоверием и даже иронично воспринимающих намерения Кремля заняться развитием тихоокеанского побережья страны¹⁰, были приняты на веру. Не предполагали западные эксперты и столь быстрого сближения позиций не так давно непримиримых соперников в сфере глобальной политики и безопасности. Вашингтон, по-видимому, ещё не осознал, чем чреваты для него совместные инициативы Пекина и Москвы по созданию новой архитектуры безопасности в регионе, их, по сути, энергетический союз, углубляющееся взаимопонимание в вопросе о формировании евразийского партнёрства, куда они пытаются вовлечь не только Монголию и страны Центральной Азии, но и союзников США в Восточной Азии — Южную Корею и Японию. Американский бизнес вообще отворачивается от России, традиционно не замечая её восточных районов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, оценка современного уровня и характера взаимодействия России и США на Тихом океане приводит к пессимистичным выводам. Однозначно совпадающих интересов в АТР у двух держав немного: ядерное нераспространение, разрешение существующих противоречий невоенными средствами, мирное развитие Китая, да и здесь камней преткновения немало. Правда, и сфер противоречий в Азии у России и США значительно меньше, чем в Европе. В этой связи обеим сторонам, если они действительно заинтересованы в разрешении конфликта и готовы отрешиться от конфронтационного багажа эпохи холодной войны, было бы полезно поменять приоритеты и перенести акцент с европейских дел, где накопилась бездна болезненных проблем, на азиатско-тихоокеанские, хотя сегодня такой вариант представляется маловероятным.

Безусловно, немалые возможности для российско-американского сотрудничества существуют даже в нынешней напряжённой обстановке. И объективно такое взаимодействие может быть выгодно и необходимо всем. Главный вопрос: заинтересован ли Вашингтон в сотрудничестве с Россией? Или из-за каких-то стратегических соображений ему выгодно наращивать напряжённость? И насколько

плотно Москва готова «дружить» с Вашингтоном именно на тихоокеанском направлении своей внешней политики?

Сегодня США и России нелегко сотрудничать по-крупному. Реальное стремление к взаимодействию предполагает выбор неконфронтационных проблем и поиск компромиссных решений, однако перечень сегодняшних тем, реально способных если не объединить, то хотя бы сблизить Москву и Вашингтон в Азии, по-прежнему ограничен. Существующая на Западе тенденция недооценивать, а то и вообще сбрасывать Россию со счетов в проектировании новой системы безопасности в регионе¹¹ также не способствует плодотворному диалогу сторон. При этом весомыми аргументами России сегодня являются уже не только её историческое присутствие в АТР, насчитывающее без малого четыре столетия, мощный ресурсный потенциал Сибири и Дальнего Востока, уже идущая модернизация её стратегического потенциала на Тихом океане. К этому можно добавить возрастание роли Арктики в мировой политике, жизненные интересы Японии и обеих Корей, связанные с Россией, а также заметно укрепившийся в последние годы идеологический, военно-стратегический и энергетический альянс Москвы и Пекина.

Практический опыт последних двух десятилетий наглядно показал, что политические теории, выношенные в колыбели холодной войны и по инерции служащие вашингтонским политикам основой для принятия решений, сегодня работают плохо, если работают вообще. Сдержать или хотя бы затормозить рост экономической и военной мощи Китая им явно не удалось. Попытки связать его экономическими путями привели к тому, что связанным оказался сам Запад. При этом о сохранении статус-кво в АТР говорить не приходится. Оно нарушено безвозвратно. Баланс сил неуклонно меняется. Время работает в пользу неуступчивого Китая, набирающей силу Индии, сжимающейся в пружину и способной в любой момент распрямиться России. С этим смириться трудно, но игнорировать изменившийся расклад сил глупо.

Ответной реакцией на давление США и привычное для Вашингтона стремление самостоятельно, без оглядки даже на своих союзников решать вопросы обеспечения собственной безопасности на Тихом океане стали рост государственного национализма не только в Китае, но и во всей Восточной Азии и фактически зеркальный ответ Пекина на силовую политику Запада. Полагаю, Вашингтон должно насторожить не столько сделанное в мае 2014 г. на конференции

СВМДА заявление Си Цзиньпина о том, что «азиатскими делами в общем и целом должны заниматься сами народы Азии, азиатские проблемы должны решать именно они, азиатскую безопасность в конечном счёте должны обеспечивать они же»¹², сколько поддержка этой принципиальной позиции многими участниками саммита. Однако оставить США за бортом тихоокеанской системы безопасности значит вновь ввергнуть регион и себя самих в пучину холодной войны.

Платформу будущего российско-американского взаимодействия на Тихом океане необходимо создавать и поддерживать уже сейчас, разными средствами и на разных уровнях. В частности, хотя бы не мешать людям, организациям, территориям, которые реально заинтересованы в развитии отношений. Поддерживать средний бизнес. Восстановить гуманитарные контакты. Снизить градус публичной критики друг друга. Стимулировать академический обмен. Но главное — работать с проекцией в будущее и, осознав свою ответственность за судьбу всего Азиатско-Тихоокеанского региона и критическую роль Китая в его нынешней трансформации, совместными усилиями строить фундамент новой системы международных отношений в АТР. А для этого нужны новые подходы, учитывающие различные философии бытия, сосуществующие в регионе, и не всегда совпадающие интересы сторон.

Объективно центральным вопросом современной повестки дня на Тихом океане является обеспечение безопасного развития региона во всех его измерениях: военном, экономическом, гуманитарном, экологическом и пр. Надёжной платформой для выработки безопасного курса такого развития способен стать константный трёхсторонний диалог России, КНР и США на разных уровнях и в различных форматах — от академических дискуссий и форумов специалистов-практиков до встреч на высшем уровне, от трёхсторонних консультаций до многосторонних международных конференций. Оптимальной площадкой для такого диалога в силу его географии и истории является Владивосток, территория в определённой степени нейтральная даже для Москвы, а в глазах всей Азии являющаяся символом российского присутствия в АТР. Успешно проведённые в этом городе в последние несколько лет крупные международные мероприятия от Саммита АТЭС (сентябрь 2012 г.) и Парламентского саммита АТЭС (январь 2013 г.) до встречи мэров городов побережья Японского моря (июль 2013 г.) и международной научной конференции «Безопасность

в АТР в XXI веке», инициированной Московским центром Карнеги (октябрь 2012 г.), показали, сколь продуктивным может быть международный диалог в месте, где сама история соединила Европу с Азией. Такой диалог, будучи регулярным, откроет путь для создания структур и режимов поддержания безопасности, предотвращения возникновения традиционных и невоенных угроз, борьбы с природными и техногенными катастрофами.

Далеко не исчерпаны возможности обмена позитивным опытом внутреннего развития. Американский опыт децентрализации власти и бизнеса — самый приемлемый формат обеспечения ускоренного развития Тихоокеанской России. Не уверен, что США готовы поделиться этим опытом, не навязывая свои модели и подходы втёмную, а адаптируя их к местным условиям и российскому менталитету. Да и россияне с большой настороженностью относятся к рекомендациям из-за океана. Но попробовать стоит. Многовариантность развития и проявления гражданского общества, механизмы взаимoadaptации европейских и азиатских этносов и культур, предотвращение межнациональной розни — темы, актуальные не только для России, Китая, государств Корейского полуострова, но и для Соединённых Штатов.

События последних лет и даже дней убедительно показали, что война, даже идущая далеко от дома, может коснуться каждого. На нашей планете существует куда большее зло, чем непримиримые амбиции двух держав. В 2015 г. мир будет отмечать 70-летие окончания жестокой войны, в которой СССР и США были союзниками, оставаясь при этом яростными идеологическими противниками. Нынешняя обстановка в мире должна побудить нас хотя бы попытаться извлечь уроки из не столь далёкого и трагического прошлого, чтобы не повторять своих же ошибок в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доля Дальневосточного федерального округа в общем объёме российско-американской торговли составила в 2013 г. 3% (870 млн из 27,7 млрд долл.), а в российском экспорте в США — 1,4% (156 млн из 11,2 млрд долл.). На Дальний Восток в этом году поступило 48 млн из 2,8 млрд (менее 2%) прямых инвестиций США в России. См.: ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

- ² Paal D.H. Obama is Back in Asia. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/11/06/obama-is-back-in-asia>.
- ³ 中国东北地区发展报告 (Доклад о развитии Северо-Восточного Китая). 北京, 社会科学文献出版社, 2014. С. 317.
- ⁴ 习近平会见俄罗斯总统普京 (Встреча Си Цзиньпина с президентом России Путиным). 11.09.2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1208880.shtml.
- ⁵ Лавров: КНДР заверила о готовности к переговорам по ядерной программе. URL: <http://ria.ru/world/20141120/1034318680.html>.
- ⁶ Таможенная статистика // Дальневосточное таможенное управление. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>.
- ⁷ Объём накопленных инвестиций США в Дальневосточном федеральном округе сократился с 2007 по 2014 г. в три раза, со 175 до 59 млн долл., а накопленных прямых инвестиций — со 135 до 48 млн // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.
- ⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 13—15.
- ⁹ Hill F., Lo B. Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // Foreign Affairs. 2013. July 31. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139617/fiona-hill-and-bobo-lo/putins-pivot?page=show>.
- ¹⁰ Blank S. At a Dead End: Russian Policy and the Russian Far East // Demokratizatsiya. 2009. Spring. Vol. 17. No. 2. P. 122—144.
- ¹¹ Например, по мнению известного британского аналитика Рекса Ли, «самыми влиятельными силами, определяющими динамику безопасности и будущее развитие региона, являются Китай, США и Япония». Россия оставлена «за скобками». См.: Li R. National Identity and Changing Great Power Relations in the Asia-Pacific: Is a Cold War Emerging? // The ASAN Forum. 2013. July—Aug. Vol. 1. No. 1. URL: <http://www.theasanforum.org/national-identity-and-changing-great-power-relations-in-the-asia-pacific-is-a-coldwar-emerging/>.
- ¹² 习近平: 积极树立亚洲安全观 共创安全合作新局面 (Си Цзиньпин. Активно строить систему безопасности в Азии, совместными усилиями создавать новую ситуацию в сфере сотрудничества в области безопасности). 21.05.2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1158070.shtml.

ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: МЕЖДУ ДВУМЯ КРИЗИСАМИ*

●

Второе десятилетие XXI в. начиналось для России в условиях эйфории СМИ, части научного сообщества и особенно придворных политиков по поводу «поворота России на Восток», её «интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион» и — как ключевого фактора «поворота» и «интеграции» — «ускоренного развития» Дальнего Востока¹. Заканчивалось строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан, Владивосток интенсивно готовили к проведению форума АТЭС, били рекорды объёмы торговли РФ и ДФО с Китаем, Японией и Южной Кореей, В.В. Путин провозгласил идею создания «единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока»², и даже последствия мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. не смогли сбить праздничного настроения и радужных ожиданий.

Однако реалии современности оказались куда прозаичней. Пандемия 2020 г. не только привела мир в состояние очередного экономического застоя, но и заставила более трезво посмотреть на процессы, происходящие на планете в целом и её тихоокеанском сегменте в частности, оценить позицию, усилия и вклад каждого актора. Политика РФ на тихоокеанском направлении второго десятилетия нового века как раз и является одним из объектов, требующих такого анализа.

Начнём с попытки дефиниции самого понятия «тихоокеанская политика России». Прежде всего, приходится констатировать, что ни в политическом, ни в правовом дискурсе оно, несмотря на длительность процесса продвижения российского государства на побережье Тихого океана, до сих пор никак не оформлено. В академическом сообществе это понятие толкуется достаточно произвольно и преимущественно сводится к изучению двусторонних отношений РФ с государствами Тихоокеанской Азии. Однако, с моей точки зрения, ограничивать тихоокеанскую политику России (ТПР) только узким

* Опубликовано в сборнике: Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Десятые Крушановские чтения, 2021 г. Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 422—431.

сегментом внешних связей неправомерно. Восточные районы страны играют в этом процессе очень важную, если не ключевую, экономическую и политическую роль, именно через них преломляются, в частности, интересы Японии и Южной Кореи в отношении России, а поэтому ТПР надо рассматривать как много более сложное явление и в современном, и в историческом контекстах. В данной статье под ТПР понимается комплекс экономических, социальных, политических, гуманитарных и иных действий российского государства, нацеленных на удержание, развитие и обеспечение безопасности притихоокеанских территорий России (Тихоокеанской России), а также на выстраивание отношений со странами Тихоокеанского бассейна.

Во всех аспектах ТПР — политическом, экономическом, военном, гуманитарном — присутствуют «внешняя» и «внутренняя» составляющие. Первая из них — это часть глобальной политики Кремля. Соответственно, она нацелена на обеспечение глобальных интересов России посредством поддержания и развития отношений со странами Тихоокеанского бассейна, а также формирования периметра безопасности вдоль восточных границ. Целью «внутренней» составляющей является удержание и развитие восточных территорий страны — Тихоокеанской России. Ключевые препятствия, которые мешают достижению этих целей, связаны с двойным периферийным статусом данного региона (периферия РФ и периферия Восточной Азии) и его пограничным положением, поскольку угроза потери всей или части территории, её малая населённость и слабая связанность с Центральной Россией являются перманентными вызовами для Кремля.

При этом приходится констатировать, что кодифицированной, юридически или политически оформленной политики РФ на Тихом океане не существует. Имеются:

- большое количество решений и официальных документов, определяющих алгоритм действий российского правительства по развитию Тихоокеанской России;
- внешнеполитические доктрины, многосторонние и двусторонние международные документы, которыми Кремль руководствуется при развитии отношений со странами региона;
- набор конкретных шагов российского правительства, предпринимаемых в целях решения определённых задач внутри страны и на международной арене.

Безусловно, у РФ есть чётко сформулированные и зафиксированные в различных документах интересы на Тихом океане³. Предпринимаются какие-то действия, чтобы их отстаивать и продвигать. Но вот политики как таковой, т.е. комплекса осознанных и скоординированных действий государства, нацеленных на удовлетворение интересов правящей в нём элиты, не существует.

И в стране, и за её пределами новое оживление ТПР нередко отождествляют с так называемым восточным поворотом Кремля, ставшим ответом на американский «поворот к АТР», который на рубеже первого-второго десятилетий XXI в. анонсировала госсекретарь США Х. Клинтон⁴. На самом деле, первый толчок возрождению двусоставной ТПР дал М.С. Горбачёв, когда в 1986 г. во Владивостоке заявил о необходимости «использовать „внешние ресурсы“ Азии для развития Сибири и советского Дальнего Востока, чтобы сделать их мостом для экономической интеграции СССР в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁵. Принципиально иное понимание сути этой политики, связанное с проблемой обеспечения национальной безопасности, озвучил В.В. Путин в самом начале пребывания на посту президента РФ. 21 июля 2000 г. в Благовещенске он заявил: «Вопрос о перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья стоит для страны очень остро, я бы сказал, даже драматично. По сути, речь идёт о существовании региона как неотрывной части России»⁶.

Фактически в приведённых выше цитатах представлены два подхода Кремля к развитию Дальнего Востока и отношениям с пограничными с ним государствами: кооперационный («мост», «коридор», «плацдарм» для интеграции) и охранительный (существование региона как «неотрывной части России»). В последующем В.В. Путин неоднократно высказывался в пользу строительства такого «моста»⁷, функция региона как «транзитной» или «контактной» зоны закреплена в стратегических документах и программах действия правительства РФ⁸. Однако именно охранительный подход, чётче всего обозначенный в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности Российской Федерации⁹, подспудно становится доминирующим при принятии политических решений о модели развития Тихоокеанской России.

Существует несколько базовых ассоциаций, которые формируют у политической, деловой и большей части академической элит современной РФ отношение к Дальневосточному региону. В их представлениях Тихоокеанская Россия — это, прежде всего:

- контактная зона, необходимая для осуществления «поворота на Восток» и создания «большой Евразии»;
- источник доходов для бюджета и прибылей для госкорпораций и крупного частного бизнеса, ориентированных на энергетику, транспорт, добычу сырья;
- перманентная головная боль, которую обеспечивают экономическая и социальная слабость региона и потенциальный сепаратизм его населения;
- источник потенциальных угроз извне (территориальные претензии Японии и — отложенные — Китая);
- тяжёлое управленческое бремя (финансовая нагрузка, трудности, связанные с расстоянием, часовыми поясами, а также разницей экономических интересов Москвы и региона).

Приоритеты представители разных элит расставляют по-разному, но общее представление о Тихоокеанской России совпадает, определяя и коллективное отношение к ней, и формирование ТПП. Немаловажно, что дальневосточник в данной парадигме выглядит, прежде всего, как «трудовой ресурс», который постоянно недоволен и чего-то требует, вынуждая власть изыскивать какие-то средства, чтобы закрепить этот ресурс в регионе. При этом нелюбовь взаимна: в представлении большинства дальневосточников именно неадекватная политика Москвы является одной из главных угроз безопасности и развитию Тихоокеанской России¹⁰.

Имея столь неуравновешенную конструкцию, трудно представить, чтобы обременённый большим количеством слабостей и уязвимостей регион мог бы реально сделаться платформой для эффективной и плодотворной деятельности РФ в Восточной Азии и АТР. Именно поэтому саммитом АТЭС во Владивостоке «поворот» практически завершается. Угроза потери региона отступила, перед страной возникли более актуальные вызовы (Крым, Украина, Сирия, обострение противоречий с США и ЕС), требующие огромных финансовых средств и политических усилий, и тихоокеанское направление политики очень быстро ушло на третий план. Правда, были ещё какие-то рефлексивные попытки правительства сохранить хотя бы инерцию движения посредством создания стимулов для привлечения российского и зарубежного бизнеса в дальневосточную экономику, но особым успехом они не увенчались.

По этим причинам идея превращения Дальневосточного региона в «плацдарм российской интеграции в АТР», столь популярная

в начале десятилетия, потихоньку уходит в никуда. И это понимание декларативности роли Тихоокеанской России как интеграционной платформы в АТР наконец-то проникло в документы последних лет. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. говорится лишь о заинтересованности страны «в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока»¹¹.

Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» осторожно нацеливает на «ускорение экономического роста, в том числе за счёт развития экспортно-ориентированных отраслей экономики»¹². Наконец, последняя федеральная программа развития Дальнего Востока ограничивается тем, что к ключевым конкурентным преимуществам региона относит его «экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона» и «расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой»¹³.

Таким образом, значение «внутренней» составляющей в ТПР во втором десятилетии XXI в. постепенно снижается, роль Тихоокеанской России низводится до транспортного коридора, призванного обеспечить взаимодействие РФ со странами бассейна Тихого океана. В майском декрете (2018 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.» перед Тихоокеанской Россией поставлены всего две задачи: «увеличить грузооборот портов Тихоокеанского бассейна» и «развивать Северный морской путь, увеличить грузооборот по нему до 80 млн т»¹⁴.

В отличие от «внутренней» компоненты, которая, при всех её противоречиях и зигзагах, имеет понятную логику и определённую последовательность, «внешняя» составляющая ТПР достаточно аморфна. Одним из её приоритетов является скорее пропагандистская, чем доступная для реализации идея создания в регионе «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества»¹⁵. Это понятно в условиях серьёзности угроз и вызовов для России на Тихом океане, среди которых не только десятилетиями тлеющие территориальные споры, взрывоопасная обстановка на Корейском полуострове, но и раскручивающийся конфликт между США и КНР, растущий государственный национализм

в странах региона. Но вот конкретной и инициативной повесткой решения этих проблем Москва так и не обзавелась.

Нагляднее всего о качественном наполнении «восточного поворота» Кремля свидетельствует сухая статистика. Экономические результаты взаимодействия России с её главными партнёрами на Тихом океане, за исключением Китая, можно смело оценивать со знаком «минус». Объём торговли РФ с Японией, Южной Кореей и США в конце второго десятилетия (2019 г.) был ниже, чем в его начале (2011 г.), а пандемийный 2020 г. вообще опустил их на уровень 2006—2007 гг. (рис. 1).

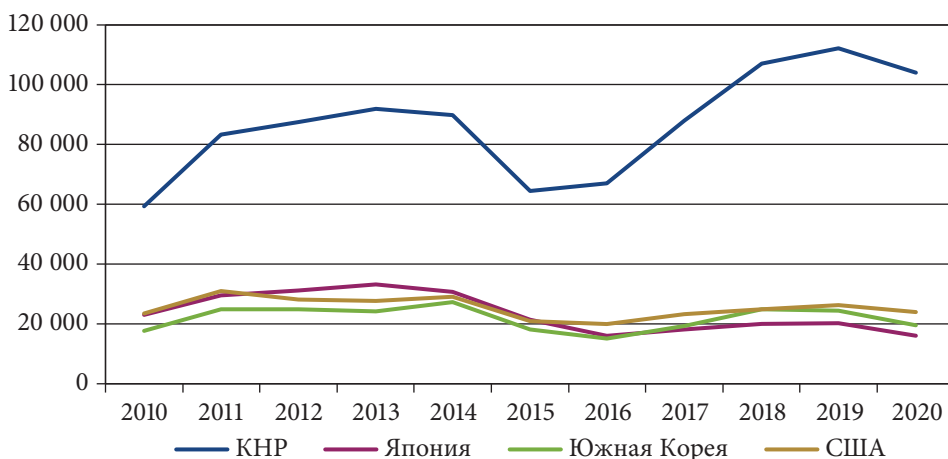

Рис. 1. Торговля России с главными экономическими партнёрами в Тихоокеанском бассейне (млрд долл.). Сост. по данным таможенной статистики РФ¹⁶

За последние 10 лет экономическое присутствие ведущих государств Тихоокеанского бассейна в России не только не выросло, но и сократилось. По данным Центрального банка РФ, совокупный объём накопленных инвестиций из КНР, США, Японии и Южной Кореи на 1 июля 2020 г. составил лишь 2,7% от общего объёма ПИИ в РФ (12 млрд долл.). Это в два раза меньше, чем было на начало 2014 г.¹⁷

Более того, это десятилетие ТПР ознаменовалось снижением масштабов экономического взаимодействия восточных районов РФ — мифического «интеграционного плацдарма» — с их азиатскими соседями (рис. 2). Да и доля ДФО в совокупном объёме торговли страны с её главными партнёрами в Тихоокеанской Азии (Китай, Япония, Южная Корея) сократилась с 20,4% в 2011 г. до 17,3% в 2020 г. То же наблюдается в реализации вроде бы достигнутых договорённостей о привлечении китайских и корейских инвестиций к развитию

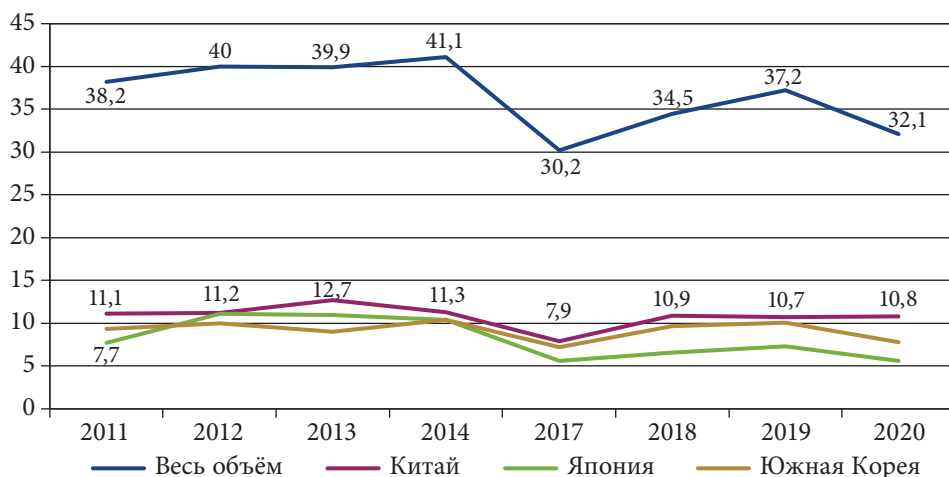

Рис. 2. Торговля ДФО (в границах 2020 г.) с основными внешнеэкономическими партнерами (млрд долл.). Сост. по данным Дальневосточного таможенного управления¹⁹

Дальнего Востока: много слов, радужных картин и мизерные результаты¹⁸. «Плацдарм» экономического присутствия России на Тихом океане не укреплялся, а сжимался.

Неудивительно, что в политическом диалоге РФ с государствами Тихоокеанской Азии при отсутствии реальных результатов в развитии экономических отношений преобладает словесная эквилибристика. Да и сама «Тихоокеанская политика России» являла собой скорее демонстрацию дипломатического политеса и декларацию «добрых намерений» Москвы в отношении отдельно взятых стран региона, чем внятный и последовательный набор действий, нацеленных на решение каких-то конкретных задач. В качестве иллюстрации такого подхода можно взять формулировки приоритетов России в отношениях с государствами Тихоокеанской Азии, обозначенные президентом РФ В.В. Путиным на полях Восточного экономического форума 2018 г.: «Нам необходимо сотрудничать с Китаем, Японией, Южной Кореей и Монголией... Мы готовы обсуждать трёхсторонние проекты сотрудничества с РК и КНДР в сфере инфраструктуры, энергетики и других областях»²⁰; «Япония — это важный и надёжный партнёр для России»²¹; «Республика Корея — наш важный и перспективный партнёр в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы удовлетворены развитием наших двусторонних отношений: они развиваются поступательно по всем направлениям»²².

На четырёх из пяти «этажей» китайской политики РФ (глобальном, национальном, региональном и индивидуальном) наблюдался очевидный застой. Энергичные попытки обеих сторон «проторить евразийскую колею» в отношениях — соединить китайскую инициативу «Пояса и пути» с российским концептом «Большой Евразии» — не вышли за пределы теоретических обсуждений. Под традиционным углом зрения — «непотопляемый авианосец США», потребитель российских энергоресурсов, потенциально выгодный партнёр для подъёма экономики Тихоокеанской России и, конечно, претендент на российскую территорию — смотрели из Москвы на Японию. Москва так и не осознала и не сформулировала свои интересы на Корейском полуострове, не смогла воспользоваться неприкрытыми намёками южнокорейских лидеров о создании экономического треугольника РФ — РК — КНДР как одной из основ будущего межкорейского урегулирования. Не произошло заметных подвижек и в отношениях России с другими странами Тихоокеанского бассейна. Возможно, на фоне быстро разгоравшегося конфликта с США и ЕС, обострения ситуации на южных границах РФ такая стабильность может считаться позитивным фактором, но это в лучшем случае стагнация, а никак не развитие отношений.

Выполнение или провал в исполнении сформулированной Кремлём в конце первого десятилетия XXI в. задачи интегрировать Россию в экономическое пространство АТР зависели от двух взаимосвязанных факторов:

- способности Москвы сформировать адекватные реалиям стратегии закрепления России в восточноазиатском цивилизационном и экономическом пространстве, принципы политики РФ в отношении ведущих государств региона, а также модель развития её территорий Тихоокеанской Азии;
- заинтересованности основных игроков в этом регионе содействовать интеграции России в АТР, развивать с ней всесторонние связи, способствовать экономическому развитию восточных районов РФ.

Ни один из этих факторов не сработал. «Восточный поворот» России как в его внутренней («развитие Дальнего Востока»), так и во внешней (отношения со странами Тихоокеанской Азии) проекции оказался больше имитацией, чем реальностью. И следующее десятилетие вряд ли принесёт какие-то серьёзные изменения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избр. ст. и докл. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 16—19.
- ² Putin W. Plädoyer für Wirtschafts Gemeinschaft — Von Lissabon bis Wladiwos // Süddeutsche Zeitung. 2010. November, 25.
- ³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>; Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>; Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Россия в АТЭС и в АТР. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 5—8.
- ⁴ Clinton H.R. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Speech at the East-West Center. Honolulu, Hawaii, January 12, 2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135090.htm>.
- ⁵ Речь Михаила Горбачёва во Владивостоке, 28 июля 1986 г. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1986. 45 с.
- ⁶ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». 21 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>.
- ⁷ Например, в сентябре 2018 г. на ВЭФ он утверждал, что «Дальний Восток может и должен стать мощным экономическим и индустриальным центром с большим экспортным потенциалом». См.: Пленарное заседание Восточного экономического форума. 12 сентября 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>.
- ⁸ См.: Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. URL: <http://government.ru/docs/33593/>; Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.». URL: <http://government.ru/docs/11959/>.
- ⁹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>.
- ¹⁰ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 33.
- ¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г....
- ¹² Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45628>.
- ¹³ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. Утверждена распоряжением

Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. С. 2. URL: <http://government.ru/news/40487/>.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1>.

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г....

¹⁶ Федеральная таможенная служба: офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/>.

¹⁷ Центральный банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

¹⁸ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 15—17; Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под. ред. чл.-корр. РАН, проф. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 344—349.

¹⁹ Дальневосточное таможенное управление: офиц. сайт. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/>.

²⁰ Пленарное заседание Восточного экономического форума. 12 сентября 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>.

²¹ Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58511>.

²² Встреча с премьер-министром Республики Корея Ли Нак Ёном. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/58536>.

РАЗДЕЛ 2.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

ВНЕШНЯЯ УГРОЗА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОСВОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ*

ВВЕДЕНИЕ

Нынешний «восточный поворот» Кремля и его акцентированное внимание к судьбе российского Дальнего Востока ставит серию закономерных вопросов о сущности, содержании и потенциальных результатах этого явления. Главный вопрос: есть ли основания говорить о принципиально новой стратегии России на Тихом океане¹ или же самой России и миру предложена модификация прежней имперской политики, с проявлениями которой знакомы все, кто хоть немного занимался историей международных отношений в Восточной Азии и российского Дальнего Востока последних полутора веков? Насколько этот курс учитывает прошлый опыт, надолго ли он сохранится и каких последствий «поворота» следует ожидать?

Ответы во многом зависят от оценки причин и мотивов трогательной заботы Центра об окраине государства, население которой вдвое меньше того, что проживает в столице. Власти и эксперты трактуют их по-разному. Одни объясняют их намерением Кремля обеспечить «экономическое возрождение России, в рамках которого Москва и нефть и газ из Западной Сибири, поставляемые в Европу, будут не единственным локомотивом роста»², и «закрепить за Россией достойное место в формирующейся региональной экономической

* Опубликовано в виде брошюры: Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги, 2013. 25 с.

архитектуре»³. Другие верят в благие намерения Москвы использовать возможности Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока. Третьи уверены, что нынешнее внимание Кремля к Азии является «проявлением традиционного российского экспансионизма и великодержавия»⁴ и обусловлено намерением России «упрочить статус великой евроазиатской державы»⁵. А по мнению некоторых скептиков, «восточный поворот России» — это чистый блеф, и в реальности «российские политические деятели стремятся не „идти на Восток“, а скорее изменить представление о том, что называть Западом»⁶, ищут не своего места под солнцем, а всего лишь «автономии в пределах западного мира»⁷. Мне кажется, даже краткий экскурс в историю, анализ причин периодического возрождения интереса Центра к восточным окраинам страны, а также средств и способов, которыми правительство пыталось решить озадачившие его проблемы, поможет приблизиться к пониманию сути нынешнего «поворота» и спрогнозировать его будущее.

Последнее (но далеко не первое) решение об ускоренном развитии Дальнего Востока было принято Советом безопасности России 20 декабря 2006 г. Его предвляла оценка ситуации в регионе как критической и угрожающей национальным интересам государства. Обращаясь к членам совета, В. Путин сформулировал тезис о том, что «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» Дальнего Востока, неэффективное использование его естественных конкурентных преимуществ представляют «серьёзную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности... России в целом»⁸. Знакомый посыл. Даже предварительный взгляд на историю показывает, что одним из главных факторов (если не главным), в прежние времена заставлявших Центр вплотную заниматься восточными окраинами страны, была угроза их утраты, шедшая извне. Об этой угрозе в разных её проявлениях и пойдёт речь ниже.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В сибирско-дальневосточной эпопее России, история которой отсчитывается с конца XV в., чётко прослеживаются два крупных этапа. Первый, социально-экономический, приходится на начало

XVI — первую половину XIX в. В эти годы шло преимущественно стихийное освоение Сибири и лишь в небольшой степени — Дальнего Востока. На восток Россию двигали тогда два фактора: материальный интерес казны (сибирская пушнина и доходы от караванной торговли с Китаем), с одной стороны, и энергия «охочих» людей, вольно-народная колонизация — с другой. Серьёзным сдерживающим фактором стали климат, расстояния и противодействие со стороны Пекина.

Второй этап этой политики, имперский, военно-стратегический, приходится на вторую половину XIX в. — XX в. Подписав серию договоров с Китаем и Японией⁹ и овладев тихоокеанским побережьем Северо-Восточной Азии, Россия предъявила себя миру как тихоокеанскую и глобальную державу. Характер этого этапа определялся стратегическими интересами Петербурга, а затем Москвы, их стремлением расширить «свой периметр безопасности»¹⁰, укрепить позиции и влияние в Азии и защитить завоевания России в этом регионе мира.

Если на предшествовавшем этапе Восточная Азия являлась захолустьем, с точки зрения европейских политиков, то с 40-х гг. XIX в. ведущие европейские государства и США обозначили её как сферу своих первостепенных интересов, шаг за шагом силой «открывая» для Запада стагнировавшие азиатские государства. Закономерно, что с середины XIX в. российские владения на Тихом океане оказались в фокусе внимания и интересов крупных держав, в первую очередь Великобритании. Именно тогда перед Петербургом в полный рост встала двуединая проблема, над решением которой российское государство бьётся уже полтора столетия: поддержание статуса тихоокеанской державы и обеспечение безопасности восточных окраин.

Попытки решать эту проблему предпринимались с тех пор неоднократно, однако не систематически и планомерно, а время от времени, спорадически, раз в 25—30 лет. В каждом из таких случаев причиной повышенного внимания Центра к региону было обострение военно-политической обстановки на востоке России, а толчком (импульсом), заставлявшим Центр погрузиться в восточноазиатские и дальневосточные реалии, были одно или комплекс событий, воспринимавшихся в российской столице как угроза российским владениям на Тихом океане. Каждому из этих этапов предшествовал разный по продолжительности период формулирования, осознания

и трансляции угроз, ибо требовалось определённое время, чтобы накопившиеся свидетельства их существования доходили до руководства страны и подвигали его на конкретные действия¹¹.

Каждый раз запада Центра хватало на 8—10 лет. В течение этого времени опасность отступала или ослабевала до некритической величины, после чего интерес столичной бюрократии к региону угасал, правительство переключало свой взор на запад или юг страны, а Дальний Восток переходил в стадию инерционного развития. Сил, средств, времени и желания на планомерное освоение этой огромной территории государству никогда не хватало. Парадокс истории также заключался в том, что каждый цикл существовал словно бы впервые, а опыт прежних попыток и уроки, полученные предшественниками, оказывались забытыми и практически не востребованными.

Очень скоро после включения северо-восточной окраины Евразии в состав русского государства стало очевидно, что эта территория имеет минимальный ресурс (природно-климатический, политический, демографический, финансовый) для саморазвития. Тренды её движения в огромной степени зависели от (1) имперских интересов Центра, (2) идеологических воззрений руководства страны, (3) политики государства и лишь в малой степени — от потребностей, возможностей, энергии и деятельности населявших её людей. Эти три фактора не являлись постоянными величинами, менялись под воздействием внутренней ситуации в стране и международной обстановки, но именно они обусловили цикличность дальневосточной политики российского государства, уже отмеченную историками¹² и экономистами¹³.

При этом восточное побережье России всегда играло важную роль в её тихоокеанской политике. Одним из главных факторов, всегда определявших восточную политику Петербурга/Москвы и, соответственно, судьбу Тихоокеанской России, была идея державности или, говоря современным языком, стремление российской политической элиты владеть огромной территорией, выступавшей для неё «в качестве главного показателя влияния в международных делах»¹⁴. Эта территория воспринималась не только как восточный рубеж, граница, фронтир России, но одновременно как потенциальный плацдарм для дальнейшей экспансии на Восток.

Идея державности заставляла Центр постоянно держать в уме обстановку на восточной окраине государства, время от времени

публично декларировать важность этих территорий для России, как и необходимость укрепления тихоокеанского вектора её внешней политики и развития Дальнего Востока. Однако от подобных политических деклараций и теоретических обоснований, пусть даже зафиксированных в документах самого высокого уровня, до конкретных действий пролегла огромная дистанция. Уже за само пребывание этой территории в составе России, за обеспечение её безопасности государство должно платить, и платить немало. Её освоение и развитие требовали ещё бóльших средств, которых всегда не хватало. Поэтому активные действия в отношении региона осуществлялись только тогда, когда угрозы признавались на самом высоком уровне, после чего принимались специальные политические решения, становилось приоритетным его финансирование, реализовывался комплекс экономических, военно-оборонительных и социально-демографических мер. Целью и сутью этих действий было укрепление позиций России на дальневосточных берегах и снятие реально существовавших или потенциальных угроз её безопасности.

Оставляя за скобками период до середины XIX в., обратимся к военно-стратегическому этапу колонизации Россией Дальнего Востока. Отталкиваясь от определения импульсов, стимулировавших интерес Центра, начнём с идентификации периодов активных действий Петербурга/Москвы в этом регионе. Таких периодов выявляется четыре: 1854—1861 гг., 1896—1903 гг., 1931—1939 гг., 1966—1975 гг. Причём первые два — это явно выраженные попытки обеспечить безопасность восточных границ России посредством их расширения, а два последующих характеризуются стремлением развить и упрочить собственные территории.

БОРЬБА ЗА АМУР

Значение р. Амур «как наиболее удобной дороги в Тихий океан» русское правительство осознало к середине 20-х гг. XVIII в. Однако реальный интерес Петербурга к Приамурью возник только в конце 40-х гг. XIX в. и был напрямую вызван активностью европейских держав в Восточной Азии. Причинами стали не только итоги Первой опиумной войны Англии и Франции с Китаем. Серьёзную озабочен-

ность Петербурга вызвали планы англичан заняться колонизацией Амура. Более того, возникли большие опасения, что Россия вообще может потерять Сибирь.

Именно к этой мысли подводил царский двор генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв, вступивший в должность в феврале 1848 г. В одной из первых докладных записок Николаю I он заострил внимание императора на угрозе потери этого региона Россией: «Не раз случалось мне слышать в Петербурге опасение, что Сибирь рано или поздно может отложиться от России... Государь, я убедился, что опасение это весьма естественно и от таких причин, которые совершенно чужды соображениям столичным»¹⁵. Генерал-губернатор обозначил главный источник угрозы: деятельность англичан на Амуре, которые «под видом бесхитростных туристов или невинных ревнителей науки разведывают всё, что нужно знать Английскому правительству»¹⁶.

Крымская война и угроза русским владениям на Камчатке и побережье Охотского моря заставили Россию предпринять конкретные действия на Востоке. В 1854—1856 гг. Н.Н. Муравьёв трижды перебрасывал по Амуру подкрепление, оружие, снаряжение на Камчатку, что позволило отразить нападения англо-французской эскадры на русские владения на Тихом океане (Петропавловск). После поражения России в Крымской войне в русском правительстве выделилась влиятельная группировка (канцлер князь А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич), выступавшая за незамедлительное проведение мер по укреплению позиций России на Дальнем Востоке¹⁷, а планы американцев, как до этого англичан, по колонизации Приамурья¹⁸ ещё более укрепили решимость Петербурга овладеть Амуром. Итогом стало подписание Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем, закрепивших за Россией территорию Приамурья.

Однако на этом продвижение России на восток фактически закончилось. Внимание царского двора переключилось на внутренние проблемы, а во внешней политике — на Европу, Ближний Восток и Центральную Азию. С уходом с поста генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва в 1861 г. Дальний Восток лишился активного и влиятельного лоббиста своих интересов в Центре. В 1867 г. Россия продала США свои североамериканские владения. На четверть века Дальний Восток оказался в тени внешней и внутренней политики России.

МАНЬЧЖУРСКАЯ САГА

Особенность и трагедия второго периода активности России на Востоке заключались, с одной стороны, в длительной неготовности и неспособности царского двора идентифицировать истинного врага, с другой — в неудачном выборе способа борьбы с угрозами интересам России, с третьей — в выносе основной сферы активности за периметр российской границы. Закономерно, что сценарий событий отличался от предыдущего хотя бы потому, что развитию собственно российского Дальнего Востока не уделялось в этот период много внимания.

К концу XIX столетия российская дипломатия не видела серьёзной опасности ни со стороны дремлющего Китая, ни в лице быстро набиравшей вес Японии. Даже предполагая возможность войны, российские дипломаты и военные были абсолютно уверены в победе русского оружия. «Несомненно, что в случае войны (с Японией. — В.Л.) мы выйдем победителями», — писал за два месяца до её начала военный министр А.Н. Куропаткин¹⁹. Куда в большей степени Петербург опасался происков Англии и усиления позиций США в Китае. Обострение отношений с Китаем в 1880 г. (из-за Илийского края), в котором не последнюю скрипку сыграла британская дипломатия, и активность Англии и США вблизи российской границы на Корейском полуострове усилили эти подозрения. Угроза конфликта с Англией и очевидная неукреплённость дальневосточных границ России, невозможность быстрого пополнения и бесперебойного снабжения армии заставили царский двор обратиться к идее строительства Сибирской железной дороги²⁰, торжественная закладка которой состоялась в мае 1891 г. во Владивостоке. Однако неверная оценка царским правительством собственных возможностей и источников угроз привела к ошибочному выбору средств борьбы. Ставка, как и в середине XIX в., была сделана на территориальную экспансию, дальнейшее расширение границ России, а не на освоение и укрепление имеющихся владений и ресурсов на востоке.

Новый этап активной политики России на Дальнем Востоке был вызван итогами Японо-китайской войны 1894—1895 гг., в результате которой Япония превратилась в доминирующую силу в Северо-Восточной Азии. Главные усилия и средства царский двор направил на

участие в разделе Китая, строительство железных дорог в Маньчжурии: Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (МЖД), — а также обустройство взятых в 1898 г. в аренду у Китая Порт-Артура и Дальнего как нового плацдарма российской экспансии в Восточной Азии. При этом, однако, главную угрозу своим планам отцы дальневосточной политики России по-прежнему продолжали видеть не в Японии, а в Англии. Как утверждал С.Ю. Витте, решение о занятии Порт-Артура и Дальнего император принял после того, как министр иностранных дел России граф М.Н. Муравьев сообщил ему, что «если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане»²¹. Горячие головы при дворе предлагали также планы аннексии Кореи и Маньчжурии.

Переноса оборонительные рубежи России за пределы собственно российской территории, царское правительство проиграло. Только поражение в Русско-японской войне 1904—1905 гг. заставило Петербург отказаться от этой стратегии и заняться укреплением обороноспособности Приамурья. Основной акцент в обеспечении безопасности региона был сделан на заселении его русскими. Были приняты некоторые меры по усилению крестьянской колонизации региона, интенсифицировано строительство Амурской железной дороги, стимулирован приток российских рабочих, предприняты усилия по развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности.

Тем не менее, хотя за 1909—1914 гг. государственные расходы на Дальний Восток удвоились (с 55 до 105 млн руб. в год)²², особо интенсивным этот период истории Тихоокеанской России назвать трудно. Слишком большие силы и эмоции были потрачены на проекты за пределами российской территории, Маньчжурия и КВЖД, а не российский Дальний Восток, продолжали притягивать и силы, и капиталы²³. С другой стороны, распространившиеся после поражения в войне с Японией в столичных кругах представления, что России вообще придётся уйти с берегов Тихого океана²⁴, не добавляли энтузиазма.

ЯПОНСКИЙ ВЫЗОВ: 1931—1939 гг.

Если первая фаза активности России на Тихом океане была спровоцирована Англией, а вторая — Англией, США и Японией, то третья — политикой японского милитаризма в Китае. Начало прямой

японской агрессии в Маньчжурии (сентябрь 1931 г.) заставило Кремль предпринять срочные меры по укреплению советского Дальнего Востока. Осенью этого года Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР принял решение об усилении обороны Дальнего Востока²⁵, в декабре была создана специальная комиссия для разработки мероприятий по ослаблению военной опасности в этом регионе. В апреле 1932 г. были созданы Морские силы Дальнего Востока, в 1933 г. принято постановление «О мероприятиях первой очереди по усилению Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА)», в котором предусматривалось строительство укрепрайонов, аэродромов, бензохранилищ, стратегических дорог, складов, объектов ПВО.

Активнейшим образом создавалась промышленность военного назначения. Удельный вес инвестиций в экономику Дальнего Востока в общем объёме капиталовложений в народное хозяйство СССР ежегодно возрастал. Уже в 1932 г. расходы на капитальное строительство в регионе превысили уровень 1928 г. в 5 раз, в 1937 г. — в 22,5 раза²⁶. Ресурсы направлялись прежде всего на создание военной инфраструктуры и военной промышленности. 13 апреля 1932 г. Совет народных комиссаров принял решение о возведении «объекта особой важности» — Байкало-Амурской магистрали. При этом И.В. Сталин открыто обосновывал активное строительство на Дальнем Востоке растущей угрозой со стороны Японии²⁷.

Важным средством обеспечения обороноспособности региона в этот период стало увеличение численности и переформирование структуры его населения. Миграционная политика советского государства имела прежде всего геополитическое значение, была нацелена на обеспечение безопасности восточной границы СССР посредством формирования на ней благонадёжного, мобильного и готового к решению соответствующих задач человеческого ресурса. Сначала выдавливание, а в 1937—1938 гг. депортация китайцев и корейцев, выселение «неблагонадёжных элементов», комсомольские призывы и оргнаборы привели к заметному увеличению численности населения Дальнего Востока (например, в Хабаровском крае оно увеличилось с 1933 по 1939 г. на 87,1%), преобладанию в нём славянского элемента, мужчин (72 женщины на 100 мужчин) и лиц трудоспособного возраста (41% населения — в возрасте от 20 до 34 лет). Край, где ещё в конце 1920-х гг. преобладали крестьяне-единоличники, превратился в территорию наёмных работников и колхозников²⁸.

Начавшаяся в Европе в 1939 г. Вторая мировая война вновь переключила главное внимание Кремля на запад, но созданный в 1930-е гг. на Дальнем Востоке оборонительный потенциал, а также чувствительные поражения, которые советские войска нанесли японской армии в боях у оз. Хасан в 1938 г. и р. Халхин-Гол (Монголия) в 1939 г., помогли удержать Японию от развязывания войны против СССР.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ: 1966—1975 гг.

Следующий период усиленного внимания Центра к региону приходится на время «культурной революции» и расцвета антисоветизма в Китае, а также войны во Вьетнаме. Антисоветская риторика Пекина и обострение обстановки на советско-китайской границе заставили руководство СССР обратить пристальное внимание на Дальний Восток. Весной 1967 г. Кремль вернулся к идее строительства БАМа. Преобладающими при этом были военно-политические соображения, перед которыми экономическая целесообразность проекта отступила на задний план. Строительство было начато в 1974 г. В июле 1967 и мае 1972 г. были приняты два постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР по комплексному развитию Дальнего Востока. Существенно увеличились размеры капиталовложений в регион²⁹.

Москва реанимировала идею «демографического укрепления» пограничной с КНР полосы, для чего было принято решение переселить в 1967—1970 гг. «в добровольном порядке в колхозы и совхозы Хабаровского и Приморского краёв, Амурской и Читинской областей 23,9 тыс. семей»³⁰. В 1972 г. в южных районах Дальнего Востока и Восточной Сибири были введены «северные надбавки»³¹, также призванные закрепить население на пограничных с Китаем территориях. В результате в это десятилетие миграционный прирост на Дальнем Востоке оказался самым высоким за всю послевоенную историю — 1,4 млн чел.³²

Существенно укрепился военный потенциал региона. С мая 1969 г. на всём протяжении советско-китайской границы развернулось строительство укрепленных районов. Группировка пограничных войск на границе с Китаем выросла с 10,3 тыс. чел. в 1965 г. до 51,3 тыс. в 1970 г.³³ Группировка Сухопутных войск увеличилась с примерно

15 дивизий в середине 1960-х гг. до более 60 дивизий в начале 1980-х. В регионе были размещены ракеты SS-20³⁴. Тихоокеанский флот «превратился из „флотилии береговой обороны“ с численным составом в 50 000 человек в крупнейший и наиболее мощный компонент ВМФ СССР, имевший 800 кораблей и 150 000 моряков и действовавший на всём пространстве от Мадагаскара до Калифорнии»³⁵.

Завершение в 1975 г. вьетнамской войны, смерть в 1976 г. Мао Цзэ-дуна и смена власти в КНР, нормализация советско-китайских отношений серьёзно ослабили напряжённость на восточной границе СССР. В то же время обострились отношения Кремля с США и Западной Европой. Уже со второй половины 1970-х гг. интерес советского руководства к Дальнему Востоку заметно упал. В последующие три десятилетия руководство СССР, а затем Российской Федерации не оставляло Дальний Восток без внимания, но преимущественно на словах. Москве было явно не до этих далёких территорий. Программы развития региона (на 1986—2000 гг. и 1996—2005 гг.) в значительной степени оставались на бумаге, а в 1990-е гг. Дальний Восток был практически брошен на произвол судьбы и выживал за счёт собственных сил и ресурсов.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО ИЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОЕ РЕШЕНИЕ?

2006—20(??) гг.

Судя по целому ряду факторов, нынешнее повышенное внимание Кремля к Дальнему Востоку — явление несколько иного порядка, чем в описанных выше случаях. Если тогда Центр был озабочен приращением или защитой территории государства, то сегодня вопрос стоит о его будущем.

Начиная с выступления генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва во Владивостоке в 1986 г. и вплоть до сегодняшнего дня основополагающей целью развития восточных районов страны Кремль объявляет интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Тем не менее долгое время решения, направленные на достижение поставленной цели, оставались декларациями о намерениях. Очевидно, что российские бюрократия, бизнес и общество не были готовы в очередной раз увлечься далёким Востоком в ущерб близкому и понятному

Западу. Поиск иных, более действенных рычагов заставил Кремль вспомнить подзабытое старое — фактор внешней угрозы.

Тема возможного отторжения Дальнего Востока от России начала обсуждаться вскоре после распада СССР. Главную угрозу — «коварные замыслы Пекина» — определили сразу³⁶. Но уже в первой половине 1990-х гг. эксперты также заговорили об опасных последствиях экономической деградации и инфраструктурной оторванности региона от европейской части страны, причём опасности не только для самого Дальнего Востока, но и для всего государства. К концу этого десятилетия «стало ясно, что Сибирь и Дальний Восток — не только „могущество“, но и сама судьба России», что от векторов и результатов их развития «станет всё в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства»³⁷. Мысль об огромной геополитической значимости Дальнего Востока для России и угрозе его отторжения начала постепенно утверждаться в сознании политической элиты страны.

В июле 2000 г. президент В.В. Путин заявил об угрозе «существованию региона как неотрывной части России»³⁸, а в августе 2002 г. произнёс, наверное, ключевую для всех последующих событий фразу об «огромном стратегическом значении» региона для всей страны³⁹.

И уже в ноябре того же года Совет безопасности России обсуждал вопросы обеспечения национальной безопасности в Дальневосточном федеральном округе. Выступая на заседании, президент обозначил причины такого внимания к региону: существующие на Дальнем Востоке «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере... ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁴⁰.

Таким образом, интеграционный ресурс Тихоокеанской России, а не обеспокоенность Центра территориальной целостностью страны или судьбой дальневосточников стал ключевым фактором для принятия кардинальных решений по развитию Дальнего Востока. А декларации об угрозе безопасности и пребыванию Дальнего Востока в составе российского государства были аргументами, использовавшимися для того, чтобы переориентировать на регион силы и средства государства. Потребовалось, однако, ещё несколько лет, в течение которых российское руководство «дозревало» до решительных

шагов и подспудно готовило политическое и бизнес-сообщество страны к «восточному повороту». Этому «дозреванию» способствовали восстановление у правящей элиты чувства уверенности, утерянного в первое десятилетие после развала СССР, осознание ею важности поднимающейся Азии и ускоренного отставания страны от Китая, наконец, формирование представления о России как «энергетической державе, незаменимой для мировой экономики»⁴¹ и способной эффективно действовать на азиатских рынках.

Как уже отмечалось, тезис об угрозе безопасности страны громко прозвучал на заседании Совета безопасности России в декабре 2006 г. и предварял решение об ускоренном развитии Дальнего Востока. И хотя некоторые политики в столице вновь заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока⁴², политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»⁴³, интернет в очередной раз наполнился рассуждениями о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая, главные усилия государства были всё же направлены не на укрепление границ, модернизацию обороны Тихоокеанской России, а на создание на её территории экономической и инфраструктурной платформы, призванной обеспечить интеграцию страны в экономику АТР.

В августе 2007 г. правительство утвердило новый вариант программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года», а через год дополнило её подпрограммой «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР»⁴⁴. Как заметил по этому поводу профессор Принстонского университета Г. Розман, «один из уголков российского Дальнего Востока должен был стать площадкой для экономического роста, чтобы способствовать ощутимости присутствия России»⁴⁵. Финансирование этой подпрограммы, в отличие от большинства предшествовавших ей, не только аккуратно выполнялось, но и было увеличено, прежде всего за счёт привлечения внебюджетных средств⁴⁶. В декабре 2009 г. правительство утвердило «Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», одной из главных целей которой значится «реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе»⁴⁷.

К концу 2000-х гг. эксперты обсуждали, как долго продлится увлечение руководства России Востоком, тем более что тогдашний

президент Д.А. Медведев проявлял куда больший интерес к США и Европе, чем к Азии. Однако события начала второго десятилетия XXI в., похоже, только укрепили решимость российского руководства и далее «продвигать» Россию в сторону Тихого океана. Затяжной экономический кризис в Европе, резкое обострение отношений между государствами Восточной Азии, события на Корейском полуострове, «возвращение США в Тихоокеанскую Азию» — всё это оказалось очень весомыми аргументами, чтобы вновь заговорить об угрозах интересам России в АТР и предпринять шаги для их устранения.

В ноябре 2012 г. на заседании Президиума Госсовета В.В. Путин вновь декларировал экономический подход к обеспечению безопасности региона, высказался о необходимости его ускоренного, устойчивого развития, «с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»⁴⁸. 12 декабря 2012 г. в послании Федеральному собранию он ещё раз подтвердил, что вектор развития России в XXI в. — «это развитие на восток», а использование колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока — это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴⁹.

ЭВОЛЮЦИЯ УГРОЗ: ВОСПРИЯТИЕ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СРЕДСТВА БОРЬБЫ

Совершенно очевидно, что с самого момента вхождения в состав Российской империи Дальний Восток являлся слабым звеном в системе обороноспособности государства, и проблема его уязвимости, а значит, защиты и сохранения дамокловым мечом висела над руководством страны. Однако активизировалось оно только тогда, когда приходило к выводу о наличии угрозы потери данной территории.

Эта угроза служила для власти главным аргументом при обосновании экстренных действий на Дальнем Востоке в середине и конце XIX в., в 30-х и на рубеже 60-х и 70-х гг. XX в. Исключение составляет лишь последний период, когда в качестве главной угрозы предлагается неучастие России в экономических и интеграционных процессах в АТР. Хотя, опять же, стремление «не отстать от держав», бывшее локомотивом российской политики в конце XIX в., и сегодня откровенно просвечивает сквозь высокие рассуждения об интеграции.

Примечательно, что центральная власть вяло реагировала на сюжет о «жёлтой угрозе», который дальневосточные политики и общественность пытались использовать для давления на столицу в начале XX в., а также на рубеже XX и XXI вв., побуждая её принять меры для ограничения «азиатского присутствия». Этот фактор учитывался при сочинении различных проектов миграционной политики в регионе, в основе которых лежали идеи сдерживания «китайской демографической экспансии» и стимулирования притока в регион россиян, но не более того.

А вот идея сибирского и дальневосточного сепаратизма, порожаемого влиянием на эти регионы извне, издавна служит для Центра «страшилкой», усиливающей воздействие фактора внешней угрозы. В 1840-х гг. в Петербурге считали такую опасность вполне реальной. Существовало опасение, что, попав под влияние «инородцев» и иностранцев, русские люди поддадутся чужому влиянию, утратят чувство верноподданности⁵⁰. Дальневосточная «особость» откровенно раздражала Кремль в советское время. О сепаратизме вновь заговорили в начале 1990-х гг. и не успокаиваются до сих пор. Столичные политики совершенно серьёзно обсуждают возможность экономического, а затем и политического дрейфа этих территорий в сторону зарубежной Азии, высказывают опасения, что «ускоренное развитие Дальнего Востока даже по сравнению с соседней Сибирью может привести к росту и без того серьёзной автономии этой территории по отношению к европейской части России»⁵¹. Сильнейшая экономическая зависимость Тихоокеанской России от Китая, Японии и Южной Кореи сама по себе заставляет размышлять об этом факторе.

Идентификация угроз сопровождалась выработкой мер по борьбе с ними, которые облекались в различные программы и проекты. Первые из них появились в царское время, когда колонизация и развитие этой территории рассматривались «исключительно как стратегическая операция»⁵². В 1861 г. были утверждены «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», которые объявили эти территории открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счёт»⁵³. Однако желающих оказалось немного, а в 1863 г. правительство прекратило оказывать поддержку крестьянам, намеренным перебраться в этот далёкий край. В 1909 г. был создан Комитет по заселению

Дальнего Востока во главе с премьер-министром П.А. Столыпиным. Однако результаты здесь были меньше по сравнению с Сибирью⁵⁴.

Программы советской эпохи (постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по развитию Дальнего Востока 1930, 1967 и 1972 гг.) по сути мало различались между собой. По заключению экономистов, они «не имели ничего общего с экономическими приоритетами», решали исключительно военно-политические задачи, причём сугубо командными методами⁵⁵. Политика советского государства всегда была нацелена не на развитие региона как такового, а на укрепление его обороноспособности и той части его экономического и человеческого потенциала, которая обеспечивала эту обороноспособность, будь то укрепляйоны на советско-китайской границе, предприятия военно-промышленного комплекса или «демографический пояс» вдоль линии границы. Эффективность выполнения этих программ напрямую зависела от глубины и силы угроз, с которыми сталкивалось государство⁵⁶.

Закономерно возникает стремление оценить в этом историческом контексте качество современного регионального проектирования — федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». Тот факт, что на ноябрь 2012 г. она была реализована только на 28%⁵⁷, ставит вопрос о серьёзности намерений Центра в отношении развития региона. С моей точки зрения, это означает, что, с одной стороны, Москва не воспринимает угрозу потери Дальнего Востока как реальную, с другой — речь идёт о смене её приоритетов в пользу интеграционной модели развития региона, призванного выполнять роль плацдарма для российского внедрения в АТР. В таком случае не удивительно, что подпрограмма подготовки Владивостока к Саммиту АТЭС была профинансирована к сентябрю 2012 г. на 99,1%⁵⁸.

Нельзя не упомянуть и ещё один важный фактор, работавший даже тогда, когда высшее руководство страны само бралось за проблемы Дальнего Востока. Это сопротивление столичной бюрократии, по разным причинам не имевшей личного интереса в реализации «восточных проектов» России и разными путями пытавшейся саботировать принятые решения. Как заметил по этому поводу профессор Военного колледжа Сухопутных войск США С. Бланк, «власть Путина неоспорима, но чиновники либо не в состоянии эффективно реализовать его решения, либо постоянно саботируют их — и то и другое

уже много раз происходило в истории России»⁵⁹. Можно вспомнить, что в то время как генерал-губернатор Н.Н. Муравьев бился за обретение Амура, «в столице... редкий департамент не вооружён против настоящего управления Восточной Сибирью», а военный министр при Николае I князь А.И. Чернышёв обратился к императору с предложением учредить комитет для обсуждения вопроса о возможности отложения Сибири от России⁶⁰.

Средствами борьбы с внешними угрозами становились военное и оборонительное строительство (укрепление границы, строительство вооружённых сил, развитие военной промышленности), создание транспортной инфраструктуры оборонительного значения, заселение региона русскими. На разных этапах эти вопросы решались с различной степенью интенсивности, видимо, в зависимости от глубины угроз, с одной стороны, и возможностей государства — с другой. Наиболее интенсивно оборонительное строительство вдоль границы с Китаем велось в 1930-х и 1970-х гг., в то время как в 1850-х и 1890-х гг. ограничивались лишь некоторыми мерами по охране границы, прежде всего размещением вдоль неё казачьих станиц и посёлков.

Одной из главных причин уязвимости дальневосточных территорий России была их инфраструктурная оторванность от метрополии. Закономерно, что каждое обострение обстановки на восточных рубежах влекло за собой попытки Центра решить эту проблему. Первой из них стало овладение Амуром, второй — строительство «Великой Сибирской железной магистрали», а затем Китайско-Восточной железной дороги. Оба грандиозных проекта предъявлялись миру как коммерческие предприятия, хотя имели для России прежде всего стратегическое значение. Аналогичную роль играло строительство БАМа (1930-е и 1970-е гг.). Но поскольку циклы активности Центра на востоке были достаточно коротки, проблема слабой привязанности региона «к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству»⁶¹ не решена по сей день и по-прежнему рассматривается как угроза национальной безопасности.

Важным условием обеспечения безопасности Дальнего Востока изначально считалось преобладание в нём славянского населения. Первые шаги в этом направлении были сделаны ещё в 1854 г., за несколько лет до официального присоединения Приамурья к России, когда Александр II санкционировал заселение левобережья Амура русскими. Весной-летом 1855 г. там было основано несколько

русских селений. На рубеже XIX и XX вв. поток русских шёл в зону КВЖД, Дальний и Порт-Артур, в 1930-х и 1970-х гг. — в советско-китайское приграничье. Не отступает от этой традиции и нынешнее российское руководство. В начале 2006 г. правительство включило южные районы Дальнего Востока в «Программу содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом». В марте 2006 г. полпред президента на Дальнем Востоке К.Ш. Исхаков сделал сенсационное заявление о планах переселить на Дальний Восток 18 млн чел.⁶² И расселить их он предполагал прежде всего вдоль российско-китайской границы⁶³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показывает, что в последние полтора столетия обращение России к Тихому океану было обусловлено двумя факторами: стремлением властей активно участвовать в тихоокеанской политике и интегрироваться в экономическую систему региона, с одной стороны, и их опасением потерять свои тихоокеанские владения — с другой. В обоих случаях внешний фактор играл решающую роль. Желание «не отстать от держав» подстёгивало экспансионистские устремления Петербурга в середине и конце XIX в., как и «интеграционные мотивы» Москвы начала XXI столетия, а угроза дальневосточным территориям, неоднократно возникавшая с 1850-х до 1970-х гг., влекла за собой принятие экстренных мер по укреплению обороноспособности региона (в самом широком смысле этого слова) и активизации политики России в Восточной Азии. Именно стратегическая значимость и громадное пространство Дальнего Востока определяли содержание и суть российской политики в отношении региона. Стратегические и военно-политические интересы заставляли Центр предпринимать шаги по его колонизации. Основными средствами при этом являлись переселенческая политика, создание транспортной инфраструктуры, оборонительное строительство, инвестиции в промышленность (преимущественно военного профиля). Главной целью этой колониальной по сути политики всегда были не судьбы и интересы людей, проживавших на востоке, а закрепление и упрочение позиций государства на берегах Тихого океана, обеспечение его безопасности и территориальной целостности. Именно такой

логикой руководствовались и царское правительство, и советская власть, именно ей следует современное руководство России. Население в этой конструкции служит стратегическим ресурсом, необходимым для выполнения военных, политических и экономических задач. В этом как раз и заключается коренное противоречие, уже длительное время препятствующее эффективному освоению региона, а именно расхождение между интересами государства, ставящего и решающего геополитические и стратегические задачи, и интересами жителей Дальнего Востока, которые в большинстве своём хотят лучшей и более комфортной жизни.

Безусловно, неправильно было бы полностью отождествлять меры и политику государства в отношении Дальнего Востока в столь разные, непохожие и противоречивые периоды истории России. Каждому витку обращения Центра к Востоку присущи особенности, обусловленные уровнем и характером развития государства, его политической системы, состоянием мировой и тихоокеанской политики. Но общий тренд очевиден: отношение имперского, советского, а ныне федерального Центра к Дальнему Востоку как к колонии, призванной обеспечивать интересы, развитие и стабильность метрополии, определило политику выделения на нужды этой колонии минимального количества средств, достаточного для поддержания её существования. И только возникновение критической ситуации, угрожавшей потерей этой территории в результате «происков извне», заставляло столицу предпринимать пожарные меры для её укрепления и необходимого для этого экономического развития. После исчезновения явной угрозы интерес Центра к региону моментально снижался.

Так происходит и сегодня. Экономический, политический и военный подъём Китая в конце XX — начале XXI в. стал главным раздражителем, в очередной раз приведшим российских политиков, военных и рядовых граждан к мысли об угрозе российским владениям на востоке. Так что заявления президента В.В. Путина об угрозе территориальной целостности России упали на благодатную почву. Напрашивается вывод, что они делались не исходя из реальной оценки ситуации, а как раз в рамках сложившейся традиции, предполагающей обязательное наличие импульса внешней угрозы для обоснования кардинальных решений. С другой стороны, фактор внешней угрозы необходим для утверждения той черты внешней политики

В.В. Путина, которую австралийский дипломат и исследователь Б. Ло назвал «секьюритизацией»⁶⁴. Всё сходится в одной точке. На сегодня меры, предпринимаемые Центром для изменения негативной динамики развития Тихоокеанской России, заметных результатов не принесли. Отток населения из региона продолжается. Его отставание от Китая растёт, как и зависимость от внешнего мира. При этом, если отталкиваться от исторических прецедентов, цикл должен закончиться к 2015 г. Если только не рухнет по чьему-либо недомыслию стратегическое партнёрство с Китаем и Москве не придётся вновь срочно изыскивать огромные ресурсы на укрепление российско-китайской границы. Но скорее всего, Россия удовлетворится полупризнанием в качестве азиатско-тихоокеанской державы, увеличит энергопоставки на восток и вновь обратится к европейским делам. А Тихоокеанская Россия по-прежнему останется стратегическим ресурсом государства, будет находиться на положении «Золушки» российской внутренней политики и осваиваться колониальными методами. До следующего цикла. Превращение Дальнего Востока в реальную платформу для экономической интеграции России в АТР возможно только при условии принципиального изменения отношения Центра к региону и восприятия его как полноценной части евразийского экономического и политического пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Н. Симония сразу назвал это «новой эрой» в отношениях между Россией и странами СВА и «началом серьёзного, систематического комплексного развития... Восточной Сибири и Дальневосточного региона в целом» (Simonia N. Russia in the Asia-Pacific: The Beginning of a New Era? // Asia Pacific Rev. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 27).
- ² Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. P. 328—329.
- ³ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совещании «Восток России и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: вызовы и возможности». Москва, 3 июля 2009 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/12618fed035301f8c32575e8003ebd1a?OpenDocument.
- ⁴ 黄登靴. 中俄战略协作伙伴关系析论 (Хуан Дэньсюэ. Анализ китайско-российских отношений стратегического партнёрства) // 东北亚论坛. 2008. № 2. С. 38.
- ⁵ См.: 郭力. 俄罗斯东北亚战略评析 (Го Ли. Анализ стратегии России в Северо-Восточной Азии) // 俄罗斯中亚东欧研究. 2006. № 3. С. 52; Hakamada Shigeki. Resurgence of Major-power Ambitions and Changes in Russia's Foreign Policy //

- Russia's Shift toward Asia / ed. by Hiroshi Kimura. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 11; Blind-sided in Asia. Russia does not exactly soar in its Asian backyard // The Economist. 2009. July, 11. P. 55.
- ⁶ Russia: 'Eastern shift' is more rhetorical than real // Oxford Analytica. 2010. March, 25. P. 4.
- ⁷ Sakwa R. "New Cold War" or twenty years' crisis? Russia and international politics // International Affairs. 2008. No. 2. P. 246.
- ⁸ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115648.shtml.
- ⁹ С Китаем — Айгуньский и Тяньцзиньский 1858 г. и Пекинский 1860 г., с Японией — Симодский трактат 1855 г.
- ¹⁰ Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия. М., 1999. Т. 1. Кн. 1. С. 203.
- ¹¹ Немаловажную роль в этом играли огромные даже по современным масштабам расстояния. Разница во времени между Москвой и Петропавловском-Камчатским составляет сегодня восемь часов, а беспосадочный перелёт от Москвы до Владивостока — девять часов.
- ¹² А.В. Ремнёв выделил пять пиков этой политики в XIX—XX вв. продолжительностью от 3 до 15 лет (Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX — начала XX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. С. 522), А.Е. Савченко попытался выявить фундаментальные факторы, определяющие суть и характер этой политики (Савченко А.Е. Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 22—28).
- ¹³ Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28.
- ¹⁴ Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. P. 8.
- ¹⁵ Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (биограф. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печ. источникам): Репринтное издание по изданию 1891 г. Хабаровск: Приамур. геогр. о-во, 1999. С. 205.
- ¹⁶ Там же. С. 192.
- ¹⁷ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. С. 221—222.
- ¹⁸ Вскоре после окончания войны, в 1856 г., «...торговец из Сан-Франциско по имени Бернард Пейтон приехал в Иркутск, чтобы просить генерал-губернатора Муравьева предоставить американцам монопольное право на торговлю в Приамурье. Другой калифорниец — Перри Макдоноу Коллинз — пытался убедить Муравьева позволить американцам „взять в свои руки российско-китайскую торговлю, российские морские перевозки на Тихом океане, построить железную дорогу от Байкала до Амура и участвовать в освоении Приамурья“» (Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford: Stanford California Press, 1994. P. 82).
- ¹⁹ Из всеподданнейшей записки генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина о целесообразности занятия Россией Северной Маньчжурии // Русско-японская

- война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: ИДЭЛ, 2006. С. 68.
- ²⁰ Проект такой дороги был представлен генералом Е.В. Богдановичем ещё в 1860-е гг., но, поскольку в то время проект носил чисто коммерческий характер, а острой экономической потребности в нём не существовало, он был отложен на долгих три десятилетия (Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 68).
- ²¹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 2. С. 122.
- ²² Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 62.
- ²³ Для сравнения: строительство КВЖД обошлось России в 441 млн руб., за 1903—1914 гг. царское правительство только на покрытие «дефицита» КВЖД выделило ещё 178,6 млн руб. Сооружение Дальнего и Порт-Артура обошлось казне в 40 млн руб. (См.: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 333).
- ²⁴ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. С. 277.
- ²⁵ Зайцев Ю.М. Инфраструктура Тихоокеанского флота в системе морской обороны дальневосточных рубежей СССР (1932—1941 гг.). Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2003. С. 97—98.
- ²⁶ Песков В.М. Военная политика на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. С. 107, 150—151.
- ²⁷ См.: Сталин И.В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). URL: http://www.hrono.ru/dokum/1934vkpb17/1_2_1.php.
- ²⁸ Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 128—132.
- ²⁹ Если в 1965—1970 гг. сюда было направлено 14,8 млрд руб., то в 1971—1975 гг. — 21,5, а в 1976—1980 гг. — 29 млрд. В результате ежегодно треть государственных вложений шла на развитие Сибири и Дальнего Востока. См.: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 155.
- ³⁰ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. № 638. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2168>.
- ³¹ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 апреля 1972 г. № 255.
- ³² Миграции населения Азиатской России... С. 232—236.
- ³³ Охрана границ Соверского государства (1917—1991 гг.). URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.html?id%3D10320628@fsbArticle.html>.
- ³⁴ Odom W.E. Trial After Triumph: East Asia After the Cold War. Indianapolis: Hudson Inst., 1992. P. 8.
- ³⁵ Stephan J.J. The Russian Far East... P. 265.
- ³⁶ Подробнее см.: Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 320—331.

- ³⁷ Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока / Совет по внешней и оборонной политике. М., 2001. С. 16. URL: http://www.svip.ru/public/docs_2001_9_17_1351070795.pdf.
- ³⁸ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск, 21 июля 2000 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.
- ³⁹ Стенографический отчёт о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/08/23/1620_type63378type63381_29304.shtml.
- ⁴⁰ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/11/27/0003_type63374type63378_29588.shtml.
- ⁴¹ Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000—2005 // Russian Strategic Thought toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo and J.P. Ferguson. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 127—129.
- ⁴² Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: сб. материалов. М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. С. 23.
- ⁴³ Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 6.
- ⁴⁴ Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. № 1128-р. URL: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/08/06/3507349.htm>.
- ⁴⁵ Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East: A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // Problems of Post-Communism. 2008. Jan./Febr. P. 47.
- ⁴⁶ К лету 2012 г. стоимость подпрограммы по Владивостоку была увеличена в 4,6 раза, до 679,3 млрд руб., при этом на долю федерального бюджета пришлось 32,3% (219,3 млрд руб.). URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/news/archive/04072012/>.
- ⁴⁷ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/gov/results/9049>.
- ⁴⁸ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ⁴⁹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ⁵⁰ Тураев В.А. Дальний Восток России в оценке современников (конец XIX — начало XX в.) // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении Российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009). Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 3—33.
- ⁵¹ Внешнеэкономическая и таможенная деятельность. URL: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_FBB6ABB6-51C9-4ACB8D76-ED3E6EE01C18.html.
- ⁵² Целищев М.И. Дальневосточная область среди тихоокеанских стран // Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российской Федерации с Дальним Востоком со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856—1925 гг.: документы и материалы. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 517. (М.И. Целищев — председатель Дальплана.)

- ⁵³ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 231.
- ⁵⁴ Население Дальнего Востока увеличилось с 1906 по 1914 г. вдвое (с 482 тыс. до 968 тыс. чел.), а механический прирост составил за это время 175 тыс. чел. (Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640—1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. С. 152—153). Однако в Сибирь за этот же период переселились около 2,2 млн чел., из которых на постоянное жительство остались 2 млн (Миграции населения Азиатской России... С. 21—23). Население соседней Маньчжурии в 1910 г. составило 18 млн чел. и далее росло в среднем на 382 тыс. в год (История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 1: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. С. 269—270).
- ⁵⁵ Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика: Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 75.
- ⁵⁶ Если постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г. в его инвестиционной части было выполнено на 130%, постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г. — на 80%, а 1972 г. — на 65%, то последующие программы развития Дальнего Востока (Государственная целевая программа на 1986—2000 гг. и Президентская программа на 1996—2005 гг.), когда об угрозах безопасности региона речь не велась, — всего лишь на 30 и 10% соответственно (См.: О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева Президенту Российской Федерации В.В. Путину в г. Владивостоке. URL: [http:// gov.khabkrai.ru/Invest2.nsf/NewsRus/68c369e753d4c89aca256c22002c1cbb](http://gov.khabkrai.ru/Invest2.nsf/NewsRus/68c369e753d4c89aca256c22002c1cbb)).
- ⁵⁷ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ⁵⁸ Бюллетень Счётной палаты Российской Федерации. 2012. № 12 (180). URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2012/ACH201212201441/ACH201212201441_p_005.htm.
- ⁵⁹ Blank S. What is Russia for Asia? // Orbis. 2003. Fall. P. 577.
- ⁶⁰ Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский... С. 204.
- ⁶¹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г....
- ⁶² Жунусов О. 18 миллионов человек отправят на Дальний Восток // Известия. 2006. 22 марта.
- ⁶³ Камиль Исхаков: «Нужно сделать Дальний Восток привлекательным». URL: <http://www.dfo.ru/info/interview/10.htm>.
- ⁶⁴ Lo B. The Securitization of Russian Foreign Policy under Putin // Russia between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century / ed. by G. Gorodetsky. London, Portland: Frank Cass, 2003. P. 12—27. (Секьюритизация в понимании Б. Ло — это «преобладание военно-политических приоритетов над экономическими».)

РАЗВИТИЕ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ*

Умное и эффективное освоение и использование гигантского по территории и богатейшего по ресурсам пространства Тихоокеанской России — это не только и не столько судьба этого огромного региона, сколько будущее самой России и в немалой степени экономической и политической конфигурации Тихоокеанской Азии. Именно этим обстоятельством продиктовано заявление Президента России В.В. Путина о том, что подъём Сибири и Дальнего Востока — это «стратегическая цель» и «национальный приоритет [России] на весь XXI век»¹. Однако при этом двуединая цель — интеграция России в АТР и развитие восточных районов страны — многократно декларируется, убедительно аргументируется, оформляется в виде программ и стратегий, но никак не становится ближе. Стройная теория упрямо не становится практикой.

Одна из главных причин данного противоречия заключается в том, что ни в российском правительстве, ни в стране в целом идеи смещения вектора российской политики на Восток и приоритетного развития Дальнего Востока, несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, инициированную и постоянно поддерживаемую президентом страны, не пользуются ни полным пониманием, ни безоговорочной поддержкой. Доминирующая в сознании россиян ориентация на Европу и периферийный (с точки зрения большей части населения страны — жителей её европейской части) статус Азии вообще и её российской составляющей в частности — это тяжёлый балласт, замедляющий движение страны на Восток.

В конце 2013 г. сменившееся руководство Министерства по делам развития Дальнего Востока объявило о разработке «новой модели развития Дальнего Востока», тем самым молчаливо признавая неэффективность прежних подходов. Модель воплотилась в очередную Федеральную программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона, ускоренно разработанную и 15 апреля 2014 г. утверждённую Правительством РФ². Однако даже беглый взгляд на документ

* Опубликовано: в журнале Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 18—33.

убеждает, что принципиальные подходы к «новой модели» остались преимущественно старыми, что порождает глубокие сомнения в её способности решить многочисленные трудности региона. Более того, узел экономических проблем, возникших на волне событий вокруг Украины, не даёт никаких надежд, что эта программа получит солидную финансовую подпитку, в которой она сильно нуждается.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ: ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИКИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ, НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕГРАЦИИ В АТР

ГЕОПОЛИТИКА

Распад СССР и потеря обширных территорий на западе и юге страны сделали очевидным тот факт, что владение тихоокеанским побережьем является обязательным условием для обеспечения присутствия России в АТР и обладания ею статусом Тихоокеанской и глобальной державы. События второй половины 1990-х гг., в частности продвижение НАТО к границам России и кризис в Югославии, с одной стороны, и стремительный экономический рост Китая, с другой, довели этот факт и до сознания Кремля. В августе 2002 г. Президент РФ объявил об «огромном стратегическом значении» Дальнего Востока для России³. В последующие годы вышло понимание необходимости и возможности использовать «колоссальный потенциал Сибири и Дальнего Востока» для того, чтобы «занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴.

Решая эту геополитическую задачу, власть была вынуждена вновь обратиться к проблеме самоидентификации России и зафиксировать её место в давнем противостоянии Востока и Запада. Определение даётся с большим трудом. Лавируя между понятиями «европейское» и «евразийское» государство, российская власть продолжает относиться к своей «азиатской» составляющей как к категории вторичной и подчинённой. В феврале 2012 г. В.В. Путин категорично высказался за то, что Россия — это «неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации» и призвал к созданию от Атлантики до Тихого океана «единого экономического и человеческого

пространства — общности, называемой российскими экспертами «Союзом Европы»⁵. Вслед за этим Концепция внешней политики РФ 2013 г. объявила Россию «неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации», а её основной задачей в отношениях с Европейским союзом — «продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана»⁶.

России в этом пространстве, исходя из Концепции-2013, суждено быть «ключевым транзитным направлением по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом». Ещё прозаичнее обозначил предназначение России бывший зам. министра иностранных дел РФ А. Бородавкин: «Россия — это евразийское государство и наша очевидная цель — служить мостом или связывающим звеном между Европой и Азией»⁷. Такая уничижительная трактовка евразийской сущности российской цивилизации явно не способствует стремлению России прописаться в качестве равноправного члена в клубе тихоокеанских держав, которые в большинстве своём принимать Россию в свои ряды не спешат. Обстановка вокруг Украины первой половины 2014 г. и действия европейского сообщества показали, как к России относится эта самая «Большая Европа». Тем не менее эти события пока никак не отразились на теории, которая к тому же не нашла за последние годы никаких практических подтверждений.

Как бы то ни было, нельзя не согласиться с выводом опытного российского дипломата А. Панова, что «только подъём дальневосточных регионов Российской Федерации в сочетании с последовательной, целенаправленной дипломатической активностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе может создать условия для утверждения России в качестве общепризнанной великой тихоокеанской державы»⁸. А вот не продвинувшись явным образом в решении комплексной задачи развития Сибири и Дальнего Востока при наращивании сотрудничества с соседями по АТР, «Россия поставит под удар и свои коренные национальные интересы, и свой статус глобальной державы»⁹.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Нынешняя российская власть акцентирует внимание на внутренних и невоенных угрозах безопасности России. Именно в таком ключе трактует суть и ищет пути преодоления угроз безопасности

восточным районам России Стратегия национальной безопасности РФ, акцентируя внимание на социально-экономическом развитии региона как главном условии предотвращения угроз. Ускоренное развитие восточных районов Кремль считает важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности России в целом, компонентом её глобальной и региональной политики. В интересах обеспечения национальной безопасности — гласит Стратегия — в среднесрочной перспективе необходимо «завершить формирование базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Российской Федерации...»¹⁰ Угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорциями в региональном развитии России, Стратегия предлагает предотвращать «путём развертывания полномасштабной национальной инновационной системы за счёт формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации». Но это уже в долгосрочной перспективе. Что есть «базовые инфраструктуры» и «перспективные территориально-промышленные районы» Стратегия не расшифровывает, но очень похоже, что и то, и другое — это образы из не очень близкого будущего.

В то же время в самой России вызовом для неё считается угроза утраты части территории Дальнего Востока, т.е. сохранения целостности государства. Впервые в таком ракурсе В.В. Путин поставил вопрос в июле 2000 г., когда заявил об угрозе «существования региона как неотрывной части России»¹¹. Впоследствии эта мысль озвучивалась на высшем уровне не один раз. Социально-экономическое развитие региона опять же рассматривается как главный инструмент борьбы с этой угрозой.

Помимо этого, эксперты фиксируют на восточных границах России целый ряд опасностей военного и невоенного характера, побуждающих её активизировать политику в Азии. Среди таких опасностей — критическое ослабление её военного потенциала, территориальные к ней претензии со стороны Японии, тлеющие военные очаги (Корейский полуостров), нерешённые территориальные споры между соседними государствами, участвовавшие природные и технологические катастрофы и др.¹²

НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Природно-ресурсный потенциал Тихоокеанской России воспринимается Москвой как важный, если не главный ресурс экономического развития (в некоторых интерпретациях — модернизации) всей страны. Достаточно пространно эта идея была изложена в 2001 г. в докладе Совета по внешней и оборонной политике, имеющего реальное влияние на принимаемые в Кремле решения. По утверждению его авторов, Сибирь и Дальний Восток не только «могущество», но и сама судьба России. «От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные, демографические и этнонациональные процессы, станет всё в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства»¹³.

В последующее десятилетие эта мысль не раз расшифровывалась и дополнялась в разных эшелонах политической власти и интеллектуальной элиты страны. В 2009 г. посол РФ в Южной Корее Г. Ивашенцов заявил, что «будущее России как великой державы в значительной степени зависит от экономического, технологического и социального подъёма Сибири и российского Дальнего Востока»¹⁴. В ноябре 2012 г. Президент России высказался однозначно: Дальний Восток — это «важнейший фактор процветания и роста могущества России в целом»¹⁵.

ИНТЕГРАЦИЯ В АТР

Для российского руководства «интеграция России в АТР» — это одновременно и цель (статус тихоокеанской и великой державы), и средство (источник развития России и её восточных районов). По убеждению президента, «разворот России к Тихому океану, динамичное развитие всех наших восточных территорий не только откроет нам новые возможности в экономике, новые горизонты, но и даст дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики»¹⁶.

В этом раскладе территория Тихоокеанской России — это и платформа для интеграции, и её слабое звено. Признание, что существующие в регионе «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его

экономике» и «напряжение в социальной сфере... ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион», прозвучало из уст президента страны в 2002 г.¹⁷ Через четыре года, на заседании Совета безопасности РФ в декабре 2006 г., эти проблемы были уже представлены как серьёзная угроза для политических и экономических позиций России в АТР, для национальной безопасности страны в целом¹⁸.

Социально-экономическое развитие этих территорий, подъём их экономики до уровня, способного обеспечить кооперацию с динамичными экономиками Тихоокеанской Азии (прежде всего Китая, Южной Кореи, Вьетнама и др.), рассматривается как непереносимое условие для занятия этого «достойного места». Как сформулировал это условие министр иностранных дел РФ С. Лавров, «Россия может присоединиться к интеграционным процессам в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе только посредством экономического роста Сибири и российского Дальнего Востока»¹⁹. Проблема, однако, в том, что и в правительстве, и в России в целом наличествует очень размытое понимание, что такое «интеграция в АТР». Более того, Концепция внешней политики РФ 2013 г. декларирует лишь «заинтересованность» России «в активном участии в интеграционных процессах» в регионе и не более того.

Итак, при некоторых нестыковках, противоречиях и лакунах в идеологическом обосновании актуальности и острой необходимости развития восточных районов России, понимание сути проблемы, как и огромных сложностей на пути её решения, в высшем эшелоне российской власти налицо. Что мешает идти дальше?

ВЕРИГИ ПРОШЛОГО И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Одним из важнейших инструментов для воплощения в жизнь идеологических установок Кремля российское правительство считает программно-целевое планирование, в значительной степени унаследованное от советского Госплана. Экономическая политика в России «скалькирована с советского территориального планирования, только слова „план социально-экономического развития“ заменены

словами „концепция“, „стратегия“, „программа“»²⁰. Из советских времён заимствована и традиция мыслить исключительно категориями грандиозных проектов²¹, диктующая ориентацию на «масштабные подходы», «важнейшие приоритеты» и «судьбоносные решения». Именно в этих традициях разработаны, утверждены и на сегодняшний день действуют два десятка федеральных стратегий, концепций развития Дальнего Востока, отраслевых программ, распространяющихся на его территорию²², а также десятки региональных документов такого рода (краевые, областные, городские и т.д.). Красивые и соответствующие заданной технологии исполнения²³, они, как правило, нежизнеспособны на практике. Этот подход уже сам по себе обеспечивает типичное для российской социально-экономической политики расхождение слова и дела. Закономерно, что результативность исполнения политических установок и принятых решений, за редким исключением, крайне низка.

В полной мере это касается реализации планов и программ развития Дальнего Востока и Забайкалья. Все выверенные и правильные решения и постановления, принятые на уровне политического руководства страны, сначала (за немалые деньги) умело оформляются в виде таких программ, а затем, продравшись через кабинеты российской бюрократии, чудесным образом преобразуются, чтобы потом раз за разом спотыкаться о барьеры ведомственных противоречий, частных и государственных интересов, местные толкования федеральной политики, нехватку финансов, некомпетентность и пассивность исполнителей и массу других, как общих для всех территорий, так и специфических, сугубо региональных проблем.

В конечном итоге КПД политико-административных и интеллектуальных усилий, затраченных на идеологическое и программное обеспечение политики, оказывается крайне низким. Федеральные программы не получали запланированного финансирования и хронически не выполнялись²⁴. К концу 2012 г. Программа социально-экономического развития Дальнего Востока на 2008—2013 гг. была выполнена менее чем на треть²⁵. В марте 2014 г. руководитель Счётной палаты РФ Т. Голикова доложила президенту России, что программы по развитию Дальнего Востока и Курильских островов «с точки зрения и финансового обеспечения, и результатов, которые в них планировались, не реализованы». По её утверждению, «те мероприятия, которые в них

ставились как основные... остались на бумаге...», да и денег на одного дальневосточника по разным ФЦП выделяли в 2—140 раз меньше, чем в среднем на одного жителя России²⁶. Не менее печальна судьба большинства когда-то принятых программ развития краёв и областей ДФО. О них если кто и вспоминает, то только учёные. Потраченные деньги и исписанные тонны бумаги уходят в никуда.

Безусловно, не всё плохо. Присутствует положительный эффект от усилий правительства по развитию отношений со странами АТР, росту экономики восточных районов страны. В частности, доля стран АТЭС во внешней торговле России с 2006 по 2013 г. увеличилась с 17,1% до 24,7%, обозначив некоторый экономический сдвиг в сторону Азии, а Китай стал её главным внешнеторговым партнёром (88,8 млрд долл. и 10,5% товарооборота)²⁷. Построен нефтепровод Сибирь — Тихий океан, и из нового глубоководного порта Козьмино (введён в строй в 2009 г.) идёт отгрузка сырой нефти в страны региона. Успешно реализован грандиозный проект по подготовке Владивостока к Саммиту АТЭС. Существенно (почти в 20 раз в 2011 г. по сравнению с 2002 г.) увеличился объём федеральных инвестиций в экономику региона²⁸. Эти обстоятельства не могли не сказаться на росте ВРП и внешнеторгового оборота территорий ДФО. Последний за 2000—2013 гг. вырос в 14 раз, с 2,8 до 39,9 млрд долл. Однако при этом люди с Дальнего Востока продолжают уезжать. Население ДФО сократилось за 2007—2013 гг. на 283 тыс. чел. (4,3%), а Приморского края, на развитие которого Москва бросила в эти годы главные силы и средства, — на 67,5 тыс. чел. (3,4%)²⁹, что само по себе свидетельствует о результативности социальной политики государства.

Форум АТЭС — 2012 г. во Владивостоке имел немалый политический эффект. Однако за два прошедших после форума года его результаты не получили экономического подкрепления. Затраченные на него деньги продолжают работать, прежде всего, на имидж Владивостока, но не России в целом, и их эффективность год от года снижается.

В ПОИСКАХ ПРИЧИН

Неуспех в реализации программ и планов развития Дальнего Востока обычно объясняют причинами, которые лежат на поверхности: природно-климатические условия, дефицит финансовых средств,

неэффективный менеджмент, неблагоприятный инвестиционный климат, нехватка рабочей силы и др., т.е. всеми теми факторами, которые должно было учитывать ещё на стадии составления программ. Стержневая проблема не в этом. Главная беда в том, что разработчики программ и стратегий изначально ограничены жёсткими рамками идеологических догм и политических установок и раз за разом вынуждены решать целый ряд увлекательных, но априори не имеющих решения задач. Назову только несколько из них:

- Как вовлечь неразвитые азиатские территории России в «европейское экономическое пространство» (от Лиссабона до Владивостока), ориентируя их при этом на экспорт сырья и продукции в Азию и не находя даже минимального отклика самой Европы и на эту инициативу?
- Как решить гигантскую по масштабам проблему («комплексное развитие Дальнего Востока и Прибайкалья») малыми финансовыми средствами³⁰, да при этом содействовать подъёму экономики Европейской России?
- Как привлечь иностранный капитал к развитию региона, но не дать ему укрепиться и подняться до уровня, угрожающего национальной безопасности российского государства?
- Как увеличить численность населения Дальнего Востока, не создавая для него комфортных и привлекательных условий для жизни?

Перечень таких вопросов несложно продолжить. На них нет ответов. Российская власть пока не готова признать несколько истин, необходимых для формирования современного видения Азии и роли российских владений в ней. Истины заключаются в том, что:

1. Преимущественно проевропейская ориентация России бесперспективна.
2. Мессианская по сути идея роли России как «моста» между Европой и Азией ущербна и унизительна для великой страны. В таком мосте не нуждаются ни Европа, ни Азия, и пока Россия занимается теоретическими изысками, как ей исполнить роль «ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»³¹, конкуренты не дремлют. В частности, КНР, отнюдь не претендующая на роль «моста», активно внедряет

концепцию «экономического пространства нового Шёлкового пути», должного связать с Европой не только Китай, но и другие страны Восточной Азии, а президент Южной Кореи Пак Кын Хе выдвинула идею создания единой транспортной и энергетической инфраструктуры на пространстве Евразии³².

3. Восточные районы России — это не колониальный придаток её европейской прародины, призванный обслуживать интересы метрополии, а полноправная часть российского государства.

В результате приверженности устарелым догмам и стереотипам используемые ныне подходы к развитию Дальнего Востока неэффективны и в условиях современного мира бесперспективны. Не так давно это обстоятельство вынужден был признать глава Правительства РФ Д. Медведев. «Все подходы, все модели, которые мы использовали в последние годы, для того чтобы кардинальным образом изменить развитие Дальнего Востока... не дали экономического эффекта», — заявил он³³. России необходимо создать и внедрить новую модель, и, по мнению одного из ведущих и критичных специалистов по политике России в АТР и развитию Дальнего Востока С. Бланка, именно способностью московского руководства создать такую модель и дать адекватный ответ на вызовы с Востока будет проверяться его «искусство управлять государством»³⁴.

Пока же архаичные идеологические послышки порождают пороки стратегического планирования, заставляя разработчиков пользоваться устаревшими и неэффективными методологическими подходами. В числе базовых подходов — акцент на производительных силах («экономическое развитие») всего региона, которому подчинено «социальное развитие»; обязательное увеличение численности населения региона (прежде всего за счёт переселения сюда «соотечественников»); более тесная привязка региона к Европейской России, борьба с его «дрейфом» в Азию. И первое, и второе, и третье объективно невозможны как в силу географических, природно-климатических и демографических особенностей тихоокеанской части России, так и по причине современного состояния и ограниченных возможностей российского государства и тенденций мирового развития. В результате получаемый на выходе продукт не имеет ничего общего с реальной жизнью и обречён пылиться на полках заказчиков и разработчиков.

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В РАМКАХ УСТАРЕВШЕЙ МОДЕЛИ

Обширные теоретические изыскания учёных на предмет выбора правильного пути развития восточных районов России, как правило, завершаются отнюдь не оригинальными выводами, которые сводятся к мысли о необходимости «резкого увеличения экспорта в страны АТР энергетических ресурсов и транспортных услуг» как ресурса для модернизации экономической системы Восточной Сибири и Дальнего Востока³⁵. С первым — экспортом ресурсов, — вроде, понятно. Неясно, как быть со вторым — модернизацией.

В последние два десятилетия не было недостатка в предложениях новых механизмов, предназначенных для резкого ускорения развития дальневосточных территорий. Не без влияния опыта соседних держав, прежде всего Китая, появлялись концепции создания «инновационных» и «специальных экономических» зон, «полюсов роста», «опорных центров развития» наиболее перспективных районов Дальнего Востока и вахтового освоения ресурсов на большей части остальной территории региона³⁶. В большинстве своём они не получили политической поддержки, и хотя некоторые из них даже воплощались в правительственные решения, но в конечном итоге заканчивались ничем. Камнем преткновения становились создание необходимой правовой среды для этих «зон» и судьба «неперспективных территорий».

Поиски оптимальных и эффективных механизмов продолжают и сегодня. К примеру, новые подходы к развитию Сибири и Дальнего Востока предложены в докладах Валдайского клуба³⁷. Однако власть по-прежнему главным образом озабочена поиском инструментов для более широкого изъятия из региона природных ресурсов, чем сменой парадигмы его развития. Весной 2012 г. Кремль предложил создать Корпорацию по развитию Сибири и Дальнего Востока, главной задачей которой должен был стать контроль над всеми природными ресурсами региона. Проект подвергся жёсткой критике со всех сторон, и вместо корпорации 21 мая 2012 г. было создано Министерство по делам развития Дальнего Востока. Менее чем через полгода президент страны раскритиковал министерство за провалы в его работе³⁸, а в сентябре 2013 г. были заменены полпред президента РФ по ДФО

и министр по делам Дальнего Востока. Новые назначенцы сделали ставку на идею «опережающего экономического развития региона», что предполагается достичь посредством создания на его территории особых экономических зон, ориентированных на экспорт продукции в страны АТР.

Не без их влияния в декабре 2013 г. президент РФ предложил создать в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке «сеть специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт», потребовал до 1 июля 2014 г. определить, где конкретно будут организованы такие территории, выпустить необходимые для их работы нормативные акты, и попросил председателя правительства взять всё это под личный контроль³⁹. В начале марта 2014 г. Министерство по делам Дальнего Востока внесло в Правительство РФ законопроект о создании и функционировании территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке.

Ссылаясь на опыт стран АТР, власть объявляет, что именно эта форма организации способна привлечь российских и зарубежных инвесторов к развитию Сибири и Дальнего Востока. Она полагает, что ликвидация в этих зонах административных барьеров для экономической деятельности позволит «осуществить изъятия из общих правил... и применить лучшие российские и зарубежные административные практики... сформировать процедуры инфраструктурной обеспеченности, конкурентные с нашими соседями в странах АТР»⁴⁰. Весной 2014 г. территории начали соревноваться за право включить как можно больше своих объектов в привилегированный список «площадок». Как сообщил в начале августа 2014 г. президенту страны министр по развитию Дальнего Востока, отобраны первые 14 территорий опережающего развития, в которые должен в течение 10 лет поступить один триллион частных инвестиций⁴¹.

Пока чиновники пытались сформировать некие «процедуры инфраструктурной обеспеченности», зарубежные эксперты не устали напоминать, что главными причинами замедленного развития Дальнего Востока являются не только отсталость его энергетической и транспортной инфраструктуры, но и низкий уровень изъятия природных ресурсов, хроническая нерешаемость некоторых базовых проблем, таких как нестабильное законодательство, неблагоприятный

инвестиционный климат и более высокие цены на товары на Дальнем Востоке, чем в европейской части России⁴². Решение последних проблем, видимо, в очередной раз остаётся за кадром.

Утверждённая в апреле 2014 г. программа развития региона до 2018 г., как и её предшественницы, декларирует «ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона, ориентированное на реализацию экспортного потенциала». Однако государству в ней отводится исполнение только двух задач. Первая — создание «территорий ускоренного экономического развития», вторая — модернизация транспортной инфраструктуры региона, прежде всего Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей. В результате в очередной раз возникает стойкое ощущение, что главной задачей на восточных окраинах страны для Москвы является отнюдь не кардинальный подъём уровня их социально-экономического развития, хотя именно в этом пытается убедить население региона и, возможно, саму себя центральная власть. Во главу угла поставлены более прочная привязка этой территории к центру (через модернизацию Транссиба и БАМа), а также ускоренное освоение и продажа за рубеж природных ресурсов, которыми она обладает. Похоже, что власть смирилась и с безуспешностью попыток увеличить численность населения региона. Поставленная программой задача «развития человеческого капитала» обосновывается не более чем необходимостью кадрового обеспечения экономических проектов программы и контролируется через выполнение таких показателей, как количество созданных рабочих мест (426,81 тыс.) и прибывших переселенцев (853,75 тыс. чел.)⁴³. Национальность переселенцев не оговаривается, так что на практике это могут быть граждане Украины, Узбекистана или Китая. Сколько из этих прибывших останется на постоянное жительство и сколько коренных жителей за это время покинут регион, авторы программы предпочитают не загадывать.

Программа фактически обозначает отказ государства от трёх незыблемых принципов развития региона, которых оно придерживалось в советский и постсоветский периоды: 1) идеи «комплексного развития Дальнего Востока» (в пользу ограниченного числа «территорий опережающего развития»); 2) обязательств по финансированию этого развития; 3) попыток сплошного заселения региона «соотечественниками» из европейской России и стран СНГ. Очевидно,

что программа не предполагает развитие восточных районов России как пригодной для комфортной жизни и привлекательной для людей территории. Откровенный расчёт делается на заинтересованность зарубежных государств в природных, прежде всего энергетических, ресурсах региона и способность России посредством ряда административных и правовых мер и экономических льгот привлечь иностранный капитал к освоению этих ресурсов.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНОСТРАННОГО УЧАСТИЯ

Соседи России на Тихом океане, прежде всего Китай, Япония, Южная Корея, да и США, сегодня уделяют большое внимание как ситуации на Дальнем Востоке России, так и действиям своих конкурентов и партнёров в этом регионе. Особую озабоченность вызывает у них осторожная, но целенаправленная политика Пекина на развитие отношений с Россией, в которой они усматривают в том числе устремление «доминировать на российском Дальнем Востоке»⁴⁴. Настойчивые намёки со стороны Запада на агрессивность КНР, многократно усиленные возникшим в 1990-е гг. в России страхом перед «китайской экспансией», порождают дилемму, перед которой замерло правительство России: «поднимать» Дальний Восток объективно необходимо, но очень дорого и боязно в свете «грядущей экспансии» Китая. Помимо этого, даже те, кто понимает безальтернативность «восточного поворота» России, важность развития её тихоокеанских окраин, испытывают глубокие сомнения в необходимости широкого иностранного участия в этом развитии. Подобные сомнения являются порождением посткоммунистических фобий («закабаление иностранным капиталом»), культурологических пристрастий («пиетет перед Европой»), политико-культурных рефлексов («китайская угроза») и подкрепляются отсутствием видимых намерений зарубежных партнёров внести свой вклад в подъём региона.

Соседи участвовать готовы, но осторожно и только в своих интересах. Пытаясь оттереть в сторону Китая и апеллируя к «растущей угрозе России со стороны КНР», те же японцы обговаривают своё участие в развитии региона предварительным решением территориальной проблемы. Господствующие в политической элите Японии представления по этому поводу выразил профессор Кимура: «Возврат Японии северных островов — лучший способ предотвратить

проникновение Китая на Дальний Восток России»⁴⁵. Южные корейцы, которые энергично ведут себя в южных районах Дальнего Востока и стараются убедить Россию и в своей глубокой заинтересованности в развитии региона⁴⁶, и в том, что «трёхстороннее сотрудничество между Севером, Югом Кореи и Россией... позволит России укрепить свою позицию Евразийской державы вплоть до Корейского полуострова»⁴⁷, также исходят из своих меркантильных интересов. Главный из них сводится к получению доступа к углеводородным ресурсам Сибири и Дальнего Востока и вовлечению Северной Кореи в трёхстороннее взаимодействие как один из механизмов для будущего объединения страны. Однако при этом Сеул ограничен в своих возможностях. Партнёрство с США является для РК безоговорочным приоритетом, и не стоит питать иллюзий по поводу более глубокого взаимодействия России с этой страной⁴⁸.

Интерес других государств мира к российскому Дальнему Востоку достаточно абстрактен и может стать реальным, если только условия для инвестирования в него будут ясными, абсолютно понятными, выгодными и стабильными. Этого Россия пока предложить не в состоянии. Одна из главных проблем заключается в том, что многословно рассуждая о судьбоносности «восточного поворота России» и его дальневосточном плацдарме, стратеги, теоретики и практики упорно не дают ответа на один принципиальный вопрос: в чём же конкретная роль и задача этого плацдарма?

Между тем в геополитическом раскладе, который формируется вокруг России, её движение на Восток становится безальтернативным, а эффективность принимаемых мер является важнейшим условием сохранения экономической и социальной стабильности в стране и обеспечения её национальной безопасности. Сибирь и Дальний Восток в очередной раз в истории становятся палочкой-выручалочкой российского государства. При этом сегодня они должны быть не тылом, спасающим стагнирующую Европу, а платформой продвижения России на Восток и ресурсом обновления, обогащения и развития российской цивилизации.

Объективно идеологические основы для этого создавались в последние полтора десятилетия, и, хотя препонов на этом пути остаётся немало, сама жизнь заставляет правительство России завершить её многовековое движение к берегам Тихого океана. Для того чтобы сдвинуться с мёртвой точки, жизненно необходима свежая,

нестандартная и привлекательная как для самой России, так и для зарубежных партнёров модель развития региона. Но, чтобы эта модель стала реальной для воплощения, требуется, прежде всего, современная, адекватная реалиям XXI в. идеология и основанная на ней стратегия освоения восточных районов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ² Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона“». URL: <http://ips.pravo.gov.ru/>.
- ³ Стенографический отчёт о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. URL: <http://archive.kremlin.ru/>.
- ⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.
- ⁵ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр.
- ⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>.
- ⁷ Russian Deputy Foreign Minister Alexei Borodavkin Interview to the Newspaper Kommersant, Moscow. November 29, 2011. URL: <http://www.mid.ru/>.
- ⁸ Панов А. Интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Перспективы 2020. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1641#top.
- ⁹ Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума. М.: Спецкнига, 2013. С. 23.
- ¹⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
- ¹¹ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>.
- ¹² 刘清才. 21世纪初俄罗斯亚太政策研究 (Лю Цинцай. Изучение политики России в АТР в начале 21 века). 北京: 社会科学院出版社, 2013. С. 10.
- ¹³ Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2001. С. 16. URL: http://www.svor.ru/public/docs_2001_9_17_1351070795.pdf.
- ¹⁴ Address by H.E. Mr. Gleb A. Ivashentsov, Ambassador of Russia to the Republic of Korea. 5th Jeju Peace Forum, Jeju (13 August, 2009). URL: http://www.russian-embassy.org/Press/20090813_Chej.htm.

- ¹⁵ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ¹⁶ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19825>.
- ¹⁷ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/>.
- ¹⁸ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/>.
- ¹⁹ Lavrov S. The Rise of Asia and the Eastern Vector of Russia's Foreign Policy // *Russia in Global Affairs*. 2006. Vol. 4. No. 3. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-rise-of-asia-and-the-eastern-vector-of-russias-foreign-policy/>.
- ²⁰ Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 33.
- ²¹ Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // *Problems of Post-Communism*. 2008. January/February. P. 41.
- ²² К числу таких программ относятся «Энергетическая стратегия России до 2020 г.», «Стратегия развития железнодорожного транспорта России до 2030 г.», «Восточная газовая программа Газпрома до 2030 г.» и др.
- ²³ Благо для этого существуют утверждённые стандарты: «Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации», утверждённый постановлением Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 (в редакции постановления Правительства РФ от 21 мая 2012 г. № 499).
- ²⁴ Инвестиционные задания по программам развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1986—2000 гг. были выполнены на 30%, по ФЦП развития этого региона на 1996—2005 гг. — на 5%, а по аналогичной ФЦП на 1996—2005 г. и до 2010 г. (2002 г.) — на 4,5% (См.: Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 265).
- ²⁵ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ²⁶ Совещание с членами правительства. 26 марта 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20642>.
- ²⁷ Внешняя торговля Российской Федерации в 2013 году. URL: <http://stat.customs.ru/>.
- ²⁸ Исаев А.Г. Государственные капиталовложения и экономическая динамика Дальнего Востока // *Korea-Russia Cooperation in the Far East in Light of the Eurasia Initiative. Proceedings of 9th KIER — ERI Joint Seminar*. Vladivostok. June 24—25, 2014. С. 64.
- ²⁹ Демографический ежегодник России — 2007 г. Население субъектов Российской Федерации на 1 января. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/IssWWW.exe/Stg/01-06.htm; Оценка численности постоянного населения на 1 января 2013 г. и в среднем за 2012 г. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/prPopul.xls.

- ³⁰ В соответствии с Федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», утверждённой Правительством РФ 15 апреля 2014 г., федеральный бюджет должен выделить на цели развития региона 537 млрд руб. (см.: URL: <http://minvostokrazvitiya.ru/>), в то время как на подготовку г. Сочи к Олимпиаде и проведение Олимпийских игр только из госбюджета было потрачено, по некоторым подсчётам, 848 млрд руб. (см.: URL <http://sochi.fbk.info/ru/price/>), а на подготовку к Саммиту АТЭС во Владивостоке — 264 млрд руб. (см.: URL: <http://audit.gov.ru/activities/control/1304/>).
- ³¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013 г...
- ³² Park Proposes “Silk Road Express” to Connect Eurasian Nations. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2013/10/18/16/0301000000AEN20131018003200315F.html>.
- ³³ Дмитрий Медведев провёл первое заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре. 24 октября 2013 г. URL: <http://government.ru/news/7718>.
- ³⁴ Blank St. At a Dead End: Russian Policy and the Russian Far East // Demokratizatsiya. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 123—124.
- ³⁵ Сценарии развития Восточной Сибири и Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад. М.: Едиториал УРСС, 2011. С. 103.
- ³⁶ Подобный подход, основанный на выделении базовых (опорных) центров макрорегиона (Иркутск, Хабаровск, Владивосток) был даже предложен в первом варианте стратегии развития Дальнего Востока, подготовленном в начале 2007 г. Министерством регионального развития.
- ³⁷ К Великому океану, или Новая глобализация России. М., 2012. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-okeanu-1/?sphrase_id=521251; К Великому Океану — 2, или Российский рынок к Азии. М., 2014. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-okeanu-2/?sphrase_id=521252.
- ³⁸ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ³⁹ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19825>.
- ⁴⁰ Совещание с членами правительства. 26 марта 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20642>. Как сообщил на этом совещании зам. министра Минвостокразвития А. Осипов, «осмотрено более 400 площадок на территории Дальнего Востока. Сформирован короткий список из 23 площадок».
- ⁴¹ Рабочая встреча с министром по развитию Дальнего Востока Александром Галушкой. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/46408>.
- ⁴² 馬友君. 普京回归后俄罗斯远东政策探析 (Ма Юцзюнь. Анализ дальневосточной политики России после возвращения Путина) // 第六届东北区域合作发展国际龙潭 (Материалы Шестой международной конференции по развитию регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии). 哈尔滨, 2013. С. 230.
- ⁴³ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». URL: <http://ips.pravo.gov.ru/>.

- ⁴⁴ Blank St. Russia's Failure in Asia // UNISCI Discussion Papers. 2010. No. 24. October. P. 69.
- ⁴⁵ Кимура Хироши. Несоответствие между риторикой и реальностью: что должна сделать Москва для развития Дальнего Востока России? // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 27.
- ⁴⁶ Участие Кореи в развитии Дальнего Востока стало одной из главных тем, которые были обсуждены лидерами двух государств во время последнего саммита в Сеуле и отражены в его итоговом документе — Совместном заявлении Российской Федерации и Республики Корея. 13 ноября 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1564.
- ⁴⁷ Че Сон Хун. Геополитическое и геоэкономическое значение развития Дальнего Востока России и направления сотрудничества между РФ и РК // Korea-Russia Cooperation in the Far East in Light of the Eurasia Initiative. Proceedings of 9th KIER — ERI Joint Seminar. Vladivostok. June 24—25, 2014. С. 27.
- ⁴⁸ Толстокулаков И.А. Интересы и стратегии государств Корейского полуострова // Тихоокеанская Россия в планах и стратегиях государств Азиатско-Тихоокеанского региона. У карты Тихого океана. 2014. № 32. С. 24.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ: МЕЖДУ МОСКВОЙ, ПЕКИНОМ, СЕУЛОМ И ТОКИО*

Рубеж первого и второго десятилетия XXI в. стал временем максимального подъёма интереса Москвы, а вместе с ней и ряда восточноазиатских столиц к тому, что происходит на просторах российского Дальнего Востока и в ещё большей степени — к проектированию его будущего. Главным поводом и стимулом для этого внимания стали кардинальная трансформация международного ландшафта Восточной Азии, перестройка всей системы политических и стратегических отношений в регионе, провозглашение и начало реализации Кремлём двуединой задачи интеграции России в АТР и развития её восточных окраин. Завершение строительства нефтепровода Западная Сибирь — Тихий океан и проведение Саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке оказались одними из самых обсуждаемых явлений в экономической и политической жизни страны.

Тихоокеанская Россия далека от того, чтобы играть самостоятельную роль в российской внешней политике, как и в региональной политике в Восточной и Северо-Восточной Азии. Вместе с тем, занимая огромную часть географического пространства региона и обладая богатыми и далеко не раскрытыми ресурсами, она стала важным элементом в системе различных стратегических и экономических конструкций, пока в значительной степени виртуальных, которые выстраиваются как в Москве, так и в тихоокеанских столицах и являются закономерной реакцией на растущие тихоокеанские амбиции России, экономический подъём и геополитические интересы Китая и озабоченность его соседей.

Ряд событий первого десятилетия XXI в. подтвердил серьёзность намерений Пекина, Сеула и Токио в отношении дальневосточных территорий России. И хотя это внимание в большей степени

* Опубликовано в сборнике статей: Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 256—272.

проявлялось в их политических декларациях, экономических и финансовых намерениях, чем в конкретных делах, оно было беспрецедентным и стало одним из условий того, что вопросы участия Китая, Японии и Южной Кореи в развитии Сибири и Дальнего Востока прочно вошли в повестку двусторонних межгосударственных отношений, регулярно обсуждались на саммитах глав государств и правительств, не говоря уже о научных конференциях, научно-практических и деловых форумах. Не удивительно, что экономический дрейф Тихоокеанской России в Азию, ставший неизбежным следствием экономических реформ в России 1990-х, в начале нового века ускорился.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ КРЕМЛЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ряд важных аспектов, которые во многом сформировали и сегодня определяют характер двусторонних отношений России со странами Восточной Азии, сфокусированы на Тихоокеанской России. В числе таких вопросов — общая история¹, размежевание границ и спорные территории (Китай, Япония), кросс-границные миграции (КНР) и иностранная рабочая сила (КНР, КНДР, Вьетнам), добыча морепродуктов и безопасность на море (Япония, РК), приграничная торговля и сохранение природной среды (Китай, Япония). При этом США, которые в пространственном плане отделяет от Тихоокеанской России лишь Берингов пролив, во всех прочих отношениях куда ближе к Москве, чем к своему географическому соседу.

Тем не менее **география** всегда имела и сегодня имеет важнейшее значение. Уникальность географического и геополитического положения этого региона России состоит хотя бы в том, что если для самой России он является окраинным и очень удалённым от центральных и наиболее освоенных её районов, то в АТР соприкасается с крупнейшими и крупными развитыми и развивающимися странами, обладающими огромным социально-экономическим потенциалом, выходит к сухопутным и морским государственным границам четырёх государств — КНР, США, Японии и КНДР, три первых из которых являются не только крупнейшими в регионе, но и в мире². Именно это объективное обстоятельство во многом диктует общие интересы

и противоречия, которые существуют у Москвы с её соседями в Восточной Азии и вольно или невольно преломляются через пространство Тихоокеанской России. Экономико-географический потенциал этих обширных территорий создаёт объективную и вполне осязаемую основу для реальной интеграции России в АТР.

География является важным фактором, формирующим представление о России в целом у жителей соседних с Россией территорий Китая, Японии и Кореи, а через это — общего взгляда на страну политической и деловой элит этих государств. В частности, представление о месте и роли России для Китая формируется в равной степени на основе глобальных устремлений Пекина и через интересы и подходы северо-восточных провинций страны. Для жителей японских префектур бассейна Японского моря Хоккайдо, Ниигата, Тояма, выходящих «лицом» на дальневосточные территории, «ощущение географической близости к России стало элементом их самоидентификации»³.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ИНТЕГРАЦИИ

Именно в сфере международной торговли заметнее всего прослеживается ведущая роль дальневосточных территорий в отношениях России со странами тихоокеанского бассейна.

В 2012 г. субъекты Дальневосточного федерального округа поддерживали торгово-экономические связи со 145 государствами мира. При этом пять шестых (а точнее, 84,2%) их внешнего торгового оборота пришлось на страны АТР, в том числе 78,9% — на три страны Северо-восточной Азии (КНР — 27,5%, Республику Корея — 28,2%, Японию — 23,2%)⁴. Во внешней торговле Забайкальского края 86,6% объёма также пришлось на Китай⁵.

В том же году доля ДВФО составила 11,4% объёма торговли России с Китаем, 27,1% — с Японией, 28,6% — с КНДР и 41,2% — с Южной Кореей. Ещё больший вес приходится на ДВФО в российском экспорте в эти страны: это 14,4% поставок в Китай, 30,7% — в КНДР, почти половина (47,8%) — в Японию и две трети (60,2%) — в Южную Корею⁶. Это и есть та самая экономическая платформа для интеграции России в АТР, о которой много говорится в российской столице.

Закономерным является неодинаковое значение отдельных территорий региона в международной торговле России. Поскольку львиная

доля объёмов дальневосточного экспорта приходится на сахалинские нефть и газ, то в общероссийском объёме экспорта в Корею в 2011—2012 гг. доля Сахалина составляла 63—64%, в Японию — 44%. А географическое соседство Приморского края с Северной Кореей обусловило тот факт, что в общем объёме торговли России с КНДР на край в 2012 г. пришлось 26,7% общероссийской и 93% дальневосточной торговли с этой страной⁷.

Пока менее заметную роль территории Тихоокеанской России играют в инвестициях, поступающих из стран СВА. Только для Японии этот регион выглядит более привлекательным, чем остальная территория России, да и то по причине важности и близости для страны сахалинских нефтяных и газовых месторождений. Из 10,8 млрд долл. японских капиталовложений, накопленных в России на начало 2013 г., на долю Сахалина пришлось 8,6 млрд (79,6%)⁸. В то же время только 6% корейских капиталов в России нашли применение на Дальнем Востоке. **Это 92,9 млн долл., что составляет 0,7% от общего объёма иностранных инвестиций на Дальний Восток**⁹.

Однако ситуация может измениться в ближайшее время. Значительный потенциал взаимодействия России со странами Восточной Азии и АТР связан с двумя экономическими направлениями: 1) освоением на двустороннем и многостороннем уровнях минеральных и энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока; 2) модернизацией старых и открытием новых транспортных путей из Европы в Азию и Америку. Летом 2013 г. появилась информация, что группа банковских и промышленных структур Южной Кореи при поддержке правительства страны намерена инвестировать в различные проекты на Дальнем Востоке РФ около двух миллиардов долларов. Из этой суммы половина пойдёт на создание специального фонда инвестиций, а ещё один миллиард будет затрачен на строительство в порту Владивостока нового угольного терминала¹⁰.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Такая среда последовательно создаётся на протяжении последней четверти века. Она возникла на основе широкого развития контактов между территориями (двусторонние соглашения краёв и областей Тихоокеанской России с зарубежными соседями¹¹, их участие в различных региональных структурах¹²); наличия многочисленных

породнённых городов и территорий¹³; взаимодействия представительств различных федеральных структур (пограничные, правоохранительные, природоохранные и др.) вдоль линии границ; проведения мероприятий регионального масштаба, формально экономических (ярмарки, форумы), но реально имеющих политическое значение.

Приходится, однако, констатировать, что центральная власть практически не использует этот значительный ресурс для решения задач по интеграции России в АТР.

ПЛОЩАДКА ДЛЯ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ НА АЗИЮ

Россия была и остаётся единственным европейским государством, имеющим общую границу с восточно-азиатскими цивилизациями, обширную естественно-географическую зону прямых контактов. И такой зоной является территория Тихоокеанской России, которая представляет собой пространство культурно-цивилизационного взаимодействия, тесных межкультурных коммуникаций между славянским населением, коренными народами и представителями дальневосточных цивилизаций и одновременно — территорию их противостояния.

Зарубежная миграция всегда играла достаточно скромную роль в формировании постоянного населения этого российского региона, но являлась очень важным фактором его хозяйственного освоения, особенно в конце XIX — начале XX вв., существенно влияя на состав, стоимость и распределение рабочей силы¹⁴. Аналогичная обстановка складывается в начале XXI в. Несмотря на то, что масштабы иностранной рабочей силы из стран Восточной Азии в ДВФО в начале второго десятилетия XXI в. оцениваются в 50—60 тыс. чел. ежегодно, численность постоянно проживающих на территории Тихоокеанской России представителей дальневосточных цивилизаций невелика. По данным переписи 2010 г., китайцев в регионе насчитывалось 8,8 тыс. чел. (0,1% численности населения ДВФО), российских корейцев — 56,9 тыс. (0,9%) и японцев — всего 342 чел.¹⁵. В то же время они составили от 30% (китайцы) до 37—38% (корейцы и японцы) всех представителей этих этносов, зарегистрированных в России, самым очевидным образом представляя собой удобную коммуникационную среду для взаимодействия с восточно-азиатскими культурами.

Долгая история совместного проживания и взаимoadaptации россиян и представителей азиатских культур, безусловно, облегчает **гуманитарное взаимодействие** России со странами Азии. Такое взаимодействие включает в себя многочисленные научные, образовательные, культурные, спортивные и иные обмены. Ежегодно на территории Дальнего Востока проводятся десятки международных форумов, конференций, симпозиумов. В высших учебных заведениях региона обучаются тысячи студентов из Китая, Японии, Южной Кореи. Активно работают краевые и областные общества дружбы с зарубежными странами (с Китаем, Японией, Кореей, Вьетнамом).

Наиболее активный гуманитарный обмен происходит с Китаем. Точная статистика о числе жителей Тихоокеанской России, ежегодно посещающих КНР, отсутствует. Но некоторые косвенные данные говорят о сотнях тысяч и миллионах поездок ежегодно. По данным китайской статистики, 2,54 млн россиян побывали КНР в 2011 г. Из них воспользовались автомобильным и водным транспортом, а также пересекли границу «пешком» 1,86 млн чел. (73%)¹⁶. Очевидно, что таким образом могли добраться до Китая только жители приграничных с ним территорий. Из оставшихся 27% воспользовавшихся авиа- и железнодорожным транспортом было также немало жителей Дальнего Востока и Забайкалья, летавших в Пекин и Харбин рейсами из Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска и пользовавшихся поездами на ветках Гродеково — Суйфэньхэ и Забайкальск — Маньчжоули. Не удивительно, что 70% россиян, побывавших Китае в 2011 г. (1,78 млн чел.) выбрали местом своего визита две соседних с Россией провинции — Хэйлунцзян (1,46 млн чел.) и Цилинь (320 тыс. чел.)¹⁷. При этом 1,46 млн человек из общего числа россиян, посещавших Китай в 2011 г., обозначены как туристы.

Опросы населения подтверждают эту статистику. 56% респондентов, опрошенных в 2008 г. на юге Дальнего Востока, сообщили, что хотя бы раз в течение последних 10 лет бывали в Китае. Каждый третий (32%) побывал там более трёх раз. Наиболее часто в КНР ездили жители приграничных городов и посёлков Приморья и Амурской области, зарабатывавшие на жизнь челночной торговлей и доставкой беспошлинных товаров для российских и китайских предпринимателей. Увидеть собственными глазами Японию и страны корейского полуострова смогло значительно меньшее число жителей региона (16% — Японию, 12% — Южную и 6% — Северную Корею)¹⁸.

Но в любом случае в процентном отношении это много больше, чем на территории остальной России. Опрос 1500 респондентов в феврале 2011 г. в 43 субъектах России, проведённый Фондом Общественное Мнение, показал, что в Японии были менее 1% россиян, в Китае — только 2%, а про Северную Корею, видимо, никто и не вспомнил¹⁹.

Важнейшим каналом для налаживания гуманитарного взаимодействия Тихоокеанской России с азиатскими соседями является туризм. В 2011 г. из общего числа китайских туристов, посетивших Россию (234 тыс. чел.), на Дальний Восток и в Забайкалье въехали 90 тыс. (38%). Эти территории также посетила четверть (26%) японских (около 10 тыс. чел.) и пятая часть (21%) южнокорейских (10 тыс. чел.) туристов в России. Таким образом, понимание России у значительной части жителей восточноазиатских государств, и, соответственно, имидж самой России в этих странах формируется на основе впечатлений, сформировавшихся в ходе таких поездок, либо на основе представлений о россиянах, встреченных в собственных префектурах и провинциях. Из 1,5 млн россиян, побывавших в КНР по линии туризма, на долю жителей Тихоокеанской России пришлось без малого 70% (1,04 млн чел.). Доля дальневосточников составила треть (33%) всех российских туристов в Японии (около 4,4 тыс. чел.) и три четверти (77%) от числа российских туристов в Южной Корее (57,6 тыс. чел.)²⁰.

Опросы общественного мнения, регулярно проводившиеся на юге Тихоокеанской России в 90-е гг. XX — начале XXI вв., позволяют чётко определить, что свои основные надежды на будущее жители региона связывают с развитием отношений со странами-соседями, прежде всего Японией, Китаем и Южной Кореей. На протяжении 1990-х — начала нового века очевидным приоритетом в развитии отношений являлась Япония. В 2008 г. на первое место впервые, отеснив своего восточного соседа на вторую строчку, вышел Китай. Тогда 50% жителей юга Дальнего Востока заявили, что именно с ним необходимо развивать связи в первую очередь²¹.

Эта тенденция получила очевидное развитие в начале второго десятилетия XX в. Летом 2013 г., отвечая на вопрос «С какими странами и территориями Вашему краю следует развивать отношения в первую очередь»? (возможны несколько ответов), 70% респондентов выбрали сибирские и дальневосточные территории, 68% — Китай, 53% — Японию и 49% — Южную Корею. На Западную Европу считают необходимым ориентироваться только 6% опрошенных, на США — 11%.

Закономерно, что политические круги, власти и бизнес не только дальневосточных территорий, но и Байкальского региона также строят своё будущее с ориентацией на страны Тихоокеанской Азии. Программа развития Приморского края до 2017 г. ставит одной из задач сделать край «центром интеграции России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в т.ч. посредством усиления коммуникации и кооперации Приморского края с экономиками западных провинций Японии, Республики Кореи, восточных провинций КНР и других стран АТР» и обеспечить «возможность его интеграции с экономиками приграничных провинций стран Северо-Восточной Азии»²². Стратегия развития Хабаровского края до 2025 г. предполагает в том числе «достижение стабильной и эффективной... интеграции в систему мирохозяйственных связей в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом»²³. О такой же интеграции в АТР как одном из ключевых факторов развития региона говорится в программе развития Бурятии до 2020 г.²⁴, а Иркутская область позиционирует себя как «форпост Российской Федерации на востоке страны, опорный регион при формировании и реализации Российской Федерацией политики в отношении стран АТР»²⁵.

НОВЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА — СТАРЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, АМБИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Возвращение Путина на мировой политический олимп ознаменовано активизацией политики России на Тихом океане и новыми попытками реализации идеи развития Дальнего Востока. Один из первых актов вновь избранного президента — указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подписанный им в день вступления в должность — 7 мая 2012 г., обоснует необходимость участия России в региональных интеграционных процессах целью «содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока»²⁶. Более развёрнуто эта мысль выражена в выступлении президента России на президиуме Госсовета в ноябре 2012 г., посвящённом ситуации на Дальнем Востоке. «Мы должны, — заявил В. Путин, — в полной мере использовать соседство с такими крупными, развивающимися регионами мира и с крупными странами, которыми являются страны

Азиатско-Тихоокеанского региона, использовать как для подъёма самих дальневосточных территорий, так и для России в целом...»²⁷.

В какой-то степени упования Кремля на то, что решить поставленные задачи развития региона можно за счёт иностранных инвесторов, связаны с демонстративным интересом к региону, который проявляют Пекин, Сеул, Токио и Вашингтон. Причём интерес трёх последних в значительной степени обусловлен не экономическими факторами, не возросшими потребностями государств региона в ресурсах Тихоокеанской России, а действиями (в большей степени прогнозируемыми, чем реальными) Китая.

В частности, Токио, озабоченный (особенно в условиях обострившегося политического соперничества и территориальных споров с Пекином) потенциально возможным военно-политическим сближением России с Китаем, пытается убедить Кремль в необходимости дистанцироваться от Пекина и укрепить многосторонние связи с Японией. Если ранее решение территориальной проблемы и заключение мирного договора предъявлялись Токио как необходимое условие участия японского бизнеса и инвестиций в развитии Сибири и Дальнего Востока, то сегодня — как средство сохранения суверенитета и территориальной целостности России перед лицом растущей «китайской угрозы».

По утверждению Генерального консула Республики Корея в г. Владивостоке Ли Ян Гу, высказанному им на Третьем российско-корейском форуме в мае 2013 г., «российский Дальний Восток находится в центре интересов Кореи»²⁸. При этом Сеул рассматривает взаимодействие с территориями Тихоокеанской России прежде всего через призму задачи объединения страны. Один из важнейших путей решения проблемы — вовлечение Пхеньяна в реализацию общих экономических проектов. В числе таких проектов — соединение Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей²⁹, строительство нефте- и газопроводов³⁰ и линий поставки электроэнергии, производство сельхозпродукции на территории Приморского края. Закономерно, что участие Кореи в развитии Дальнего Востока стало одной из главных тем, обсуждённых во время последнего саммита лидеров двух государств в Сеуле и нашедших широкое отражение в его итоговом документе³¹.

Республика Корея признаёт не только сырьевые или энергетические ресурсы Тихоокеанской России. На экспертном уровне обсуждаются

различные варианты сотрудничества в сельском хозяйстве (обеспечение продовольственной безопасности в рамках АТЭС), закупок вооружений, развития трудовых ресурсов, наконец, совершенствования и развития транспортной системы СВА, включая межкорейские инфраструктурные проекты и освоение Северного морского пути. Однако, по мнению южнокорейской стороны, современные российские реалии (неразвитость законодательных гарантий иностранным партнёрам, засилье чиновно-бюрократического аппарата, коррупция) практически нивелируют возможность их взаимовыгодной эксплуатации³².

Руководство Северной Кореи открыто не демонстрирует своих планов в отношении соседних территорий России. Очевиден интерес к территории Приморья не только как к одному из немногих для КНДР окон во внешний мир³³, источнику финансовых ресурсов³⁴, но и возможной зоне для отступления в случае нежелательного для руководства страны развития событий на полуострове. Согласие Пхеньяна на произведённую РЖД модернизацию отрезка железной дороги Раджин — Хасан — потенциально первого участка Транскорейской магистрали — подтверждает наличие у него интереса к более сложным экономическим проектам.

США традиционно воспринимают Россию и её тихоокеанскую часть через призму обеспечения национальной безопасности и американских интересов в АТР. С этих точек зрения, поскольку реальных угроз интересам США в АТР Россия представить сегодня не в состоянии, интерес собственно к ней в Вашингтоне минимален. Однако китайский фактор в этом политическом раскладе Вашингтон игнорировать не может. Рост мощи и влияния Китая заставляет Соединённые Штаты корректировать политику и в отношении российского Дальнего Востока. По мнению американских экспертов, сотрудничество России и Китая по ряду направлений, имеющих прямую территориальную привязку к Дальнему Востоку, создаёт ряд угроз для безопасности США. Такие угрозы могут возникнуть в результате:

- нацеленности экспорта российских углеводородов преимущественно на китайские рынки;
- экспорта вооружений и военных технологий из России в КНР;
- поддержки или нейтралитета России в отношении Китая в так называемых «морских спорах» с союзниками США (Японией и Республикой Корея) за морские ресурсы Восточной Азии;

- укрепления стратегического союза России и КНР на основе сходства позиций по некоторым международным вопросам, прежде всего по ситуации вокруг КНДР.

Американские эксперты считают, что привлечение России на сторону США в Тихоокеанском регионе логичнее всего начинать через расширение экономического сотрудничества на Дальнем Востоке³⁵.

Несколько повысившийся в последние годы интерес к Тихоокеанской России со стороны **Вьетнама, Сингапура, Малайзии, Филиппин и Таиланда** не связан с фактором Китая и обусловлен скорее надеждами получить определённые дивиденды на поле активизации России в Азии и развития Дальнего Востока, чем политическими соображениями. Их интерес связан как с возможностями эксплуатации природных ресурсов (энергетических, сельскохозяйственных) региона, так и с поиском новых транспортных коридоров в Европу³⁶.

Что касается Китая, то руководство КНР продолжает исповедовать идею привлечения потенциала Сибири и Дальнего Востока для решения задачи ускоренного развития своих северо-восточных провинций. Достаточно абстрактные представления об использовании ресурсов Сибири и Дальнего Востока для развития Северо-Восточного Китая, которые широко обсуждались в интеллектуальных и политических кругах КНР в 90-е гг. XX — начале XXI вв., в 2009 г. материализовались в Соглашении о координации программ развития Дальнего Востока и Забайкалья РФ и возрождения старой промышленной базы Северо-Востока КНР. На сегодняшний день итоги выполнения соглашения обеими сторонами трудно назвать успешными, однако китайская сторона не теряет оптимизма. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) призвал к усилению сотрудничества с сопредельными странами и ускоренному развитию приграничных территорий. Поэтому следует ожидать новых инициатив и повышенной активности приграничных провинций Китая в развитии отношений с приграничными территориями России.

Учёные КНР продолжают рассматривать приграничное сотрудничество с Россией как имеющее очень важное стратегическое значение для обеих сторон³⁷, считают его не только необходимым, но и неизбежным, поскольку оно соответствует объективным экономическим потребностям двух государств³⁸. Власти северо-восточных провинций ставят перед собой задачу в полной мере, как это откровенно

сформулировал президент Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян Цюй Вэй, «эгоистично воспользоваться стратегическими шансами»³⁹, которые открывают планы Москвы по развитию Дальнего Востока: расширить импорт энергоресурсов, экспорт своих капиталов, товаров и рабочей силы, получить доступ к портам Тихоокеанской России. В частности, стратегия пров. Цзилинь, активно развивающей новую зону Чанцзиту в районе р. Тумэнь, применительно к России сводится к утилитарной формуле «воспользоваться портом [Зарубино], выйти к морю»⁴⁰.

Теоретически и формально интересы Москвы и Пекина совпадают. Важность развития трансграничных и межрегиональных связей России с Китаем регулярно констатируется в двусторонних документах⁴¹. На деле оба государства принимают в их развитии минимально необходимое участие, и они преимущественно развиваются и поддерживаются жизненными интересами людей и предпринимателей, живущих по обе стороны протяжённой российско-китайской границы. Особенно это касается России, чьи приграничные связи с Китаем развиваются фактически стихийно, без координирующей и направляющей роли центра. С одной стороны, в этом их сила, они не забюрократизированы и имеют большой потенциал саморазвития. С другой, в этом их слабость. Ряд проблем межрегиональных связей, особенно на законодательном уровне, может быть решён только в столицах.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНА

Объективно, исходя из процессов, происходящих в мире, АТР, Восточной Азии, России в начале нового столетия, тихоокеанские территории страны выполняют несколько важных государственных (в контексте России) и региональных (в масштабе Восточной Азии и АТР) функций. Я уже писал об этих функциях более подробно в коллективной работе, посвящённой современному состоянию и будущему развитию Тихоокеанской России⁴², поэтому здесь обозначу тему лишь в нескольких тезисах.

Первая по важности и для региона, и для всей России функция — **стабилизационная**. Мощный природно-сырьевой и пространственный потенциал этих территорий уже сам по себе гарантирует Москве

определённый запас прочности для решения труднейших задач экономической, политической и социальной модернизации страны, выступает как «стратегический резерв выживаемости России в XXI в.» Для её соседей по региону он способен предоставить надёжные источники энергии и свободные пространства для развития их экономик.

Вторая функция — **инфраструктурная**, связывающая экономики России и частично Европы с экономиками Восточной Азии и АТР. В лексиконе российских политиков чаще всего мелькает термин «мост» и «окно в Азию для интеграции с Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁴³. Для стран региона — это звено в транспортно-логистической сети их взаимодействия с европейскими рынками. Международное освоение Северного морского пути открывает в этой области принципиально новые возможности.

Третья функция — **площадка для политического и стратегического диалога на высшем уровне**. На сегодняшний день опыт использования этой площадки как в двусторонних отношениях России со странами региона, так и для двустороннего (например, Северная и Южная Кореи) и многостороннего диалога, невелик⁴⁴.

Четвёртая функция — **обеспечение региональной безопасности**. Пространство Тихоокеанской России всегда являлось для Москвы (и Санкт-Петербурга) источником стратегических угроз и зоной повышенной политической конфликтности. С военно-политической и экономической точек зрения регион всегда был для России исключительно уязвимой территорией. Ощущение своей чужеродности в регионе и мощи соседних государств гипертрофировало чувство внешней опасности. Находясь в окружении не только политически враждебных, но и культурно чуждых государств, Дальний Восток, с одной стороны, постоянно жил под дамокловым мечом внешней угрозы, а с другой — сам по себе воспринимался в регионе как чужеродное тело и потенциальная опасность.

Сегодня Тихоокеанская Россия, наверное, впервые за многие десятилетия не представляется большинству стран Восточной Азии и АТР источником военной и политической угрозы. За исключением Южно-Курильских островов эта часть России не является зоной территориальных споров. Значительное сокращение российского военного присутствия на Дальнем Востоке существенно снизило не только военную напряжённость, но и экологическую нагрузку на регион.

В отличие от других государств региона, Россия не имеет никаких территориальных претензий к соседям и заинтересована исключительно в поддержании региональной стабильности, безопасности и развитии международного сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, заинтересованность Москвы, равно как государств Северо-Восточной Азии в преобразении Тихоокеанской России, как и огромный экономический потенциал этой части страны очевидны. Однако столь же очевидно, что автоматически, «само по себе» чудо не произойдёт, и одними призывами, декларациями, обещаниями и даже принятием новых программ развития региона проблем не решить. Существующий в России механизм программно-целевого развития территорий для этого приспособлен плохо, тем более он не готов учитывать потенциал заинтересованных зарубежных экономик. Целый ряд обстоятельств мешает даже не эффективному, а хотя бы минимальному использованию этого потенциала. Определяющими из них являются:

- Неразвитая инфраструктура Тихоокеанской России, как внутренняя⁴⁵, так и внешняя. В некоторых сферах дело сегодня обстоит хуже, чем несколько лет назад⁴⁶.
- Инвестиционный климат, который потенциальные зарубежные инвесторы в один голос называют неблагоприятным⁴⁷.
- Разница в менталитете, политической и деловой культуре. Как заметил один приморский адвокат, много работающий с зарубежными предпринимателями, «российские бизнесмены и их коллеги из стран АТР не понимают друг друга, хотя и разговаривают на одном деловом языке»⁴⁸.
- Пассивное бездействие, а чаще активное противодействие московской бюрократии, для которой дальневосточные проблемы неинтересны и обременительны.
- Но самая главная проблема — это отсутствие у российской политической элиты ясного понимания — как, какими средствами и путями и ради чего развивать это тихоокеанское побережье России.

В этих условиях, без видения перспектив ни крупный капитал, ни серьёзных людей не завлечь. Эффективность политики Москвы в развитии восточных районов России в значительной степени будет зависеть от способности центра преодолеть существующие ограничения. Для этого прежде всего необходимо:

- а) психологически осознать неизбежность и преимущества от привлечения соседних государств к развитию восточных районов страны и сформулировать для себя представление об использовании потенциала этих государств для решения национальных задач;
- в) выработать прагматичный и в то же время трезвый подход к уже существующим приграничным и межрегиональным связям дальневосточных территорий страны, воспользоваться накопленным багажом для решения национальных задач;
- г) разработать и принять оптимальную, адекватную времени и национальным возможностям модель развития Тихоокеанской России как эффективного инструмента для интеграции России в регион.

Это всё возможно, но трудно и даже болезненно. Поэтому скорых результатов ждать не следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это не только история того периода, когда в регионе отсутствовали границы и государственные образования как таковые. Государство Бохай, которое корейцы считают важным элементом своей истории и культуры, частью располагалось на территории нынешнего Приморского края. В конце XIX — начале XX вв. юг Дальнего Востока стал прибежищем для многих корейцев, вынужденных искать лучшей доли за пределами своей истерзанной войнами и японской агрессией страны, одной из баз корейского освободительного движения. Любопытно, что и активное хозяйственное освоение и заселение соседних районов России, Китая и Японии началось практически одновременно в конце XIX в. См.: Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX в.). Владивосток: Изд-во «Рея», 2013. 256 с.

² Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 51.

- ³ Akaha T., Vassilieva A. The Russian Presence in contemporary Japan: Case studies in Hokkaido and Niigata // Crossing National Borders: Human Migration Issues in North-east Asia. Tokyo; N.Y.; Paris: United Nations Univ. Press, 2005. P. 114.
- ⁴ Таможенная статистика Дальневосточного федерального округа. URL: www.dvtu.customs.ru. Ради справедливости отметим, что главным зарубежным экономическим партнёром Саха-Якутии в этом году являлась Бельгия (46,4% торговли), куда шли якутские алмазы, Чукотки — США (33%), главный поставщик товаров в округ, а Магаданской области — Великобритания (23,7% торговли).
- ⁵ Информация о социально-экономическом развитии Забайкальского края за январь—декабрь 2012 года. URL: <http://www.xn--80aaaac8algcgbck3fl0q.xn--p1ai/economics/macro/2012.html>.
- ⁶ Подсчитано на основе таможенной статистики РФ. URL: www.customs.ru; www.dvtu.customs.ru. Примечательно, что на долю более мощной по своему потенциалу Сибири в торговле с Китаем пришлось в этом году 7,5%, с Японией — 4,4%, Южной Кореей — 3%. (Внешнеторговый оборот по странам в регионе деятельности Сибирского таможенного управления в 2012 г. URL: <http://www.sibfo.ru/economics/foreign-commerce.php?action=art&nart=7720>).
- ⁷ Таможенная статистика Дальневосточного федерального округа. URL: www.dvtu.customs.ru.
- ⁸ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией. Таможенная статистика Дальневосточного федерального округа. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_ru_trade/. Информация о сотрудничестве Сахалинской области с Японией. Таможенная статистика Дальневосточного федерального округа. URL: <http://mininvest.admsakhalin.ru/japan>.
- ⁹ Баранник И. Российско-корейские инвестиционные проекты нанизывают на ось // Золотой Рог. 2013. 21 мая. URL: http://www.zrpress.ru/politics/dalnjivostok_21.05.2013_60992_rossijsko-korejskie-investitsionnye-proekty-nanizajut-na-os.html.
- ¹⁰ Кирьянов О. Южная Корея инвестирует в Дальний Восток России. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/26/investicii-site.html>.
- ¹¹ Первое ещё советского времени соглашение приграничного уровня — Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области СССР и городом Маньчжурия (Маньчжоули) Автономного района Внутренняя Монголия — было подписано в г. Маньчжоули 15 апреля 1988 г. (См.: Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. С. 389—391). За ним последовали десятки договоров между соседними и не очень близкими территориями России и КНР.
- ¹² К числу таких структур относятся, в частности, *Саммит по международному обмену и сотрудничеству стран Северо-Восточной Азии* (на уровне губернаторов территорий), Конференция мэров городов бассейна Японского моря, Международная ассоциация по развитию туризма в регионах бассейна Японского моря, Российско-китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и др.

- ¹³ К 2006 г. только японские префектуры, города и посёлки имели побратимские связи с 35 российскими административными единицами на побережье Японского моря (См.: Japanese Local Government International Affiliation Director — 2005. Tokyo: Council of Local Authorities for Intern. Relations, 2005. P. 2—3).
- ¹⁴ Этнокультурные и социально-экономические проблемы... С. 208.
- ¹⁵ Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 310—339. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- ¹⁶ 2011年1—12月来华旅游入境人数 (按入境方式分) (Количество иностранцев, посетивших Китай в январе — декабре 2011 г. (по способу пересечения границы)). URL: <http://www.cnta.gov.cn/html/2012-2/2012-2-10-14-41-63315.html>.
- ¹⁷ 吉林统计年鉴 2012 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2012 г.). 北京: 中国统计出版社. 2012. С. 424; 黑龙江统计年鉴 2012 (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2012 г.). 北京: 中国统计出版社. 2012. С. 523.
- ¹⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 45—46.
- ¹⁹ Иностранные языки и поездки за границу. Опрос «Фомнибус» 12—13 февраля 2011 г. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d09ijipzg11.pdf>.
- ²⁰ Подсчитано по: Въезд иностранных граждан на территорию РФ. URL: www.russiatourism.ru; Выезд российских граждан за рубеж по наиболее популярным направлениям. URL: www.russiatourism.ru; Амурская область в цифрах. Краткий статистический сборник. Благовещенск: Амурстат-Б., 2013. С. 152; Государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013—2014 годы. С. 9—10. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism/the-state-program-of-primorsky-krai-tourism-development-in-the-primorsky-territory-on-the-2013-2017>; Динамика развития туристской отрасли на территории Забайкальского края (по оценке Министерства МСВЭСТ). Июль 2013 г. URL: http://xn--b1allbezbi1h.xn--80aaaac8algcgbgck3f10q.xn--plai/tourism/statistics_on_tourism.html; Хабаровский край: Статистический ежегодник. Хабаровскстат: Хабаровск, 2012. С. 153. URL: <http://npa.eao.ru/law?doc&nd=642223299&nh=0&ssect=1>.
- ²¹ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников... С. 107—109.
- ²² Государственная программа Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013—2017 годы. С. 10. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/the-state-programs-of-primorsky-kra.php>.
- ²³ Стратегия социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. Хабаровск: Правительство Хабаровского края, 2008. С. 22.
- ²⁴ Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года. URL: http://www.economy.burnet.ru/makroprognozirovanie/documents_sip.php.
- ²⁵ Концепция социально-экономического развития Иркутской области на период до 2020 года. С. 12. URL: <http://irkobl.ru/economy/strategy/>.

- ²⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610881>.
- ²⁷ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ²⁸ Баранник И. Российско-корейские инвестиционные проекты...
- ²⁹ Во время короткой беседы с президентом РФ В. Путиным 6 сентября 2013 г. президент РК Пак Кын Хе высказала свою давнюю мечту, напрямую связанную с этим проектом: «Соединение железной дороги, чтобы, отправляясь из Пусана через Россию, можно было до Европы доехать на поезде» (Встреча с президентом Республики Корея Пак Кын Хе. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19170>).
- ³⁰ Корея может стать одним из главных потребителей российских энергоресурсов на Востоке. По некоторым расчётам, к 2030 г. в Корею может поставляться 30 млн т нефти и 35 млрд куб. м газа в год (См.: Коржубаев А. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 72—73).
- ³¹ Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея. 13 ноября 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1564.
- ³² Толстокулаков И.А. Интересы и стратегии государств Корейского полуострова // У карты Тихого океана. 2013. № 32 (230). С. 24.
- ³³ На территории края расположено Генеральное консульство КНДР, существует регулярное авиасообщение Пхеньян — Владивосток.
- ³⁴ Таким источником является не только торговля, но и экспорт корейской рабочей силы.
- ³⁵ Гарусова Л.Н. Интересы и стратегия США // Тихоокеанская Россия в планах и стратегиях государств Азиатско-Тихоокеанского региона // У карты Тихого океана. 2013. Вып. 32 (230). С. 8.
- ³⁶ См.: Симоненко А.В. Интересы и стратегии стран Юго-Восточной Азии // Тихоокеанская Россия в планах и стратегиях государств Азиатско-Тихоокеанского региона // У карты Тихого океана. 2013. Вып. 32 (230). С. 29—32.
- ³⁷ 陆南泉. 有利因素不断增加的中俄区域经贸合作 (Лу Наньцзюнь. Благоприятные факторы для непрерывного развития российско-китайского регионального экономического сотрудничества) // 俄罗斯东部与中国东北的互动发展及能源合作研究 (Взаимное развитие и энергетическое сотрудничество между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая). 长春. 长春出版社, 2012. С. 17.
- ³⁸ 胡仁霞. 中俄地区合作: 实现基础与调整方向 (Ху Жэнься. Китайско-российское региональное сотрудничество: реальные основы и пути упорядочения) // 俄罗斯东部与中国东北的互动发展及能源合作研究 (Взаимное развитие и энергетическое сотрудничество между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая). 长春. 长春出版社, 2012. С. 163.
- ³⁹ 曲伟. 抢抓战略机遇提升中俄合作 (Цюй Вэй. Воспользоваться стратегическим шансом, поднять китайско-российское региональное сотрудничество) // 第六届东北亚地区合作发展国际论坛 (Шестая Международная конференция по развитию сотрудничества в Северо-Восточной Азии). 哈尔滨: 日本侨报社, 2013. С. 16.

- ⁴⁰ 马克. 东北亚合作新局面长吉图建设新发展 (Ма Кэ. Новые горизонты сотрудничества в Северо-восточной Азии — новое развитие строительства [зоны] Чанцзиту) // 第六届东北亚地区合作发展国际论坛 (Шестая Международная конференция по развитию сотрудничества в Северо-Восточной Азии). 哈尔滨: 日本侨报社, 2013. С. 23.
- ⁴¹ Три абзаца посвящены этой теме в Совместном заявлении РФ и КНР «О взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» от 22 марта 2013 г., подписанном по итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1024243.shtml.
- ⁴² Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авт.; отв. ред. акад. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 283—285.
- ⁴³ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.
- ⁴⁴ В советское время это, пожалуй, лишь «историческая встреча» генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и президента США Дж. Форда во Владивостоке (23—24 ноября 1974 г.). В постсоветское — встреча министров иностранных дел России, Индии и Китая (1 июня 2005 г.), Форум АТЭС (сентябрь 2012 г.) и парламентский форум АТЭС (январь 2013 г.) во Владивостоке.
- ⁴⁵ Плотность железнодорожных путей общего пользования в расчёте на 10 тыс. кв. км в ДВФО в 3,6 раз ниже, а автомобильных дорог с твёрдым покрытием — в 5,6 раз ниже, чем в среднем по России. См.: Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. С. 316—317. URL: <http://government.ru/gov/results/9049>.
- ⁴⁶ Несмотря на многолетние разговоры, соглашения и решения на самом высоком уровне, по-прежнему архаично смотрятся российские пограничные переходы на границе с Китаем. Владивосток активно позиционируется как коммуникационная площадка России в АТР, однако единственным развитым авиамаршрутом за границу из города является маршрут в Сеул, в то время как в гг. Харбин, Далянь или Чанчунь добираться приходится через тот же Сеул или неудобным ночным рейсом через Пекин. Два рейса в неделю в Японию и ни одного в США — при таких коммуникациях трудно претендовать на приличное место в международном сообществе региона.
- ⁴⁷ Не случайно, фактически выражая общее мнение азиатских партнёров России, президент Южной Кореи Пак Кын Хе во время встречи с В. Путиным обратилась к нему с просьбой «уделять постоянное внимание совместной работе в преодолении трудностей, которые испытывают корейские бизнесмены, продвигающиеся в Россию» (См.: The President Holds Summit with Russian President Vladimir Putin. Available at: http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh%5Bpage%5D=2&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=2601&srh%5Bdetail_no%5D=94).
- ⁴⁸ Приезжающие в Приморье бизнесмены из Южной Кореи не могут понять наше общество — адвокат. URL: <http://primamedia.ru/news/primorye/20.09.2013/303582/priezzhayuschie-v-primore-biznesmeni-iz-yuzhnoy-korei-ne-mogut-ponyat-nashe-obschestvo.html>.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ*

В реалиях XXI в. эффективное использование потенциала территории к востоку от Байкала (далее — Тихоокеанская Россия, ТР) оказывается ключевым фактором не только интеграции Российской Федерации в АТР, но и её существования как глобальной державы. В последние годы правительство страны взяло курс на формирование новой модели развития Дальнего Востока, однако её основы во многом взяты из прошлого. Представляется, что без принципиального изменения подходов всё останется по-прежнему. И начинать надо с изменения отношения к самому региону, к его жителям, их жизни и интересам.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

О важности процветающего Дальнего Востока для будущего всей страны рассуждали ещё со времени присоединения Приамурья к России в середине XIX в. И в этом направлении предпринимались весьма активные действия. Правда, происходило это лишь тогда, когда возникала реальная угроза отторжения данных территорий от России. Проблема вновь актуализировалась в первые годы XXI в. в силу геополитических и экономических причин. Первая (и главная) причина заключается в том, что владение тихоокеанской территорией остаётся неременным условием присутствия России в АТР и обладания статусом глобальной державы, а ресурсы региона могут служить важным источником социально-экономического развития всей страны. В 2001 г. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) отметил принципиальную необходимость освоения тихоокеанских районов страны. «От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные, демографические и этнонациональные процессы, — говорится в докладе СВОП, — будет всё в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства»¹.

* Опубликовано в журнале: Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 18—27.

Идею положительно оценило высшее руководство страны. В августе 2002 г. на совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа прозвучала ключевая для всех последующих решений фраза президента В. Путина об «огромном стратегическом значении» региона для России². В 2012 г. на заседании Президиума Госсовета глава государства характеризовал Дальний Восток как «важнейший фактор процветания и роста могущества России в целом»³.

Вместе с тем Тихоокеанская Россия воспринимается в Москве не только как важный ресурс для решения общенациональных задач, но и как источник масштабных политических, социально-экономических и управленческих вызовов и проблем. В ноябре 2002 г. на самом высоком уровне было признано, что существующие в регионе «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы, разбалансированность в его экономике... и напряжение в социальной сфере <...> ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁴.

Не менее значимая опасность обнаруживается в несбалансированном развитии западных и восточных районов России, которое «таит в себе огромные стратегические угрозы» для её будущего⁵. В совокупности такие проблемы реанимировали опасения, связанные с возможностью утраты Россией этой территории. Впервые В. Путин заявил о том, что существует угроза «существования региона как неотрывной части России» в июле 2000 г.⁶ Впоследствии эта тема озвучивалась на высшем уровне неоднократно. Наконец, значительная часть политической, управленческой и деловой элиты страны воспринимает саму мысль о развитии региона как тяжёлое бремя и даже обузу для государства, осознавая, что реальное развитие требует огромных финансовых расходов и большого напряжения усилий.

Для решения выявленных проблем и ликвидации угроз до сих пор традиционно использовались два основных средства: 1) административно-политический ресурс (персональное внимание главы государства, политические установки, специальные органы управления, регулярные совещания, визиты руководства, давление на госмонополии и т.п.); 2) программно-целевое планирование. Были разработаны, утверждены и в той или иной степени запущены в работу два десятка федеральных стратегий, концепций развития Дальнего Востока, отраслевых программ, а также десятки региональных (краевые,

областные, городские и т.д.). При этом каждая из них — яркое наследие традиций Госплана с лоббизмом ведомств (госкорпораций) и территорий и приматом методологических подходов, которые в современных условиях во многом архаичны и неэффективны. В их числе:

- акцент на «экономическое развитие» (производительные силы) региона, которому подчинено «социальное развитие»;
- обязательное увеличение численности населения региона (прежде всего за счёт переселения «соотечественников»);
- более тесная привязка региона к Европейской России, борьба с его «дрейфом» в Азию.

Два последних подхода не имеют под собой логичных обоснований, питаются преимущественно застарелыми фобиями, предубеждениями и инстинктами и обусловлены страхом утраты территории. Эти страхи сегодня оказывают заметное влияние на формирование политики и принятие решений.

Полтора десятилетия активной идеологической, административной и финансово-экономической деятельности президента и правительства по реализации поставленных задач не могли не дать положительных результатов. Россия стала членом АТЭС и Регионального форума АСЕАН (АРФ), вышла на уровень диалогового партнёрства, в том числе в рамках саммитов с АСЕАН. Доля стран АТЭС во внешней торговле России с 2006 по 2013 г. увеличилась с 17,1 до 24,7%. Китай стал её главным внешнеторговым партнёром (10,5% товарооборота). Существенно увеличился внешнеторговый оборот Тихоокеанской России. В период с 2000 по 2013 г. он вырос в 14 раз — с 2,8 до 39,9 млрд долл. Построен нефтепровод Сибирь—Тихий океан. Успешно реализован грандиозный проект по подготовке Владивостока к саммиту АТЭС.

Достигнутые успехи вместе с тем не позволяют закрыть глаза на неудачи и провалы. Пока КПД затраченных политико-административных и интеллектуальных усилий остаётся крайне низким. До сих пор инициатива высшего руководства слабо подкреплялась практическими действиями среднего и низшего звеньев управления и расшатывалась низким уровнем исполнительской дисциплины⁷. Очевидно, что существующего в российской административно-политической элите «про-АТРовского потенциала» оказалось недостаточно для воплощения идей и задач, сформулированных высшим руководством страны.

Можно выделить несколько наиболее острых проблем, сдерживающих развитие региона:

1. Дальнейшее углубление экономического, технологического и социального разрыва между Тихоокеанской Россией и соседними странами и территориями (за исключением КНДР). Показательно, что почти треть (31,5%) импорта Дальнего Востока и Забайкалья из КНР сегодня составляют машины и оборудование, причём в стоимостном выражении из Китая их импортируется уже в два раза больше, чем из Японии, и в 1,3 раза больше, чем из Южной Кореи⁸. Уровень зарплат в регионе не позволяет привлекать квалифицированную рабочую силу не только из Японии или Южной Кореи, но уже и из Китая. Резкое падение курса рубля в конце 2014 г. вообще ставит крест на этом ресурсе производства для восточных районов России.
2. Сохраняется заметное отставание региона по условиям и комфортности жизни от остальной России. В 2010 г. коэффициент смертности здесь превышал коэффициент рождаемости на 4,7% (в России на 0,7%). По сравнению с 1995 г. в 2009 г. реальная зарплата в целом по стране выросла в 3,4 раза, а на Дальнем Востоке — только в 2,7 раза⁹. Плотность железнодорожных путей общего пользования в расчёте на 10 тыс. кв. км в ДВФО в 3,6 раза, а автомобильных дорог с твёрдым покрытием — в 5,6 раза ниже, чем в среднем по России¹⁰.
3. Происходит разрушение стихийно сложившейся в регионе в 1990-е гг. интеграционной инфраструктуры (автомобильный и челночный бизнес, привлечение рабочей силы из стран Восточной Азии, международные транспортные пути).
4. Наблюдается дальнейшее падение престижа и авторитета центральной власти. Безразличное отношение Москвы к Дальнему Востоку его жители считают одной из главных (если не главной) угроз безопасности России и её территорий на востоке страны¹¹.

Таким образом, все действия государства по превращению Тихоокеанской России в «интеграционную платформу» в АТР фактически свелись к попыткам прочнее привязать регион к центру через модернизацию его транспортной инфраструктуры и предоставление некоторых льгот дальневосточникам (скидки на проезд в Европейскую Россию), а также убедить мировое сообщество (через саммит АТЭС во Владивостоке) и самих себя в реальности российского присутствия

в АТР. Сама же Тихоокеанская Россия так и осталась территорией некомфортного проживания. Самый наглядный результат всего этого — дальнейшее снижение численности и ухудшение качества населения региона.

В 2013 г. число жителей ДВФО сократилось по сравнению с 2007 г. на 283 тыс. чел. (4,3%). В этот же период население Приморского края, на развитие которого государство бросило главные силы и средства, уменьшилось на 67,5 тыс. чел. (3,4%). Сократилась (на 30 тыс. человек, или 5,7%) численность жителей и на Сахалине, который даёт львиную долю доходов от экспорта ДВФО (60% в 2013 г.) и, казалось бы, уже должен стать территорией процветания и притяжения населения¹². Очевидно, что одними финансовыми вливаниями в регион людей не удержать.

Существуют стандартные объяснения причин неудач. Как правило, ссылаются на объективные трудности: гигантские расстояния, суровый климат (так называемое «сибирское проклятье»)¹³, нехватку трудовых ресурсов, неразвитую инфраструктуру и др. Однако всё это было, есть и будет.

Реальные же причины, как представляется, в другом. Прежде всего это игнорирование естественных ограничителей экономического развития региона — его размеров, пространственной, природно-климатической и социально-экономической специфики¹⁴. Идея «комплексного развития» всего региона стала главным камнем преткновения, когда масштаб и стоимость поставленных задач «физически» не подъёмны для современной России. Нет у неё необходимых для этого колоссальных финансовых, материальных и трудовых ресурсов.

Приходится говорить о неадекватном целеполагании (формулировании ложных целей в угоду гигантизму, популизму и европоцентризму) и сомнительных средствах («переселение соотечественников») реализации большинства федеральных программ. Но, прежде всего, идеологи «поворота на восток» так и не сформулировали ответ на главный вопрос: для чего и как развивать Дальневосточный регион? Политически корректная формула «в интересах его населения» при конкретном планировании трансформируется в интересы крупных монополий и стратегических отраслей.

Непреодолимым препятствием стало определение пространственной ориентации России. Однозначного ответа на вопрос: «Россия — часть Европы, часть АТР или мост между ними?» — так и не было дано.

Типичное для Европейской России представление о том, что Дальний Восток — это «форпост», а Сибирь — «тыл», сказалось и на реализации программ развития Дальнего Востока, и на отношениях с соседними азиатскими государствами¹⁵. Несогласованность интересов центра и региона, московских чиновников и дальневосточников расхолаживали и тех, и других. Лукавая мысль о возможности «потери» региона также подтачивала стремление к его развитию. Настроения и квалификация как теоретиков, так и исполнителей конкретных программ также сыграли свою роль, определив низкий КПД выполнения принятых решений.

Неудивительно, что в 2013 г. появились признаки замораживания тихоокеанского проекта России, начались поиски путей перенесения бремени развития территории на бизнес. В сентябре была деавуирована Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., утверждённая решением Правительства РФ за полгода до этого (29 марта), а в декабре продлена ещё на 5 лет, по сути, проваленная Федеральная программа развития региона до 2013 г. В том же 2013 г. обсуждалась возможность образования Госкорпорации по развитию Дальнего Востока, а в конце года президент В. Путин выдвинул идею создания «территорий опережающего развития» (ТОР) как локомотива ускоренного развития Тихоокеанской России.

До 2018 г. из федерального бюджета на развитие региона будет направлено 212 млрд руб.¹⁶, что существенно меньше сумм, потраченных на подготовку зимней Олимпиады в Сочи, универсиады в Казани или саммита АТЭС во Владивостоке. Однако критическое обострение отношений России с США и Европой на рубеже 2013—2014 гг. и существенное снижение финансовых возможностей страны заставило центральную власть не только вновь обратить свои взоры на восток, но и усиленно заняться созданием новых механизмов реализации уже принятых решений. В декабре 2013 г. президент страны подтвердил, что подъём Сибири и Дальнего Востока — это «стратегическая цель» и «национальный приоритет» России на весь XXI в.¹⁷ В декабре 2014 г. идея создания «территорий опережающего развития» воплотилась в закон РФ, в соответствии с которым Дальний Восток на три года становится пилотной площадкой для создания таких экономических анклавов.

Пока чиновники соревнуются в проявлении оптимизма по поводу ТОР на Дальнем Востоке, население региона смотрит на это крайне

скептически. Интернет-опрос жителей Приморья осенью — в начале зимы 2014 г. показал, что только 17% опрошенных ожидают от создания ТОР какого-то положительного результата для края¹⁸.

Принципиальный вопрос в том, сочтёт ли российский бизнес, особенно в условиях экономической нестабильности, западных санкций и падения цен на энергоресурсы, предлагаемые ему преференции привлекательными. Не менее важно, будут ли они достаточными для бизнеса зарубежного, позволят ли переломить устоявшееся представление о неблагоприятном инвестиционном климате в России. Здесь нелишне вспомнить, что глава Министерства по развитию Дальнего Востока А. Галушка уже сообщил о 10-процентном сокращении числа ТОР в регионе за счёт «имеющих наименьший ранг эффективности»¹⁹.

В целом же создание таких прорывных проектов — это тактика, а отнюдь не стратегия. Геополитические задачи России на Востоке они решить не могут. Вопрос о сохранении статуса России как глобальной и тихоокеанской державы, поиске новых источников экономического роста и социального развития, обеспечении безопасности и стабильности (не говоря уже о развитии) на восточных окраинах с повестки дня не снят. Тихоокеанские вызовы для России не исчезли. Более того, они обостряются.

НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Для превращения Тихоокеанской России из хронически проблемного в успешный регион требуется пересмотреть сам подход к нему, изменить идеологию его развития и использования. Как представляется, она должна опираться на следующие основные принципы.

Первый. Для государства развитие Тихоокеанской России — это не чисто экономический, а стратегический проект. Соответственно, не экономические, а геополитические факторы и стратегические решения должны служить основой для расчётов его параметров и результатов. Необходимо законодательно закрепить геополитический статус Тихоокеанской России, предполагающий особые условия для инвестиций, развития производства, международных связей и жизнедеятельности населения региона.

Второй. На данном этапе расходы государства на содержание тихоокеанской территории могут лишь частично быть компенсированы

за счёт небольшого количества имеющихся здесь высокоприбыльных отраслей. За выполнение же ею геополитических задач государство должно платить.

Третий. «Комплексное развитие» Дальнего Востока в целом с превращением его северных районов в зоны комфортного проживания невозможно в силу масштабов и природно-климатических условий региона. В этом нет необходимости ни в контексте интеграции России в АТР, ни в контексте удовлетворения запросов немногочисленного населения региона. Отказ от «комплексного развития» отнюдь не отвергает, а, напротив, делает более актуальным комплексный подход к формированию стратегии развития Дальнего Востока, учитывающей весь спектр существующих внутренних и внешних факторов, условий и задач.

Четвёртый. Для создания в регионе конкурентоспособных экономических пространств необходимо уже сегодня сделать главной сферой капитальных вложений государства интеллектуальные ресурсы, человеческий капитал, вкладывать средства в создание и развитие экономики знаний, информационного и гражданского общества. Архаичную стратегию развития производительных сил Тихоокеанской России, к которой сводились практически все прежние программы, необходимо заменить стратегией развития человеческого потенциала.

Пятый. Тихоокеанская Россия — это не периферия страны, призванная обеспечивать потребности европейской метрополии, и не «мост» для соединения её с Азией. ТР уже встроена в экономическое, социальное и культурное пространство Азии и обладает реальным интеграционным потенциалом, причём не только экономическим и административным, но и культурно-адаптивным. Потенциал этот должен не разрушаться в силу каких-то опасений центра относительно «дальневосточного сепаратизма» и иностранного влияния, а эффективно использоваться в интересах России.

Шестой. Реальный интерес стран АТР к Тихоокеанской России, в том числе как к экономическому пространству, минимален. Он ограничивается заинтересованностью в определённых видах сырьевых ресурсов и транспортных коммуникациях по линии «Восток — Запад», хотя в некоторой степени и подогревается нежеланием Вашингтона, Токио и Сеула допустить экономическое и политическое доминирование Китая на востоке России. Соответственно, эти интересы не могут служить надёжным ориентиром для выбора модели

модернизации региона. В то же время нет никаких свидетельств того, что иностранное присутствие создаёт предпосылки для отторжения дальневосточных территорий от России.

Седьмой. Основой для успешного решения стратегических задач должны быть не программы социально-экономического развития, а пакет политико-административных, правовых решений и управленческих воздействий. В его основу должны быть положены следующие стратегические цели: создание «пояса безопасности» на востоке страны и обеспечение геополитического присутствия России на Тихом океане; решение гуманитарных задач (предоставление гарантированных социальных благ населению, поддержка традиционного образа жизни коренных народов); реализация инвестиционных проектов в тех зонах, где это экономически целесообразно.

Альтернативой «комплексному экономическому развитию» могут стать зональное развитие и антропоцентричный подход. Государство должно публично отказаться от идеи социально-экономического развития всей территории как утопичной, ведущей к распылению сил и средств, в пользу пространственно-географической модели, основанной на выделении трёх поясов (зон) развития, ставя при этом задачу обеспечения одинаково высокого качества жизни на всей территории региона.

Зональное развитие базируется на признании уникальности функций и задач, выполняемых разными территориями Тихоокеанской России, в силу чего эти территории должны стать объектом дифференцированной политики государства. Антропоцентричный подход, опирающийся на теорию человеческого капитала, предполагает преимущественные вложения государства не в материальные ресурсы, не в производство, а в человека, в его интеллект, в применение так называемой мягкой силы в российской политике в АТР.

Идея зонального развития не нова. Предложения о «точечном инновационном развитии» перспективных районов и вахтовом освоении ресурсов на большей части Дальнего Востока уже выдвигались экономистами, но не получили политической поддержки. Камнем преткновения оставалась судьба «неперспективных территорий».

Модель «зонального развития» предполагает выделение трёх зон (поясов) развития на территории Тихоокеанской России, подкреплённое законодательно, с соответствующими правами и гарантиями для населения и бизнеса:

1. Зона стратегической стабильности. В неё входят геополитически важные для российского государства территории, чьи главные функции связаны с обеспечением национальной безопасности, разработкой стратегических ресурсов, поддержанием статуса России как глобальной и тихоокеанской державы. Основной акцент здесь может быть сделан на точечном развитии объектов и территорий.

Зона стратегической стабильности опоясывает Тихоокеанскую Россию с востока и юга и включает несколько «точек» российского присутствия, где концентрируется население и интеллектуальный капитал (Владивосток, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Благовещенск, Чита). Сюда же входят приграничные с Китаем «контактные зоны» (Краскино, Пограничный, о. Большой Уссурийский, Забайкальск).

Гарантией российского присутствия в этих центрах остаётся разумное сочетание «жёсткой» (политико-административный и оборонительный ресурс) и «мягкой» (наука, образование, культура) силы, развитая внутренняя и внешняя инфраструктура. Фактически, шаг в данном направлении уже сделан — была разработана программа ускоренного развития Владивостока, уже принёсшая как практические результаты (формирование условий для развития интеллектуального потенциала территории), так и немалый демонстрационный эффект, доказавший серьёзность намерений России на Тихом океане.

Присвоение Владивостоку статуса «свободного порта», пусть с пока неясными привилегиями и льготами, — это второй шаг. Владивосток должен быть предъявлен миру и региону как неофициальная восточная столица России, её главный политический, транспортный и логистический центр на востоке, базовая точка её присутствия в АТР, точка притяжения талантливых людей и финансовых ресурсов. Реализации названных целей способствовало бы предоставление Владивостоку статуса города центрального подчинения с соответствующими административными правами и экономическими льготами для российских и иностранных резидентов.

В зоне стратегической стабильности к сфере государственных инвестиций должны быть отнесены: внутренние и внешние коммуникации, энергетика (снижение стоимости энергии для производства и населения), социальная и производственная инфраструктура (для занятых исполнением стратегических задач России в регионе), стратегические отрасли, обеспечивающие поддержание безопасности России, а также интеллектуальные ресурсы.

Важный ресурс развития приграничных контактных территорий — демографический потенциал соседнего Китая. На этих территориях должны быть созданы льготные условия для мелкого и среднего российского бизнеса, привлечения российских и иностранных инвестиций. Необходимо, наконец, воплотить в жизнь российско-китайское соглашение о приграничных торгово-экономических зонах, нацелить на это буксующее соглашение о координации программ развития Дальнего Востока и возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая.

Генеральная задача государства — создать в поясе стратегического присутствия России более комфортную, чем в среднем по стране, среду обитания человека, что позволит не только сохранить имеющиеся, но и привлечь новые трудовые и интеллектуальные ресурсы.

2. Зона управляемого экономического развития. Она охватывает регионы, располагающие реальными ресурсами (природными, сырьевыми, транспортными, трудовыми) и базой для экономического развития и превращения в «территории опережающего развития». Речь, в частности, идёт об Иркутске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Северном Сахалине, Юго-Восточном Приморье.

Усилия государства на этих территориях должны быть направлены в первую очередь на регулирование притока инвестиций в «точки экономического роста» и отрасли высоких технологий; создание благоприятных условий для российского и иностранного капитала; удержание имеющейся и привлечение дополнительной квалифицированной рабочей силы (именно в «точки роста», а не вообще на Дальний Восток); повышение социальной ответственности бизнеса и его готовности работать в интересах территории; укрепление научно-технологической платформы для модернизации экономики.

3. Зона традиционной жизнедеятельности. Она включает в себя все остальные территории Тихоокеанской России — естественную среду проживания коренных народов, а также территории, где население живёт по праву собственного выбора. Объективно — это большая часть региона, малозаселённая, дотационная, где природные ресурсы могут — при наличии спроса на них — осваиваться вахтовым методом.

Выделенные зоны не следует рассматривать как сплошные пространства, они объединяют конкретные районы экономического роста или «точки стратегического присутствия». Главная задача государства состоит в том, чтобы обеспечить комфортные условия для

проживания людей в каждой из зон. Человеческий капитал и интеллектуальные ресурсы должны быть главным приоритетом для государственных инвестиций.

Важно, что описываемый подход не предполагает искусственного роста населения региона. Демографический вызов для России здесь состоит не столько в малой численности жителей региона, сколько в их распылённости на широком пространстве и проживании в местах, не обеспечивающих комфортных условий, где стоимость поддержания жизнедеятельности для государства чрезмерно высока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемый подход предусматривает перераспределение полномочий между центром и территориями Тихоокеанской России, предоставление им бóльших финансовых ресурсов и административных прав, но и возложение на них бóльшей ответственности за результаты. Высокая стоимость реализации любой стратегии развития региона требует выделения приоритетов. По степени значимости они могут выстраиваться следующим образом:

1. Инвестиции в человека. Без серьёзных вложений в развитие человеческого капитала решать экономические задачи на пространствах Тихоокеанской России скоро будет некому.
2. Система власти, управления и гражданское общество. Главным препятствием в развитии страны и региона сегодня остается неэффективная, громоздкая и неповоротливая система управления. В основе её существования лежит взаимное недоверие власти и общества. Власть не верит населению страны. Она априори полагает, что это население непременно будет воровать и обманывать государство. Отсюда — тотальный контроль, повальная бюрократизация и основанная на этом тотальная коррупция. Решить эти проблемы можно только путём дебюрократизации управления и развития гражданского общества.
3. Экономика знаний, наука, высокие технологии. Конкурентоспособное производство в географических и климатических условиях Дальнего Востока и при наличии таких соседей, как Китай, Корея, страны ЮВА возможно либо при государственной поддержке и государственном протекционизме, либо в прорывных областях, основанных на передовых достижениях науки.

4. Международные связи. Развитие производственной кооперации в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте — это задача очевидная. Но ещё более важен переход власти к восприятию государственной границы не как предела и ограничителя внутренней и внешней экспансии России, а как новых возможностей и источников развития. В решении демографической проблемы акцент должен быть сделан не на переселении «соотечественников» на Восток, а на удержании местного населения, поощрении и регулировании внутрирегиональной миграции, создании социальных условий для привлечения высокопроизводительных трудовых ресурсов и концентрации их в «точках» экономического роста и стратегического присутствия (региональные «мегаполисы» как средство притяжения человеческого капитала).

Государство должно больше заботиться о ныне живущих в регионе и формировать привлекательную среду для молодёжи (и не только российской), ищущей своё место в жизни. Для этого необходимо создавать условия для повышения качества и продолжительности жизни по крайней мере до уровня соседних территорий Азии, поддерживать у населения жизненные стратегии, связанные с Тихоокеанской Россией, и одновременно способствовать усилению ощущения пребывания в едином социально-культурном пространстве страны.

Все эти шаги действительно могут превратить Тихоокеанскую Россию в территорию, привлекательную для жизни людей и способную решать геополитические, экономические и социальные вопросы в интересах региона и России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2001. С. 12.

² Стенографический отчёт о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/08/23/1620_type63378type63381_29304.shtml.

³ Заседание Президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.

⁴ Путин В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/11/27/0003_type63374type63378_29588.shtml.

- ⁵ 邢广程. 俄罗斯亚太战略和政策的新变化 (Син Гуанчэн. Новые изменения в стратегии и политике России в АТР). 国际问题研究. 2012. № 2. С. 113.
- ⁶ Путин В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.
- ⁷ О безответственности «ответственных исполнителей» президент страны прямо говорил в июле 2013 г. Из поручений, данных чиновникам на заседании Госсовета 27 декабря 2012 г., «примерно 80% не выполнено», хотя «это ведь согласовывалось предварительно, со всеми согласовывалось» (Стенографический отчёт о совещании о комплексном социально-экономическом развитии Сахалинской области. 16 июля 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18824>).
- ⁸ Итоги внешнеэкономической деятельности территорий Дальнего Востока и Забайкалья в 2012 году. URL: http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/fecon_ftrade.htm.
- ⁹ Мотрич Е. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России. URL: dvforum.khabkrai.ru/doklads/s5_Motrich.pdf.
- ¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. С. 316—317. URL: <http://government.ru/gov/results/9049>.
- ¹¹ Ларин В., Ларина Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 66—74, 80—84.
- ¹² Демографические ежегодники России за 2007—2012 гг. Население субъектов Российской Федерации на 1 января. URL: <http://www.gks.ru>. За весь период реформ (с 1990 по 2014 г.) население ДВФО сократилось на 22,6% — с 8,05 до 6,22 млн чел.
- ¹³ Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington: Brooking Institution Press, 2003. 303 p.
- ¹⁴ 70% территории региона непригодны для проживания человека. Часть же пригодной территории не имеет природных и трудовых ресурсов для развития.
- ¹⁵ 李新. 俄罗斯西伯利亚和远东开发与中国的机遇 (Ли Синь. Развитие российских Сибири и Дальнего Востока и шансы для Китая). 西伯利亚研究. 2013. № 6. С. 34.
- ¹⁶ Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». URL: <http://government.ru/docs/8957/>.
- ¹⁷ Послание Президента Федеральному собранию. 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19825>.
- ¹⁸ Опрос: Что дадут территории опережающего развития Приморью? URL: <http://primamedia.ru/poll/show.php?id=1262&msg=1001>.
- ¹⁹ Минвосток может отложить создание малоэффективных ТОРов из-за сокращения госрасходов. URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/1708822>.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ» НАЧАЛА XXI в.: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ*

ВВЕДЕНИЕ

Евразийская геополитическая и экономическая повестка всегда считалась для российского государства главной. Время от времени Россия была вынуждена реагировать на вызовы со стороны Тихоокеанской Азии, активизироваться в хозяйственном освоении и укреплении обороны своих восточных рубежей, но её европейская историко-культурная идентичность неизменно брала верх. То же происходит сегодня. Провал очередной попытки интегрировать Россию в Азиатско-Тихоокеанский регион, ставший для многих очевидным в начале второго десятилетия XXI в., сопровождался активизацией «новых евразийцев», появлением концепта «Большой Евразии», который если не в политической риторике, то в реальной политике уже стал близкой альтернативой далёкому для Москвы тихоокеанскому экономическому пространству.

Крутой поворот в очередной раз меняет статус и миссию Тихоокеанской России — от «моста между Евразией и Азиатско-Тихоокеанским регионом» и «платформы для интеграции России в АТР» к восточной окраине «Большой Евразии». За этим поворотом не может не последовать переоценка вызовов и угроз безопасности региона, условий, задач и механизмов его развития, произведённая в новых координатах интересов и политики Кремля, более европейских, центрально-азиатских и ближневосточных, чем тихоокеанских. Частично это уже происходит. Государство отказалось от массированных бюджетных вливаний в экономику региона и сделало ставку на предоставление ему более благоприятных управленческих и правовых условий для саморазвития (создание территорий опережающего развития и свободных портов).

Однако вызовы для России, идущие с Востока, имеют преимущественно фундаментальный характер. В значительной степени они существуют по причине слабой освоенности тихоокеанских владений

* Опубликовано в журнале: Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3. Ч. 1. С. 65—81.

и неуверенности Москвы в прочности позиций России на восточных рубежах. Критическое значение имеют также восприятие (преимущественно субъективное) и интерпретация вызовов и угроз.

Первым вызовом, возникшим практически с момента появления русских на берегах Амура и Тихого океана, стало перманентное опасение потерять освоенные территории, которое время от времени побуждало Петербург и Москву активизировать политику на Востоке. Во второй половине XX в. в условиях холодной войны демографическая разряженность и слабая экономическая освоенность дальневосточного региона компенсировались наличием в нём мощной военной группировки, подкреплённой комплексом необходимых для обеспечения её нужд предприятий ВПК, и жёстким управлением из центра. В 1990-е гг. этот каркас был практически разрушен, регион покинула почти четверть населения, что на фоне массовой миграции китайцев в Сибирь и на Дальний Восток стало интерпретироваться как угроза физической утраты территории.

Вторым традиционным вызовом для Тихоокеанской России, одновременно евразийским и тихоокеанским, является её «периферийность» и в значительной степени обусловленное этим отстающее, сырьевое развитие. Слабость экономических связей с центром страны и нарастающее отставание Тихоокеанской России от её восточно-азиатских соседей в уровне и обустроенности жизни на сегодняшний день кажутся неизбежными и непреодолимыми, но ещё большую тревогу вызывает растущий технологический разрыв. Все делавшиеся ранее попытки решить эти проблемы не принесли успеха, и экономическое «закабаление» региона на фоне его меняющейся этно-социальной структуры из вызова обещает превратиться в реальную угрозу.

Третьим, уже сугубо современным вызовом становятся сами по себе современные интеграционные проекты, нацеленные на евразийское пространство. Помимо российской «Большой Евразии» имеют место китайский «Пояс и путь» и южнокорейская «Новая северная политика». Во всех этих проектах геополитическая составляющая не менее значима, чем экономическая, при этом территории Тихоокеанской России куда более внятно представлены в стратегиях Южной Кореи и соседних провинций Китая, чем в евразийском «прожекте» Москвы.

В настоящее время тема вызовов и угроз развитию Тихоокеанской России не очень активно обсуждается в российской академической

среде, но время от времени поднимается в западной литературе. Проблема увязывается, прежде всего, с растущим экономическим и демографическим присутствием Китая в этом российском регионе¹. Хотя это присутствие лишь одно из последствий политики Москвы, являющейся, в свою очередь, производным от понимания роли и значения восточных районов в модели развития государства, от интерпретации российской властью внешних вызовов и угроз российским интересам. Цель данной статьи — идентификация и оценка этих вызовов как специфических драйверов тихоокеанской политики российского государства и определяющих факторов современного развития Тихоокеанской России.

ВЫЗОВ 1: «ПОТЕРЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Будучи вполне реальным в начале и середине XX столетия, на рубеже XX—XXI вв. этот вызов оказался сугубо теоретическим и в какой-то степени даже спекулятивным, но эффективно сработавшим на интересы тихоокеанской политики Кремля. Он базировался, с одной стороны, на преувеличенных страхах населения перед «тихой экспансией» извне, с другой — на использовании этих страхов для убеждения закоренелых евразийцев в необходимости «интеграции России в АТР» и развития для этого Дальнего Востока. И не имеет при этом значения, что ни одно из соседних государств (в том числе реально претендующая на Южно-Курильские острова Япония) не обладало и сегодня не обладает возможностями заставить Россию отдать хотя бы небольшую часть своих земель и не вынашивает планов территориальной экспансии против РФ.

Нынешний вызов «потери территории» сформировался не в евразийском, а в азиатско-тихоокеанском дискурсе самоопределения России, что предопределило выбор реакции Кремля. Появление его стало следствием двух обстоятельств:

- 1) резкого ослабления политических и хозяйственных связей восточной периферии с центром вследствие социально-экономической дезинтеграции России в 1990-х, что происходило параллельно с активным расширением и углублением международных экономических связей этой периферии с соседями по Тихоокеанской Азии — Китаем, Японией и Республикой Корея;

- 2) продвижения идеи интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, который априори воспринимался Москвой как локомотив мирового развития, способный вытащить Россию из постсоветской разрухи, безденежья и технологического тупика.

Катализатором страхов стала высочайшая активность китайских торговцев и трудовых мигрантов в России в целом и на её восточных рубежах в особенности. Неспособность власти (пусть временная, но весьма резонансная) отрегулировать и проконтролировать этот поток, психологический шок россиян от столкновения с культурно иной и поэтому непонятной, но в то же время энергичной и легко адаптирующейся к российской реальности массой китайцев, а также активно вбрасываемые извне (прежде всего из США) идеи о нарастающей опасности всему миру со стороны Китая в совокупности сформировали у россиян синдром «китайской угрозы».

Тему возможного отторжения Дальнего Востока от России начали активно обсуждать вскоре после распада СССР. Главный источник — «коварные замыслы Пекина» — определили сразу². Тогда же эксперты заговорили об опасных последствиях экономической деградации и инфраструктурной оторванности региона от европейской части страны не только для судьбы Дальнего Востока, но и всего Российского государства. «Первейшей задачей страны является сохранение её национальной идентичности и территориальной целостности... Экономическое оживление на Дальнем Востоке является критическим условием для достижения обеих целей», — писал в 1993 г. А. Богатуров³. А в конце этого десятилетия А. Арбатов высказал мысль о том, что районы Сибири и Дальнего Востока «из источника блага... превращаются в зоны бедствия и потенциально в ахиллесову пятау российской безопасности, суверенитета и целостности»⁴.

В 2001 г. эту идею чётко выразили авторы доклада «Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока»: «Со времён М.В. Ломоносова считалось очевидным, что именно восточными землями России должно „прирастать её могущество“, а на рубеже тысячелетий стало ясно, что Сибирь и Дальний Восток — не только „могущество“, но и сама судьба России. От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные, демографические и этно-национальные процессы, станет всё в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего

государства»⁵. А поскольку компетентные эксперты продолжали предупреждать о реальности угрозы отторжения Дальнего Востока от России⁶, можно предполагать, что критическая масса, необходимая для воздействия на умы власти, сформировалась и дала свои плоды. В июле 2000 г. В. Путин впервые высказался о существовании угрозы отторжения Дальнего Востока от России: «Если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, — предупредил президент, — то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»⁷.

Подписание российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. заставило Кремль быть осторожнее в выражениях. В августе 2002 г. на очередном совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа о каких-то угрозах безопасности региона не говорилось. Но на этом заседании В. Путин произнёс, наверное, ключевую для всех последующих решений и событий фразу об «огромном стратегическом значении» региона для России⁸. И уже в ноябре того же года Совет безопасности РФ обсуждал вопросы обеспечения национальной безопасности в ДВФО. При этом акцент был смещён от угрозы потери региона на его роль в решении новой для государства задачи — интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. По мнению президента, существовавшие на Дальнем Востоке «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере» являлись препятствием к достижению этой цели⁹.

Тем не менее «опасность с юга» не исчезла из подсознания чиновников. В начале 2006 г. правительство включило южные районы Дальнего Востока в «Программу содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом»¹⁰. Пресса тогда много писала о планах правительства переселить на Дальний Восток 18 млн чел., и селить их предполагалось прежде всего вдоль линии границы с Китаем — в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области¹¹.

И всё же именно потребность в экономическом плацдарме для «интеграции в АТР», а не обеспокоенность центра территориальной целостностью России, как это было прежде, или судьбой дальневосточников стало ключевым для принятия Кремлём последующих кардинальных решений по развитию Дальнего Востока.

Но потребовалось ещё несколько лет, в течение которых российское руководство «дозревало» до решительных шагов и подспудно готовило политическое и бизнес-сообщества страны к её «восточному повороту». Этому созреванию способствовали восстановление у правящей элиты России чувства уверенности, утерянного в первое десятилетие после развала СССР, осознание ею важности поднимающейся Азии и прогрессирующего отставания своей страны от Китая, наконец, формирование у неё представления о России как «энергетической державе, незаменимой для мировой экономики»¹² и способной эффективно действовать на азиатских рынках. В августе 2003 г. была принята «Энергетическая стратегия России», в которой говорилось о «диверсификации рынков сбыта энергоресурсов», «формировании единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры в сопредельных регионах Европы и Азии», «разработке программы освоения нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) и организации поставок углеводородов на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона»¹³. В декабре 2004 г. правительство РФ приняло окончательное решение о направлении трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан. В апреле 2005 г. в послании Федерального собрания В. Путин высказался о необходимости «концентрации государственных ресурсов на расширении транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктур» на Дальнем Востоке, «включая создание трансконтинентальных коридоров» как опоры при сотрудничестве России с сопредельными государствами¹⁴.

9 августа 2006 г. Правительство РФ утвердило Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007—2015 годы». Стратегической целью программы была названа «интеграция экономической системы [Курильских островов] с экономическими системами Российской Федерации и Азиатско-Тихоокеанского региона». Среди ожидаемых конечных результатов реализации Программы на первом месте оказалось «обеспечение экономического закрепления Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем геостратегическое значение для страны»¹⁵.

20 декабря 2006 г. Совет безопасности РФ принял решение об ускоренном развитии Дальнего Востока. Поводом для принятия этого решения стала оценка ситуации в регионе как критической и угрожающей национальным интересам России, при этом в качестве

угроз были определены внутренние экономические и демографические факторы: «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» региона, неэффективное использование его естественных конкурентных преимуществ. Всё это, по словам президента, представляло «серьёзную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности... России в целом»¹⁶.

И хотя некоторые политики в столице вновь заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока¹⁷, политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»¹⁸, в очередной раз просторы интернета заполнили страшилки о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая¹⁹, первым ответом на этот вызов стало не укрепление границ, модернизация обороны Тихоокеанской России, а создание на её территории экономической и инфраструктурной платформы, призванной обеспечить интеграцию страны в Азиатско-Тихоокеанский регион. Как заметил по этому поводу Г. Розман, «в отличие от прежних попыток спасти российский Дальний Восток от экономического кризиса или подчинения соседними странами, на этот раз целью стало утвердить Россию в АТР в качестве самой мощной державы. Для того чтобы известить об этом присутствии, была выбрана одна окраина российского Дальнего Востока (Владивосток. — В.Л.), обозначенная как платформа для экономического возрождения»²⁰.

Вероятно, с принятием этих решений Москва посчитала задачу выполненной, а угрозу потери Дальнего Востока если не решённой, то уже не столь критической. В утверждённой в мае 2009 г. «Стратегии национальной безопасности России» Дальний Восток упоминается лишь в контексте его экономического развития, а также охраны границы, а Азиатско-Тихоокеанский регион не представлен вообще²¹. Однако события начала второго десятилетия XXI в. — затяжной экономический кризис в Европе, резкое обострение отношений между государствами Восточной Азии и ситуации на Корейском полуострове, «возвращение США в Тихоокеанскую Азию» — вновь заставили задуматься об угрозах интересам России на востоке и предпринять шаги для их устранения. По мнению китайских экспертов, именно эти события, и особенно активизация усилий США по «возвращению в АТР», укрепление союзнических отношений США с Японией и Южной Кореей, попытки играть ведущую роль в вопросах безопасности в АТР заставили

Россию «ощутить угрозу безопасности её восточным районам» и активизировать свои действия в Тихоокеанском регионе²².

Ответом на внешний вызов было решение восстановить военный потенциал России на востоке. Первым шагом стало решение об укреплении российской военной группировки войск на Южно-Курильских островах, принятое после посещения их Д.А. Медведевым в 2010 г. и данного им в феврале 2011 г. поручения «обеспечить безопасность этих островов как неотъемлемой части Российской Федерации»²³.

События на Украине в начале 2014 г. и резкое ухудшение на этой почве отношений России с Западом, а также эскалация и интернационализация гражданской войны в Сирии резко поменяли вектор представлений российской политической элиты о друзьях и врагах России. «Угрозы с востока» если не забыты, то ушли на второй план. Отдельные озабоченные «китайской угрозой» авторы продолжают пугать россиян «китайской экспансией на Дальнем Востоке»²⁴, эта тема не ушла из фокуса внимания населения страны в целом²⁵, но для политического руководства государства перестала быть приоритетной. Борьба за переустройство мировой системы, которую сегодня Россия ведёт в тандеме с Китаем, отодвигает на третий план судьбу их периферийных районов. Как заметил по этому поводу Dragoş Tîrnoveanu (главный редактор Global News Intelligence), «если Дальний Восток и станет пороховой бочкой в отношениях между Россией и Китаем... то это случится не ранее 2050 г.»²⁶.

Таким образом, уже со второй половины 2000-х Москва не рассматривает внешние угрозы с востока как приоритетные. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. слово «безопасность» неоднократно фигурирует в разделах, связанных с оценкой ситуации в Европе и на просторах СНГ, но применительно к АТР употребляется лишь в контексте необходимости создания там «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах»²⁷. Акцент сделан на поиске ответов на внутренние, экономические и демографические вызовы развитию Тихоокеанской России, которые тем не менее отождествляются с экономическим отставанием от внешнего окружения. Как сформулировал эту тему в ноябре 2012 г. президент страны, «темпы, а главное, качество развития дальневосточных территорий, условия для жизни людей устраивать нас, безусловно, не могут. Дальний Восток отстаёт и от соседей по АТР, и от других регионов Российской Федерации»²⁸.

ВЫЗОВ 2: «ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ» И ОТСТАЮЩЕЕ, СЫРЬЕВОЕ РАЗВИТИЕ

Исторически сложилось, что Тихоокеанская Россия воспринимается в европейской части страны как далёкая окраина, территория для романтиков и неудачников, экзотический край и сырьевая кладовая. При этом периферийный статус этого региона России обусловлен не только его географической отдалённостью и оторванностью от центра страны, малой численностью населения и неразвитостью инфраструктуры, но и соседством с окраинными и экономически менее развитыми территориями других стран — Японии, Китая, Южной Кореи и КНДР. Именно эта «группа периферийных районов... отделённых от национальных центров», составляет ядро Северо-Восточной Азии²⁹. Для Москвы, Пекина, Токио и Сеула Северо-Восточная Азия представляется второстепенной территорией, не заслуживающей особого внимания, поскольку их главные экономические интересы ориентированы не внутрь этого региона, а как бы поверх него, глобально³⁰. Достаточно сказать, что в объёме внешней торговли каждой из стран Северо-Восточной Азии на долю их соседей приходится от 36,7 (Южная Корея) до 16,3% (КНР). Отношения же самих «периферий» между собой строятся в основном по линии мелкого и среднего бизнеса, имеющего ограниченные финансовые ресурсы, слабую поддержку центральных правительств и, по большому счёту, — малый интерес друг к другу. Вероятно, эта периферийность наряду с «фактором КНДР» является одной из главных причин, по которым Северо-Восточная Азия не оправдала возлагавшихся на неё в конце XX в. больших надежд³¹ и так и не стала локомотивом регионализма и мирового экономического развития.

Безусловно, восточные районы России — это не экономическая периферия в классическом её понимании, хотя и несут в себе некоторые её роковые черты³², а, скорее, территория с грузом исторически сложившихся сложных и очень затратных проблем, никогда не являвшихся приоритетными для центральной власти, в силу чего решение этих проблем систематически откладывалось «на потом». Львиная доля населения, экономического потенциала, бюрократических структур страны всегда была сконцентрирована в её европейской части. Доминирующая в сознании россиян ориентация на Европу

и периферийный, с точки зрения большей части населения страны, статус Азии вообще и её российской составляющей в частности — это тяжёлый балласт, тормозящий движение страны на Восток.

Внешняя политика России традиционно европоцентрична. Восточное направление имело в ней второстепенное значение, а Восточная Азия, с точки зрения национальных интересов, воспринималась чаще всего как далёкая, экзотическая и малоинтересная периферия. Именно поэтому под развитием Дальнего Востока всегда понималось либо создание экономической и социальной инфраструктуры, призванной обеспечить его оборонные потребности, либо освоение его природных ресурсов «в целях развития всей страны». В этой логике мышления человеческий фактор присутствовал всего лишь как инструмент для решения стратегических задач, ставка делалась не на местную, а на привлекаемую и преимущественно неквалифицированную рабочую силу, а численность населения резко колебалась в зависимости от направленности миграционных потоков.

Однако никак не преодолимая сырьевая направленность развития Тихоокеанской России — это следствие не только наличия в ней богатых природных ресурсов, малой численности населения, традиционного к ней колониального отношения Центра, но и запросов восточноазиатских партнёров России. Им не нужны конкуренты в сфере промышленности и сельского хозяйства, но необходимы конкретные ресурсы, прежде всего энергетические и продовольственные, для обеспечения собственного устойчивого и безопасного развития. И эти свои интересы они прямо или подспудно навязывают России на разных уровнях и в разных форматах политического и экономического диалога с ней.

Таким образом, преодоление периферийности Тихоокеанской России априори противоречит интересам как российского центра, так и соседей России по АТР, но в то же время, оставаясь экономически отсталым, регион порождает вызовы для социальной стабильности и национальной безопасности государства. «Экономическая периферия формируется странами, практически (не на словах) не ставящими в качестве своей стратегической цели ускоренное развитие наукоёмких производств. Эти страны останутся в качестве поставщика ресурсов в критические точки экономического центра. А раз так, то все они обречены на зависимое развитие. Следовательно, никакой

экономической безопасности для себя они обеспечить не смогут»³³. Разговоры о создании наукоёмких производств, использовании для этого потенциала дальневосточной науки ведутся постоянно, но у местной власти и бизнеса для этого нет достаточных ресурсов, да и понимания, а центр зациклен на утилитарной функции региона как сырьевой кладовой и «моста», которым высокие технологии ни к чему.

После заседания Совета безопасности 20 декабря 2006 г. борьба с экономическими вызовами России на востоке приобрела целенаправленный характер. Причём за основу были приняты знакомые методы советской эпохи: массовые бюджетные вливания, грандиозные стройки, ручное управление. В августе 2007 г. правительство России утвердило новый вариант программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» стоимостью в 430 млрд руб., а в августе 2008 г. внесло в неё изменения в виде подпрограммы «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» стоимостью 202 млрд руб.³⁴ В последующий период финансирование этой подпрограммы, в отличие от большинства предшествующих программ, не только аккуратно выполнялось, но и было увеличено, прежде всего за счёт привлечения внебюджетных средств³⁵. В декабре 2009 г. правительство утвердило Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, среди обозначенных целей которой была задача оказать «реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе»³⁶.

В ноябре 2012 г. на заседании Президиума Госсовета В. Путин вновь сделал акцент на экономической платформе обеспечения безопасности региона, высказался о необходимости его ускоренного, устойчивого развития, «с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»³⁷. В послании Федеральному собранию 12 декабря он ещё раз указал, что вектор развития России в XXI в. — «это развитие на восток», а использование колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока — это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³⁸, фактически подтвердив, что «развитие Дальнего Востока» — это не цель, а инструмент для решения общих стратегических задач.

Результаты активных действий Москвы по преодолению экономических угроз на востоке противоречивы. С одной стороны, с 2000 по 2013 г. существенно (в 14 раз, с 2,8 до 39,9 млрд долл.) увеличился внешнеторговый оборот Тихоокеанской России. Выросло её значение (благодаря строительству нефтепровода Сибирь — Тихий океан) в экономических отношениях России со странами Тихоокеанской Азии³⁹. Успешно реализован грандиозный проект по подготовке Владивостока к Саммиту АТЭС. С другой — не была преодолена ни одна из негативных тенденций, которые и побудили Кремль бросить силы на ускоренное развитие региона. Тихоокеанская Россия так и осталась территорией некомфортного проживания и отстающего социального развития.

Закономерно, что правительство начало искать более эффективную модель развития восточных районов России, а поскольку угрозы рассматривались по-прежнему в парадигме экономики, то в центр нового подхода была положена идея перенесения бремени развития территории с государства на бизнес. В сентябре 2013 г. была де-завуирована Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., утверждённая решением Правительства РФ за полгода до этого (29 марта), а в декабре продлена ещё на 5 лет по сути проваленная Федеральная программа развития региона до 2013 г. В течение года обсуждалась идея создания Госкорпорации по развитию Дальнего Востока, а в том же декабре В. Путин предложил идею создания «территорий опережающего развития» (ТОР) как локомотива ускоренного развития этого региона.

На данный период ни ТОРы, ни свободный порт Владивосток в концепте обеспечения безопасности России не рассматриваются, хотя алармисты уже поднимают вопрос об использовании ТОРов как нового канала китайской экспансии⁴². Первые результаты их деятельности вселяют большое сомнение в способность этих инструментов решить или хотя бы ослабить проблему периферийности и отстающего развития Тихоокеанской России. Вызов продолжает существовать, более того, он становится ещё актуальнее на фоне евразийских интеграционных концептов, которые активно внедряются в экономическую и политическую реальность континента во втором десятилетии XXI в.

ВЫЗОВ 3: «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ», «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ», «НОВАЯ СЕВЕРНАЯ ПОЛИТИКА»

Интеграция на постсоветском пространстве буквально сразу после развала СССР была объявлена и всегда оставалась одним из основных внешнеполитических приоритетов Кремля. Однако вплоть до недавнего времени эти процессы никоим образом не касались восточных районов России, не всегда мирно, но сосуществуя в сознании российского руководства с концептом тихоокеанской интеграции. В начале второго десятилетия XXI в. евразийский дискурс самоопределения России становится приоритетным. Причин тому было несколько. Среди основных — усилившееся внимание США к постсоветскому пространству, возросшая активность Китая в Центральной Азии, а также нарастающее разочарование результатами «интеграции России в АТР». Закономерно, что внимание Москвы сфокусировалось на этой части Евразии.

В середине 2000-х гг. в Институте Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса (США) под руководством Ф. Старра была сформулирована концепция Большой Центральной Азии (Greater Central Asia), запущена международная исследовательская «Программа изучения Шёлкового пути» (Silk Road Studies Program), результатом которой стало предложение о создании единой транспортной инфраструктуры для Центральной и Южной Азии, получившей название «Нового Шёлкового пути» (New Silk Road)⁴³. Идея была подхвачена Госдепартаментом США и трансформирована в стратегию интеграции Центральной и Южной Азии в единый экономический регион с центром в Афганистане. Впервые её публично представила госсекретарь США Х. Клинтон 20 июля 2011 г.⁴⁴

В какой-то степени заявление Х. Клинтон стало ответом на предложенную В. Путиным в ноябре 2010 г. идею создания «единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» и подписанное в декабре того же года соглашение между членами ЕврАзЭС о создании единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России. Генеральным направлением было объявлено «создание Евразийского экономического союза в целях обеспечения гармо-

ничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом с выходом на создание общего экономического пространства»⁴⁵.

Пекин так же не мог не отреагировать на очередную попытку Вашингтона прибрать к своим рукам Центральную Азию и укрепиться на Ближнем Востоке. Эти ходы Белого дома вписывались в его политику «сдерживания Китая» и создавали очевидные угрозы стабильности в Синозье. Требовали ответа и евразийские инициативы Москвы. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин выступил с идеей строительства «Экономического пояса Шёлкового пути», нацеленного на активизацию экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Через месяц в Индонезии китайский лидер выступил с предложением о создании «Морского Шёлкового пути XXI века». Обе инициативы — это не только транспортные коридоры, а целый комплекс экономических, политических и культурных связей Китая со странами Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. По крайней мере, так представлена эта инициатива в программном документе Пекина, опубликованном в марте 2015 г.⁴⁶, и в последовавших за этим многочисленных разъяснениях и толкованиях идеи «Пояса и пути».

С формальной точки зрения Тихоокеанская Россия представлена и в Евразийском экономическом союзе, соглашение о котором Россия подписала с республиками Беларусь и Казахстан в мае 2014 г. (здесь она выступает как часть «единого экономического пространства»), и в базовой версии инициативы «Пояса и пути». Последняя предполагает строительство «международного коридора экономического сотрудничества Китай — Монголия — Россия», «улучшение железнодорожного сообщения Хэйлуцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлуцзяна, Цилини, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки». Более того, Концепция внешней политики РФ 2013 г. представила Евразийский экономический союз в качестве «эффективного связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁴⁷, а китайская инициатива нацеливала на «формирование и укрепление взаимосвязанности в материках Азии, Европы и Африки и в омывающих их океанах».

Концепт Большой Евразии начал активно внедряться в политическую лексику со второй половины 2015 г. Годом позднее сначала на Петербургском экономическом форуме, а затем и на втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке президент РФ В. Путин уже уверенно говорил о «широкой евразийской интеграции» (Comprehensive Eurasian partnership) и «формировании большого евразийского партнёрства» (developing a big Eurasian partnership)⁴⁸. На российско-китайских саммитах в июле 2017 и июне 2018 г. он настойчиво проводил линию на «сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути» как основы для формирования «большого евразийского партнёрства»⁴⁹.

В реальности как в российском, так и в китайском евразийских проектах Тихоокеанской России отводится роль стороннего наблюдателя, транзитной территории и источника сырья. Реальный интерес она представляет только для сопредельных китайских территорий. В декабре 2014 г. вице-премьер КНР Ван Ян подтвердил, что «Китай намерен активно участвовать в строительстве дальневосточной зоны развития и расширять взаимовыгодное сотрудничество с регионом, чтобы форсировать кросс-границное социальное и экономическое развитие»⁵⁰. Программа развития Северо-Востока Китая, принятая весной 2016 г., называет приоритетными задачи сопряжения программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России и строительство экономического коридора «Китай — Монголия — Россия»⁵¹. В документах, подписываемых в ходе российско-китайских саммитов, присутствуют не более чем намерения сторон «улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути»⁵², развитие и использование Северного морского пути⁵³, «увеличение объёма транзитных перевозок из Китая через Россию», «укрепление российско-китайского сотрудничества в Арктике» и абстрактное желание совместно разработать «план развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе России и в Северо-Восточном Китае»⁵⁴.

В целом пропагандируемые ныне в Москве и Пекине варианты «сопряжения» двух проектов пока очень абстрактны. Это закономерно. Даже охватить взглядом всё сложное пространство Евразии непросто, что уже говорить о разработке общего проекта его интеграции.

Сегодня помыслы инициаторов проектов сфокусированы на создании интеграционной платформы в районе Центральной Азии и последующем её расширении на Восточную Европу и Юго-Западную Азию. Огромные массивы Восточной и Южной Евразии в этих инициативах пока никак не представлены.

В то же время соседние с Россией территории КНР — Хэйлунцзян, Цилинь и Внутренняя Монголия — активно продвигают выгодные им дополнения к «Экономическому поясу Шёлкового пути», которые выводят его на Тихоокеанскую Россию, но не ограничиваются ею. Более того, реализацию идеи «Пояса и пути» они сегодня, по сути, отождествляют с «политикой внешней открытости». Местные варианты проекта Шёлкового пути нацелены, прежде всего, на создание трансграничной транспортной инфраструктуры, выводящей эти континентальные территории через Транссиб на западе и порты Приморья на востоке на рынки Европы, Восточной Азии и Америки.

Тихоокеанская Россия находится и в фокусе «Новой северной политики» нынешнего президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина. Эта политика, как и «Железный Шёлковый путь» прежнего президента РК Пак Кын Хе, имеет чётко выраженную евразийскую направленность, а Дальний Восток, если исходить из заявления Мун Чжэ Ина, сделанного на втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке, «является пространством, где встречается восточная политика России и новая северная политика Кореи», для развития этого региона «самым оптимальным партнёром является именно Республика Корея»⁵⁵. Однако процесс разработки самой политики затянулся, что связано с оживлением межкорейского диалога в начале 2018 г. и возникшими на этой основе ожиданиями новых возможностей трёхстороннего — в формате Южная и Северная Корея + Россия — взаимодействия.

В то же время, пока на политическом и экспертном уровне обсуждались нюансы «сопряжения» концептов «Большой Евразии» и «Пояса и пути», объём торговли Тихоокеанской России с Китаем снизился на 7,5% (с 14,3 млрд долл. в 2014 до 12,6 млрд долл. в 2017 г.). При этом импорт этого российского региона из КНР (что никак не связано с ценами на энергоресурсы) сократился на 37,4%, а его доля в российско-китайских экономических связях упала с 16,2% до 14,3%⁵⁶. Непросто усмотреть в этом прямую связь с новыми интеграционными концептами двух столиц, но факт остаётся фактом: регион оказывается на периферии интеграционных процессов.

Таким образом, в очередной раз предпринятые российской властью попытки если не устранить, то хотя бы ослабить воздействие факторов, вызывающих у неё опасения и тревоги о судьбе восточных окраин страны, не принесли ожидаемого результата. Времени, средств, да и умения для этого было явно недостаточно. Формальный статистический рост не привёл к общему экономическому развитию региона. Его растущее экономическое отставание от соседнего Китая видно каждому, кто хотя бы пересекает российско-китайскую границу, а продолжающийся отток населения свидетельствует никак не о его положительной реакции на политику властей. В России евразийский сюжет проявился в переключении внимания политологического сообщества на обсуждение «Большой Евразии» и заметном снижении его интереса к Дальнему Востоку. Снижение этого интереса в условиях кардинально меняющегося геополитического расклада в регионе как раз и представляет собой новую и вполне реальную угрозу для России.

Обратившись к традиционной для него евразийской повестке, Кремль, а вместе с ним и крупный российский бизнес, возвращают себе традиционный взгляд на тихоокеанскую часть страны как на «Дальний Восток» со всеми присущими ему проблемами. Хотя угроза «потери региона» переместилась на пространство интернета и остаётся преимущественно умозрительной, она по-прежнему заставляет местные власти осторожничать в привлечении китайских инвестиций и трудовых ресурсов. В этих условиях крайне сомнительной становится возможность реализации на этой территории серьёзных проектов азиатских соседей России, за исключением инфраструктурных. Именно поэтому эти соседи не подкрепляют свои теоретические выкладки активными действиями и ждут реакции Москвы. Отсутствие внятной реакции и эффективной политики последней как раз и может стать реальной угрозой в ближайшем будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Bolton K.R. Russia and China. An Approaching Conflict // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2009. Vol. 34. No. 2. P. 154—194; Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 145—204; Rozman G. The Russian Pivot to Asia // The Asian Forum. 2014. Vol. 2. No. 6. URL: <http://www.asianforumonline.com>

- theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/; Mankoff J. US Perspective // The Asan Forum. 2014. July 25. URL: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/>.
- ² Подробнее см.: Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 320—331.
- ³ Bogaturov A.D. Russia in Northeast Asia: Setting a New Agenda // Korea and World fairs. 1993. Vol. 17. No. 2. P. 302.
- ⁴ Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в четырёх томах. Т. 1. Исследования. М.: РОССПЭН, 2002. С. 245.
- ⁵ Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2001. С. 21.
- ⁶ Например, один из ведущих российских китаеведов В. Гельбрас писал, что «без подъёма экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока... без восстановления и упрочения их связей со всем народным хозяйством страны этот район неизбежно будет экономически отторгнут от России» (Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 224).
- ⁷ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>.
- ⁸ Стенографический отчёт о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21694>.
- ⁹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21791>.
- ¹⁰ Межведомственная рабочая группа по подготовке этой программы была создана по распоряжению В. Путина в начале 2006 г.
- ¹¹ См.: Жунусов О. 18 миллионов человек отправят на Дальний Восток // Известия. 2006. 22 марта; Кем заселить Дальний Восток? // Труд. 2005. 15 авг.
- ¹² Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000—2005 // Russian Strategic Thought toward Asia. Ed. by G. Rozman, K. Togo and J.P. Ferguson. N.Y.: Palgrave-Macmillan, 2006. P. 127—129.
- ¹³ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
- ¹⁴ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.
- ¹⁵ Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007—2015 годы». С. 2, 4. URL: <http://fcpeconomy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/232/?yover=2007>.
- ¹⁶ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>.
- ¹⁷ Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Издание Совета федерации, 2008. С. 6.

- ¹⁸ Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 6.
- ¹⁹ Типичный образчик таких публикаций — статья Я. Грекова (Греков Я. Китай нападёт на Россию через 5 лет // Русский журнал. 2007. 27 марта).
- ²⁰ Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // Problems of Post-Communism. 2008. January/February. P. 47.
- ²¹ Вот всё то, что содержится в документе применительно к обеспечению безопасности Дальнего Востока: «Угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией уровней развития регионов России, предотвращаются путём развертывания полномасштабной национальной инновационной системы за счёт формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации... В интересах обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе развиваются конкурентоспособные отрасли экономики и расширяются рынки сбыта российской продукции, повышается эффективность топливно-энергетического комплекса, расширяется использование инструментов государственно-частного партнёрства для решения стратегических задач развития экономики и завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>).
- ²² 国际战略与安全形势评估 (Обзор международной стратегии и безопасности). 2011/2012. 北京: 时事出版社, 2012. С. 288.
- ²³ Экономическое развитие и обеспечение безопасности Курильских островов Президент обсудил с главами министерств обороны и регионального развития. 9 февраля 2011 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/10289>.
- ²⁴ Прокофьев Д. Китай и Россия: непримиримые противоречия на Дальнем Востоке. URL: <http://xn--blae2adf4f.xn-plai/article/45862-kitay-i-rossiya--nepirimirime-protivorechiya-na-dalnem-vostoke.html>; Храмчихин А. Дракон проснулся? внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. 2-е изд. М.: Ключ-С, 2015. 192 с.
- ²⁵ Согласно опросу ВЦИОМ, проведённому в мае 2016 г., как «очень серьёзную угрозу» Китай воспринимают 7% граждан России, как «умеренно серьёзную угрозу» — 13% и как «небольшую угрозу» — 16%. Более половины считают, что Китай «не представляет никакой угрозы» для России (Угрозы со стороны государств и организаций России. Китай. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1077&q_id=74757&date=15.05.2016). Опросы, проводимые Лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН, позволили выявить приблизительно 20—25% населения региона, которые воспринимают Китай преимущественно как угрозу (Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 29).
- ²⁶ Tîrnoveanu D. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? // The Diplomat. 2016. January 20. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>.

- ²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>.
- ²⁸ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ²⁹ Gipouloux F. The Asian Mediterranean. Port Cities and Trading Networks in China, Japan and Southeast Asia, 13th—21st Century. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. P. 265.
- ³⁰ Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале ХХІ века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 45.
- ³¹ Например, в начале 1990-х некоторые исследователи высказывали мысль о том, что в ближайшем будущем этот регион «будет играть роль источника экономического роста для мировой экономики в целом» (Kim Chungsoo. Economic Cooperation in Northeast Asia // Korean Journal of International Studies. 1991. Vol. XXII. No. 1. P. 58). Подробнее см.: Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
- ³² В теории периферийной экономики используется модель «Центр — периферия», в которой делается упор на структурных взаимосвязях «центра» (ведущих держав), имеющего монополию на технологию и производящего средства производства, и экономически отсталых стран мира (периферии), осуществляющих добычу сырья и производство продовольствия. Вполне объяснимый упор государства на сырьевое развитие Тихоокеанской России навеивает естественные мысли о таком характере отношений.
- ³³ Овакимян Б.Р. Периферийная экономика и проблема конкурентоспособности // Российское предпринимательство. 2009. Т. 10. № 9. С. 4—9.
- ³⁴ Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. № 1128-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93697/>.
- ³⁵ К лету 2012 г. стоимость подпрограммы по Владивостоку была увеличена в 4,6 раз, до 679,3 млрд руб., при этом на долю федерального бюджета пришлось 32,3% (219,3 млрд руб.).
- ³⁶ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cdddbd0ac61a818831f10e1f7c4d/.
- ³⁷ Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ³⁸ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ³⁹ В 2014 г. её доля в экспорте РФ в Японию и Южную Корею составила 52,6, в КНДР — 29,9, а в КНР — 16,3%.
- ⁴⁰ Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. Октябрь 2013 г. URL: <http://government.ru/news/15151/>.
- ⁴¹ Совещание с членами правительства. 26 марта 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20642>.
- ⁴² Комраков А. Российский Дальний Восток открыт для экспансии Китая. Развитие особых экономических зон может обернуться передачей земель

- южному соседу // Независимая газета. 2016. 2 сентября. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-09-02/1_east.html.
- ⁴³ The New Silk Roads. Transport and Trade in Greater Central Asia / Ed. by S. Frederick Starr. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2007. 510 p.
- ⁴⁴ Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century. Hillary Rodham Clinton Secretary of State. Anna Centenary Library. Chennai, India. July 20, 2011. U.S. Department of State web-site. Archived content. URL: <https://20092017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm>.
- ⁴⁵ Заседания Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) и Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств. URL: <http://www.evrases.com/news/view/841>.
- ⁴⁶ Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. URL: http://english.cri.cn/12394/2015/03/29/2941s872030_4.htm.
- ⁴⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: <http://www.mid.ru/>.
- ⁴⁸ Восточный экономический форум. Стенограмма пленарного заседания 3 сентября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808/>.
- ⁴⁹ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 4 июля 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54979>; Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 8 июня 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>.
- ⁵⁰ China, Russia Agree to Cooperate in Developing Far East // China Daily. 2014. December 12. URL: http://english.gov.cn/state_council/vice_premiers/2014/12/12/content_281475022770425.htm.
- ⁵¹中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Некоторые предложения ЦК КПК и Госсовета по всестороннему возрождению северо-восточного региона и других старых промышленных баз. 26.04.2016). URL: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html.
- ⁵² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия от 20 мая 2014 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1643.
- ⁵³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия от 4 июля 2017 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>.
- ⁵⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 8 июня 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312>.
- ⁵⁵ Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином. 06.09.2017. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55541>.
- ⁵⁶ Подсчитано на основе данных таможенной статистики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов РФ (URL: <http://dvtu.customs.ru/>; <http://stu.customs.ru/>).

РАЗДЕЛ 3. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАКУРС РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ*

●

Китайские журналисты, эксперты, дипломаты, ведя беседу о нынешнем состоянии российско-китайских отношений, нередко ставят вопрос ребром: что надо сделать, и сделать китайскому правительству, чтобы сдвинуть с мёртвой точки отношения, застывшие где-то на уровне 2004—2005 гг.? Нет, формально двусторонние связи развиваются. Руководители двух государств с завидным постоянством повторяют тезис о «самых лучших отношениях за всю их историю». Статистика утверждает, что объём двусторонней торговли за последние 7 лет вырос в 4 раза: с 21,2 млрд до 83,5 млрд долл., и Китай стал для России торговым партнёром № 1 в мире. Москва и Пекин тесно, активно и плодотворно сотрудничают в решении глобальных и региональных проблем, доказывая тем самым следование договорённости о «стратегическом партнёрстве».

Тем не менее застой в отношениях очевиден. О нём пишут, говорят, ищут выходы и решения. Не находили и пока не находят. Со стороны последовали выводы о возможном завершении этапа «близости между Москвой и Пекином», об ослаблении сил, сближающих Россию и Китай, о «неопределённом будущем их отношений»¹.

* Опубликовано в сборнике: Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы Междунар. науч. конф. Чита, 2012. С. 222—228.

Вероятно, толчком к таким умозаключениям стала проблема, резко обострившаяся в международной политике в 90-е гг. XX — начале XXI в. и всплывшая в российско-китайских отношениях в середине 2000-х гг.: проблема политического доверия. Очень рельефно она отражена в лексиконе политических лидеров двух стран. Первым её обозначило китайское руководство, с некоторым запозданием последовала реакция Кремля. Стороны регулярно обращались и продолжают обращаться к этой теме, хотя говорят о ней в разных тональностях. В то время как Москва настойчиво уверяет китайских руководителей в своём к ним уважении и полном доверии², Пекин не слишком этому верит и раз за разом напоминает о важности данного фактора в двусторонних отношениях. К примеру, в кратком выступлении по случаю 10-летия подписания между Россией и КНР Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (июнь 2011 г.) Ху Цзиньтао четырежды употребил выражение «взаимное доверие», мягко напомнил, что этот принцип стоит на первом месте среди провозглашённых договором принципов «новой безопасности», призвал «укреплять равноправное взаимное доверие», «непрерывно углублять... стратегическое и политическое доверие»³. Правда, особых усилий со своей стороны для снятия напряжения Пекин также не предпринимает.

Не просто так осенью 2010 г. руководители двух государств практически в унисон заговорили о «новой главе» (Д. Медведев) и «новом старте» (Ху Цзиньтао) двусторонних отношений. «Новый исторический старт» официально закреплён в коммюнике по итогам саммита В. Путин — Ху Цзиньтао в июне 2012 г.⁴ Суть его официально не расшифровывается, однако даже беглый взгляд на подписанные документы показывает, что касается этот «старт» не сферы экономических и гуманитарных связей, где стороны не смогли предложить друг другу ничего принципиально нового, а глобальной политики, обеспечения безопасности (продвижение российско-китайской инициативы по формированию в АТР «архитектуры безопасности и устойчивого развития») и фиксации нового формата отношений — «всеобъемлющего равноправного **доверительного** (выделено мной. — В.Л.) партнёрства и стратегического взаимодействия».

Проблема доверия (не столько взаимного, сколько с российской стороны) возникла не на пустом месте. По большому счёту, она существовала изначально, с самых первых дипломатических контактов

между Срединной империей и русским государством. Камнем преткновения в российско-китайских отношениях стал цивилизационный барьер. И не сама по себе разница культур — не меньшие различия не мешают США и Европе активнейшим образом сотрудничать с Китаем, — а то, что этот барьер имеет вполне осязаемое проявление — 4300 км российско-китайской границы.

ПРИГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ — ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Любая межгосударственная граница — это и вызов, и возможности. Граница межкультурная — вызов вдвойне. Все три с лишним столетия приграничного взаимодействия между Россией и Китаем страх то одной, то другой стороны перед «вызовами» доминировал над осознанием открывающихся «возможностей», заставляя каждую закрываться, отгораживаться от настойчивого и энергичного соседа. И начало нового века, с порога которого середина XVII в. кажется седой стариной, в этом плане не исключение.

Оценивая итоги российско-китайских отношений в 1990-е гг., Э. Вишник констатировала, что проблемы этих отношений «более всего ощущаются на российском Дальнем Востоке»⁵. Китаебоязнь московских и местных политиков, журналистов, некоторых экспертов (преимущественно не китаеведов, хотя и среди последних существует небольшая прослойка алармистов), порождённая реалиями 1990-х гг. (неконтролируемая китайская миграция), получила новую пищу в начале XXI в. Дальний Восток предстаёт со страниц некоторых российских печатных и интернет-изданий как территория, чуть ли не полностью заселённая китайцами, ставшая объектом прямой колониальной политики Пекина. Залётные журналисты и «квалифицированные эксперты» легко могут, например, сообщить московским читателям, что «в Приморье официально зарегистрировано свыше двух миллионов китайцев, хотя на самом деле эту цифру нужно, как минимум, увеличить вдвое»⁶, что «город Уссурийск Приморского края де-факто уже давно даже не российско-китайский, а китайско-российский», как и о «целых бандах молодчиков, возмнивших, что они — борцы за чистоту русской нации», которые бьют и грабят китайцев в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке,

Биробиджане и прочих дальневосточных городах⁷. Чтобы не тратить время на цитирование похожих перлов из объёмного потока дезинформации, льющегося со страниц печатных и электронных СМИ на российских и зарубежных читателей, сошлюсь на вывод Б. Линтнера, оценившего содержание этого потока: «Если верить заголовкам новой и свободной — но нередко сенсационной и безответственной — российской прессы, массовое вторжение китайцев в Сибирь и на российский Дальний Восток превращает эти территории в „жёлтые“, и Россия вскоре потеряет свои самые восточные области»⁸.

Эту волну чутко зафиксировали зарубежные эксперты, которые, побуждаемые страхом Запада перед «подъёмом Китая», также стали писать о прямой угрозе России со стороны Пекина: о «постепенном китайском доминировании» на Дальнем Востоке, его «экономической колонизации» китайцами, захвате ими региона «не путём миграции, а посредством торговли и инвестиций»⁹, о «попытке Китая овладеть частью российской Азии, богатой энергетическими и минеральными ресурсами»¹⁰. А нужный вывод за них делают опять же российские «специалисты»: «Либо вступление в НАТО, либо потеря независимости и „китаизация всей страны“»¹¹.

Следует признать, что положительную роль в судьбе Дальневосточного региона эти страшилки уже сыграли: решение Совета безопасности РФ от 20 декабря 2006 г. о необходимости срочного спасения российского Дальнего Востока и последующие шаги Кремля и правительства в этом направлении (АТЭС-2012 во Владивостоке, новая Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья и др.) в немалой степени базируются на реальном опасении, что позиции и влияние Китая на данной территории будут упрочняться. Только как эти страхи сказываются на российско-китайских отношениях?

Мнение китайской стороны по этому поводу однозначно: антагонизм, недоверие, подозрительность, отсутствие взаимопонимания отрицательно воздействуют и на деловые, и на политические отношения, вплоть до самого высокого уровня — между Москвой и Пекином. «Культурные традиции и общественные течения непосредственно влияют на экономическую позицию России в отношении Китая», — уверен Шан Юйфан¹². «Поскольку образ Китая среди многих жителей России, особенно на российском Дальнем Востоке, не очень хорош и объективен, — утверждает Ни Сяоюань, — отношения добрососедства, дружбы и стратегического партнёрства, установленные между

Китаем и Россией в прошлое десятилетие, по-прежнему не обладают прочной социальной основой в России, особенно на российском Дальнем Востоке»¹³.

Два последних десятилетия тесного взаимодействия россиян и китайцев вдоль протяжённой границы породили двойственный эффект. С одной стороны, произошло определённое привыкание друг к другу, выработалось более терпимое отношение к культурно-психологическим особенностям соседей, умение не замечать их «странности» и «недостатки». С другой — накопилось взаимное раздражение, в основе которого лежат трудности культурной адаптации, языковые, психологические и иные барьеры. В обеих странах имеет место психологическая усталость как следствие неэффективного цивилизационного взаимодействия. Проявлениями тлеющего конфликта стали отмечавшиеся многими российскими туристами в конце 1990-х — начале 2000-х гг. озлобление китайских торговцев в Суйфэньхэ, антикитайские выпады российской прессы, столкновения между китайцами и россиянами в российском приграничье.

Несмотря на то, что уже целое поколение жителей приграничья выросло в условиях взаимной открытости, широкого обмена вдоль линии границы, психологическая совместимость участников приграничного взаимодействия оставляет желать много лучшего и внушает серьёзные опасения за будущее отношений. Как сдержанно выразился предприниматель и издатель газеты «Восточный мост» Сюэ Хуйлинь, «население двух стран относится друг к другу не очень дружелюбно», а на Дальнем Востоке существует «такое опасное явление, которое можно назвать антикитайским»¹⁴.

Всё это базируется на идеологической платформе, доставшейся в наследство от истории двусторонних отношений. В Китае, где историю помнят, знают, никогда не забывают и регулярно используют для решения современных политических задач, идеологической основой для конструирования национальной идентичности служит «смесь социализма, китаецентризма и антизападничества»¹⁵. Для китайцев Россия — не только принципиально иная (в традиционной интерпретации, «варварская») культура, давняя (начиная с середины XVII в.) угроза с севера, захватчик китайских земель в Приамурье, проводивший политику экспансии в Маньчжурии и Монголии. Россия, наряду с другими западными державами, ещё и источник унижения ханьцев, причём не столь давнего. Не случайно об этом вспоминает

исследователь российско-китайских приграничных связей Чжан Цзунхай. По его мнению, «великодержавный шовинизм советских руководителей эпохи Сталина и Хрущёва и наследованное ими у царской России опасение перед „жёлтой опасностью“ заставили китайских коммунистов и китайский народ испытывать чувство унижения»¹⁶. Конфликтная среда 60—70-х гг. XX в. также не ушла из памяти поколений.

Сама идеология китайских реформ последних трёх десятилетий предопределила поворот массового интереса китайцев от России в сторону США, Западной Европы, Японии. Китайские специалисты признают, что «многие китайцы имеют представления о России, оставшиеся с 50-х гг. XX века...», «в отношении России существует недостаточно понимания, недостаточно доверия...», «представления китайцев о России неполны, неточны, необъективны... они в определённой степени испытывают ложные... националистические чувства» в отношении современной России¹⁷.

То же самое можно говорить о представлениях большинства россиян о Китае. Для многих из них КНР — это потенциальный агрессор, ведущий плановую демографическую и экономическую экспансию в России. Мы уже писали о том, что российское общественное мнение ещё в начале 1990-х гг. сформировало стереотип китайца как человека, в общем, малопривлекательного. Сыграли свою роль в этом как буквально кричащие культурно-психологические различия между двумя народами, проявившиеся в процессе массовых контактов на рубеже 80—90-х гг. XX в., так и исторические стереотипы — осмысление дальневосточниками роли и места китайцев на российском Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв. То, что тогда они представляли собой одноликую и безропотную массу чернорабочих, мелких торговцев и слуг, в какой-то степени предопределило высокомерие в отношении китайцев, националистические настроения, характерные для немалой части населения региона в конце XX — начале XXI в.¹⁸ Не удивительно, что в дальневосточном обществе — и стихийно, и сознательно — формировались антикитайские настроения, которые создали общий фон российско-китайских приграничных связей и серьёзно влияли на их характер и развитие.

Генетически заложенная подозрительность между двумя народами усугублялась неадекватными результатами их экономического взаимодействия. Уверенность многих россиян в односторонней выгоде, которую от двусторонних отношений имеет Китай, убедительно подкреп-

лялась структурой торговли (природные ресурсы в обмен на товары), визуальным различием в развитии соседних городов и территорий (Пограничный — Суйфэньхэ, Благовещенск — Хэйхэ — самые наглядные пары в этом ряду). Как язвительно заметил по этому поводу Г. Розман, «экономические связи скорее порождают враждебность, чем доверие... Россияне и китайцы не верят друг другу даже в той степени, чтобы открыть консульства в соседних Владивостоке и Харбине»¹⁹.

Серьёзную, но в реальности глубоко не исследованную проблему представляет также воздействие на российско-китайские связи, в том числе приграничные, обращения России и Китая к истокам своей идентичности, феномена самоидентификации россиян и китайцев, переоценки ими своего статуса в регионе и мире, что наблюдается в последние два десятилетия. Эта переоценка происходит в условиях стремительного роста экономического потенциала, военной мощи и политического влияния Китая, с одной стороны, и затяжного внутриэкономического кризиса, поиска Россией своего места в новой системе мировых координат, с другой. Кардинально изменились расстановка сил, положение и вес обоих государств в двусторонних отношениях.

Политические и экономические реалии современного мира вступают в очевидный конфликт с консервативным и инерционным менталитетом большей части российской политической элиты и бизнес-элиты, для которых характерным остаётся европейско-ориентированное имперское мышление, проявляющееся как в высокомерном, хоть и тщательно скрываемом, отношении к народам Востока, в том числе и Китая, так и в отношении к восточным районам России как к внутренней колонии, которая призвана обеспечивать нужды метрополии и обслуживается по остаточному принципу.

Рецидивы прошлого проявляются не только на уровне столиц, политических элит и бизнес-элит, которые живут в мире большой политики, больших денег и грандиозных проектов. Обнаруживаются они и на уровне региональных связей, где и происходит реальная межкультурная коммуникация. «Геокультурно борьба за „национальную идею“ в России усилена кризисом идентичности на российском Дальнем Востоке, который существует как форпост среди азиатских цивилизаций... — констатирует Г. Розман. — Россиянам нет необходимости брать в руки книгу Самуэля Хантингтона, чтобы продемонстрировать, что российский Дальний Восток находится на передней линии столкновения цивилизаций»²⁰.

НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ?..

«И Китай, и Россия подвергаются серьёзному давлению извне, и культивирование национализма в обеих странах играет важную роль в мобилизации общества», — уверен гонконгский исследователь Дж. Чэн. Однако, в то время как в Китае «национализм отражает самоутверждение и оптимизм», в России он «демонстрирует существенное недовольство и ощущение кризиса. В результате „угроза со стороны Китая“ составляет важный элемент российского восприятия отношений с её южным соседом»²¹.

«Самоутверждение и оптимизм» китайского национализма в последнее десятилетие наглядно проявились не только во всё более твёрдой и самостоятельной позиции Китая в международных и региональных делах, но и в мышлении и поведении китайской общестственности, прежде всего молодёжи. Эта общественность, например, бурно и отнюдь не мирно реагирует на попустительство руководства Японии в области переоценки исторического прошлого, моментально откликается на события вокруг спорных с Японией (о-ва Дзяюй/Сенкаку)²² и странами ЮВА (Пэнху/Парасельские о-ва) территорий, открыто выражает претензии Китая на «достойную его» роль в современном мире²³.

Национальное самосознание как основа национализма формируется под воздействием двух взаимосвязанных факторов: отношений с другими народами и трактовки собственного исторического прошлого. Питательной средой для развития современного китайского национализма является гордость китайцев за свою 5000-летнюю историю, с одной стороны, и отношения Китая с двумя ведущими державами мира — США и Японией, с другой²⁴. Россия в этом списке пока не значится. Не углубляясь в анализ дискуссии, развернувшейся в последнее время среди экспертов-китаеведов на предмет способности китайского руководства управлять потоками «стихийного национализма» в своей стране, отмечу, что в отношении России национализм пока дремлет и проявляется преимущественно в академических оценках истории китайско-российского взаимодействия²⁵ и время от времени фиксируемых россиянами выпадах рядовых китайцев в адрес России, «продолжающей оккупировать китайские территории, захваченные ею в середине XIX в.». Китайская молодёжь, в апреле 2005 г.

бурно откликнувшаяся антияпонскими демонстрациями и погромами на очередной поход премьер-министра Японии Коидзуми в храм Ясукуни, новое издание школьных учебников, искажающих историю китайско-японских отношений и Второй мировой войны, а также обострение ситуации вокруг о-вов Дяоюй, никак не отреагировала на подписание и ратификацию российско-китайского соглашения о последнем несогласованном участке границы — по о-вам Большой Уссурийский и Тарабаров²⁶, хотя многие в Китае считали это соглашение уступкой России, ущемляющей интересы их государства.

В самой России дела обстоят несколько иначе. Задетые распадом «великой державы» и затяжным политическим и экономическим кризисом чувства россиян трансформировались в проявления национализма ещё в начале 1990-х гг., в том числе и на границе с Китаем. Многие китайские специалисты, занимающиеся современной Россией и российско-китайскими отношениями, уверены, что утрата нашей страной прежнего статуса и позиций СССР нанесла «сильнейший удар по национальному самолюбию и чувству превосходства» россиян. Поскольку же их «чувство сильной державы» почти не изменилось, это породило рост национализма, который нашёл выражение в ксенофобии и «теории жёлтой опасности». На Дальнем Востоке и в Сибири, где «из-за временного снижения государственной мощи России проблема так называемой китайской „незаконной миграции“ приобрела со страха истерический характер», острiot ксенофобии было направлено против китайцев²⁷.

Именно неспособность российских властей поставить под контроль зарубежную миграцию, в том числе китайскую, очевидная в первой половине 1990-х гг., стала одной из главных причин возрождения антикитайского синдрома в России. Отношение к китайским мигрантам в российском обществе сложилось в ситуации «беспримерного роста ксенофобии, в частности антимигрантских настроений, во всех его социальных стратах и представляет собой одну из составных частей общенационального феномена мигрантофобии», — констатировал А.Г. Ларин, подводя итоги исследованию взглядов россиян в отношении китайцев²⁸. «Синофобия — одна из очевидных данностей, с которыми сталкивается китаец в России, — продолжает тему А.П. Забияко. — В России, в Приамурье на волне обеспокоенности населения заметно поднялись националистические группы проправославного, неоязыческого или шовинистического (скинхеды) толка»²⁹.

Если на большей части России негативное отношение к китайцам носит преимущественно виртуальный, а не реальный характер, то на приграничных территориях пышным цветом расцветает бытовой, «народный» национализм³⁰. «Каждый, приехавший в Россию, сталкивается с российской полицией или рэкетом бандитов», или же чувствует, что некоторые россияне по-прежнему «ведут себя как сверхдержава, считают, что другие не могут быть лучше их», а поэтому «завидуют» китайцам и «смотрят на них свысока»³¹. Преувеличение со стороны обидевшихся китайцев? Совсем нет. Около 30% жителей Дальнего Востока, охваченных опросами сотрудников ИИАЭ, признаются, что они ощущают своё превосходство над китайцами, каждый третий опрошенный испытывает чувство отторжения при общении с ними. Более того, каждый четвёртый считает, что его отношение к китайцам за последние 10 лет ухудшилось³².

Немалая часть приграничного населения (как рядовых граждан, так и представителей властных и силовых структур) развращена неразборчивым в средствах китайским потребителем, который не гнушается скупать ворованный металл, контрабандно поставляемую древесину, незаконно добываемые дикоросы и морепродукты. Но этого потребителя-благодетеля ненавидят ещё сильнее: за то, что он богат, что грабит Россию, что он говорит на непонятном языке и смотрит с прищуром. С другой стороны, этот потребитель-благодетель становится всё более уверенным в себе, прагматичным, гордым за свою страну, за её историю и жаждущим отмщения её обидчикам, в том числе и России.

Приходится констатировать также нередкие проявления национализма и синофобии со стороны местных властей, зачастую скрытые, но от этого не менее болезненные для двусторонних отношений. С одной стороны, их порождает собственная беспомощность в соревновании с Китаем, неспособность решить «проблему Китая» на местах, с другой — отсутствие чётких ориентиров в политике в отношении этого государства, которые, по определению, обязаны давать Кремль, правительство, МИД Российской Федерации. Вот и получается, что «в высших эшелонах власти декларируют стратегическое партнёрство и дружбу с Китаем, а в средних и низших звеньях смотрят на конкретных граждан этой страны как на потенциальную угрозу, докучливую обузу или источник наживы»³³. Низкий уровень управления и политической культуры властей только усугубляет проблему.

Возможно, не так всё и плохо. Можно порадоваться, что «бытовой», скрытый национализм россиян всё же не перерастает в государственный. Политические его проявления являются исключением из правил и связаны с деятельностью экстремистских партий и группировок, таких как НБП, да и в тех случаях острей критики направлено не против китайцев, а против российских чиновников³⁴. Следует признать, что прагматичные интересы и потребности власти, бизнеса и населения приграничных территорий всё же заставляют их активно взаимодействовать с Китаем, воспринимать его как главного экономического партнёра России в Азии, коим он в действительности и является наряду с Японией и Южной Кореей.

Но как оценить упущенную выгоду? Наверное, прежде всего сравнивая результаты развития Северо-Восточного Китая и Тихоокеанской России в последние 20 лет. Конечно, главная причина столь разительного различия кроется в выборе адекватной модели социально-экономического развития и эффективности управления. Однако умение воспользоваться потенциалом окружающего мира также играет не последнюю роль. Пекин в этом преуспел, Москве — по большому счёту — игра на этом поле не удалась.

Подсознательный страх перед Китаем парализует волю, не даёт возможности принимать нужные решения, заставляет любыми способами тормозить выполнение данных обещаний и уже достигнутых договорённостей. Убедительные примеры тому — подписанные на самом высоком уровне, но надолго зависшие соглашения о строительстве моста через Амур у г. Благовещенска, о приграничных торгово-промышленных комплексах, недавнее, но столь же «успешное» соглашение о координации программ развития Дальнего Востока и Забайкалья и возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая.

Если приграничные территории КНР активно эксплуатируют факт цивилизационных различий двух стран в сугубо прагматических целях, для привлечения туристов: строят «русские деревни», завозят артистов, официанток из России, привлекают россиян жить и работать в китайском пограничье, то в России уже само выражение «чайнатаун» произносится с негативной интонацией. Хотя трудно представить, что было бы с Дальним Востоком и его жителями в лихие 90-е, не будь рядом Китая...

Приходится констатировать, что на российской стороне границы чувства, эмоции, подсознательные ощущения оказываются сильнее прагматических соображений. Разум проигрывает чувствам. Сказываются ли в этом шесть десятилетий отгороженности от внешнего мира, веками присутствовавшее у россиян (как и у большинства европейцев) ощущение превосходства над «отсталым» Востоком, или же виной всему психологическая неготовность смириться с возникающей на наших глазах новой картиной мира, — не так важно. Важно то, что эти чувства мешают трезво оценивать ситуацию и эффективно пользоваться огромным демографическим, производственным, рыночным потенциалом, которым обладает Китай, в интересах обустройства восточных районов России.

XXI век — это век Азии, век Китая. Государства, у граждан которого прагматизм мирно уживается с глубоким национализмом. С этим надо считаться. С этим надо работать. И этому надо учиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pirchner H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*. 2008. Vol. 16. Iss. 4. P. 309.

² По мнению Д. Медведева, отношения между Россией и Китаем «никогда ранее... не характеризовались столь высоким уровнем взаимного доверия» (Интервью китайской газете «Жэньминь Жибао» 26 сентября 2010 г. URL: kremlin.ru/transcripts/9020), они «...основаны на взаимном уважении, искреннем взаимопонимании» (Выступление на концерте, посвящённом 10-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и КНР, 16 июня 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/11597>). В. Путин более осторожен, констатируя, что «в политической сфере мы наработали высочайший уровень взаимного доверия» (Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 5 июня 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15552>).

³胡锦涛在《中俄睦邻友好合作条约》签署10周年庆祝音乐会上的致辞(全文) 2011/06/17 (Речь Ху Цзиньтао на праздничном концерте по случаю 10-летия подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией. 17 июня 2011 г.) URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/tyb/zyxw/t831553.htm>.

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия. 5 июня 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru>.

- ⁵ Wishnick E. *Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. P. 191.
- ⁶ Каменецкий В. Россия и Китай в XXI веке. URL: <http://www.westeast.us/14/article/911.html>.
- ⁷ Сойнова Н. На улице Муданьцзянской. Китайская экспансия поставила Сибирь в интересное положение // *Московские новости*. 2006. № 1. В числе пяти вопросов, заданных корреспондентом «Российской газеты» Дай Бинго в августе 2012 г., оказался и вопрос о «неуклонном росте китайцев на Дальнем Востоке» и «озабоченности многих россиян этим» (戴秉国国务委员接受俄罗斯《俄罗斯报》书面采访 (Письменные ответы члена ВСНП Дай Бинго на вопросы корреспондента «Российской газеты»). 20 августа 2012 г. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/zlb/ldzyjh/t961778.htm>). Ответ китайского политика на этот вопрос был очень дипломатичным.
- ⁸ Линтнер Б. Китайцы идут... в Россию. URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20060529/227780.html>.
- ⁹ Blank S. At a Dead End: Russian Policy and the Russian Far East // *Demokratizatsiya*. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 124—125.
- ¹⁰ Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 179.
- ¹¹ Каменецкий В. Россия и Китай в XXI веке...
- ¹² 尚玉芳. 中俄经贸关系的现状及制约因素分析 (Анализ состояния и факторов, ограничивающих китайско-российские торгово-экономические отношения) // *中俄关系的历史与现实 (第二辑) (История и современное состояние китайско-российских отношений) / сост. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: 社会科学文献出版社, 2009. Вып. 2. С. 606.*
- ¹³ Ni Xiaoquan. China's Security Interests in the Russian Far East // *Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the "Community of Asia"*. Vol. 1. Crossroads in Northeast Asia. Sapporo: Slavic Reaserch Center, Hokkaido University, 2005. P. 57.
- ¹⁴ 37-1 стратегема. Журнал-проект. Владивосток. 2004. № 1 (3). С. 26—27.
- ¹⁵ Rozman G. Chinese National Identity and Its Implications for International Relations in East Asia // *Asia-Pacific Review*. 2011. Vol. 18. No. 1. P. 90.
- ¹⁶ 张宗海. 远东地区世纪之交的中俄关系 (Чжан Цзунхай. Китайско-российские отношения в Дальневосточном регионе на рубеже веков). Харбин: 黑龙江人民出版社, 2000. С. 226.
- ¹⁷ 周永东. 对中俄战略协作伙伴关系中的不和谐因素的思考 (Чжоу Юндун. Анализ негармоничных факторов в развитии отношений китайско-российского стратегического партнёрства) // *中俄关系的历史与现实 (第二辑) (История и современное состояние китайско-российских отношений) / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: 社会科学文献出版社, 2009. Вып. 2. С. 784—785.*
- ¹⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 139.
- ¹⁹ Rozman G. Turning Fortresses into Free Economic Zones // *Rapprochement or Rivalry? Russia-China Relations in a Changing Asia / ed. by S.W. Garnett*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 195.

- ²⁰ Ibid. P. 180.
- ²¹ Cheng J. Challenges to China's Russian Policy in Early 21st Century // Journal of Contemporary Asia. 2004. Vol. 34. No. 4. P. 500.
- ²² См.: Jiang Zhang. The Influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese Relations // China-Japan Relations in the Twenty-first Century. Creating a Future Past? / ed. by M. Heazle, N. Knight. Cheltenham — Northampton: Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15—34.
- ²³ Эти претензии откровенно выражены в «манифесте» китайских националистов, книге «Китай недоволен». По мнению её авторов, Китай должен построить новый мировой порядок, в котором он будет занимать лидирующие позиции, избавиться от западного влияния и рассчитаться с Западом за все нанесённые ему в прошлом обиды и унижения (中国不高兴. 大时代, 大目标及我们的内忧外患 (Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние неурядицы). Нанкин: 江苏人民出版社, 2009. 296 с.).
- ²⁴ Cries P.H. China's New Nationalism: Pride, Politics and Diplomacy. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 135.
- ²⁵ Происходит это как на уровне официального историописания (подробнее см.: Ларин В.Л. «Горячие точки» российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. XV. Востоковедение. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 5—23), так и в сфере массового сознания китайцев.
- ²⁶ Дополнительное соглашение между РФ и КНР о государственной границе на её восточной части было подписано 14 октября 2004 г. Постоянный комитет ВСНП ратифицировал соглашение 27 мая 2005 г.
- ²⁷ 姜长斌, 李传勋. 解开狭隘民族主义情结, 加深理解与了解 (Цзян Чанбинь, Ли Чуаньсюн. Ослабить чувства национализма, углубить понимание) // 中俄关系的历史与现实 (История и современное состояние китайско-российских отношений) / отв. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн: 河南大学出版社, 2004. С. 619—620.
- ²⁸ Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 94.
- ²⁹ Забияко А.П. Российские реалии как фактор формирования образа России в сознании китайской диаспоры (на материалах Приамурья) // Сборник материалов международной конференции «Россия — Китай: взаимодействие двух культур, партнёрство и сотрудничество». Благовещенск: ГУ Амурской области «Госархив Амурской области», 2008. С. 21.
- ³⁰ Очевидным проявлением такого, казалось бы, «безобидного», граничащего с патриотизмом национализма служит следующий комментарий сотрудницы пресс-службы ГУ МВД РФ по ДВФО: «Пусть не сочтут меня националисткой. Я ничего не имею против Китая, давшего миру великого Конфуция, даосизм, рефлексотерапию и бамбуковых медведей! Я безгранично уважаю талантливый, весёлый, творческий и сказочно трудолюбивый китайский народ, его сплочённость, целеустремлённость и безудержную тягу к прогрессу! Я не против того, чтобы российский Дальний Восток „дружил домами“ с соседями! Но думаю, что свою рыбу и икру мы всё же лучше съедим сами, и пусть за нашими древесными лягушками гоняются наши, приморские дети, а в лесах Хабаровского края

гуляют наши с вами внуки, а не китайские нелегалы!» (Анна Чак. Жёлтый беспредел. URL: <http://www.pravda.ru/accidents/factor/crime/11-04-2003/32995-china-0/>).

³¹ Чжан Цзунхай. Китайско-российские отношения... С. 274—275.

³² См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир... С. 139—142.

³³ Забияко А.П. Российские реалии... С. 22.

³⁴ 12 февраля 2007 г. средства массовой информации сообщили, что в этот день группа иркутских национал-большевиков захватила офис Федеральной миграционной службы по Иркутской области «в знак протеста против пособнической политики властей китайской миграции в Россию». На захваченном объекте были вывешены транспаранты «Россия — не чайнатаун!», «Остановим китайскую экспансию!» и флаг НБП. Другая группа национал-большевиков в это время устроила несанкционированный пикет под окнами ФМС с лозунгом «Чиновники — пособники китайцев!» (URL: www.limonka.nbp-info.ru/314_article_1171578298.html).

РЕАЛИИ НОВОГО МИРА И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанное 20 мая 2014 г. в Шанхае во время визита президента РФ В.В. Путина в Китай, объявило о «новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» между двумя государствами¹. При этом российский президент с удовлетворением констатировал «принципиально новый уровень» этого партнёрства², а председатель КНР Си Цзиньпин призвал поднять его «на ещё более высокий уровень»³.

Являются ли эти заявления привычной для последних лет политической риторикой или за ними стоят реальные действия? Насколько декларация о ещё большем сближении России и Китая является реакцией Москвы и Пекина на события в мире или всё же следствием внутренней логики развития двусторонних отношений? Какие конкретные шаги должны быть сделаны, чтобы «принципиально новый уровень» отношений ощутили на себе — желательно, чтобы с положительной стороны, — рядовые граждане двух государств? И каким образом эти решения отразятся на судьбе Тихоокеанской России, о развитии которой в последние годы много говорится, немало, вроде бы, для этого и делается, но до превращения территории в процветающий и привлекательный для жизни край ещё очень и очень далеко? В данной статье предпринимается попытка дать ответы на эти вопросы.

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ «НОВОГО ЭТАПА»

Начнём с того, что поиски новой модели российско-китайских отношений, основанной на структурных особенностях российской и китайской экономик, ведутся с середины 2000-х. В 2009—2010 гг. были заложены несколько базовых блоков в фундамент этой модели, на основе которого происходит развитие отношений сегодня.

Первый блок — энергетический. 21 апреля 2009 г. было подписано и 20 августа вступило в силу межправительственное соглашение

* Опубликовано в сборнике: Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 9—19.

о сотрудничестве в нефтяной сфере, в соответствии с которым компании «Роснефть» и «Транснефть» обязались поставлять Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) 15 млн т нефти в год в течение 20 лет. 27 апреля 2009 г. «Транснефть» приступила к строительству объектов нефтепровода «Сковородино — граница с КНР» на российской территории, 18 мая началось строительство его китайской части по маршруту «Сковородино — Дацин», а 1 января 2011 г. по нефтепроводу пошла в Китай нефть.

Вторым блоком должно было стать приграничное взаимодействие. 23 сентября 2010 г. в Нью-Йорке президент РФ Д.А. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе их короткой встречи одобрили Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на период до 2018 г.⁴ Целью программы была названа «координация усилий по реализации стратегий регионального развития России и Китая и действий по осуществлению федеральной целевой программы „Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года“ и „Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая“»⁵.

Наконец, 27 сентября уже в Пекине главы двух государств анонсировали идею создания в АТР «открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учёте законных интересов всех сторон»⁶, обозначив третий элемент новой конструкции отношений. Твёрдое намерение России идти по пути создания такой системы безопасности было зафиксировано в новой Концепции внешней политики РФ, утверждённой в феврале 2013 г.

Два элемента модели — энергетический и внешнеполитический — получили активное оформление и развитие к концу 2014 г. Третий — попытка положить в её основу программу соразвития соседних территорий двух государств — не принесла ожидаемых результатов⁷, прежде всего потому, что в отличие от энергетических проектов оказалась слабо подготовленной и недостаточно проработанной с экономической и финансовой точек зрения. В результате нынешнее «обновление» стратегического партнёрства происходит пока что на двух основах: расширении взаимодействия в области глобальной политики и безопасности, с одной стороны, и длительном, сложном, но перспективном выстраивании сотрудничества России и КНР в энергетической сфере, с другой.

В течение 2010—2013 гг. формат долгосрочного энергетического сотрудничества России и Китая постепенно наполнялся конкретным содержанием. Самым знаменательным событием этого периода стало подписание в 2013 г. «Роснефтью» и CNPC ещё одного контракта на поставку нефти в Китай: 363 млн т в течение 25 лет (14,4 млн т в год). 21 мая 2014 г. после долгих дискуссий о цене поставок он получил газовую составляющую: «Газпром» и CNPC подписали долгосрочный контракт о поставках газа в Китай по восточному маршруту⁸. Почти законченный вид он должен приобрести осенью 2014 г., когда предполагается подписать контракт на поставки газа в Китай по западному маршруту. В начале сентября этого года Китаю также было предложено войти в качестве акционера в Ванкорский нефтегазовый кластер в Красноярском крае.

Внешнеполитическая часть новой модели российско-китайского партнёрства также обрела своё выражение в мае 2014 г. в Шанхае. Встреча глав двух государств состоялась в преддверии четвертого саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в повестке которого стоял вопрос о создании новой архитектуры безопасности и сотрудничества в этом регионе. Данная организация, созданная ещё два десятилетия назад по инициативе президента Казахстана Н.А. Назарбаева⁹, в предшествующие годы не слишком проявляла себя в мировом информационном пространстве, однако переход кресла её председателя к Китаю и намерение Пекина воспользоваться этим обстоятельством для активного продвижения собственного видения нового мирового порядка и архитектуры безопасности в Азии, как и очевидная поддержка этих инициатив со стороны России и других членов СВМДА, кардинально меняют картину. Выступая с вступительной речью на совещании, председатель КНР Си Цзиньпин озвучил несколько принципиальных позиций, которые Пекин намерен отстаивать в период своего председательствования в организации. Среди них были названы: стремление превратить СВМДА в «платформу для диалога по вопросам безопасности и сотрудничества» в регионе, акцент на соразвитие государств и территорий, «равенство безопасности» для всех, уважение суверенитета и невмешательства в дела других государств. Тогда же Си Цзиньпин произнёс весьма знаменательную фразу: «Азиатские проблемы в конечном итоге должны решать народы Азии»¹⁰.

Отнесена ли Россия к этим самым «народам Азии»? В нынешнем китайском понимании — да. Россия является одним из создателей организации, фактическим соавтором идеи «новой архитектуры безопасности в Азии»; в российско-китайском заявлении от 20 мая 2014 г. СВМДА названа «эффективным механизмом диалога по вопросам обеспечения мира и безопасности в регионе», а президент России подтвердил, что у Москвы и Пекина «общие приоритеты и в глобальном, и в региональном масштабе»¹¹.

Встречи в Шанхае и принятые там политические решения стали закономерной реакцией ряда государств Азии и России на события, которые свидетельствуют о разрушении старой архитектуры мира, возникшей на руинах Второй мировой, а потом холодной войны. Нарастание украинского кризиса и заметное обострение отношений между Россией и Западом были только частью этих процессов. Его проявлениями в Азии стали новый шпионский скандал между Пекином и Вашингтоном, инициированный последним, антикитайские погромы во Вьетнаме, в которых Пекин также усмотрел руку США, ожесточение территориальных споров. Вовсю заработала пропагандистская машина либеральных демократий. Антироссийская риторика западной прессы даже потеснила антикитайскую, которая в последнее десятилетие регулярно трубила о растущей китайской угрозе всему «свободному миру». Американские политики попытались вовлечь Китай в борьбу с Россией¹², будто бы забыв, как сами активно пытались душить эту страну с помощью санкций и эмбарго в 50-е и 90-е гг. XX в.

Закономерно, что в условиях мощного давления на Россию и Китай извне их сближение смещается в сферу обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития экономик и социальных сфер двух государств. Для них обоих энергетика является гарантом такого устойчивого развития, а создание нового мирового порядка и равной для всех архитектуры безопасности — основой поддержания стабильного мира по периметру своих границ.

Однако для стабильного поддержания и развития двусторонних отношений этого явно недостаточно. Остаются нерешённые проблемы, прежде всего — в сфере экономических связей и национальной психологии («уровень взаимного доверия»), которые требуют если не сиюминутного, то не столь отдалённого к ним обращения и последовательного решения.

ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ КОНСТРУКЦИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Энергетический альянс прочно и надолго закрепил статус России (поставщик сырья) и Китая (экспортёр промышленных товаров) в их экономическом взаимодействии¹³. Многократные заявления на высшем уровне о необходимости изменить характер экономических связей ни к чему не привели: сама по себе структура российской экономики разрушает все иллюзии о возможности даже не прорыва, а хотя бы подвижек в этой области. Определённые надежды могут навеять зафиксированные в майском Совместном заявлении 2014 г. намерения сторон «налаживать тесное взаимодействие в финансовой сфере», «стимулировать существенный рост взаимных капиталовложений», «повышать эффективность кооперации в высокотехнологичных секторах», «углублять связи в области науки и техники», «реализовать проекты взаимовыгодной производственной кооперации» и т.д., но за всем этим не проглядывают конкретные проекты, за исключением совместного создания широкофюзеляжного самолёта и тяжёлого гражданского вертолёта, о чём сообщил президент России¹⁴.

Правительство России никак не может найти способы, с помощью которых можно было бы эффективно встроить уже достаточно прочные интеграционные связи между соседними территориями двух стран в общую концепцию российско-китайских отношений. Совместное заявление 2014 г. дежурно призывает «активно развивать межрегиональное сотрудничество», призывает «усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры... улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути»¹⁵, но все благие пожелания ограничиваются пока декларациями и редко доходят до конкретных действий.

Причины фактического игнорирования региональных и приграничных связей в российской столице неоднородны. Среди них — непонимание того, как включить китайскую тематику в решение задач по развитию Дальнего Востока и Забайкалья. Сказывается, видимо, скромный вес восточных районов России в общем объёме российско-китайских экономических связей¹⁶. Существуют опасения чрезмерно прочной связки между соседними территориями двух стран (призрак

«дальневосточного сепаратизма»). В конечном счёте у Москвы вообще отсутствует внятное представление о роли и месте Китая в развитии России (помимо энергетической и внешнеполитической составляющих), а отсюда проистекает неумение или нежелание чётко сформулировать и выразить принципиальную мысль: для чего России нужен Китай и как можно воспользоваться его гигантским рыночным потенциалом. На приграничных с Китаем территориях понимания такого, очевидно, больше, но двойственное восприятие этой страны доминирует и во власти, и среди населения. Об этом свидетельствуют и результаты последнего опроса населения на юге Тихоокеанской России, проведённого группой изучения общественного мнения ИИАЭ летом 2013 г.: 43% респондентов отметили «рост экономической и военной мощи Китая» среди главных угроз безопасности России и её дальневосточным территориям, в то же время 59% оценивает перспективы отношений с КНР как «хорошие», а 68% считают, что в первую очередь их территории надо развивать отношения именно с Китаем¹⁷.

Сказываются и регулярные предостережения «пророков» в России и за её пределами о том, что рост экономической и военной мощи Китая угрожает глобальной стабильности и региональной безопасности, интересам РФ и соседних государств. Подобные страшилки стабильно подпитывают подсознательный страх населения и политиков перед «китайской угрозой» в её различных проявлениях (демографическая, территориальная, военная, экологическая и др.) и создают психологический барьер как при принятии необходимых решений, так и при реализации достигнутых договорённостей. В результате разумное понимание важности и безальтернативности тесного взаимодействия с Китаем сталкивается с безотчётным страхом, подозрительностью и нерешительностью людей, даже нацеленных на сотрудничество.

В то же время для специалистов, которые понимают суть, тенденции современного развития Китая, внутренние механизмы формирования китайской внешней политики, понятно, что куда большей угрозой для России (особенно её граничащих с КНР территорий) является как раз прекращение роста Китая, следствием чего неизбежно станет социальная и политическая нестабильность с непредсказуемыми сегодня последствиями. Поэтому, оставляя за скобками страх перед подъёмом Китая, который начал культивироваться¹⁸ и прочно укореняться в сознании россиян ещё в начале 1990-х гг., необходимо выявлять

и оценивать положительные результаты этого процесса для России. В конечном итоге должен быть дан ответ на вопрос: какой Китай по объективным основаниям России необходим, выгоден, интересен?

С.Ю. Витте, который активнейшим образом занимался восточной политикой России и отношениями с Китаем в конце XIX в., позднее писал, что уже тогда он пришёл «к заключению, которого держался всё время, а именно, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим — сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а, следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи»¹⁹. По ряду объективных причин России нынешней также нужен и полезен сильный Китай.

Во-первых, сильный Китай выгоден России с политической точки зрения. Последние события, связанные с Украиной, убедительно показали, что с разрушением биполярной системы мира противостояние России и США не ушло в прошлое. И дело не только в инерции мышления, наличии «ястребов» в политических кругах этих государств. Дело в несовпадающих взглядах на мир, которые исповедуют славянская и англо-саксонская культуры и которые проявляются уже на протяжении более чем четырёх столетий.

Ослабленная Россия нуждается в сильных союзниках для отстаивания своих принципов мироустройства, и таким союзником является Китай. Нынешнее стратегическое партнёрство — это политический союз двух государств, основанный на общности их взглядов в области вопросов мировой и внутренней политики и схожести интересов внутреннего развития. Это союз не против кого-то, а «за» общие интересы. Сегодня он демонстрирует тенденции к трансформации в военно-политический союз. Но сложится ли военный союз, союз «против» — в значительной степени зависит от действий оппонентов России и Китая на мировой арене (США и их ближайших союзников).

Во-вторых, сильный Китай выгоден России с экономической точки зрения. Сегодня он является для России торговым партнёром номер один и по объёму торговли, и по перспективам развития отношений. Это особенно важно в условиях нарастающего кризиса Европы и охватившей её антироссийской истерии. Для РФ важно, что КНР — это партнёр достаточно понятный, прагматичный, последовательный, притом не отказывающийся учитывать интересы России.

В-третьих, сильный Китай необходим России для продвижения в АТР. Пекин не только поддерживает её политические и дипломатические усилия в этом направлении, а реально заинтересован — исходя из собственных планов развития северо-восточных провинций — в экономическом освоении дальневосточных территорий России, в модернизации их транспортной инфраструктуры. Наряду с Японией и Южной Кореей сегодня Китай является главным экономическим партнёром ДВФО, а импорт из КНР в 2013 г. составил 47% всего импорта региона. Для ряда приграничных территорий России (Амурская область, ЕАО, Забайкалье) соседство с Китаем является гарантией их экономического благосостояния²⁰.

Китай — это «окно в мир» для россиян, инструмент для столь необходимой современной России самоидентификации, понимания самих себя и своего места в современном мире. По данным социологических опросов последних лет, как минимум половина взрослых жителей южной части Тихоокеанской России хотя бы раз в жизни бывала в КНР. Китайская статистика зафиксировала 2,3 млн россиян, посетивших в 2012 г. приграничные с Россией пров. Хэйлунцзян, Цилинь и автономный район Внутренняя Монголия²¹. Китай — это очевидное «не я», непонятное, немного подозрительное, но не враждебное. Одновременно это и пример, и напоминание россиянам о скромных достижениях собственного государства, особо заметных на фоне бурно развивающегося соседа.

Наконец, внешние факторы также толкают Россию «в объятия» Китая. В их числе — стремление США «построить» Россию (как и весь остальной мир) в одну шеренгу; постоянные поучения со стороны Европы, которая регулярно пытается подчёркивать неполноценность и «варварскую природу» России; непрекращающаяся турбулентность на южных рубежах (где логичнее и эффективнее всего действовать в кооперации с Китаем); события на Корейском полуострове и др.

Очевидно, что в современных российско-китайских отношениях ведущим и более активным их участником, особенно в экономической сфере, является Китай. Главные инициативы исходят от Пекина. Существующей проблемой для России и тормозом в развитии отношений с Китаем является раздвоение сознания, присущее как большей части рядового населения, так и представителям власти, политической и деловой элит России. С одной стороны, Китай для них

остаётся угрозой. Но за два десятилетия, в течение которых в России мулсируется тезис о «китайской угрозе», пользы от этого «опасного соседа» Россия приобрела значительно больше, чем вреда. И продолжает использовать, пусть очень неэффективно, его огромный потенциал, и потому всё чаще смотрит на него с надеждой. Но такая двойственность породила и продолжает поддерживать невнятный характер китайской политики России.

И всё же главной тенденцией в этом направлении является не рост страха россиян перед Китаем, даже несмотря на укрепление его военного потенциала, а их надежды на соразвитие. 1 сентября 2014 г. на церемонии, которая была посвящена соединению первого звена магистрального газопровода «Сила Сибири», предназначенного в том числе и для поставки газа в КНР по западному маршруту, президент России В.В. Путин, предлагая Китаю войти в качестве акционера в разработку Ванкорских нефтегазовых месторождений, произнёс знаменательную фразу: «Мы в целом очень аккуратно подходим к допуску наших иностранных партнёров, но, конечно, для наших китайских друзей ограничений нет»²².

Очевидно, что за этим может стоять превращение Китая в главного партнёра России в освоении богатств Арктики, обустройстве Северного морского пути и превращении тихоокеанской части России в территорию ускоренного социального и экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.

² Заявление для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/news/21047>.

³ 习近平同俄罗斯总统普京举行会谈 (Си Цзиньпин провёл переговоры с президентом России Путиным). URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1157753.shtml.

⁴ Принципиальная договорённость о координации стратегии развития российского Дальнего Востока и Восточной Сибири со стратегией возрождения старых промышленных баз СВК достигнута между В.В. Путиным и Ху Цзиньтао ещё в 2007 г. на встречах в Москве (26 марта) и Хайлигендамме (8 июня). URL: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/e8d26afd64e>.

- ⁵ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.). URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm.
- ⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия. 27 сентября 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.
- ⁷ Подробнее см.: Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149—176.
- ⁸ Контракт предусматривает поставку в КНР российского газа в течение 30 лет в объёме 38 млрд кубометров ежегодно, на общую сумму 400 млрд долл.
- ⁹ Идея создания организации была высказана Н.А. Назарбаевым в 1992 г., а первый саммит состоялся в Алма-Ате в 2002 г.
- ¹⁰ 习近平: 积极树立亚洲安全观 共创安全合作新局面 (Си Цзиньпин: активно формировать новый взгляд на безопасность в Азии, совместно создавать новую ситуацию в сфере сотрудничества в области безопасности). URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1158070.shtml.
- ¹¹ Заявление для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/news/21047>.
- ¹² О попытках вести переговоры на эту тему с руководством КНР сообщил 21 августа 2014 г. литовским СМИ координатор госдепартамента США по вопросам санкций посол Д. Фрид. URL: http://alfa.lt/straipsnis/593153/kiek-rusijai-kainuos-vakaru-sankcijos-del-agresijos-pries-ukraina#.VAjkfvl_uar.
- ¹³ Достаточно сказать, что в 2013 г. по статье «машины и оборудование» Россия экспортировала в Китай товаров на 1,2 млрд долл., а импортировала на сумму в 20 раз большую (24 млрд долл.).
- ¹⁴ Заявление для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/news/21047>.
- ¹⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
- ¹⁶ В 2013 г. на долю Дальневосточного федерального округа пришлось 13% объёма российско-китайской торговли (11,2 млрд из 89 млрд долл.), а на пять приграничных с Китаем территорий (Приморский, Хабаровский и Забайкальский края, Амурская и Еврейская автономная области) — 10% (8,8 млрд долл.).
- ¹⁷ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 11—14.
- ¹⁸ К примеру, ещё в 1994 г. один из ведущих российских специалистов в области безопасности А. Арбатов предупреждал, что самую опасную внешнюю угрозу для России в течение ближайших 5—10 лет может представлять Китай (См.: Арбатов А. Россия: национальная безопасность в 90-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8—9. С. 14—15).

- ¹⁹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. I. С. 38—39.
- ²⁰ Китайское направление занимает доминирующий сегмент во внешнеторговых связях Забайкалья (86,5% в 2012 г. и 81% в 2013 г.), Амурской (90 и 86,7%) и Еврейской автономной (98,7 и 82,3%) областей, заметную — во внешней торговле Приморского (49,8 и 52,2%) и Хабаровского (43,3 и 46,4%) краёв (См.: Дальневосточное таможенное управление. Таможенная статистика. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>).
- ²¹ Подсчитано по: 内蒙古统计年鉴 (Статистический ежегодник автономного района Внутренняя Монголия). Пекин: 中国统计出版社, 2013. С. 430; 黑龙江古统计年鉴 (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян). Пекин: 中国统计出版社, 2013. С. 515; 吉林古统计年鉴 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь). Пекин: 中国统计出版社, 2013. С. 424.
- ²² Беседа с Заместителем Премьера Государственного Совета Китая Чжан Гаоли. 1 сентября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/news/46530>.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОЖИДАНИЕ ПРОРЫВА*

●

О значении восточных районов России (традиционно — Дальнего Востока и Забайкалья, а в современном толковании — Тихоокеанской России) в её отношениях с Китаем написано и сказано много и на самых разных уровнях. Как и о критической роли этих территорий в «повороте» страны на Восток. Достаточно упомянуть декабрьское (2012) послание президента России Федеральному Собранию РФ, где не в первый раз подтверждено намерение Кремля использовать «колоссальный потенциал Сибири и Дальнего Востока» для того, чтобы Россия заняла «достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹. Социально-экономическое развитие этих территорий, подъём их экономики до уровня, способного обеспечить кооперацию «с динамичными экономиками Тихоокеанской Азии» (а таковой является прежде всего китайская экономика), объявлены неперенным условием для занятия этого «достойного места».

Столь же очевидным для ряда специалистов кажется сегодня рассмотрение российско-китайского взаимодействия как ресурса модернизации Тихоокеанской России. Директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко видит в нём «ключевой рычаг развития восточных районов РФ»², а его коллега в Пекине, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Ли Юнцюань уверен, что северо-восточные провинции Китая могут не только стать стратегическим партнёром и активным участником модернизации Дальнего Востока и Забайкалья, но и гигантским «рыночным гарантом» их развития³.

Однако сделано для этого до обидного мало. Продвижение России в Азию буксует в немалой степени потому, что интеграционный потенциал восточных районов страны используется в лучшем случае интуитивно, бессистемно, а зачастую просто игнорируется. «Ускоренное развитие» Дальнего Востока, несмотря на громкие заявления,

* Опубликовано в журнале: Россия и АТР. 2014. № 3. С. 5—21

важные решения и определённые шаги в этом направлении, касается лишь отдельных территорий и в большей части происходит на бумаге. Российско-китайские отношения демонстрируют полное взаимопонимание руководителей двух государств, особенно в сфере глобальной и межгосударственной политики, но при этом застой в области экономики откровенно затянулся. Судьбоносные соглашения по нефти и газу суть и характер этих отношений не меняют. Примитивная модель двусторонней торговли — «сырьё в обмен на потребительские товары», отсутствие производственной кооперации, мизерные взаимные инвестиции, засилье различных полукриминальных схем взаимодействия как в межгосударственных, так и в региональных и приграничных экономических связях, о которых в последнее десятилетие много писали как российские⁴, так и китайские эксперты⁵ — сегодня остаются столь же актуальной и нерешаемой проблемой.

Итак, где нестыковки? В чём противоречия и где подводные камни? Почему, казалось бы, теоретически внятная и убедительная со всех позиций связка «интеграция России в АТР — развитие Тихоокеанской России — российско-китайское региональное взаимодействие» упорно не работает, несмотря на усилия высокого начальства? Уяснит ли, наконец, это начальство, что, по образному выражению Чжао Хуашэна, российско-китайские отношения без активного регионального взаимодействия — всё равно что «стреноженная лошадь», которая «может только медленно идти, но не нестись вскачь»⁶?

По моему мнению, главных причины три и все они кроются в неготовности самой России изменить алгоритм мышления и парадигму своего развития, отказавшись от многовековой исключительной ориентации на Запад и въевшегося в подсознание россиян восприятия Востока как мировой периферии, а собственных азиатских территорий — как не более чем ресурсной базы и транзитной зоны («моста» — в более мягкой формулировке) для обеспечения взаимодействия собственно России (той, что в Европе, до Урала) с Азией. Только изменение отношения центра к Азиатско-Тихоокеанскому региону, осознание им важности приграничных и региональных связей российских территорий со странами этого района мира, прежде всего Китая, и адекватное реалиям восприятие Сибири позволит ему в полной мере использовать интеграционный потенциал этой территории для решения геополитических и экономических задач, стоящих перед государством.

ИНТЕГРАЦИЯ В АТР И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Нагляднее всего место Китая в интеграционном проекте России в АТР выявляют современные подходы руководства страны к обустройству территории Дальнего Востока и Забайкалья. Не вызывает сомнения, что главным вдохновителем и режиссёром нового акта исторической драмы, именуемой «движением России на Восток»⁷, в последние полтора десятилетия является В. Путин. Также очевидно, что характер и результаты политики правительства России в отношении её дальневосточных окраин определяется тремя главными обстоятельствами: 1) тем видением восточных районов страны, путей их развития, их места и роли в Российском государстве, которое сложилось у президента страны и его окружения; 2) целями, которые ставит перед собой правительство России в отношении региона и, в более широком контексте — в Восточной Азии и АТР; 3) степенью соответствия этого видения и указанных целей реальной ситуации в регионе и интересам людей, проживающих на этой территории. Существует и четвёртая сила, которая прямо не влияет на содержание российской азиатской политики, но подспудно и опосредованно воздействует на её результаты: это интересы и действия соседей России по региону, прежде всего Китая и Японии.

Закономерно, что идеология нового «поворота», все свойственные ей достоинства и проблемы в наиболее концентрированном виде представлены в выступлениях и статьях политического лидера страны. Эти документы являются наилучшим источником для понимания сути существующих проблем и оценки перспектив их решения. На данный момент взгляды руководства страны на роль и место Тихоокеанской России во внутренней и внешней политике страны в целом устоялись, чего пока не скажешь о выборе путей и моделей развития самого региона. И в самих этих взглядах укоренились глубокие противоречия, которые и обуславливают низкую эффективность, если не крах всех попыток Кремля решать широко декларируемые задачи развития Дальнего Востока и интеграции в АТР, а вместе с тем делают дискуссионным широкое вовлечение Китая в экономическое развитие восточных районов России.

Анализ взглядов президента России и принимаемых на этой основе официальных документов показывает, что в начале XXI в. политика Кремля в отношении тихоокеанской части России складывается под воздействием трёх базовых идей. Первая из них — геополитическая, представление о том, что владение территорией Тихоокеанской России является неременным для российского государства условием присутствия в АТР и обладания статусом тихоокеанской и глобальной державы. Задачу «прочно закрепиться во всех азиатских делах» В. Путин сформулировал для России ещё в самом начале своего пребывания на посту президента страны⁸. Тогда же прозвучал важный посыл о том, что «хозяйственные интересы региона и геополитические интересы Российского государства... совпадают»⁹.

Китай, очевидно, не оспаривает ни российское присутствие в Азии, ни интересы России в регионе¹⁰, ни существующие сегодня территориальные реалии, хотя ностальгия по «утраченным территориям» достаточно отчётливо прослеживается в публикациях учёных¹¹ и особенно в интернет-пространстве.

Вторая идея — возможность использовать природные богатства и пространственно-географическое положение региона в качестве мощного ресурса социально-экономического развития всей страны. В ноябре 2012 г. президент России ещё раз подтвердил не раз высказанную мысль о том, что восточные районы страны — это «важнейший фактор процветания и роста могущества России в целом»¹², и на решение этой задачи преимущественно нацелены разнообразные федеральные и отраслевые программы социально-экономического развития. Идея не нова, об этом — применительно к Сибири — говорил ещё М. Ломоносов, но в начале XXI в. она обрела новую — модернизационную — интерпретацию и современное звучание. С точки зрения руководства КНР, решение этой задачи также отвечает интересам его страны. Как высказался по этому поводу Си Цзиньпин, «процветающая и сильная Россия отвечает интересам Китая и также будет оказывать благоприятное воздействие на мир и стабильность в АТР и мире»¹³.

Третья идея имеет отношение к теме одновременно и философской, и геополитической, и экономической: давним и пока безуспешным поискам Россией баланса между Западом и Востоком. Очевидно, что нынешнее смещение акцента в развитии страны на восточные районы — это объективный процесс, необходимый для уравни-

вания гипертрофированной роли евро-атлантического мира в жизни России. События вокруг Украины делают этот поворот ещё более актуальным. Проблема, однако, в том, что концепция интеграции России в АТР, как и встарь, обременена мессианскими идеями о вовлечении в этот процесс всей Европы и исполнении Россией «высокой роли» моста, призванного соединить между собой Запад и Восток. Не удивительно, что некоторые зарубежные эксперты усмотрели в декларациях Кремля об интеграции России в АТР не более чем его намерение упрочить её статус как «великой евроазиатской державы»¹⁴.

В феврале 2012 г. В. Путин, как бы включаясь в затянувшуюся дискуссию о месте России в мире, категорично выразил свою точку зрения: «Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации». Тогда же был определён магистральный и бесспорно европоцентричный курс Российского государства: «к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства — общности, называемой российскими экспертами „Союзом Европы“». По мнению президента, этот союз «только укрепит возможности и позиции России в её экономическом повороте к „новой Азии“, а поэтому необходимо „поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока“»¹⁵. Можно предположить, что это «единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока» (в разных трактовках то ли европейское, то ли евразийское)¹⁶ стало негласным приоритетом Кремля в экономике, так же как его акцент на страны СНГ в политике. Закономерно, что Концепция внешней политики РФ 2013 г. объявила Россию «неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации», а её основной задачей в отношениях с Европейским союзом провозгласила «продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана»¹⁷.

Логическая цепочка рассуждений приводит к двум умозаключениям, которые имеют непосредственное отношение к содержанию российской политики на востоке страны и формированию китайской политики России. Первое: Тихоокеанская Россия — это часть европейского, а не азиатского экономического пространства. Этот вывод полностью подтверждается нынешней ориентацией внешнеэкономических связей страны, которая, однако, всё более вступает в противоречия с интересами и экономической ориентации восточных районов

России¹⁸. Второе: подключение Китая к развитию Тихоокеанской России как части европейского экономического пространства крайне сомнительно, если не невозможно, так как это будет сопряжено с огромным количеством препятствий и проблем, обусловленных уже существующими системой и масштабом отношений КНР с ЕС¹⁹. В конечном итоге, события первой половины 2014 г., политика Евросоюза в отношении России убедительно доказывают иллюзорность идей политического руководства страны на предмет равноправных отношений с ЕС и готовности Брюсселя принять Россию как посредника в его отношениях с Азией. Однако отказаться от этой заманчивой идеи непросто.

При всём этом президенту и правительству приходится учитывать, что восточный сегмент этого пространства (территория Дальнего Востока и Забайкалья) на сегодняшний день мало приспособлен для решения столь высоких задач. В той же степени он не готов выполнять функцию плацдарма для интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, если, опять же, считать целью создание единого экономического пространства Россия — АТР, а не тривиальную транспортировку российских энергоресурсов в Азию.

Первое и главное препятствие — социально-экономическая неразвитость Тихоокеанской России. Это обстоятельство не раз обсуждалось на заседаниях Госсовета, Совета безопасности, правительства России, посвящённых обстановке на востоке страны. Более десяти лет назад, в ноябре 2002 г., президент страны признал, что существующие на Дальнем Востоке «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере» «ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион»²⁰. За прошедшее время если что и изменилось, то только в худшую сторону. По условиям и комфортности жизни регион всё больше отстаёт как от остальной России, так и от соседних территорий Японии, Южной Кореи и Китая. Следствием такого отставания является неуклонное сокращение численности его населения. Катастрофическое в 1990-е гг., оно продолжается и сегодня²¹ и не компенсируется миграционным притоком извне (преимущественно из районов Центральной Азии).

Не меньшим вызовом для России считается потенциальная угроза утраты этой территории и, соответственно, сохранения целостности

российского государства, что преимущественно и подвигло руководство страны на принятие кардинальных решений. «Стратегическое партнёрство» с Китаем и характер отношений между политическим руководством двух государств не позволяют руководству России открыто кивать в сторону потенциального, с его точки зрения, источника угроз, однако многочисленные алармистские публикации²², сорвавшиеся с неосторожных губ политиков высказывания (здесь достаточно вспомнить перлы В.В. Жириновского по поводу Китая и китайцев), изучение общественного мнения и скорость реализации целого ряда российско-китайских договорённостей однозначно указывают на объект, от которого ждут неприятностей в России. «Опасения России в отношении Китая труднопреодолимы», — констатирует Ли Синь²³.

В результате самой актуальной задачей на восточных окраинах страны, решением которой сегодня озабочена Москва, является отнюдь не кардинальный подъём уровня их социально-экономического развития, хотя именно в этом пытается убедить население региона и, возможно, саму себя центральная власть. Похоже, что она смирилась и с безуспешностью попыток увеличить численность населения региона. Сегодня во главу угла поставлены более прочная привязка этой территории к центру (через модернизацию его транспортной инфраструктуры, прежде всего Транссиба и БАМа) и ускоренное освоение и продажа за рубеж природных ресурсов, которыми она обладает.

Именно в таком духе сформулированы цели и задачи программы развития региона до 2025 г., инициированной новым руководством Министерства по делам Дальнего Востока осенью 2013 г. и утверждённой решением правительства 15 апреля 2014 г. По-прежнему декларируя высокие цели — «ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона, ориентированное на реализацию экспортного потенциала», — государство, исходя из предложенной в проекте модели, берёт на себя решение только двух задач. Первая — создание «территорий ускоренного экономического развития» (ТОР), куда, как по мановению волшебной палочки, должен устремиться российский и зарубежный капитал, массово создавая там «производства, ориентированные на экспорт». Вторая — модернизация транспортной инфраструктуры региона, прежде всего Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей и морских портов, через которые и пойдёт этот экспорт²⁴.

Предложенный проект программы фактически означает отказ государства от трёх «священных коров» советского и постсоветского периода: 1) идеи «комплексного развития Дальнего Востока» в пользу обособленных «территорий опережающего развития»; 2) обязательств по финансированию этого развития; 3) попыток сплошного заселения региона «соотечественниками» из европейской России и стран СНГ. По крайней мере задача «развития человеческого капитала» в этом проекте обосновывается не более чем необходимостью кадрового обеспечения программы и контролируется через выполнение таких показателей, как количество созданных рабочих мест (426,81 тыс.) и прибывших переселенцев (853,75 тыс. чел.)²⁵. Национальность переселенцев не оговаривается, так что на практике это могут быть граждане Украины, Узбекистана или Китая. Сколько из этих прибывших останется на постоянное жительство и сколько коренных жителей за это время покинут регион, авторы программы предпочитают не загадывать.

Теоретически модернизация портов и железных дорог может рассматриваться как укрепление интеграционного потенциала региона, в той же степени как строительство на его территории нефте- и газопроводов. Однако это не предполагает развития восточных районов России с точки зрения превращения их в пригодную для комфортной жизни и привлекательную для людей территорию.

Сложной и пока нерешённой проблемой остаётся поиск инвесторов, готовых серьёзно вложиться в развитие региона. Ранее, декларируя политику поддержки привлечения иностранных инвестиций для развития Сибири и Дальнего Востока, центральная и местная власти в реальности мало что делали для этого. Особо настороженным было отношение к китайским вложениям в регион. Не случайно сами китайцы глубоко убеждены, что россияне по меньшей мере с осторожностью относятся к привлечению крупных китайских инвестиций и рабочей силы, опасаясь «установления экономического и политического контроля Китая над этими территориями»²⁶. Сегодня отношение начинает меняться. Первым шагом на этом пути стало создание в июне 2012 г. Российско-китайского инвестиционного фонда (РКИФ)²⁷. Но до реального прогресса всё же, как мне кажется, достаточно далеко²⁸. Создание ТОРов призвано, по словам Министра по делам Дальнего Востока А. Галушки, обеспечить «глобальную международную конкурентоспособность, условия инвестирования,

ведения бизнеса на Дальнем Востоке России в сравнении со странами АТР»²⁹, но в какой степени эти идеи будут реализованы, может показать только время.

Второе препятствие для продвижения России на восток — размытое понимание, а зачастую отсутствие понимания вообще, что такое интеграция в АТР. Более того, Концепция внешней политики РФ 2013 г. декларирует лишь «заинтересованность» России «в активном участии в интеграционных процессах» в регионе и только. А поскольку нынешние «интеграционные процессы» на данной территории — это движение преимущественно хаотичное, противоречивое и во многом безрезультатное, то и российская «интеграция» становится скорее формой, чем содержанием, сводясь к расширению экономического и политического присутствия России в АТР.

И, наконец, третье препятствие — это по-прежнему неопределённая позиция правительства страны в отношении вовлечения Китая в развитие Тихоокеанской России. Призыв президента страны «поймать „китайский ветер“ в „паруса“ нашей экономики», активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, и, наконец, использовать китайский потенциал «в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока»³⁰, по большому счёту, проигнорирован. Возможно, потому, что президент призывал это делать «с умом», а ум у российской политической элиты настроен на иную волну.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ И НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В принципе, о важности приграничных и межрегиональных связей в российско-китайских отношениях уже исписаны горы бумаги. Почти ни один саммит на уровне президентов и глав правительств двух государств не обходился без соглашений или как минимум деклараций о важности развития тех или иных направлений такого взаимодействия. В основе всего этого лежали интересы и инициатива региональных властей (прежде всего на китайской стороне границы), понимание и поддержка (преимущественно на уровне теории)

со стороны Москвы и Пекина. Но при этом очевидным оставалось отсутствие у обеих столиц острой необходимости принимать кардинальные решения и предпринимать конкретные действия. Непреодолимым барьером оставались бюрократические препоны (прежде всего возводимые различными силовыми структурами) и психологические препятствия (синдром «китайской угрозы» и фактор цивилизационной совместимости).

По формальным основаниям (наличие целого ряда российско-китайских договорённостей о сотрудничестве в зоне совместной границы, самой известной из которых является соглашение о координации программ развития соседних территорий 2009 г.) можно было бы очень пространно рассуждать о разных видах, результатах и неудачах этого взаимодействия. Однако жизненный опыт российско-китайских отношений показывает, что намерения и декларации сторон лишь в малой степени подкреплены практикой повседневности. Как я уже не раз отмечал, межрегиональные связи в значительной степени развиваются стихийно, далеко не всегда вписываются в схему стратегического партнёрства и создают немало проблем их участникам. Более того, региональные власти как с российской, так и с китайской стороны регулярно и сознательно искажали картину и результаты приграничного сотрудничества, так что сегодня Москва и Пекин имеют не совсем адекватные представления о подлинном его состоянии³¹.

Тем не менее по ряду формальных показателей экономические и гуманитарные связи соседних российских и китайских территорий, с одной стороны, занимают важное место в двусторонних отношениях, с другой — имеют критически важное значение для самих этих территорий.

В 2010 г. доля пяти территориально близких к России провинций и автономных районов Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия, Синьцзян) в общем объёме торговли страны с Россией составила 30% (16,65 млрд долл.)³². В 2012 г. на Россию пришлось 56,3% внешнеторгового оборота пров. Хэйлунцзян, а на россиян — 78,5% (1,5 млн чел.) от общего числа иностранных туристов, посетивших эту провинцию³³. Российские туристы составили в том же году 36,7% (556 тыс. чел.) от числа иностранных туристов во Внутренней Монголии и 31,7% (320 тыс. чел.) — в пров. Цзилинь, заметно содействуя экономическому развитию этих территорий³⁴.

Закономерно, что власти, деловые и академические круги этих провинций, прежде всего Хэйлунцзяна и Цзилини, настойчиво ищут и предлагают российской стороне разнообразные пути и средства развития двусторонней торговли, туризма, инвестиционного и научно-технического взаимодействия. Многие действия предпринимаются в одностороннем порядке, на территории Китая, примыкающей к границе с Россией, в надежде, что, осознав выгоду от сотрудничества, российская сторона будет подключаться к участию в китайских инициативах. Последним таким проектом является заявка пров. Хэйлунцзян на учреждение «Интегрированной зоны свободной торговли Харбин — Муданьцзян». По утверждению вице-губернатора провинции Сунь Яо, главной целью её создания является дальнейшее развитие китайско-российского сотрудничества с последующим его распространением на Южную Корею, Японию и другие страны СВА³⁵.

В начале второго десятилетия XXI в. большие надежды, особенно с китайской стороны, возлагались на соглашение о координации планов Кремля по развитию Дальнего Востока и Забайкалья и программы восстановления промышленной базы Северо-Восточного Китая. Пассивность сторон, главным образом, российской, в выполнении соглашения понуждала высшее руководство двух государств напоминать друг другу о важности проекта. Так, «Совместное заявление», принятое по итогам саммита глав двух государств в марте 2013 г., предполагало «наращивание... усилий по выполнению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР»³⁶. Однако за четыре года реализации программы из 204 проектов с участием России были полностью реализованы только 8 (0,04%), находятся в стадии выполнения 29 (14,2%)³⁷.

Если исходить из формальных показателей, то приграничные территории России имеют меньшее значение в двусторонних отношениях, чем их китайские соседи. Пять пограничных с Китаем районов России (Приморский, Хабаровский и Забайкальский края, Амурская и Еврейская автономные области) в 2010 г. получили от торговли с КНР сумму почти в три раза меньшую, чем соседи по другую сторону границы — на 5,9 млрд долл. (10,6% двусторонней торговли), а в 2013 г. на 8,8 млрд долл. (9,9% торговли РФ с КНР)³⁸. Возможно, это обстоятельство, как и малый вес этих территории в экономике, политике и общественной жизни российского государства напрямую сказываются на отношении Москвы к приграничной торговле с КНР.

Однако связи с Китаем играют в их экономической и социальной жизни крайне важную роль и, по большому счёту, в немалой степени обеспечивают экономическую и социальную стабильность на этих территориях. Китайское направление занимает доминирующий сегмент во внешнеторговых связях Забайкалья (86,5% в 2012 г. и 81% в 2013 г.), Амурской (90 и 86,7%) и Еврейской автономной (98,7 и 82,3%) областей, заметную — во внешней торговле Приморского (49,8 и 52,2%) и Хабаровского (43,3 и 46,4%) краёв. Не менее значимым является социальный фактор. Из 1,5 млн россиян, побывавших в 2011 г. в КНР по линии туризма, на долю жителей пяти приграничных с Китаем территорий Тихоокеанской России пришлось без малого 70% (1,03 млн чел.)³⁹. При этом численность населения этих пяти территорий составляла 5,5 млн чел., а немалое число «туристов» по-прежнему посвящает свои поездки коммерции или, по крайней мере, совмещает эти занятия.

Обстоятельства последних месяцев в очередной раз дают основания предположить, что власти обоих государств готовы обратить самое пристальное внимание на громадный, но неиспользованный потенциал их приграничного сотрудничества. Усиление давления Запада на Россию, вызванное событиями на Украине, окончательно развеивает иллюзии российской политической элиты и общества на предмет заинтересованности США и Европы в равноправном сотрудничестве с Россией и фактически толкает её на восток. У России нет альтернативы расширению и углублению взаимодействия со странами Азии (прежде всего с Китаем и Индией) не только в борьбе за установление нового мирового порядка, но и в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества.

С другой стороны, усилившееся в последнее время давление на Китай со стороны США, обострение отношений с соседями (Япония, Вьетнам) побуждают и Пекин углублять взаимодействие с Россией по разным направлениям. Внутренняя социально-политическая стабильность России и Китая в значительной степени будет зависеть от их способности модернизировать это сотрудничество, причём не столько через расширение торгово-экономических связей, сколько посредством более эффективного использования своего интеллектуального капитала, достижений науки и образования. С этой точки зрения подписанное по итогам Шанхайского саммита 2014 г. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Рес-

публики»⁴⁰ чего-то принципиально нового в себе не несёт. Шаблонные заявления о необходимости «активно развивать межрегиональное сотрудничество», «усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры»⁴¹, «конструктивное взаимодействие по вопросам охраны и рационального использования трансграничных водных ресурсов» и прочее особых эмоций не вызывают. Более свежо звучат намерения «активно прорабатывать проекты строительства новых объектов электрогенерации в России для наращивания экспорта электроэнергии в Китай», «стимулировать существенный рост взаимных капиталовложений, в том числе в объекты транспортной инфраструктуры, комплексное освоение месторождений полезных ископаемых». Многообещающим, но очень непростым выглядит намерение сторон «улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути».

Последние два фактора мне кажутся наиболее принципиальными. Неразвитость инфраструктуры Тихоокеанской России, как внутренней, так и внешней, связывающей регион с окружающим миром, является камнем преткновения в его развитии. Глубокая заинтересованность провинций Северного и Северо-Восточного Китая в полномасштабном выходе к океанским торговым трассам, в том числе к Северному морскому пути, создаёт хорошие стартовые основы для взаимодействия России и Китая на этом направлении. При этом спектр решений может быть очень разнообразен: от создания короткого транспортного «плеча» Хуньчунь — порт Посыет до реализации пока футуристического, но амбициозного трансконтинентального железнодорожного проекта Азия — Америка, который активно в последнее время продвигает Якутия и поддерживает глава РЖД В. Якунин⁴². Однако местные амбиции, узконаправленные пристрастия собственников (к примеру, многие из владельцев портовых сооружений Тихоокеанской России находятся очень далеко и от дальневосточных морей, и от Китая), конфликты интересов серьёзно усложняют решение этих задач.

Китайские эксперты уверены, что Китай является не только «партнёром, попутчиком и посредником» при продвижении России в АТР, способен облегчить России интеграцию в этот регион⁴³, но может стать его главным инвестором и «локомотивом ускоренного развития Дальнего Востока»⁴⁴. При этом крупные китайские инвестиции

стратегического характера могут обеспечить прорыв в привлечении капиталов других государств региона, прежде всего Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, в экономику Тихоокеанской России. С одной стороны, пример заразителен, с другой — очевидное стремление соседей России не допустить экономического доминирования Китая в восточных районах должно побудить и их к активным шагам в этом направлении. Однако такие инвестиции в Россию явно не пойдут без гарантий со стороны российского государства и без его целенаправленной борьбы с разнузданной бюрократией и всеилием министерств и ведомств.

Принципиально важным для России и Китая является и переход от пустых разговоров о «кооперации в высокотехнологичных секторах» и «углублении связей в области науки и техники» к фактическому взаимодействию. В КНР уже созданы приборная и технологическая основы и интеллектуальная среда для равноправного и эффективного взаимодействия с российской фундаментальной наукой. Как утверждают китайские специалисты, Китай уже совершил прорыв в ряде базовых технологий, обладает немалой интеллектуальной собственностью и может на равных сотрудничать с Россией в таких областях, как космонавтика, нанотехнологии, энерго- и природосбережение, биомедицина, информационные технологии и военная техника⁴⁵. Так что поставленная в «Совместном заявлении» 2014 г. задача «совместных перспективных разработок, предполагающих равнозначный финансовый и научно-технический вклад, полный инновационный цикл, надёжную защиту прав интеллектуальной собственности», в принципе, может быть решена. Правда, большой негативный опыт, накопленный многими научными институтами Сибирского и Дальневосточного отделений РАН в ходе взаимодействия с китайскими коллегами в течение последних двадцати лет, забыть не просто, а посему, как мне кажется, необходимо специальное двустороннее соглашение, создающее правовое поле и безопасную среду для научно-технического сотрудничества двух государств.

Однако высказанные выше соображения вполне могут оказаться и пустым звуком. От чрезмерной эйфории в отношении развития российско-китайских приграничных и региональных связей должен удерживать хотя бы тот факт, что в Программе социально-экономического развития Дальнего Востока до 2018 г. Китай упоминается лишь несколько раз, да и то только в связи с реконструкцией

двух железнодорожных веток, ведущих к границе. Попытки некоторых местных предпринимателей реализовать собственные проекты по-прежнему наталкиваются на непонимание и противодействие властей на всех уровнях.

Возможной точкой прорыва может стать крупный международный проект, защищённый явно выраженной политической волей глав двух государств, к примеру, создание крупной научно-технологической и портовой свободной экономической зоны на юге Приморского края. Опыт современной России показывает, что на нынешнем этапе её развития для решения действительно фундаментальных и принципиальных задач необходим личный патронаж со стороны главы государства. Развитие Тихоокеанской России и полнокровное участие в этом Китая является именно такой фундаментальной и принципиальной задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия в своём продвижении на Восток прежде всего может и должна ориентироваться и опираться на Китай. Причина очевидна: интересы двух государств во многом тождественны не только в контексте формирования нового мирового порядка, принципиально новой системы безопасности в АТР, решения ключевых вопросов глобального развития и конкретных проблем в разных точках мира. Они в равной степени совпадают в обеспечении стабильного социально-экономического развития соседних территорий двух государств. При этом зоны общих интересов сегодня не ограничиваются приграничными территориями. Они значительно шире. Гигантские по масштабам нефтяная и газовая сделки, освоение Северного морского пути вовлекают в это взаимодействие огромные территории. Соответствующим образом идеи стратегического партнёрства России и Китая должны быть аккуратно встроены в ныне создаваемые принципиально новые концепции развития Тихоокеанской России и дополнены и существенно расширены новыми формами и моделями двусторонних отношений.

Интеграционные связи, уже сложившиеся в российско-китайских приграничных связях, могут быть эффективно использованы как одна из основ для решения более масштабных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- ² Титаренко М.Л. Россия и её азиатские партнёры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 241.
- ³ 李永全. 中俄在东北亚合作前景广阔 (Ли Юнцюань. Широкие перспективы китайско-российского сотрудничества в Северо-Восточной Азии) // 西伯利亚研究. 2013. № 5. С. 6.
- ⁴ Александрова М.В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: «Огни», 2005; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 210—270; Портяков В.Я. Российско-китайские торгово-экономические связи // Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2005. С. 325—328; Цыплаков С. Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъём // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 52—68 и др.
- ⁵ 王高峰. 中俄经贸关系:现状、制约因素、发展前景 (Ван Гаофэн. Китайско-российские отношения: современное состояние, сдерживающие факторы, перспективы развития) // 西伯利亚研究. 2005. № 3. С. 10—11; 王树春. 经济外交与中俄关系 (Ван Шучунь. Экономическая дипломатия и российско-китайские отношения) // 北京: 世界知识出版社, 2007. С. 176—187; Дяо Сюхуа. Состояние и перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 51—54; 尚玉芳. 中俄经贸关系的现状及制约因素分析 (Анализ состояния и факторов, ограничивающих китайско-российские торгово-экономические отношения) // 中俄关系的历史与现实 (第二辑) (История и современное состояние китайско-российских отношений (вып. 2)). 北京: 社会科学文献出版社, 2009. С. 599—606.
- ⁶ 赵华胜. 中国崛起对俄罗斯是威胁吗? (Чжао Хуашэн. Подъём Китая — угроза для России?) // 国际问题研究. 2013. № 2. С. 33.
- ⁷ Использую это выражение без доли иронии, поскольку это движение продолжается уже без малого четыре столетия и фактически являлось одним из ключевых элементов развития российского государства.
- ⁸ Путин В.В. Выступление в Министерстве иностранных дел 26 января 2001 г. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2001/01/26/0000_type63378_28464.shtml.
- ⁹ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.
- ¹⁰ Как утверждает автор одной из последних монографий об азиатско-тихоокеанской политике России Лю Цинцай, «Россия — это значимое государство в АТР и имеет там важные интересы в области политики, экономики, безопасности и культуры». См.: 刘清才. 21 实际初俄罗斯亚太政策研究 (Лю Цинцай. Изучение политики России в АТР в начале XXI в.). 北京: 社会科学出版社, 2013. С. 1.
- ¹¹ Подробнее см.: Ларин В.Л. «Горячие точки» российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. ХУ. Востоковедение. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 5—23.

- ¹² Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
- ¹³ 习近平在莫斯科国际大学的演讲 (Речь Си Цзиньпина в МГИМО). 23 марта 2013 г. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1024371.shtml.
- ¹⁴ 郭力. 俄罗斯东北亚战略平息 (Го Ли. Анализ стратегии России в Северо-Восточной Азии) // 俄罗斯中亚东欧研究. 2006. № 3. С. 52; Nakamada Shigeki. Resurgence of Major-power Ambitions and Changes in Russia's Foreign Policy // Russia's Shift toward Asia / ed. by Hiroshi Kimura. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 11.
- ¹⁵ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // «Моск. новости». 2012. 27 февр.
- ¹⁶ Идею экономически единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» В.В. Путин — в те времена глава правительства России — впервые озвучил в статье для немецкого издания «Зюддойче цайтунг» (Putin W. Plädoyer für Wirtschaftsgemeinschaft — Von Lissabon bis Wladiwos // Süddeutsche Zeitung. 2010. November, 25). Два года спустя он трактовал его как «единое евразийское экономическое пространство: от Лиссабона до Владивостока» (Пресс-конференция по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. 24 октября 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19485>).
- ¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>. Этот приоритет зафиксирован во всех Концепциях внешней политики Российской Федерации, утверждавшихся в 1993, 2000, 2008 и 2013 гг. В Концепции 2013 г. в перечне региональных приоритетов России Азиатско-Тихоокеанскому региону отводится пятое место, следом за СНГ, Европой, США, Арктикой и Антарктикой.
- ¹⁸ На долю Европейского Союза приходилось в 2013 г. 49,4%, а в 2012 году — 48,7% внешней торговли РФ (Внешняя торговля Российской Федерации в 2013 г. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4676187130291150::NO>), в то время как в структуре внешнеэкономических связей ДВФО доля ЕС составила в 2013 г. только 14,2%, а стран СНГ — 0,8%. 84,8% стоимости внешнеторгового оборота региона пришлось на страны АТЭС (Обзор внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона за 2013 год // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 14—15).
- ¹⁹ Объём двусторонней торговли между Китаем и ЕС составил в 2013 г. 559 млрд долл. (Таможенная статистика URL: <http://www.customs.gov.cn/tabid/2433/InfoID/690424/frtid/49564/Default.aspx>).
- ²⁰ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/11/27/0003_type63374type63378_29588.shtml.
- ²¹ С 1990 по 2014 г. число жителей Дальневосточного федерального округа сократилось на 22,6% (с 8,05 млн до 6,22 млн чел.), в том числе за 2007—2013 гг. — на 283 тыс. чел. (4,3%) (Миграция населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 286. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/prPopul.xls).
- ²² Достаточно упомянуть заголовки только одной подобной статьи, чтобы понять логику и аргументацию авторов: «Китай нападет на Россию с вероятностью

- 95%—99%. Вопрос: когда? Эксперт А. Храмчихин». URL: <http://russview.ru/read/638-kitaj-napadet-na-rossiyu-s-veroyatnostyu-95-99.html>.
- ²³ 李新. 俄罗斯西伯利亚和远东开发与中国的机遇 (Ли Синь. Развитие российских Сибири и Дальнего Востока и шансы Китая) // 西伯利亚研究. 2013. № 6. С. 34.
- ²⁴ Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». С. 1—4. URL: <http://minvostokrazvitiya.ru/>.
- ²⁵ Там же. С. 3.
- ²⁶ Чжао Хуашэн. Подъём Китая... С. 33. Некоторые западные эксперты уже прямо указывают на существование такого контроля. К. Bolton, например, пишет, что Китай уже «тайно вступает во владение русским Дальним Востоком посредством коммерции» (Bolton K.R. *Russia and China. An Approaching Conflict* // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2009. Summer. Vol. 34. No. 2. P. 168), а С. Бланк — об угрозе для России превратиться в «разновидность колониального сырьевого придатка Китая» (Blank St. *Russia's Failure in Asia* // *UNISCI Discussion Papers* 24. Oct. 2010. P. 64).
- ²⁷ Создан на основе совместного решения Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) и China Investment Corporation. По версии руководства РФПИ, этот фонд должен будет «фокусироваться на трансграничных инвестициях... намерен инвестировать в инфраструктуру, транспортный сектор и коммунальное хозяйство, недвижимость, сельское хозяйство, лесопереработку, сектор коммерческих услуг, промышленное производство, технологический, телекоммуникационный и медийный секторы, здравоохранение, добычу и переработку природных ресурсов с высокой добавленной стоимостью и прочие секторы, предполагающие высокую доходность с поправкой на риск».
- ²⁸ За два прошедших года фонд отметил только лишь приобретением 42% акций RFP Group (Russian forest products group), крупнейшего российского холдинга в сфере лесного хозяйства на Дальнем Востоке России (более 10% и 15% российского экспорта лесопроductии в Китай и Японию). Предполагается, что эти инвестиции «будут направлены в компанию для строительства самого мощного в регионе Центра глубокой переработки древесины» (см.: <http://rdif.ru/fullNews/463/>). 20 мая 2014 г. фонд подписал два соглашения с китайскими компаниями. Первое — меморандум о взаимопонимании с компанией Vcanland с целью создания совместного инвестиционного фонда размером 800 млн долл., который «сфокусируется на проектах в области туризма и ухода за пожилыми людьми в Китае и России с упором на такие популярные туристические направления, как о. Хайнань, озеро Байкал, Владивосток и Сочи» (см.: <http://rdif.ru/fullNews/947/>). Второе соглашение подписано с холдингом Global Logistic Properties (GLP) — ведущим провайдером объектов логистической инфраструктуры в Японии, Китае и Бразилии — об инвестировании в его китайское подразделение (см.: <http://rdif.ru/fullNews/945/>).
- ²⁹ Совещание правительства о механизмах опережающего развития Дальнего Востока. 2 июля 2014 г. URL: <http://government.ru/news/13505>.
- ³⁰ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // «Моск. новости». 2012. 27 февр.
- ³¹ Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 149.

- ³² Лю Цинцай. Изучение политики России... С. 62.
- ³³ 黑龙江统计年鉴 2013 (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2013 г.). 北京: 中国统计出版社, 2013. С. 160—163, 515.
- ³⁴ 内蒙古统计年鉴 2013 (Ежегодник автономного района Внутренняя Монголия за 2013 г.). 北京: 中国统计出版社, 2013. С. 430; 吉林统计年鉴 2013 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь). 北京: 中国统计出版社, 2013. С. 424.
- ³⁵ URL: <http://news.dlcm.com/2014/02/27/022709071056579.shtm>.
- ³⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.
- ³⁷ Yang Cheng. State-Managed Integration Functioned as a Contributor to Regional Development: The Case of Program of Cooperation Between the Northeast of the People's Republic of China and the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation (2009 to 2018) — Unpublished paper presented at Inaugural Conference on “Developing Asia Pacific's Last Frontier: Fostering International Cooperation in the Development of Russia's Siberia and Far East”. Singapore. December 16—18, 2013.
- ³⁸ Здесь и далее посчитано на основе официальной статистики Дальневосточного таможенного управления (<http://dvtu.customs.ru>).
- ³⁹ 293 тыс. поездок в КНР по безвизовому каналу было совершено из Забайкальского края (при населении края 1,1 млн чел.), 69 тыс. — из Амурской обл., 582 тыс. — из Приморского и 60 тыс. — из Хабаровского краёв, 29 тыс. — из ЕАО.
- ⁴⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/164.
- ⁴¹ В это заявление вполне вписываются запланированные в проекте Программы социально-экономического развития Дальнего Востока до 2018 г. реконструкция участков железной дороги Биробиджан — Ленинск (необходимого для железнодорожного мостового перехода через р. Амур, который строится по российско-китайскому межправительственному соглашению от 28 октября 2008 г.) и Барановский — Хасан (перевозка грузов в направлении порта Посыет), а также развитие железнодорожной инфраструктуры участка Махалино — Камышовая — Госграница с КНР (Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/c31/fcp480update.pdf>. С. 20—21).
- ⁴² Из России в Америку по рельсам // Взгляд. Деловая газета. 2012. 15 марта.
- ⁴³ 邢广程. 俄罗斯亚太战略和政策的新变化 (Син Гуанчэн. Новые изменения в стратегии и политике России в АТР). 国际问题研究. 2012. № 5. С. 114.
- ⁴⁴ 馬友君. 普京归国后俄罗斯远东政策探析 (Ма Юцзюнь. Анализ дальневосточной политики России после возвращения Путина) // 第六届东北区域合作发展国际龙潭 (Материалы Шестой международной конференции по развитию регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии). 哈尔滨. 2013. С. 232.
- ⁴⁵ 陆南泉. 中俄应把良好的政治氛围转化为务实合作 (Лу Наньцюань. Китай и Россия должны обратить благоприятную политическую атмосферу в практическое сотрудничество) // 西伯利亚研究. 2013. № 5. С. 12.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

●

В начале XXI в. правительства России и КНР предприняли очередные попытки поднять уровень социально-экономического развития своих сопредельных территорий посредством модернизации их экономических структур. Именно на это были нацелены программы развития Дальнего Востока и модернизации старой промышленной базы Северо-Восточного Китая. Больших успехов эти действия не принесли. Начало второго десятилетия этого века ознаменовано запуском «в производство» новых проектов, предполагающих активное участие соседей. С китайской стороны — это концепция «Экономического пояса Шёлкового пути», в которую усиленно пытаются вписаться приграничные с Россией территории — Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия, делая при этом акцент на выход на сибирские рынки и дальневосточные порты. Российская сторона делает ставку на создание территорий опережающего экономического развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) как инструментов для привлечения российских и иностранных (прежде всего восточноазиатских) капиталов и технологий в целях развития восточных районов страны и создания там платформы для интеграции России в АТР. Участию Китая в этих проектах придается важное значение¹. В конце 2015 — начале 2016 г. большой популярностью стал пользоваться концепт «Большой Евразии», и хотя восточный сегмент континента (Восточная Азия в традиционном толковании) в нынешней её версии практически выпадает, обращение к этому региону — дело близкого будущего.

Отталкиваясь от опыта развития приграничья в последние два десятилетия и рассматривая вышеупомянутые проекты не столько как экономические, сколько как (гео)политические и управленческие решения, автор ставит своей целью оценить их последствия их «со-исполнения» для восточной части Евразии, возможности их координации, векторы «сопряжения» и влияния на российско-китайское трансграничье.

* Опубликовано в журнале: Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. С. 69—81.

СОСТОЯНИЕ ТРАНСГРАНИЧЬЯ*: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ

Для начала необходимо отметить две важные черты современного состояния российско-китайского трансграничья. Первая — его вес в общем массиве российско-китайских отношений, наиболее заметный в сфере торговли и гуманитарного обмена. В 2014 г. на долю трёх приграничных с Россией территорий КНР пришлось 28% двусторонней торговли и 90% въехавших в страну россиян². Вес пяти приграничных территорий России в торговле РФ с КНР существенно меньше: 7,1% в 2014 г. и 8,2% в 2015 г.³, но в сфере гуманитарного обмена практически равноценен.

Главные игроки в транграничном экономическом пространстве — пров. Хэйлунцзян с китайской стороны и Приморский край — с российской, причём китайский игрок заметно мощнее и результативнее. Не без помощи центрального правительства провинция стала посредником в торговле с Россией для многих территорий Китая. В 2014 г. на долю Хэйлунцзяна пришлась четверть (24,5%) товарооборота между КНР с Россией и львиная доля (86%) объёма торговли с Россией трёх приграничных провинций⁴.

С российской стороны таких посредников нет, хотя через Приморский край (по причине его географического положения и развитых пунктов пограничного пропуска) также проходит немалая часть межрегиональной торговли Тихоокеанской России (далее: ТР). Доля Приморского края в российско-китайском товарообороте в 2014 г. составила 4,5%, а в 2015 г. — 5,4% (четырёх других территорий трансграничья — 2,6 и 2,8%), но почти две трети (63 и 65% в 2014—2015 гг.) торговли с Китаем приграничных территорий и 27—35% — всей Тихоокеанской России. Вторым крупным игроком на этом поле является непограничная Иркутская обл. (21 и 25% торговли ТР с Китаем и 3,4—3,8 % объёма российско-китайской торговли в 2014—2015 гг.)⁵.

Значение этих территорий ещё более заметно в сфере гуманитарного (в значительной степени оформляемого по линии туризма) обмена. По китайским данным, автомобильным транспортом и по воде

* Расшифровку понятия «российско-китайское трансграничье», содержащуюся в статье, см. в предисловии к монографии.

(т.е. преимущественно через приграничные территории России) в 2014 г. прибыли в Китай 1,4 млн россиян (1,06 млн и 317 тыс. соответственно), т.е. 68%⁶. Если к этому присовокупить немалое количество путешественников, которые попадают в Китай авиарейсами из Владивостока и Хабаровска, то окажется, что не менее 80% всех россиян в Китай прибывают из сопредельных с ним территорий. Россию в том же году посетили 1,13 млн граждан КНР, в том числе 409 тыс. — в качестве туристов. Свыше 280 тыс. туристов (70%) избрали целью своего путешествия российское приграничье⁷.

Вторая характерная черта — переплетение интересов населения российских и китайских приграничных территорий в экономической и социальной сфере. Благополучие этого населения в немалой степени зависит от характера и масштабов взаимодействия с соседями. По китайскую сторону границы это касается прежде всего пров. Хэйлунцзян и автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). В 2014 г. во внешней торговле Хэйлунцзяна на Россию пришлось 60%, Внутренней Монголии — 21%. Доля России в торговле пров. Цилинь, которая имеет с ней очень небольшую границу и только один пограничный переход (Хуньчунь), составила лишь 3,3%⁸. Туристы из России абсолютно доминируют в зарубежном туризме в пров. Хэйлунцзян⁹ и очень заметны в пров. Цилинь (31—34% от общего потока) и АРВМ (37—40% в 2013—2014 гг.)¹⁰, давая немалые доходы бюджету и работу жителям приграничных городов.

По российскую сторону границы в наибольшей степени завязаны на Китай Еврейская автономная область (почти 95% объёма внешней торговли в 2014 г. и 98% в 2015 г.), Забайкальский край (91 и 95%) и Амурская обл. (88 и 93%). Зависимость Приморского и Хабаровского краёв от экономических связей с Китаем заметно ниже, но и там она весьма ощутима (54% объёма внешней торговли первого и 43% — второго в 2015 г.). Экономическое взаимодействие создаёт сотни тысяч рабочих мест по обе стороны границы. Очевидно также, что санкции Запада и девальвация рубля, действие которых в 2015 г. заметно сказалось на объёмах внешнеэкономических связей России в целом и ТР в частности (объём торговли ДВФО с Китаем в 2015 г. сократился на 36,4%, а импорт из Китая — почти на 47%), ещё сильнее привязали приграничные территории России к КНР.

Анализ взаимодействия приграничных территорий России и КНР в течение трёх последних десятилетий приводит к однозначному

выводу о преимущественно стихийном характере их развития. Попытки руководить процессом предпринимались неоднократно. Подписывались двусторонние соглашения, где ставились задачи развития приграничного сотрудничества¹¹, создавались координационные органы на уровне центральной власти и региональных субъектов¹², после настоячивых увещеваний китайской стороны в 2009 г. было подписано соглашение о координации программ развития соседних территорий. Однако действия центральных и местных властей в отношении кросс-граничного взаимодействия носили скорее демонстрационный или ограничительный (борьба против челночной торговли, контрабанды, «серого импорта», нелегальной миграции), чем созидательный характер¹³, а фактический провал выполнения соглашения 2009 г.¹⁴ вообще поставил под вопрос способность центральной власти положительно влиять на кросс-граничное взаимодействие. Эмоционально, но точно оценил «заслуги» российской бюрократии И. Зуенко: «Делала ли для развития приграничного сотрудничества что-то российская сторона? В общем-то нет. И дело даже не в том, что действия властей неэффективны, а в том, что и у регионов, и у центра отсутствовала мотивация к развитию регионального сотрудничества с Китаем. Слова оставались на бумаге, а реальные дела не делались»¹⁵.

ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ И ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Во втором десятилетии XXI в. на политику Москвы и Пекина в отношении трансграничного взаимодействия между двумя странами оказали влияние несколько важных обстоятельств геополитического и экономического свойства.

Первое — политический конфликт в географическом треугольнике Украина — Аравийский полуостров — Центральная Азия, который заострил внимание Москвы и Пекина, в том числе экономическое, на этой части Евразийского континента и заставил изобретать новые инструменты для защиты и укрепления своих интересов в регионе. Особенно заметно эту тенденцию обозначили состоявшиеся в июле 2015 г. в Уфе саммиты ШОС и БРИКС. Стал оформляться в качестве главного (по крайней мере, на данном этапе) центрально- и южно-азиатский вектор российско-китайского взаимодействия; в нём всё

более выпукло обозначается роль республик Средней Азии и Монголии, сближение в формате Россия — Китай — Индия, соучастие России и Китая в разрешении острых проблем Юго-Западной Азии (Афганистан, Сирия, Ирак). Одновременно китайское руководство усилило своё внимание к западным районам страны, параллельно решая стратегические задачи обеспечения их безопасности и формирования сухопутного выхода на западноевропейское и южно-азиатское экономические пространства и далее на африканский континент через строительство Экономического пояса нового Шёлкового пути (ЭПНШП). Фактически региональный акцент во внешней политике Пекина переносится с СВА на юго-западную часть Евразии.

Второе — изменение принципиального подхода Москвы к такому понятию, как «развитие Дальнего Востока и Забайкалья». Российское правительство чётко обозначило своё намерение ослабить прямое финансово-экономическое участие государства в развитии Тихоокеанской России, переложив ответственность за это на плечи местных властей, предпринимательских кругов страны и привлечение иностранного капитала. В этих целях был принят «целый ряд решений, связанных с созданием наиболее благоприятных условий для осуществления бизнеса в этих регионах нашей страны...», предоставлении бизнесу ряда преимуществ и льгот, «которыми будут наделяться те компании, которые собираются начинать своё дело на востоке нашей страны»¹⁶. Новая программа развития Дальнего Востока, создание территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток — прямое тому подтверждение.

В немалой степени изменение подхода связано с негативными прогнозами развития ситуации в Северо-восточной Азии. Пессимизм сторон в отношении СВА, с учётом которой обычно выстраиваются планы развития восточных районов России и Китая, сформировался под влиянием доминирующих там перманентных неопределённостей (ситуация на Корейском полуострове, территориальные споры, обострение японо-китайских отношений и др.). Эти неопределённости фактически похоронили надежды на воплощение идей регионализма в Северо-Восточной Азии и критическим образом заблокировали реализацию многих притягательных международных экономических проектов как в масштабе всей СВА, так и в более узких форматах.

Третье — почти одновременное появление в Москве и Пекине двух претенциозных проектов евразийской интеграции: российского

(Евразийское экономическое пространство — ЕАЭС) и китайского (Экономический пояс Шёлкового пути — ЭПШП). В России появление китайского конкурента было встречено поначалу без особого энтузиазма. Среди политологов, и без того априори ориентированных в сторону Европы, возникло и утвердилось представление о конкурентности проектов¹⁷. И дело не столько в борьбе за влияние Москвы и Пекина в Центральной Азии, о котором в последние десятилетия пишут немало, сколько в проблеме лидерства на Евразийском континенте в целом. Российских политологов настораживает сам факт подключения России к китайскому проекту, поскольку в таком случае Москва будет вынуждена играть роль не лидера, а ведомого в этом интеграционном процессе. Подлили масла в огонь и американские эксперты. Рупор американской внешней политики журнал *Foreign Affairs* предрёк, что «в случае успеха амбициозных планов Пекина, Китай станет главной движущей силой экономической и дипломатической интеграции в Евразии», оттеснив тем самым Россию на второй план¹⁸.

Лоббистская деятельность китайских учёных и политиков по продвижению инициативы Си Цзиньпина в российской столице, а также активная поддержка со стороны некоторых влиятельных российских экспертов позволили создать платформу для общей конструкции. Руководители КНР и России декларировали политическую поддержку идеи координации двух проектов, и их «сопряжение» было представлено как новый инструмент расширения и углубления сотрудничества. Совместное заявление глав двух государств от 8 мая 2015 г. зафиксировало намерение сторон продолжить «поиск точек сопряжения региональных экономических интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и „Экономического пояса Шёлкового пути“ в интересах обеспечения устойчивого экономического роста на евразийском пространстве»¹⁹. В июле 2015 г. во время Саммитов ШОС и БРИКС в г. Уфе и в сентябре этого года на первом Восточном экономическом форуме в г. Владивостоке президент России говорил о необходимости «сопрягать усилия» Москвы и Пекина в реализации проектов ЭПШП и планов Кремля по строительству ЕАЭС, более того, предлагал учитывать в этом российские проекты по развитию Транссиба и БАМа²⁰.

Тема «сопряжения» была внесена в повестку различных научно-практических и бизнес-форумов в Китае и России и породила как неоправданную эйфорию наиболее ретивых чиновников, так и скептические комментарии прагматичных учёных. При этом нынешние

сомнения исследователей проистекают уже не столько от неверия в интересы и способность китайского правительства вовлечь Россию в реализацию своих гигантских по масштабам проектов, сколько от сомнений в искренности намерений и реальной готовности российской власти и крупного бизнеса к участию в них. Политическая воля высшего руководства страны для многих из них не является императивом. На неё показным образом реагируют, но исполнять не торопятся. Тем не менее отмашка сверху дана, и недалёковидным поступком для любого представителя российской властной вертикали было бы игнорировать этот откровенный призыв к дальнейшему углублению российско-китайских отношений, пусть даже в несколько экзотическом формате «евразийского сопряжения». Тем более что эта поддержка явно обернётся не только различными политическими и налоговыми преференциями, но и масштабными финансовыми влияниями, по крайней мере, с китайской стороны.

Однако оборотной стороной увлечения «сопряжением» на западе стало ослабление внимания Москвы и Пекина к востоку — к тихоокеанскому побережью России и северо-восточным районам Китая. В опубликованных Госсоветом КНР разъяснениях инициативы «Один пояс, один путь» этим территориям отведена крайне незначительная роль: «улучшить железнодорожное сообщение Хэйлунцзяна с Россией, а также [развивать] сотрудничество Хэйлунцзяна, Цзилини, Ляонина с Дальним Востоком России в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки»²¹. Фактически в концепцию Нового Шёлкового пути механическим путём вложена задача, которую правители страны пытаются решить на протяжении последних полутора сотен лет: обеспечить пров. Хэйлунцзян и Цзилинь, а также Внутренней Монголии выход к портам Японского моря. Закономерно, что власти этих приграничных с Россией территорий пытаются аккуратно внедрить идею о приграничном взаимодействии с Россией в грандиозный проект евразийской экономической интеграции «Один пояс, один путь».

Идея «со-развития», получения положительного синергетического эффекта от использования потенциала зарубежного соседа регулярно поддерживается на уровне высшего руководства двух государств. В марте 2011 г. глава правительства РФ В. Путин утвердил план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.

В документе присутствует ряд конкретных мероприятий, призванных содействовать развитию российско-китайских приграничных связей²², в частности — обустройство и техническое оснащение пунктов пропуска через государственную границу и реализация Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. В декабре 2014 г. вице-премьер КНР Ван Ян в очередной раз подтвердил, что «Китай намерен активно участвовать в строительстве дальневосточной зоны развития и расширять взаимовыгодное сотрудничество с регионом, чтобы форсировать кросс-граничное социальное и экономическое развитие»²³. Настрой на такое сотрудничество демонстрируют приграничные территории России. В частности, Стратегия Забайкальского края до 2013 г., отталкиваясь от выгодного приграничного расположения края с постоянно растущим потенциалом „китайского фактора“, определяет основным приоритетом развития внешнеэкономических связей края приграничное сотрудничество с Монголией и Китаем²⁴.

Тем не менее притягательная идея не воплощается в конкретные действия. Происходит это во многом потому, что сама идея, как и ранее, остается крайне абстрактной. Есть задумка, но нет идеологии, нет адекватного видения всего региона Восточной Евразии, места в нём России и российско-китайского приграничья. Закономерно, что исполнение даже простейших решений вязнет в пучине согласований министерств и ведомств, упирается в разобщённость, неподготовленность и дезориентацию властей на региональном уровне. Очевидно, ни в рамках «сопряжения», ни в иных форматах крупных проектов российско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке нет и в обозримой перспективе не предвидится; с провалом попытки скоординировать программы развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России стороны практически смирились.

И тем не менее вопрос остаётся открытым: способно ли озвученное «сопряжение» работать в интересах восточных районов России и Китая? Сможет ли оно способствовать модернизации российско-китайских кросс-граничных и межрегиональных связей, которые давно уже требуют и новых стимулов к развитию, и современных форматов? Принципиальных условий для этого несколько. Среди главных — не только стабильность побудительных импульсов со стороны Москвы и Пекина, готовность крупного бизнеса двух государств

к инвестициям в экономику Северо-Восточного Китая и Тихоокеанской России, но и формирование самой идеологии параллельного развития этих двух огромных, традиционно периферийных, а сегодня претендующих на существенное повышение своей роли, статуса, значения и степени обустроенности и комфортности для жизни регионов России и Китая.

Если сегодня сама идея российско-китайского стратегического партнёрства обрела форму «сопряжения», то попробуем подтолкнуть мысль его российских и китайских теоретиков, естественно, отталкиваясь от интересов приграничных территорий двух государств. Будем исходить из предположения, что подобное скоординированное развитие способно дать положительный синергетический эффект для обеих сторон. В таком случае что необходимо для успеха этой политики помимо политической воли высшего руководства, повышенной активности интеллектуалов и ретивости отдельных чиновников?

Во-первых, их более точная геоэкономическая и геополитическая привязка. Целесообразно перевести идею «сопряжения» двух проектов в формат самостоятельного международного мегапроекта по согласованному развитию **северо-восточного сегмента Евразийского континента** — обширной территории от Синьцзяна и Корейского полуострова на юге до Северного Ледовитого океана и Берингова пролива на севере с выходом на пространство Северной Пацифики. Именно это пространство открывает широкие возможности не только в сфере экономической деятельности, но и обеспечения безопасности всего региона. Такой проект может стать реальной, а не эфемерной платформой модернизации стратегического партнёрства с проекцией на далекую перспективу.

Во-вторых, необходимы принципиально новые, более масштабные и перспективные подходы к конструированию единой инфраструктуры на Евразийском континенте. Не альтернативой, а продолжением ЕАЭС и ЭПШП могут стать международные мегапроекты, нацеленные создание трансконтинентального «моста» Азия — Америка, эффективное освоение ресурсов северо-восточной части Евразийского континента, зоны Арктики, включая развитие Северного морского пути, строительство меридиональных железнодорожных артерий по линии юг — север с выходом на Американский континент. «Шёлковый путь» в Европу и Африку должен быть дополнен реанимацией давних идей о построении сухопутного пути из Азии в Америку.

И если ЭПШП сам по себе мало что принесёт собственно Тихоокеанской России, то реализация второго — на сегодняшний день футуристического проекта — может многое дать как восточным районам России, так и Китаю.

На форуме во Владивостоке президент России В. Путин говорил о своем желании «сделать Северный морской путь конкурентным транспортным коридором глобального значения», а Владивосток — «мощным транспортным, а в перспективе и индустриальным узлом, ориентированным на потребности не только Дальнего Востока, но и всего АТР»²⁵. Чем не повод задуматься о возможности превращения свободного порта Владивосток в стыковочный узел Северного морского пути и Морского Шёлкового пути, инициированного председателем КНР?

В декабре 2015 г. министр РФ по развитию Дальнего Востока А. Галушка и руководитель Госкомитета по развитию и реформе КНР Сюй Шаоши подписали Меморандум о взаимопонимании по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. В меморандуме содержатся четыре основные договорённости: развитие Северного морского пути в целях транспортировки грузов между РФ и странами АТР; развитие международных транспортных коридоров, в частности «Приморье-1» и «Приморье-2»; привлечение китайских инвесторов в территории опережающего развития и свободный порт Владивосток; возможный перевод китайских промышленных предприятий на территорию Дальнего Востока²⁶.

В-третьих, необходимы выработка и принятие Москвой новой модели освоения восточных районов России, в которую может и должно быть аккуратно вписано китайское участие. Изменение экономической конъюнктуры в мире — прежде всего падение курса рубля и рост себестоимости производства в Китае — делают всё более выгодным создание производств, прежде всего в сфере переработки сырья, на территории России. Формирование меридиональной транспортной сети откроет доступ к ресурсам северо-восточной части Евразийского континента, зоны Арктики. Инициатива должна идти от России и предполагать широкое международное участие в реализации этого проекта. И сигналы от российского правительства, открывающего дорогу китайским инвестициям в Сибири и на Дальнем Востоке, уже поступают.

В-четвёртых, необходимо рассматривать идею «сопряжения» не только как координацию двух экономических концепций, направленных на достижение одной цели — создание единого евразийского экономического пространства, но и как большой геополитический проект. С одной стороны, он способен привнести элемент стабильности в развитие Центральной и Юго-западной Азии. С другой — вдохнуть новую жизнь в несколько увядшее российско-китайское стратегическое партнёрство. Если это будет происходить под лозунгами «сопряжения» и — тем более — работать, то такие подходы можно только приветствовать. Но в последнем, как мне кажется, и заключается самое большое препятствие. Уверенности в долгосрочности этого стратегического партнёрства в российской политической элите, возвращённой на идеях общности России с Европой, заметно поубавилось (если она вообще когда-либо там по-настоящему присутствовала). Растущая мощь Китая и его все более уверенные претензии на мировое лидерство её пугают, раздражают и вынуждают «держаться дистанции».

С другой стороны, и для Москвы, и для Пекина Северо-Восточная Азия не является сегодня приоритетом; обе столицы если не потеряли, то отложили свои надежды на реализацию крупных межгосударственных проектов в регионе и осознали малую вероятность преодоления фундаментальных преград на пути создания общей системы обеспечения безопасности в этом районе мира. Формальное покровительство идеям регионализма остаётся, но акцент делается на развитие двусторонних отношений в формате СВА, где главными партнёрами друг для друга остаются Китай и Россия, а инструментом — межрегиональное и приграничное сотрудничество.

На сегодняшний день «сопряжение» — это всего лишь условная форма, которую пока ещё можно наполнить конкретным содержанием. Но можно и не наполнять, ограничившись бравурной риторикой и абстрактными проектами. Очевидно, что при увязывании российской и китайской концепций и моделей развития Евразии придётся учитывать и растущую турбулентность западного побережья Евразии — Европейского Союза, и накопившиеся ожидания её тихоокеанской части — Северо-Восточного Китая и Тихоокеанской России. Попытки любыми способами жёстко и механически «привязать» существующие и перспективные проекты развития восточных районов России и КНР к их евразийским проектам будут контрпродуктивными. Векторы развития этих районов естественным образом ориентированы не на запад,

а на восток, на создание общего экономического и гуманитарного пространства в зоне Северной Пацифики, прикрытого надёжной системой безопасности. Сложнейшая задача заключается в том, как вывести проекты регионального масштаба на тихоокеанском побережье на межгосударственный уровень и обеспечить их поддержку центральными властями, которые в это время увлечены своими западными проектами.

Однако, насколько это «сопряжение» будет работать в интересах восточных районов России и Китая, находится под большим вопросом. Важных факторов здесь несколько, и среди них не только подходы Москвы и Пекина, заинтересованность крупного бизнеса двух государств, но и существующая система геополитических координат, в которых традиционно выстраивается взаимодействие России и Китая на Тихом океане. И эту систему необходимо, как минимум, корректировать.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время прочность и перспективность российско-китайских отношений определяется совпадением интересов в четырёх главных областях: мировая политика, региональная (евразийская) безопасность, энергетика, приграничные и межрегиональные связи. Последняя сфера является наименее устойчивой, поскольку слабо управляется из центра, во многом зависит от интересов и приоритетов территорий и множества субъективных факторов, включая интересы и предпочтения губернаторов. К тому же усиление акцента во взаимодействии Москвы и Пекина на поиск точек «соприкосновения» Евразийского проекта России и китайской инициативы «Один пояс, один путь» автоматически ослабляет участие столиц в обеспечении приграничного и межрегионального взаимодействия на Тихом океане и возлагает главную ответственность за их развитие на региональные власти. По этим причинам состояние российско-китайского приграничного и регионального взаимодействия в зоне СП будет определяться несколькими обстоятельствами.

Первое из них — интересы и политика территорий Тихоокеанской России, с одной стороны, и Северо-Восточного и Северного Китая (СВСК), с другой, их способность лоббировать свои интересы в центре, их умение привлекать национальные капиталы друг друга

и создавать условия для кооперации в сфере производства, транспорта, логистики, туризма и гуманитарного обмена.

В определённой степени интересы сторон совпадают. Главный интерес северных и северо-восточных районов КНР — это прямой выход на рынки Тихоокеанского региона, который могут обеспечить порты Приморского края (прежде всего, самые близкие к Китаю Посыет и Славянка) и Западной Европы²⁷ (через Транссиб). Китайские власти весьма активны в этом направлении. Весной 2015 г. правительство пров. Хэйлунцзян опубликовало план «строительства сухопутного и морского Шёлкового пути» в этой провинции с последующим выходом на порты Приморского края²⁸. Пров. Цзилинь при поддержке центрального правительства продолжает эксплуатировать идею международной зоны Туманган, развивая инфраструктуру и накачивая ресурсами пограничную с Россией и КНДР зону Чанцзиту²⁹. В ход уже идут даже самые экстравагантные проекты, как, например, идея запуска высокоскоростного поезда Hyperloop на 70-километровом участке Хуньчунь — Зарубино³⁰. Внутренняя Монголия всячески развивает концепцию «экономического коридора Китай — Монголия — Россия». Российское правительство, со своей стороны, не отступает от идеи интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, расширения экспорта в страны АТР, используя в качестве плацдарма приграничные с Китаем территории, а сами эти территории выражают стойкую заинтересованность в китайских инвестициях, товарах и (уже!) технологиях. Сегодня «парусами» для «китайского ветра» автоматически становятся свободный порт Владивосток и территории опережающего развития³¹.

Второе — международная ситуация в зоне Северной Пацифики, которую на сегодняшний день формируют, в первую очередь, последовательные усилия Пекина задавать региональную повестку дня, выверенные капризы Пхеньяна, рефлексивная политика Вашингтона и метания союзников Белого дома — Южной Кореи и Японии. Близкая к критической обстановка на Корейском полуострове также не добавляет энтузиазма. Как отметил один из крупнейших специалистов по современной СВА Кент Калдер, «Северо-восточная Азия — это взрывоопасный, насыщенный вооружениями регион, где осторожно контактируют многие великие державы... Регион изобилует конфликтами и для него характерна политическая неопределённость по многим направлениям»³².

Третье — международная конкуренция вокруг Тихоокеанской России. Япония и Южная Корея, вынужденные смириться с выходом Китая на позиции регионального лидера, боятся опоздать к дележу дальневосточного «пирога» и пытаются застолбить свои позиции в этом российском регионе, в том числе и в российско-китайском приграничье. Инициатива строительства «железного „Шёлкового пути“» от Сеула до Санкт-Петербурга президента РК Пак Кын Хе не оказалась столь же успешной, как «Экономическая зона Шёлкового пути» Си Цзиньпина, но южно-корейские бизнес и дипломатия уже сделали многое для закрепления позиций на территории Приморья, да и других территориях российско-китайского приграничья. По крайней мере, объём южно-корейских инвестиций в этих районах заметно превышает капиталовложений из Поднебесной. Тем не менее тревоги остаются. И именно такую озабоченность корейцев уловили местные СМИ, давая информацию о VI Дальневосточном российско-корейском форуме в июне 2016 г. во Владивостоке³³.

Накануне визита в Россию в мае 2016 г. премьер Японии Синдзо Абэ предложил российскому руководству меры по развитию японо-российских отношений, которые нацелены, том числе на укрепление японских позиций в зоне Тихоокеанской России («развитие промышленного производства и экспортных баз на Дальнем Востоке», энергетика, «фундаментальное расширение гуманитарного обмена» и др.)³⁴. Тема наверняка будет продолжена во время встречи В. Путина и С. Абэ в начале сентября во Владивостоке и готовящегося официального визита президента России в Японию.

Четвёртое — отношение Москвы к региональным и приграничным связям как к компоненту двусторонних российско-китайских отношений. Деклараций и заявлений по поводу важности этих связей сделано немало. Например, «Совместное заявление» от 20 мая 2014 г. призывает «активно развивать межрегиональное сотрудничество», «усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры... улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути»³⁵. Через год, в мае 2015 г., фактически признав малую эффективность подобных деклараций, руководители двух государств в мае 2015 г. заявили о необходимости усилить плановые начала в межрегиональном сотрудничестве, для чего создали Совет сотрудничества между регионами российского Дальнего

Востока и Северо-восточного Китая. В начале сентября 2015 г. во время Восточного экономического форума состоялось первое заседание Совета, но собравшиеся на него губернаторы соседних территорий общего языка не нашли.

Правительство России никак не может найти способы, да и средства, с помощью которых можно было бы эффективно построить уже достаточно прочные интеграционные связи между соседними территориями двух стран в общую концепцию российско-китайских отношений, как включить китайскую тематику в решение задач по развитию Дальнего Востока и Забайкалья. Оно пока не выходит за рамки общей идеи «давайте инвестиции». Сказывается, видимо, скромный вес восточных районов России в общем объёме российско-китайских экономических связей. Существуют опасения чрезмерно прочной связки между соседними территориями двух стран (призрак «дальневосточного сепаратизма»). В конечном счёте, у Москвы по-прежнему отсутствует внятное представление о роли и месте Китая в развитии России (помимо внешнеполитической и энергетической составляющих), а отсюда проистекает неумение или нежелание чётко сформулировать и выразить принципиальную мысль: для чего России нужен Китай и как можно воспользоваться его гигантским рыночным потенциалом. Констатация этого печального факта появилась даже в таком документе, как Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края. «В связи с отсутствием чёткой позиции федерального центра в отношении Китая, китайские инвесторы зачастую сталкиваются с проблемой синофобии...», — констатируют её авторы. «Для успешного осуществления приграничного инвестиционного сотрудничества необходима правовая основа... а также чётко сформулированная политика в отношении приграничных с Россией государств, а именно с Китаем»³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если отталкиваться от экономической и демографической статистики, то российско-китайское трансграничье переживает сегодня не самые лучшие времена. Осознавая важность этого пространства и для благополучия своих государств, и для двусторонних отношений, руководство России и Китая никак не могут найти действенных

инструментов для обеспечения их устойчивого развития. Огромный экономический потенциал региона, а также его скрытые возможности выступать платформой международного многостороннего взаимодействия, остаются нереализованными. В рамках старой парадигмы, внутренней закрытости и модели двустороннего приграничного сотрудничества периферийность региона и связанную с этим отсталость не преодолеть.

Поэтому будем реалистами: если мы хотим и далее активно развивать отношения между Тихоокеанской Россией и Китаем, не следует уповать на стержневые на сегодняшний день проекты двух столиц (ЕАЭС и ЭПШП), в которых восточным районам России и КНР отведена весьма скромная роль, а искать и готовить формы и модели, пригодные для реализации в новых условиях и в новом геополитическом пространстве — в Восточной Евразии и Северной Пацифике. В конце концов, почему бы не пофантазировать о едином морском кольце вокруг Евразийского континента, огибающем его с севера (Северный морской путь) и юга («Морской Шёлковый путь»), соединительным звеном которого на востоке станет международный мегапроект в зоне Туманган — Пусан — Владивосток?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимир Путин: связи РФ и КНР достигли наивысшего уровня и продолжают развиваться (интервью информационным агентствам ТАСС и «Синьхуа»), 4 сентября 2015 г. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/2222240>.

² По данным китайской статистики, в 2014 г. Китай посетили 2 млн 48 тыс. россиян, из них 970,5 тыс. в качестве туристов (2014年 1—12月入境旅游外国人人数 (按目的分) (Въезд иностранцев по целям поездок за январь—декабрь 2014 г.). URL: <http://www.cnta.gov.cn/>. По данным российской статистики, их было на 125 тыс. меньше, всего 1 млн 923 тыс. человек, из которых туристами обозначены 766 тыс. (Въезд иностранных граждан на территорию РФ в 2014 г. URL: <http://www.russiatourism.ru/>). 90% из них — 1 млн 840 тыс. человек, согласно провинциальной статистике Китая, посетили три приграничные территории: Хэйлунцзян (919 тыс.), АРВМ (630 тыс.) и Цзилинь (290,7 тыс. (黑龙江统计年鉴 2014 (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2014 г.). 北京: 中国统计出版社, 2014. С. 244; 内蒙古统计年鉴 2014 (Статистический ежегодник автономного района Внутренняя Монголия за 2014 г.). 北京: 中国统计出版社, 2014. С. 426; 吉林古统计年鉴 2014 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2014 г.). 北京: 中国统计出版社, 2014. С. 424).

- ³ Здесь и ниже данные по торгово-экономическим связям приграничных территорий России основываются на статистике Дальневосточного таможенного управления. URL: <http://dvtu.customs.ru>.
- ⁴ Подсчитано на основе: Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2014 г... С. 443; Статистический ежегодник автономного района Внутренняя Монголия за 2014 г... С. 410—411; Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2014 г... С. 419—420.
- ⁵ Внешнеторговый оборот по странам по Сибирскому федеральному округу за 2014 год. URL: <http://stu.customs.ru>.
- ⁶ Въезд иностранцев по целям поездок за январь—декабрь 2014 г...
- ⁷ Подсчитано на основе данных Ростуризма (Въезд иностранных граждан на территорию РФ в 2014 г...) и приграничных территорий России.
- ⁸ 吉林古统计年鉴 2015 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2015 г.). 北京: 中国统计出版社, 2015. С. 97.
- ⁹ В 2013—2014 гг. они составляли 67—69% всех иностранных туристов в этой провинции (黑龙江统计年鉴 2015 (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2015 г.). 北京: 中国统计出版社, 2015. С. 491).
- ¹⁰ 内蒙古统计年鉴 2015 (Статистический ежегодник автономного района Внутренняя Монголия за 2015 г.). 北京: 中国统计出版社, 2015. С. 410—411; Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2015 г... С. 97.
- ¹¹ «Совместное заявление», принятое по итогам саммита глав двух государств в марте 2013 г., предполагало «наращивание... усилий по выполнению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР» (Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423); «Совместное заявление» от 20 мая 2014 г. декларирует намерение сторон «активно развивать межрегиональное сотрудничество», «усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры» и даже «улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути» (Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642).
- ¹² В их числе: Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному сотрудничеству Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств, Российско-китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному экономическому сотрудничеству, Форум губернаторов Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая.
- ¹³ См.: Иванов С.А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия. Россия и АТР. 2013. № 4. С. 59—72; Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации. Россия и АТР.

2011. № 2. С. 143—153; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.; Ларин В.Л. Приграничные и региональные связи в позднесоветский и постсоветский периоды. Россия и Китай: четыре века взаимодействия / Отв. ред. А.В. Лукин. М.: Весь Мир, 2013. С. 467—508.
- ¹⁴ Как констатировали авторы отчёта о результатах выполнения Программы в 2014 г., из 88 включённых в программу проектов на российской территории с участием китайской стороны реализовывалось только (О ходе реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы) в 2014 году. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788>). Главными сдерживающими факторами к координации, несмотря на позитивное отношение к ней отношение центральных и местных правительств двух государств, стали, как сформулировал это Ян Чэн, дефицит доверия, реалии инвестиционного климата и экономическая слабость граничащих между собой Северо-восточного Китая и российского Дальнего Востока (Yang Ch. Do National Policies Contribute to Regional Cross-border Integration?: The Case of the Program of Cooperation between Northeast China and Russia's Far East and Eastern Siberia (2009—2018) // *International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia* / Ed. by J. Huang, A. Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 222).
- ¹⁵ Зуенко И. Край суровый тишиной объят. Как китайская экспансия споткнулась о российское приграничье. URL: http://lenta.ru/articles/2016/02/16/gde_kitaicy/.
- ¹⁶ Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммитов БРИКС и ШОС. 10 июня 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49909>.
- ¹⁷ Об этом наглядно свидетельствуют публикации российских авторов, представленных в сборнике «Россия и Китай в Евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество» (Россия и Китай в Евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество / Отв. ред. Д.А. Савкин. М.; Спб.: Нестор-История, 2015. 350 с.).
- ¹⁸ Stokes J. China's Road Rules. Beijing Looks West Toward Eurasian Integration. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2015-04-19/chinas-road-rules>.
- ¹⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества от 8 мая 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>.
- ²⁰ Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммитов БРИКС и ШОС. 10 июня 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49909>.
- ²¹ Full Text: Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. Xinhua, 29.03.2015. URL: <http://english.cri.cn/12394/2015/03/29/2941s872030.htm>.
- ²² План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. URL: <http://lawru.info/dok/2011/03/31/n33415.htm>.
- ²³ China, Russia Agree to Cooperate in Developing Far East // China Daily. 12.12.2014. URL: http://english.gov.cn/state_council/vice_premiers/2014/12/12/content_281475022770425.htm.

- ²⁴ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года. URL: <http://www.xn--80aaaac8algcbgck3fl0q.xn--plai/economics/organizations.html>. С. 11, 76.
- ²⁵ Путин В.В. Выступление на первом Восточном экономическом форуме URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50232>.
- ²⁶ Минвостокразвития и Государственный комитет КНР по развитию и реформе подписали меморандум о сотрудничестве на Дальнем Востоке. URL: <http://xn----ctbbmrjqhagwdnh2e5c.xn--plai/minvostokrazv-i-gos-kom-knr-podpisali-memorandum/>.
- ³² Более половины объема внешней торговли пров. Цзилинь приходится на Европу, так что интерес провинции к сухопутному транзиту в этом направлении закономерен.
- ²⁸ 积极应对新常态, 加快建设“龙江陆海丝绸之路经济带”宣讲提纲 (Активно реагировать на новую нормальность, ускорить строительство «Экономического пояса Лунцзянского сухопутного Шёлкового пути»). URL: www.hljjs.gov.cn/uploads/.../1525444319.doc.
- ²⁹ Передовой район открытости и развития Чанцзиту (长吉图为开发开放先导区) был создан решением китайского правительства в августе 2010 г. в треугольнике Чанчунь — Цзилинь — Яньбянь-Корейский автономный округ и включает в себя 39% территории провинции и 40% её населения (около 11 млн чел.). Подробнее см.: 区域开放 (Открытие региона). URL: <http://www.jl.gov.cn/zjil/ggkf/zdlygg/>.
- ³⁰ Первую российскую ветку Hyperloop предложили проложить от Зарубино до Китая. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/16/hyperloop3/>.
- ³¹ См.: Владимир Путин: связи РФ и КНР достигли наивысшего уровня...; Дробышева И. Приморье позволило китайских инвесторов в ТОРы и свободный порт. URL: <http://www.rg.ru/2015/10/13/reg-dfo/investory.html>.
- ³² Calder K.E. Asia in Washington: Exploring the Penumbra of Transnational Power. Washington: Brooking Institution Press, 2014. P. 140.
- ³³ Южная Корея испугалась китайской экспансии на Дальний Восток. URL: <http://deita.ru/news/economy/09.06.2016/5131430-koreya-budet-borotsya-za-mesto-na-dalnem-vostoke/>.
- ³⁴ Japan-Russia Summit Meeting. URL: http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000427.html.
- ³⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г...
- ³⁶ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года...

«КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ» В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА*

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

А.С. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении без малого трёх последних десятилетий «китайская экспансия на Дальнем Востоке России» является одним из самых популярных сюжетов научных публикаций и журналистских исследований, посвящённых как российско-китайским отношениям, так и истории и современной жизни Тихоокеанской России. В пору наивысшего накала страстей журналисты писали о миллионах китайцев, заполонивших Сибирь, приграничных посёлках, уже наполовину населённых гражданами Поднебесной. Страхи оказались сильно преувеличены, но они дали пусть для кого-то неожиданный, но закономерный и положительный результат. Прямое обращение российской власти к проблемам российского Дальнего Востока и принятие принципиального решения о необходимости его ускоренного экономического развития, увеличения численности его населения были в значительной степени стимулированы обострённым вниманием Кремля к внешним угрозам и опасениями потерять этот регион России.

Однако параллельно с этим существовала противоположная тенденция: экономическая целесообразность заставляла местные власти (вне зависимости от их отношения к Китаю) искать способы и пути использования гигантского потенциала этой страны для развития собственных территорий. Примером могут служить высказывания губернатора Хабаровского края д-ра экон. наук В.И. Ишаева, который на официальных совещаниях «рисовал апокалипсическую картину постепенного вхождения российского Дальнего Востока в границы Китая»¹, но в научных работах писал о необходимости формирования единого экономического пространства между российским Дальним

* Опубликовано в журнале: Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9—27.

Востоком и Китаем, интеграции Дальнего Востока в АТР через втягивание Китая в экономику региона². Аналогичную позицию занимал губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко, жёстко выступавший против демаркации границы с КНР, но при этом заявлявший, что Россия и Китай «обречены на экономическое сотрудничество»³.

К концу первого десятилетия нынешнего века китайское демографическое присутствие в России в целом и в её восточных районах в частности по разным причинам заметно сократилось. Тема «жёлтой опасности» была постепенно вытеснена из медийного пространства более горячими сюжетами: Украиной, Сирией, политическими коллизиями в США. Но тогда же задача развития российско-китайского межрегионального сотрудничества по-настоящему озаботила верхние этажи российской власти и воплотилась в целую серию межгосударственных соглашений. Однако подозрительное и осторожное отношение россиян к Китаю, китайцам и китайскому присутствию в России сохранилось. Строительство нефте- и газопроводов из России в КНР, китайский интерес к пахотным землям Дальнего Востока и первые робкие китайские инвестиции в его экономику дали новые поводы для обвинений Пекина в «экономической экспансии».

Атмосфера подозрительности и тревоги не может не порождать настороженности, нерешительности, непоследовательности и даже двойственности в решениях и действиях политических и властных структур России в отношении КНР. Совершенно очевидно, что настороженность и недоверие к Китаю не идут на пользу ни российской внешней политике в целом, ни российско-китайским отношениям, ни попыткам Москвы кардинально изменить облик и участь Тихоокеанской России. Необходимы объективный анализ китайских интересов на востоке России, планов и политики Пекина и приграничных с Россией территорий КНР, реального присутствия и участия Китая в экономической и социальной жизни этого российского региона.

Именно в этом русле и выстроена архитектура данной статьи. Она начинается с описания «угроз со стороны Китая», которые вскрывают апологеты «китайского заговора против России», затем переносит внимание читателя на политическое и нормативно-правовое обеспечение китайского вовлечения в экономическую жизнь российского Дальнего Востока и завершается сравнительным анализом экономического и демографического присутствия и влияния Китая в этом регионе.

НАГНЕТАНИЕ СТРАХОВ: ГОРЕ ОТ УМА ИЛИ КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Тему китайской экспансии в России и «широкомасштабного освоения китайцами сибирских просторов»⁴ российские и зарубежные СМИ активнейшим образом обсуждали в начале 1990-х гг. Пугающие истории о заповолинивших восточные районы миллионaх китaйцев дополнялись апокaлипсическими сюжетами о скупке сынами Поднебесной земли и недвижимости, вывозе ими валюты и стратегического сырья из России, подчинении ими российской экономики, браконьерстве, контрабанде, хищническом промысле в российских лесах и пр.⁵ Под влияние этой волны попадали и серьезные учёные. С. Хантингтон даже предсказал вторжение китaйских войск в Сибирь к 2010 г. в целях «защиты многочисленных китaйских поселенцев» и оккупацию ими Владивостока, Приамурья и ключевых областей Восточной Сибири⁶.

В начале XXI в. алармистские сценарии о скором овладении Дальнего Востока России Китаем оставались не менее популярными. Как и на пике наплыва китaйцев в Россию в 1990-е гг., доминировали версии демографической экспансии. В 2000 г. американская разведывательно-аналитическая компания Stratfor даже умудрилась предсказать, что к 2020 г. китaйцы станут доминирующей этнической группой на Дальнем Востоке⁷. Подлило масла в огонь и эмоциональное высказывание В.В. Путина о перспективах развития этого региона: «Если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, — заявил президент летом 2000 г. на границе с Китаем, в Благовещенске, — то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китaйском, корейском языках»⁸. После того как в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ президент назвал ситуацию в регионе критической и угрожающей национальным интересам государства⁹, политики в один голос заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока, политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»¹⁰, а интернет наполнился рассуждениями о нарастающей

демографической и грядущей военной экспансии Китая. Не отставали в нагнетании страстей и зарубежные эксперты¹¹.

Сторонники идеи «китайской экспансии» активно обсуждали территориальные претензии Китая к России, попытки Пекина «вовлечь Россию в зону своего влияния»¹², «растущее экономическое влияние Китая на Дальнем Востоке». Некоторые из них даже утверждали, что регион «становится де-факто провинцией Китая»¹³, «жизненным пространством КНР», которое будет захвачено силой¹⁴. Антикитайская тема стала модной среди российских журналистов. В ноябре 2005 г. «Комсомольская правда» сообщила, что Китай ежегодно «забрасывает к нам на постоянное жительство около миллиона соотечественников»¹⁵. Сообщалось и о том, что Китай уже «вмешивается в управление нашими территориями, финансирует выборы, избирательные компании, мэров городов, ведёт подкуп чиновников и представителей власти. Появляется политическая и экономическая элита, скупленная Китаем и обслуживающая его интересы»¹⁶. Отдельные чрезмерно впечатлённые растущей мощью Поднебесной комментаторы предрекали, что «через пять лет Китай нападёт на Россию»¹⁷. Апофеозом антикитайской истерии стал документальный фильм эпатажной, жёсткой, но по-своему честной журналистки Е. Масюк «Иероглиф дружбы» (2003 г.), не демонстрировавшийся центральными каналами, но показанный некоторыми региональными.

После заключения крупнейшей в истории энергетической сделки между Россией и Китаем, которую западные исследователи тут же поспешили дискредитировать¹⁸, фокус «китайской угрозы» переместился на превращение Дальнего Востока в «ресурсный придаток» или «ресурсную колонию Китая»¹⁹. К фантому китайского «демографического давления»²⁰, который, несмотря на очевидное снижение масштабов китайского присутствия в России, продолжал кочевать из публикации в публикацию на Западе, добавились предупреждения о Китае как «величайшей угрозе российскому присутствию на Востоке»²¹. Некоторые московские и зарубежные журналисты и доморощенные «эксперты» подогревали атмосферу страха, раскрывая «секретные планы Пекина» в отношении Дальнего Востока, сообщая о его намерениях увеличить число китайских поселений и китайской собственности в регионе²². Выгоду для Китая попытались обнаружить и в политике Кремля по созданию территорий

опережающего развития и свободного порта Владивосток. Журналист Д. Мурашов увидел в Законе о ТОРах «разбазаривание России, наших полезных ископаемых, наших ресурсов — на благо соседней страны»²³. Попытки местных властей поправить экономическое положение своих регионов за счёт сдачи пахотных земель в аренду китайцам также вызывали бурные всплески негодования «патриотов» и националистов.

Примеры можно продолжить. Накопленный массив «страшилок» о «китайской экспансии» на Дальнем Востоке велик. К этой теме периодически обращаются те люди, кого по-настоящему волнует будущее этого российского региона, но кто весьма далёк от понимания интересов и политики Китая. Кое-кто использовал скандальные публикации о «китайской угрозе», чтобы пробить себе дорогу на политический подиум. Некоторые искренне в это верят. Эту тему с удовольствием эксплуатируют противники нынешней российской власти, обвиняя президента России и его ставленников в регионах в разбазаривании российских земель и потакании китайской экспансии²⁴. Наконец, её активно развивают в тех столицах евразийского и американского континентов, где усматривают в укреплении позиций Китая на пространствах азиатской России угрозы своим экономическим интересам и по-настоящему опасаются усиления российско-китайского военно-политического альянса.

Весьма примечательно, что в последнее десятилетие публикации на тему «китайской угрозы» преимущественно исходят отнюдь не из восточных районов России. Может быть, местные жители и эксперты эту угрозу просто не замечают? Или увидели в Китае альтернативу беспомощной российской власти, чьи потуги хотя бы остановить депопуляцию и социальную деградацию региона оказываются тщетными? Интересно вспомнить, что в том же году, когда Stratfor пугал китайской экспансией, дальневосточные эксперты сделали свой вывод, озвученный прессой Владивостока: «Жёлтая опасность» — это «политический ужасник, поставленный ориентированными на Запад столичными деятелями, силовиками и китаефобами»²⁵.

Реалии сегодняшней жизни показывают, что акценты власти сменились с минуса на плюс: китайское участие в развитии Дальнего Востока почитается за благо. Но вот энтузиазм Китая в этом направлении существенно снизился.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ КИТАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ: ИНТЕРЕСЫ, ДЕКЛАРАЦИИ, НАМЕРЕНИЯ

Атмосфера для китайского присутствия в Тихоокеанской России формируется как бы в трёх областях: через видение и нормотворческую деятельность центральных правительств, осмысление проблемы властями приграничных территорий и общественное мнение населения этих территорий.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Текущая риторика Кремля поощряет любые взаимодействия с КНР, способные содействовать экономическому развитию Тихоокеанской России. Китай в современном концепте Кремля об «интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион» предстаёт, с одной стороны, как главный вкладчик в развитие Дальнего Востока, с другой — как важный потребитель его природных и логистических ресурсов. Эта идея достаточно пространно, хотя и абстрактно, представлена в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Стратегия предполагает широкомаштабный выход на энергетические, природно-сырьевые, туристические рынки «Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «интеграцию транспортной системы РФ в международную транспортную систему АТР»²⁶. Стратегия даже содержит специальный раздел «Приграничное сотрудничество субъектов РФ с северо-восточными провинциями Китая и Монголией, а также экономическое взаимодействие с другими странами Северо-Восточной Азии», в котором зафиксирована роль Дальнего Востока и Байкальского региона «как центра экономического партнёрства Российской Федерации» с этими государствами. Слова «Китай», «китайский» в этом документе встречаются 90 раз. Это в три раза чаще, чем в нём упоминается Япония.

В 2012 г. призыв задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока» прозвучал уже из уст российского президента²⁷. Вскоре после этого обострение отношений России и Запада, а также проводимая последним политика

антироссийских санкций сделали вопрос о китайском финансовом участии в намеченном «подъёме Дальнего Востока» как никогда актуальным. С июля 2015 г., когда полпред президента в ДВФО Ю.П. Трутнев признался, что напрямую призывает потенциальных китайских инвесторов вкладывать в Дальний Восток²⁸, на различных правительственных совещаниях по развитию этого региона Китай стал фигурировать как самый главный партнёр и даже как локомотив его ускоренного развития, причём уже не столько в качестве потребителя местной продукции, сколько потенциального инвестора. В январе 2017 г. министр по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка сообщил прессе, что министерство подготовило и передало китайской стороне предложение о создании Дальневосточного центра поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая²⁹.

Какова реакция китайских властей и бизнеса на эти призывы? Как оказалось, весьма вялая, особенно со стороны центральной власти и крупного бизнеса.

Политическое руководство КНР внешне уходит от обсуждения этой темы, никак не обозначая свой интерес к Тихоокеанской России. Причин для этого несколько. Во-первых, в условиях растущей напряжённости в отношениях с США, в Южно-китайском море, непростых отношений с некоторыми соседями мирная и спокойная граница с Россией (какой она сегодня является) рассматривается в Пекине как один из главных факторов обеспечения безопасности КНР. В Чжуннаньхае делают всё возможное, чтобы такие отношения вдоль границы сохранялись, и стараются не давать поводов для появления всяких домыслов и конспирологических теорий. Во-вторых, природно-сырьевые ресурсы Тихоокеанской России не являются стратегически значимыми для обеспечения сырьевой безопасности Китая. В китайском импорте доля дальневосточных нефти и нефтепродуктов составляет менее 1% (в 2018 г. 2,7 из 460 млн т), угля — менее 2%, древесины и изделий из неё — менее 4%. Тихоокеанская Россия заметна лишь в китайском импорте рыбы и морепродуктов (1 млн т, или 12,2% от всего импорта в 2018 г.), но это составляет лишь 1,5% от общего объёма производства морепродуктов в стране³⁰. В-третьих, эта обширная, но малонаселённая территория, где проживает меньше людей, чем в Харбине, не представляет для Китая особого интереса как рынок сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Тем не менее Пекин позитивно реагирует на стремление Кремля привлечь Китай к развитию Тихоокеанской России, что нашло отражение в ряде межгосударственных соглашений. Первым из них стала Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. Кое-кто в Кремле всерьёз рассматривал эту программу как инструмент для вывода продукции Дальнего Востока на китайские рынки и привлечения китайских капиталов для освоения и последующего экспорта ресурсов Дальнего Востока.

В итоговом документе российско-китайского Саммита 2015 г. записано, что «Российская Сторона приветствует участие Китайской Стороны в проектах на территориях опережающего развития на российском Дальнем Востоке»³¹. Последними рамочными документами двустороннего уровня, призванными привлечь Китай к освоению ресурсов Тихоокеанской России, стали Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018 — 2024 гг. и План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая³², которые в ноябре 2018 г. подписали Д.А. Медведев и Ли Кэцян. Задача их реализации вошла в текст Совместного российско-китайского заявления от 5 июня 2019 г.³³

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ

Взгляды региональных администраций Тихоокеанской России на роль и место Китая в развитии своих территорий наилучшим образом представлены в стратегиях их развития. Пакет таких региональных стратегий, разработанный в 2012—2013 гг., свидетельствует, что практически все они рассматривают Китай как важное (а граничащие с КНР Забайкалье, Амурская и Еврейская автономные области — как наиважнейшее) направление экономического взаимодействия, но при этом имеют серьёзные опасения относительно последствий расширения китайского экономического присутствия³⁴.

В датированных 2016—2018 гг. стратегиях развития регионов, особенно отдалённых от КНР северных территорий, иллюзий в отношении китайского участия заметно меньше, а опасения сохраняются. Например, в стратегии Хабаровского края намерение сотрудничать

с Китаем в развитии экономического пространства «Нового Шёлкового пути» соседствует с опасением «превращения края в сырьевой придаток развивающихся стран Северо-Восточной Азии» и напоминанием об угрозах со стороны Китая через «ассимиляцию населения и разрушение экологии»³⁵. Об угрозе повышения зависимости от китайского капитала, а также об «агрессивной миграционной и экономической политике сопредельных китайских регионов», которая «уже в настоящее время является существенным вызовом для органов управления в области», говорится в стратегии развития Еврейской автономной области до 2030 г.³⁶ Такое видение Китая порождает осторожное и нередко двойственное поведение региональных властей в выстраивании с ним отношений и даёт основание китайской стороне обвинять эти власти в разжигании антикитайских настроений³⁷.

Для граничащих с Россией территорий КНР (пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия) экономические связи с Россией представляют безусловный интерес, особенно в свете нынешних экономических трудностей, которые испытывают эти провинции³⁸. В рамках политики «внешней открытости» их руководители ищут возможности использовать транспортно-логистический и сырьевой потенциал Сибири и Дальнего Востока для развития своих территорий и получают в этом полную поддержку центра. В 2012 г. правительство КНР утвердило два документа, направленных на стимулирование международных экономических связей СВК с зарубежными партнёрами, включая Россию: «Программу реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.)»³⁹ и «Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в китайской части бассейна реки Тумэнь»⁴⁰. Именно эти документы сегодня определяют контуры политики северо-восточных провинций в отношении Тихоокеанской России. И акцент в обоих сделан на использование транспортной инфраструктуры этого российского региона.

Первая программа предполагает развитие сети транспортных магистралей в направлении границы с Россией, которые не только должны связать внутренние районы Китая с пограничными пунктами пропуска, но и обеспечить трансрегиональные перевозки. Второй документ нацелен на создание зоны ускоренного экономического

развития на китайской части бассейна р. Туманной (г. Хуньчунь и близлежащие районы пров. Цзилинь) и превращение её в платформу сотрудничества Китая со странами Северо-Восточной Азии.

С появлением концепции «Один пояс, один путь» и идеи создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия власти этих провинций стали встраивать свои планы в рамки общекитайской идеологии развития. В апреле 2015 г. партком и правительство пров. Хэйлунцзян утвердили «Программу строительства экономического пояса хэйлунцзянского мультимодального Шёлкового пути экономического коридора Китай — Монголия — Россия»⁴¹, целью которой является создание трансграничной транспортной сети через Россию в Европу. В 2016 г. правительство КНР утвердило Программу развития Северо-восточного Китая, приоритетами которой названы международная интеграция в рамках экономического пояса Шёлкового пути и экономического коридора Китай — Монголия — Россия, а также сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России⁴².

Эти подходы полностью отразились в планах приграничных провинций на 13-ю пятилетку (2016—2020 гг.). В пятилетнем плане пров. Хэйлунцзян Россия упоминается 60 раз. Уделено внимание инвестициям в российское сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность, добычу природных ресурсов⁴³. В пятилетнем плане пров. Цзилинь туманганская зона представлена как опорный район экономического коридора Китай — Монголия — Россия. Его задачей должно стать развитие мультимодальных перевозок, подключение к восточной части газотранспортной системы России, развитие промышленных и сельскохозяйственных производств, ориентированных на российский рынок⁴⁴.

В последних программных документах пров. Хэйлунцзян российские регионы продолжают фигурировать в качестве ключевого международного партнёра. В докладе губернатора пров. Хэйлунцзян Ван Вэньтао о работе правительства в 2018 г. раздел «Достижение новых высот в политике открытости» практически полностью посвящён России⁴⁵. Причина ориентации этой провинции на Россию понятна: на долю России приходится 70% её внешней торговли, причём эта торговля в последние три года переживает существенный спад и сегодня находится на уровне 2010 г.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Неофициальный дискурс представлений о Китае в Тихоокеанской России столь же противоречив, как и взгляды региональных администраций. Социологические исследования, регулярно проводимые в регионе⁴⁶, показывают, что КНР по уровню общей привлекательности по-прежнему не занимает лидирующих позиций, но рейтинг и популярность страны последовательно растут. Жители региона оптимистично оценивают характер и перспективы российско-китайских отношений, воспринимают Китай как наиболее желаемого и реального партнёра в экономическом сотрудничестве, высказываются за всемерное развитие гуманитарного обмена с этой страной. За первоочередное развитие экономических связей с КНР выступает половина опрошенного населения. Это больше, чем ратуют за развитие таких связей с любой другой страной мира.

В то же время в регионе существует достаточно чётко выраженный и устойчивый сегмент населения (от 20 до 25%), который воспринимает Китай как угрозу⁴⁷. Причинами тому являются как глубокое осознание культурной непохожести двух народов и непростая история приграничных отношений, так и периодически вбрасываемые в информационное пространство сюжеты о «китайской угрозе» в разных её интерпретациях: от экологического терроризма до политической и территориальной экспансии. И хотя, как показывают результаты опросов, степень адаптивности дальневосточников к Китаю и их способность взаимодействовать с ним за последние два десятилетия заметно выросла, в общественном сознании присутствует настороженное отношение к китайским инвестициям, крупным проектам с участием китайского бизнеса, к присутствию в России китайских предпринимателей, торговцев и рабочих.

Таким образом, на вербальном и документальном уровнях условия для привлечения Китая к экономическому развитию Тихоокеанской России формально существуют. Но при этом нельзя не видеть наличие определённых ограничителей тесного сближения с Китаем в сознании и поведении российских властей и населения. Китайские эксперты именуют существование таких ограничителей проявлением традиционного великодержавия, имперского мышления

и мессианства, которые «естественным образом формируют у россиян чувства собственного превосходства», сильную ксенофобию и иррациональные эмоциональные суждения⁴⁸. Это обстоятельство не может не сказываться, прежде всего, на формах и масштабах экономического взаимодействия на приграничном и межрегиональном уровнях. Как следствие, реальные результаты китайского присутствия в Тихоокеанской России далеки от тех, которые хотели бы видеть российские и китайские власти.

КИТАЙСКИЕ РЕАЛИИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Внешнеэкономические связи Тихоокеанской России серьёзно пострадали вследствие девальвации рубля в 2014 г., падения мировых цен на нефть и санкций США и Евросоюза против России. Снижение стоимостного объёма импорта из региона началось в 2014 г. и к 2019 г. составило 48%, экспорт начал сокращаться в 2015 г., в 2016 г. упал на 34%, затем начал восстанавливаться, но в 2018 г. так и не дотянул до уровня 2014 г. Торговля с КНР переживала аналогичные метаморфозы, за исключением того, что в 2017 г. импорт ДВФО из Китая начал расти. В результате всех этих пертурбаций и несмотря на то, что стоимостный объём торговли по линии ДВФО — КНР остался на уровне 2012 г., доля Китая во внешней торговле региона выросла: в экспорте — до 24,8, в импорте — до 61,9% (табл. 1).

Значение Китая в экономике различных территорий Тихоокеанской России неодинаково. Более 70% товарооборота ДВФО с Китаем приходится на три территории: Приморский и Хабаровский края и Сахалинскую область. Приморье является своеобразным хабом Тихоокеанской России, через который на большую часть её территории поступает импорт из Китая (в 2018 г. на край пришлось 68% всего импорта ДВФО из КНР). Хабаровский край и Сахалин обеспечивают половину дальневосточного экспорта в эту страну. Однако серьёзная экономическая зависимость от Китая присутствует только у континентальных и пограничных с ним Забайкальского края, Еврейской автономной и Амурской областей, во внешнеэкономических связях которых на КНР приходится более 80% объёма (табл. 2).

Таблица 1

Доля КНР в торговле ДВФО (в границах ДВФО 2019 г., в млрд долл. и %)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018/2012 +/-
Весь объём торговли ДВФО (млрд долл.)	38,2	40,0	41,1	28,3	26,0	30,2	34,5	-3,7
Товарооборот с КНР	1,1	1,2	0,3	7,4	7,1	8,9	10,9	-0,2
Доля КНР (%)	29,1	28,0	25,1	26,1	27,3	29,5	31,6	+2,5
Весь экспорт ДВФО	27,0	27,7	29,9	22,0	19,8	23,2	28,2	+1,2
Экспорт в КНР	5,6	5,6	5,6	4,3	4,3	5,7	7,0	+1,4
Доля КНР (%)	20,7	20,2	18,7	19,5	21,7	24,6	24,8	+3,7
Весь импорт ДВФО	11,2	12,2	11,2	6,3	6,2	7,0	6,3	-4,9
Импорт из КНР	5,4	5,6	4,7	3,0	2,7	3,3	3,9	-1,5
Доля КНР (%)	48,2	45,9	42,0	47,6	43,5	47,1	61,9	+13,7

Таблица 2

Роль территорий в торговле ДВФО и России с Китаем
(2018 г., с учётом торговли через Гонконг)

№ п/п	Территория	Объём торговли (млн долл.)			Доля в процентах		
		Общий объём	Экспорт	Импорт	КНР во внешне- ней торговле территории	Территории в торговле ДВФО с Китаем	Территории в торговле РФ с Китаем
1	Приморский край	4 016,5	1 383,2	2 633,3	53,0	36,8	3,70
2	Сахалинская обл.	1 900,4	1 861,5	38,9	11,9	17,4	1,70
3	Хабаровский край	1 863,4	1 611,5	251,9	59,9	17,1	1,70
4	Забайкальский край	900,5	360,7	539,8	91,7	8,2	0,80
5	Амурская обл.	569,1	337,8	231,3	83,5	5,2	0,50
6	Саха (Якутия)	558,0	536,3	21,7	11,3	5,1	0,50
7	Бурятия	414,7	348,8	65,9	39,3	3,8	0,40
8	Камчатка	369,8	361,0	8,8	40,3	3,4	0,30
9	Еврейская АО	169,6	142,5	27,1	94,7	1,5	0,20
10	Чукотская АО	113,2	91,6	21,6	60,1	1,0	0,10
11	Магаданская обл.	37,1	15,6	21,5	7,8	0,3	0,03
	ДВФО	10 912,0	7 050,0	3 862,0	28,8	100,0	9,90
	РФ	109 657,0	57 057,0	52 600,0			

Экспорт в Китай имеет значение для очень ограниченного числа отраслей экономики региона. Главные экспортные продукты ДВФО — это минеральные продукты (60,7% экспорта в 2018 г.), драгоценности (15,2%), рыба и морепродукты (12,2%), древесина и изделия из неё (4,2%). По этим статьям на долю Китая приходится соответственно 16,2, 0,44 и 80%. Таким образом, только лесодобывающая и рыболовная отрасли региона зависят от китайской конъюнктуры. И уж тем более нельзя говорить о превращении Дальнего Востока в «энергетический придаток Китая». Свыше 70% его экспорта энергоресурсов уходит в Южную Корею и Японию.

Импортная зависимость от Китая реально существует. На долю КНР приходится без малого две трети (в 2018 г. — 61,9%) ввозимых регионом из-за рубежа товаров. Поскольку лёгкая промышленность в регионе фактически отсутствует, то его зависимость от внешних источников исключительно высока. И это касается уже не только продуктов питания и товаров широкого потребления.

В структуре импорта ДВФО преобладают статьи «машины и оборудование» (36% импорта в 2018 г.), пищевые продукты (13,1%), транспортные средства (10%), металлы и изделия из них (9,5%). Во всех этих позициях Китай играет важную роль. В 2018 г. 57% ввезённых регионом машин и оборудования, 51% металлов, по 44% продовольствия и транспортных средств поступило в ДВФО из Китая⁴⁹. Это позволяет констатировать не столько продовольственную, сколько техническую зависимость Тихоокеанской России от Китая.

Все попытки привлечь китайские капиталы к развитию индустриального и аграрного секторов экономики Тихоокеанской России, о чём российские власти заговорили ещё в конце первого десятилетия XXI в.⁵⁰, оказались безуспешными. И сегодня, несмотря на бравадные реляции чиновников⁵¹, бума китайских капиталовложений в этот российский регион не наблюдается. При том, что в общем объёме китайских ПИ в России доля ДВФО увеличилась с начала 2014 г. по январь 2019 г. с 14,7% до 16,9% и накопленный объём прямых инвестиций из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с 247 до 619 млн долл.)⁵², доля КНР в общем объёме ПИИ в ДВФО по-прежнему составляет менее 1%. При этом две трети китайских инвестиций сконцентрированы в Забайкальском крае, где строится единственный на весь ДВФО крупный промышленный объект с китайским капиталом — Амазарский целлюлозно-бумажный комбинат. В созданных в регионе зонах

с привилегиями для инвестиций — на территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток — китайский капитал представлен также скромно: 16,3 млрд руб. (259 млн долл.) в ТОРах и 1,67 млрд руб. (25,7 млн долл.) в Свободном порту Владивосток⁵³. По факту в них реализуются 45 проектов, в которые китайский бизнес вложил менее 300 млн долл.

Фактически китайские предприниматели не реагируют на призывы российской власти вкладываться в создание промышленных предприятий на востоке России. Их интересует лишь добыча или в лучшем случае первичная переработка сырья. А вот китайским инвестициям в аграрный сектор препятствует уже российская сторона. Общественность в России крайне негативно относится к аренде и покупке земли иностранцами и особенно китайцами, поскольку главные пахотные угодья региона лежат вдоль границы с Китаем. В 2015 г. чуть ли не панические комментарии СМИ вызвало решение правительства Забайкальского края сдать в аренду китайской сельхозкомпании 115 тысяч га земли сроком на 49 лет. Общий смысл был таков: «Ползучая экспансия Китая в Россию началась», «Родину продают по кускам»...⁵⁴ И хотя эксперты приходят к выводу, что сообщения СМИ о «захвате земли» китайцами и «других отвратительных практиках» больше шума, чем реальность⁵⁵, а «негативные» воздействия более проявляются в социально-нормативной и политической сферах, чем в экономике⁵⁶, психологический барьер на этом пути возведён основательный.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Тема китайской миграции в России вообще и в её восточных районах в частности, очень популярная в 1990-е и начале 2000-х гг., сегодня практически исчезла из повестки научных исследований. Причиной тому стала её политическая и научная неактуальность. Число граждан КНР, имеющих действующее разрешение на работу в России, сократилось с 71,3 тыс. в 2013 до 37,4 тыс. в 2018 г.⁵⁷ В статистических бюллетенях территорий ДВФО информация об иностранной рабочей силе вообще и китайской в частности отсутствует. В эти же годы из пресс-релизов МВД и прессы Тихоокеанской России практически исчезли как внятная информация о китайской рабочей силе, используемой в регионе, так и упоминания о китайских рабочих-нелегалах.

Причиной сокращения трансграничной экономической миграции из КНР лишь в малой степени была российская миграционная политика⁵⁸. Рост благосостояния населения КНР привёл к тому, что работа в России стала для китайцев невыгодной и неприоритетной⁵⁹. Более того, меняется роль китайских мигрантов на рынке труда России: из положения наёмных рабочих они переходят в категорию работодателей для российских граждан⁶⁰.

Что заметно выросло, так это количество китайских туристов в приграничных районах Тихоокеанской России. В 2018 г. в Приморском крае побывали 365 тыс. туристов из КНР (при его населении менее 2 млн чел.), в Амурской обл. — 101 тыс. (население 793 тыс. чел.), в Забайкалье — 45 тыс. (1,1 млн чел.). В том же году туристические компании ДВФО обслужили более половины (53%) от общего числа китайских туристов, принятых российскими турфирмами⁶¹. За три квартала 2019 г. Приморский край посетили уже 382,4 тыс. туристов из КНР⁶².

Однако и в росте масштабов туризма апологеты китайской угрозы также усмотрели угрозы интересам России: китайских туристов обслуживают китайские туристические и транспортные компании, они питаются в китайских ресторанах и живут в принадлежащих китайцам гостиницах⁶³. Очевидно, без этого не обходится. Китайские туристические компании с тем же энтузиазмом, что и российские, пытаются уходить от налогов, а большинство туристов предпочитают китайскую кухню европейской. Однако официальная статистика утверждает, что в 2017 г. турфирмы Приморского края обслужили 125 тыс. китайских туристов из КНР, т.е. ровно половину заехавшего в этом году в край туристического потока из КНР⁶⁴. В 2018 г. цифра увеличилась до 148 тыс.⁶⁵ Только на размещение в гостиницах Приморья китайские туристы потратили в 2017 г. 3,2 млрд руб., а прямой вклад от въездного туристского потока из КНР в крае составил порядка 2 млрд руб. — 30% от оборота туристических услуг. Всего же в этом году китайские туристы, по данным Сбербанка, только через систему China Union Pay оставили в России 1,8 млрд руб.⁶⁶ Правда, заметно выигрывают от роста китайского туризма только две территории — Приморский край и Амурская область.

Таким образом, в реалиях Тихоокеанской России последнего десятилетия увеличения китайского присутствия, вопреки всем прогнозам начала десятилетия, не наблюдается. Фактический застой в торговле, мизерный рост и минимальная роль китайских инвестиций

в производственном секторе, снижение значимости китайской рабочей силы в развитии дальневосточной экономики вряд ли компенсируются некоторым ростом доходов от китайского туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сравнительный анализ показывает глубочайший разрыв между прогнозами экспертов («усиление китайской демографической экспансии и экономического влияния»), намерениями российских и китайских политиков (участие Китая в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока) и реальными масштабами китайского присутствия в Тихоокеанской России.

Политика местных властей в отношении китайского присутствия стремится к рациональности, несмотря на то, что они вынуждены, с одной стороны, постоянно оборачиваться на Москву, а с другой — стараются не попасть под обвинения со стороны местных «патриотов» в лоббировании китайских интересов. По этим причинам власти «вынуждены маневрировать между секьюритизированными антикитайскими нарративами России и императивами накопления» и поэтому, «несмотря на популистскую риторику, местные органы власти и предприятия часто брали любые иностранную рабочую силу и капитал, которые они могли получить»⁶⁷.

Взгляды дальневосточных экспертов на изменения во внутренней и внешней политике КНР в «новую эпоху» несут в целом позитивный заряд. В новых инициативах китайского руководства они видят, прежде всего, не угрозы для России или её восточных окраин, а новые шансы для их развития и задумываются о том, как воспользоваться этими возможностями. «Угроза со стороны Китая» никак не проявила себя в ходе круглого стола на тему «Системные условия обеспечения безопасности Тихоокеанской России», проведённого Центром азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН в апреле 2018 г.⁶⁸ Эксперты сошлись во мнении, что «муссируемая прессой и некоторыми зарубежными экспертами тема „китайской угрозы“ не находит подтверждения». Главная угроза интересам России на востоке исходит от Корейского полуострова, а также увеличения в Тихоокеанской Азии и Северной Пацифике количества вызовов общего характера, затрагивающих интересы всех (или многих) региональных игроков⁶⁹.

Тревожные нотки в работах некоторых исследователей, конечно, присутствуют. Синдром «китайской угрозы» иногда пробивается у политологов, не являющихся специалистами по Китаю, но активно штудирующих и цитирующих работы своих западных коллег. Но главные опасения дальневосточных экспертов связаны, скорее, не с политикой Китая, а с неясными перспективами экономических связей с этой активно набирающей экономический и политический вес страной. Отсутствие внятной политики центра в отношении Дальнего Востока России при сохранении угрожающих тенденций депопуляции региона способствуют тому, что в общественном сознании актуальными остаются мифы о полном доминировании Китая на его территории⁷⁰. И главные проблемы обнаруживаются не на китайской, а на российской стороне: однобокость структуры российской экономики, неповоротливость российской бюрократической машины, её неумение быстро реагировать на вызовы и возможности, порождаемые новыми тенденциями в политике Пекина.

Влияет ли синдром «китайской угрозы» на политику российской власти? По формальным показателям это никак не проявляется. По косвенным критериям — очевидно. Затягивание со строительством мостов через Амур и реконструкцией погранпереходов, реализацией проектов «Приморье-1» и «Приморье-2», игнорирование «проекта Туманган», запреты на использование китайской рабочей силы, двухлетняя канитель с поиском приемлемого здания или земли под Генеральное консульство КНР в г. Владивостоке выглядит как цепочка совсем не случайных фактов.

Виртуальные фантомы «китайской угрозы», глубоко окопавшиеся в подкорке сознания российской власти, бизнеса, рядовых граждан, атакуют побуждаемые прагматичными соображениями их же желания развивать сотрудничество с Китаем и безоговорочно побеждают. Безусловно, не только это противоречие торпедирует приграничные экономические связи. Хватает и других сугубо экономических, военно-политических и бюрократических причин. Но вот результат: реального сотрудничества (в прямом понимании этого слова) нет, оно блокируется на всех уровнях, а есть примитивный товарообмен в рамках узкой товарной группы по принципу товар — деньги — товар. Но и он в последние годы находится в застое без каких-либо внятных перспектив.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Известия. 1999. 7 июля.
- ² Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток, 1998. ДВО РАН. С. 115—118; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 147—150.
- ³ Владивосток. 1995. 21 марта.
- ⁴ Тарасов А. Сибирь — только для русских? // Известия. 1993. 2 нояб.
- ⁵ Подробнее см.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 72—80.
- ⁶ Hantington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 1996. P. 314.
- ⁷ Russian Far East Turning Chinese? URL: <https://www.stratfor.com/analysis/russian-far-east-turning-chinese>.
- ⁸ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». 21 июля 2000 года. Благовещенск. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>.
- ⁹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>.
- ¹⁰ Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Изд. Совета Федерации. 200. С. 23; Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 6.
- ¹¹ Kim I. Selling Off Siberia. Why China should purchase the Russian Far East. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2003/07/selling_off_siberia.html; Pirchner H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // Demokratizatsiya. 2008. No. 4. P. 314—317; Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2008. No. 2. P. 145—204.
- ¹² Piontkovsky A. China's Threat to Russia. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-threat-to-russia>.
- ¹³ Nemets A.V., Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // The World & I. 2004. No. 2. P. 60.
- ¹⁴ Bolton K.R. Russia and China An Approaching Conflict? // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2009. No. 2. P. 176.
- ¹⁵ Стешин Д. Иноземцы уже съели юг и центр страны. На очереди Сибирь // Комсомольская правда. 2005. 8 ноября. С. 1.
- ¹⁶ Полунин А. Китай расширяется: Сначала Тайвань, потом Сибирь и Дальний Восток. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/27045/>.
- ¹⁷ Греков Я. Китай нападёт на Россию через 5 лет. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Kitaj-napadet-na-Rossiyu-cherez-5-let>.
- ¹⁸ См: Blank St. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // World Affairs. 2012. March/April. Vol. 174. Issue 6. P. 93—100.

- ¹⁹ Rozman G. "The Russian Pivot to Asia". URL: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>; Mankoff J. US Perspective. URL: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/>.
- ²⁰ Tîrnoveanu D. Russia, China and the Far East Question: Are there any Chinese 49ers around? URL: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>.
- ²¹ Bowen A.S. and Rodeheffer L. Is Russia Losing Control of Its Far East? URL: <http://thediplomat.com/2013/10/is-russia-losing-control-of-its-far-east/>.
- ²² Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: «Ключ-С», 2015. С. 43—51.
- ²³ Мурашов С. Распродажа России. Пока в розницу. URL: <https://snob.ru/profile/25185/blog/86111>.
- ²⁴ В декабре 2014 г. экс-редактор «Российской газеты», привлекавшийся к судебной ответственности за антисемитизм откровенный националист Б. Миронов обвинил президента РФ В.В. Путина в том, что он отдал в аренду КНР 4 млн га земли в пяти районах Забайкальского края (см.: Основатель «Российской газеты» обвинил Путина в сдаче в аренду КНР 4 млн га в Забайкалье. URL: <https://www.chita.ru/news/67878/>). А годом позднее уже депутат Госдумы от Забайкальского края, член фракции КППФ потребовал отставки губернатора края за намерение местных властей сдавать землю в аренду китайцам (см.: КППФ: Следующим губернатором Забайкалья станет китаец. URL: https://zab.ru/news/82088_kprf_sleduyucshim_gubernatorom_zabajkalya_stanet_kitaec).
- ²⁵ «Страшные китайцы» // Новости. 2000. 15 сент.
- ²⁶ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cdddbd0ac61a818831f10e1f7c4d/.
- ²⁷ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. 27 июня.
- ²⁸ Юрий Трутнев: мы будем конкурировать с Гонконгом и Сингапуром. URL: <https://tass.ru/interviews/2145866>.
- ²⁹ Александр Галушка: Развитие Дальнего Востока — приоритетное направление для России. URL: <https://primamedia.ru/news/561146/>.
- ³⁰ Подсчитано на основе данных Дальневосточного таможенного управления (<http://dvtu.customs.ru/statistic/>) и статистики ООН (<https://comtrade.un.org/data/>).
- ³¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 8 мая 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>.
- ³² План развития сельского хозяйства на начало осени 2019 г. обнародован не был.
- ³³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413>.
- ³⁴ Подробнее см.: Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 260.

- ³⁵ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate/201719122>.
- ³⁶ Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. URL: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/>.
- ³⁷ См.: *人口数量虽剧降俄罗斯远东地区仍抗拒中国移民 (Несмотря на резкое сокращение населения, российский Дальний Восток сопротивляется китайской миграции)*. URL: <http://www.renkou.org.cn/countries/eluosi/2016/6044.html>.
- ³⁸ *丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究*. 邢广程主编. (Исследование строительства Экономического пояса Шёлкового пути и стабильности и развития границ Китая. Отв. ред. Син Гуанчэн). 北京: 产权出版社, 2019. С. 164.
- ³⁹ *国家发展改革委关于印发中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要 (2012—2020年) 的通知 (Уведомление Национальной комиссии по развитию и реформам об опубликовании и распространении «Программы реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.)»*. URL: <http://www.hlbe.gov.cn/openness/detail/content/54854e686bb4e70429000008.html>.
- ⁴⁰ *国务院办公厅关于支持中国图们江区域 (珲春) 国际合作示范区建设的若干意见 (Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в китайской части бассейна реки Тумэн)*. URL: <http://policy.mofcom.gov.cn/blank/claw!fetch.action?id=>.
- ⁴¹ *«中共黑龙江省委黑龙江省人民政府“中蒙俄经济走廊”黑龙江陆海丝绸之路经济带建设规划» 摘要 (Краткое изложение видения КПК провинции и Народного правительства пров. Хэйлунцзян относительно «Программы строительства экономического пояса хэйлунцзянского мультимодального Шёлкового пути экономического коридора Китай — Монголия — Россия»*. URL: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0415/c220027-24503827.html>.
- ⁴² *中共中央 国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о возрождении старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае)*. URL: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html.
- ⁴³ *黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 (13-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Хэйлунцзян)*. URL: <http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2016/02/17/010761251.shtml>.
- ⁴⁴ *吉林省人民政府关于印发吉林省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要的通知 (Извещение правительства пров. Цзилинь об опубликовании 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития пров. Цзилинь)*. URL: <http://ghs.ndrc.gov.cn/ghwb/dfztgh/201606/P020160616606750244581.pdf>.
- ⁴⁵ *王文涛. 2019年1月14日在黑龙江省第十三届人民代表大会第三次会议上 (Ван Вэньтао. Доклад на Третьей сессии СНП пров. Хэйлунцзян 10-го созыва 14 января 2019 г.)*. URL: <http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2019/01/19/010892241.shtml>.
- ⁴⁶ См.: *Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном*

- мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5—19; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014—2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5—29.
- ⁴⁷ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 29.
- ⁴⁸ 徐帼纓. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Сюй Гоин. Изучение образа Китая в общественном мнении России после холодной войны). 北京: 外交学院, 2018. С. 43—44.
- ⁴⁹ Рассчитано на основе: Импорт в Дальневосточный федеральный округ. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/world>; Импорт в Дальневосточный федеральный округ из Китая. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/CN>.
- ⁵⁰ Blank S. Partnership of Convenience: Understanding Russo-Chinese Relations / Critical Threats, June 2009. URL: <https://www.criticalthreats.org/analysis/partnership-of-convenience-understanding-russo-chinese-relations-1>.
- ⁵¹ По недавнему утверждению Ю. Трутнева, на территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток реализуется 45 проектов с участием инвесторов из Китая с объемом инвестиций 2,6 млрд долл. США и «ведётся активное взаимодействие» по 35 инвестиционным проектам на сумму 17,8 млрд долл. (см.: В Пекине прошла межсессионная встреча // Региональная Россия. 2019. URL: <http://www.regruss.ru/content/news/10466/>).
- ⁵² Прямые инвестиции в Российскую Федерацию. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
- ⁵³ Корпорация развития Дальнего Востока. Отчёт за 2018 год. URL: <https://erdc.ru/about/>.
- ⁵⁴ Китай берёт Сибирь в аренду. Только начало? // Московский комсомолец. 2015. 17 июня.
- ⁵⁵ China — Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Ed. by Lora Saalman. SIPRI, 2017. P. 31.
- ⁵⁶ Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. An international academic conference 5—6 June 2015, Chiang Mai University. Conference Paper No. 34.
- ⁵⁷ Россия в цифрах: 2019. Крат. стат. сб. Росстат. М., 2019. С. 99.
- ⁵⁸ Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. № 4. С. 8—25.
- ⁵⁹ Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61—83.
- ⁶⁰ Мищук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 6. 2016. С. 274.
- ⁶¹ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31598>.

- ⁶² Турбизнес рассчитывает заработать на растущем иностранном потоке в Приморье. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49238.html>.
- ⁶³ Алексей Козицкий: Туризм в Приморье всё ещё хорошо «подкармливает» китайский бизнес. URL: <https://primamedia.ru/news/797213/>.
- ⁶⁴ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2018. С. 140—141.
- ⁶⁵ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2019. С. 131.
- ⁶⁶ Туристы из КНР стали больше тратить в России. URL: <https://novostivl.ru/msg/27132.htm>.
- ⁶⁷ Zhou Jiayi. Opp. cit. P. 2.
- ⁶⁸ У карты Тихого океана. 2018. № 1 (249). 66 с.
- ⁶⁹ Там же. С. 65—66.
- ⁷⁰ Друзья А.В. Современная проблема китайской иммиграции: как к ней относиться? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 7. 2017. С. 276.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАКУРС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ: ВИРТУАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ОБЪЕКТИВНЫЕ РЕАЛИИ*

●

Стартовые позиции для развития экономических связей между Россией и Китаем накануне подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве были обнадеживающими. Хотя товарооборот между странами составлял, по данным китайской таможни, всего 8 млрд долл.¹, КНР была уже третьим по значимости торговым партнёром РФ, на которого приходилось 7% внешней торговли России. С другой стороны, Россия находилась в десятке главных торговых партнёров Китая, сделавшего ставку на активные и эффективные внешнеэкономические связи как главный драйвер своего развития. Конечно, объём российско-китайской торговли был в десять раз меньше объёма экономических связей КНР с Японией, в девять раз меньше, чем с США, и в четыре раза меньше, чем с Республикой Корея, а опыт экономических отношений 1990-х гг. принёс немало огорчений и проблем, но во многом совпадающие политические и экономические интересы Москвы и Пекина давали надежды на будущее.

В то же время с производственной кооперацией пока не складывалось. К началу XXI в. объём накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России в Китай оценивался в пределах 200 млн долл., а китайских в РФ — 100 млн долл.² В те же годы американские ПИИ в экономику КНР уже составляли около 40 млрд долл., японские — около 2 млрд долл. Да и китайские бизнесмены уже вложили в США порядка 277 млн долл.³ При этом в российско-китайских экономических отношениях сформировался сегмент, которого не было в их отношениях с другими ведущими экономиками мира: обширнейшее по территории и межцивилизационное по природе общее экономическое пространство вдоль линии границы, которое функционировало достаточно стихийно, имело множество проблем и изъянов, но при этом не только служило интересам развития соседних территорий России и Китая, но и стало важным фактором двусторонних отношений в целом.

* Опубликовано в сборнике: 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Сборник статей. М.: НП РСМД, 2021. С. 42—57.

Хотя Договор 2001 г. не был посвящён экономическим вопросам, он создавал политическую и идеологическую платформу для дальнейшего экономического взаимодействия. Статья 16 определила, что «договаривающиеся Стороны на основе взаимной выгоды развивают сотрудничество в торгово-экономической... и других сферах, представляющих взаимный интерес, содействуют развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами и... создают для этого необходимые благоприятные условия»⁴.

Многие двусторонние документы (совместные заявления, декларации, коммюнике и пр.), принимавшиеся на высшем уровне в последующие два десятилетия, отражали стремление Москвы и Пекина к улучшению качества и структуры этих отношений. В Совместной декларации 2004 г. выражалось намерение «разработать планы всестороннего сотрудничества на среднесрочную и долгосрочную перспективу с целью совершенствования структуры двусторонней торговли, расширения торговли машинотехнической и электронной продукцией, оптимизации форм и методов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, делая упор на реализации крупных совместных проектов в различных областях»⁵. Неоднократно сообщалось о желании существенно повысить эффективность взаимодействия, «качество и уровень торгово-экономического сотрудничества», наполнить его «качественно новым содержанием», усовершенствовать формы и методы торгово-экономических связей⁶, «расширять кооперацию в инвестиционной и технико-экономической сферах, содействовать реализации крупных стратегических проектов, упрощать торговые инвестиционные процедуры»⁷ и т.д. Периодически ставились и количественные ориентиры — например, достижение объёма двусторонней торговли в 100 млрд долл. к 2015 г. и 200 млрд долл. к 2020 г.⁸

Получалось далеко не всё не только из желаемого, но и из согласованного и запланированного. На развитие экономических отношений России и Китая в годы после подписания Договора 2001 г. оказывали влияние как внутривнутриполитические обстоятельства, так и внешние факторы, в частности мировой финансовый кризис 2008 г., обвал цен на нефть 2014 г. и пандемия нового коронавируса 2020 г. Как следствие, далеко не всегда результаты соответствовали желаниям, а действия — намерениям. Экономическими процессами управлять оказалось значительно сложнее, чем политическими или гуманитарными.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Анализ российско-китайских торгово-экономических отношений в последние два десятилетия позволяет выделить в них два этапа (этап подъёма и этап стагнации отношений) и три динамических пика: 2008, 2014 и 2019 гг. (рис. 1). При этом причины, которые обуславливали подъёмы и спады, были различными.

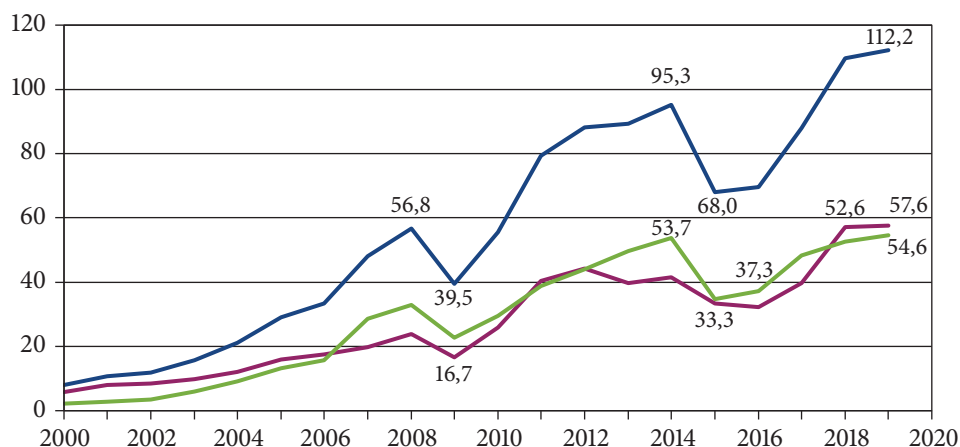

Рис. 1. Российско-китайская торговля
(по данным китайской статистики, млрд долл.)

Первый пик был достигнут, с одной стороны, на основе модернизации экономики и внешнеэкономической деятельности КНР (вступление в ВТО, реализация концепции глобального внешнеэкономического наступления «идти вовне», интенсивное развитие экспортного производства, улучшение качества продукции), увеличения потребностей Китая в ряде товаров, которые могла предложить Россия (древесина, чёрные металлы, удобрения, рыба и морепродукты), а с другой — вследствие улучшения экономической ситуации в России, повышения покупательной способности россиян и спроса на китайскую продукцию на российском рынке. Без сомнения, подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, создание Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств различных подкомиссий и рабочих групп по экономическому сотрудничеству в совокупности создали для этого благоприятную политическую и организационную среду.

С 2003 г. двусторонняя торговля вышла на «траекторию ускоренного роста»⁹ и к 2009 г. увеличилась по сравнению с 2002 г. почти в пять раз — с 11,9 до 56,8 млрд долл. (на 44,9 млрд долл.). Объём российского экспорта увеличился в 2,8 раза (с 8,4 до 23,8), импорта — в 9,4 раза (с 3,5 до 33 млрд долл.). При этом обращают на себя внимание два фактора:

- 1) основной скачок (23,4 млрд долл., или 52% этого роста) приходится на 2007—2008 гг.;
- 2) феномен 2007—2008 гг. был обеспечен главным образом за счёт увеличения российского импорта, который дал 73,4% общего прироста торговли в этот период. В 2007 г. импорт РФ из КНР впервые после 1991 г. превысил масштабы её экспорта и продемонстрировал стремительный рост с 15,8 млрд долл. в 2006 г. до 33 млрд долл. в 2008 г.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. ударил и по российско-китайской торговле, но спад был кратковременным. Уже в 2010 г. её объём почти восстановился, а затем начался стремительный подъём, причём динамика экспорта и импорта, как показывает график, отличалась. Экспорт РФ достиг вершины в 2012 г., а ввоз в Россию товаров из Китая стабильно увеличивался в течение двух лет, вплоть до начала 2015 г. Несмотря на то, что начало поставок нефти в Китай по нефтепроводу «Восточная Сибирь — Тихий Океан» с 1 января 2011 г. стало главным условием роста российского экспорта, в общем приросте товарооборота в 2011—2014 гг. (39,7 млрд долл.) на долю российского импорта (прирост на 24,1 млрд долл.) приходится 61%.

Третий пик (2018—2019 гг.) воспринимается таковым лишь на фоне глубочайшего провала 2015—2017 гг. Спад был преодолен главным образом посредством увеличения объёмов российского экспорта в Китай, который в 2019 г. достиг своего исторического максимума, а также перепрофилирования структуры китайского экспорта в РФ. Политика санкций со стороны Запада, а также падение курса рубля вынуждали российских потребителей переориентироваться на китайские промышленные товары.

Столь значительное изменение объёмов торговли сопровождалось существенными изменениями в структуре её экспорта и импорта. Доля Китая в российском экспорте возросла с 5% в 2000 г. до 13,4% в 2019 г. Произошло это как за счёт почти утращения (с 20,3 до 56,8 млрд долл.) объёмов вывоза российских товаров в Китай, так и по причине сокращения экспорта РФ в другие страны. Прирост

в стоимостном объёме торговли приходится преимущественно на последнее десятилетие, охватывает все основные группы товаров (рис. 2, табл. 1), но обеспечивают эту впечатляющую динамику только две статьи: минеральные ресурсы, которые составили 80% роста экспорта (главным образом сырая нефть) и продовольственные товары. Закономерно, что нынешняя номенклатура российского экспорта в Китай крайне узка и носит исключительно сырьевой характер: 86% его стоимости приходится на три статьи: минеральные ресурсы, древесина и продовольствие.

Противоположная тенденция сложилась в динамике и структуре российского импорта из Китая. Во-первых, если объём российского экспорта в КНР за эти годы вырос в 11 раз, то объём импорта из этой страны — в 57 раз, а доля Китая в российском импорте увеличилась с 2,8 до 21,9% (рис. 3). Во-вторых, более интенсивно он рос в первое

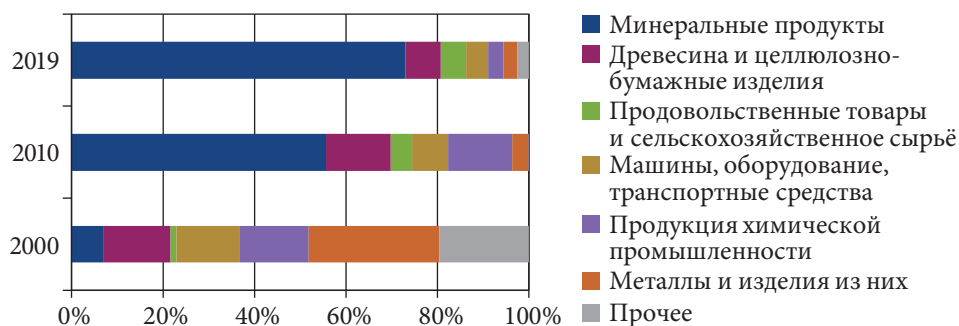

Рис. 2. Изменение структуры экспорта России в КНР (2019 г., в %).

Источник: Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2019-g/>

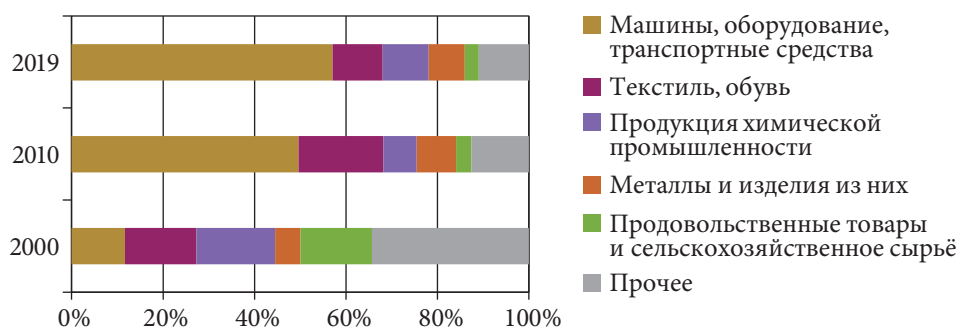

Рис. 3. Изменение структуры импорта России из КНР (2019 г., в %).

Источник: Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2019-g/>

Таблица 1

Динамика экспорта РФ в КНР (по группам товаров, млн долл.)

Товарная группа	Экспорт в КНР			Прирост (раз)	Весь экс- порт РФ	Доля КНР в экспорте РФ (%)
	2000	2010	2019		2019	2019
Минеральные продукты	373	11 287	41 509	111,3	257 855	16,1
Древесина и целлюлозно- бумажные изделия	763	2 883	4 350	5,7	8 331	52,2
Продовольственные товары и с/х сырьё	74	954	3 192	43,1	11 656	27,4
Машины, оборудование, транспортные средства	718	1 604	2 709	3,8	27 682	9,8
Продукция химической промышленности	797	2 842	1 931	2,4	11 608	16,6
Металлы и изделия из них	1 498	690	1 670	1,1	28 759	5,8
Прочее	1 024	40	1 430	1,4	78 736	1,8
Всего:	5 247	20 300	56 792	10,8	424 627	13,4

Источник: Тринич Ф.А. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 3. С. 44—51; Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2019-g/>; Экспорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2019 г. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>.

десятилетие. В-третьих, кардинально изменилась его товарная структура: если в 2000 г. в нём доминировали химические товары, продовольствие и товары народного потребления, то сегодня преобладают машины и оборудование, на долю которых приходится более половины (57%) импорта РФ из КНР. В настоящее время Китай занимает важные позиции не только в общероссийском импорте обуви и текстильной продукции, закрывая без малого две трети (64%) импортных потребностей рынка, но и обеспечивает треть импорта металлов и изделий из них и более четверти (27,4%) от общего ввоза в Россию машин, оборудования и транспортных средств (табл. 2).

Экономические последствия пандемии нового коронавируса 2020 г. сказались не только на самой торговле, но в ещё большей степени — на её статистике. По российским данным, экспорт из РФ в КНР за первую половину 2020 г. сократился по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 11,6% (до 23,8 млрд долл.), а вот импорт России из Китая

Таблица 2

Динамика импорта РФ из КНР (по группам товаров, млн долл.)

Товарная группа	Импорт из КНР			Прирост (раз)	Весь им- порт РФ	Доля КНР в импорте РФ (%)
	2000	2010	2019		2019	2019
Всего:	949	29 600	54 127	57	247 393	22,2
Машины, оборудование, транспортные средства	111	14 682	30 872	278	112 545	27,4
Текстиль, обувь	148	5 476	5 851	40	9 186	63,7
Продукция химической промышленности	163	2 161	5 489	34	27 055	20,3
Металлы и изделия из них	52	2 546	4 449	86	13 197	33,7
Продовольственные товары и с/х сырьё	149	1 006	1 721	12	15 746	10,9
Прочее	326	3 729	5 745	18	69 664	8,2

Источник: Тринич Ф.А. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. 2009. С. 44—51; Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2019-g/>; Экспорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2019 г. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>.

даже увеличился на 0,8% и составил 24,4 млрд долл. (табл. 3). Китайская таможенная статистика показывает параллельное сокращение российского экспорта — на 5,3% (до 28,2 млрд долл.), импорта — на 6% (до 20,9 млрд долл.)¹⁰. Разница существенна не только в оценке роста или падения, но и самих объёмов торговли (по экспорту — на 4,4 млрд долл., а по импорту — на 3,5 млрд долл.). При этом

Таблица 3

Таможенная статистика российско-китайской торговли
(первая половина 2020 г., млн долл.)

Таможенная статистика	Экспорт РФ		Импорт РФ		Объём торговли	
	РФ	КНР	РФ	КНР	РФ	КНР
Стоимость	23 757	28 220	24 411	20 936	48 168	49 156
Прирост/падение	-11,6	-5,3	+0,8	-6,0	-5,7	-5,6

Источник: Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>.

общий оборот различается всего на 1 млрд долл. Такого не было даже в 1990-е гг., в пору расцвета челночной торговли, контрабанды и серого импорта. Похоже, что с обеих сторон не учитываются товары на миллиарды долларов.

В чём стороны не преуспели за последние два десятилетия, так это в развитии производственной кооперации. Китайские инвестиции не приживаются в российской экономике, как и российские — в китайской. Хотя их объёмы за последние два десятилетия заметно выросли, это увеличение далеко отстаёт от желаемого и заявленного.

Формальный прогресс в объёме инвестиций был достигнут к концу первого десятилетия. По словам Д.А. Медведева, занимавшего в то время пост президента РФ, объём накопленных китайских инвестиций в России увеличился до 2,6 млрд долл. (в 25 раз), а российских в КНР — без малого до 1 млрд долл. (в 5 раз)¹¹. В целях закрепления и развития успеха в 2014 г. была создана Российско-китайская межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству на уровне заместителей глав правительств. Последовали бодрые заявления с обеих сторон, особенно с китайской, о результатах инвестиционного взаимодействия. Уже в 2015 г. Министерство коммерции КНР рапортовало о буме китайских ПИ в России в 2014 г. (2,96 млрд за год) и 14 млрд накопленных китайских инвестиций в РФ¹². Правда, годом позднее Торгпредство РФ в КНР, ссылаясь на то же Министерство коммерции, сообщало уже только о 9,5 млрд долл., а на конец 2018 г. довело эту цифру до 10,96 млрд¹³.

Однако российская статистика оперирует иными, более скромными сведениями. По данным Центробанка РФ, на 1 января 2020 г. остаток накопленных ПИ из КНР в РФ составил всего лишь 3,7 млрд долл. Даже если учесть инвестиции из Гонконга (3 млрд долл.)¹⁴, эта цифра явно не дотягивает до тех, что поступают по китайским официальным каналам. Более того, эта же статистика свидетельствует, что в 2014—2018 гг. объём китайских ПИ в России практически не увеличивался (табл. 4).

Кроме того, более половины китайских инвестиций идёт в финансовый сектор. В последние годы увеличились вложения в добывающие отрасли, а в промышленном секторе и сельском хозяйстве, несмотря на все попытки, сконцентрировано менее 15% всех китайских ПИИ (рис. 4).

Также расходятся российские и китайские данные о инвестициях РФ в КНР. На начало 2019 г. Минкоммерции КНР оценивало их в 1,07 млрд долл.¹⁵, в то время как российский ЦБ, как уже отмечено

Таблица 4

**Динамика прямых инвестиций КНР в РФ и РФ в КНР
(остаток на начало 2020 г., млн долл.)**

Направление/дата	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020
Китай в РФ	4 543	2 759	1 341	2 902	3 584	2 660	3 736
Гонконг в РФ	141	292	568	561	1 007	1 020	3 043
КНР+Гонконг в РФ	4 684	3 051	1 909	3 463	4 591	3 680	6 779
РФ в КНР	181	179	149	209	247	254	282
РФ в Гонконге	64	1 153	н/д	1 239	346	324	341
РФ в КНР+Гонконге	245	1 332	н/д	1 448	593	578	623

Источник: Статистика Центрального банка РФ. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

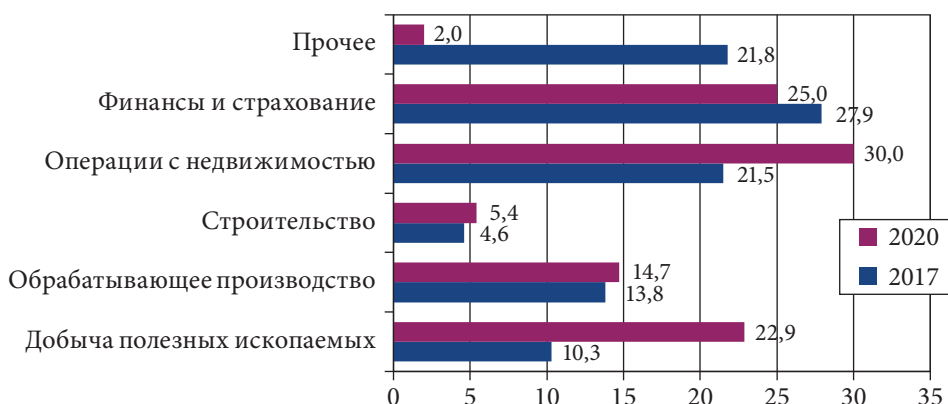

Рис. 4. Отраслевая структура прямых китайских инвестиций в РФ
(без учёта Гонконга, в %, на начало 2020 г.).

Источник: Статистика Центрального банка РФ. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

в табл. 4, оперировал почти в два раза меньшей суммой. Но как бы ни считали чиновники и финансисты, российские инвестиции в китайской экономике настолько незначительны, что дискутировать об их реальном значении не представляется целесообразным. Как констатировали китайские составители руководства по инвестициям в Россию, российско-китайское инвестиционное сотрудничество ещё находится на начальном этапе¹⁶.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

Роль Тихоокеанской России в экономических отношениях между РФ и КНР, как и подходы центральных и местных властей двух государств к их развитию, достаточно подробно проанализированы в публикациях дальневосточных учёных¹⁷. Приведём только несколько наиболее важных положений, оттеняющих общие процессы в этой сфере, а также актуальную статистику на этот счёт.

В 1990-е гг. и Москва, и Пекин в целом нейтрально относились к межрегиональным и приграничным отношениям, особенно не способствуя их развитию, но и не препятствуя этому. Китайское правительство санкционировало стратегию привлечения российских ресурсов в интересах развития Северо-Востока страны, в то время как российское, не видя в этих связях особых выгод для федерального центра, практически оставило их без внимания. Подходы поменялись в начале нового столетия. В России закрепились идея привлечения китайского капитала и рабочей силы для решения задач по ускоренному развитию Дальнего Востока и Забайкалья, тогда как в китайских концепциях появился раздел об использовании пространства Тихоокеанской России как транзитной зоны для расширения своего экономического присутствия в мире. К концу первого десятилетия XXI в. сформировалась идея координации планов и усилий в развитии приграничных территорий двух стран, воплотившаяся в Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. Несмотря на то, что программа фактически не была реализована¹⁸, идея не «ушла в песок» и была поддержана подписанием в 2018 г. Программы развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018—2024 гг. и Плана развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая.

Санкцию «сверху» на привлечение Китая в экономику региона дал в 2012 г. В.В. Путин, призвав задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока»¹⁹. Установку с энтузиазмом восприняли региональные администрации Тихоокеанской России, в стратегиях и планах которых Китай стал

фигурировать как важнейшее направление внешнеэкономической деятельности. Параллельно с этим, однако, высказывались опасения относительно последствий расширения китайского экономического присутствия на российской территории. Особым образом заинтересованы в отношениях с Китаем граничащие с ним Забайкалье, Амурская и Еврейская автономная области, во внешнеэкономических связях которых на южного соседа стабильно приходится более 80%²⁰.

С китайской стороны стабильный энтузиазм к развитию отношений с территориями Тихоокеанской России ещё со второй половины 1980-х гг. проявляют приграничные с Россией пров. Хэйлунцзян, Цилинь и автономный район Внутренняя Монголия. Их интерес связан, прежде всего, с поисками внешних ресурсов для решения обострившихся в последние годы проблем социально-экономического развития Северо-Востока Китая, хотя у каждой из территорий есть свои подходы и приоритеты.

Во внешнеэкономических связях Тихоокеанской России после подписания Договора 2001 г., как и в отношениях на межгосударственном уровне, чётко прослеживаются два этапа: 2001—2012 гг. и 2013—2019 гг. Для первого из них характерно поступательное увеличение объёмов торговли, на динамике которой финансовый кризис 2008 г. сказался незначительно. Второй этап отличается резким падением масштабов экономических связей и их последующим медленным восстановлением. Если для чистоты эксперимента анализировать масштабы обмена ДФО с Китаем в границах до 2018 г. (без Забайкалья и Бурятии), то его динамика хорошо видна на рис. 5. Очевидно, что на первом этапе объём торговли ДФО с Китаем вырос в 10 раз (с 1,1 до 10,1 млрд долл.), но уже к 2016 г. снизился на 38% (до уровня 2012 г.) и, несмотря на восстановление дальневосточного экспорта, так и не достиг прежних отметок.

Аналогичные процессы наблюдались и в отношениях ДФО с двумя другими главными торговыми партнёрами — Японией и Республикой Корея. С первым из них уровень 2012 г. к 2020 г. так и не был достигнут, со вторым — слегка превышен только в 2019 г. В результате позиции КНР как главного внешнеэкономического партнёра федерального округа за последнее десятилетие заметно укрепились. Если в 2014 г. на её долю приходилось 18,7% экспорта и 42% импорта региона, то в 2019 г. соответственно 24,8% и 61,9%. Тем не менее Китай не является главным направлением дальневосточного

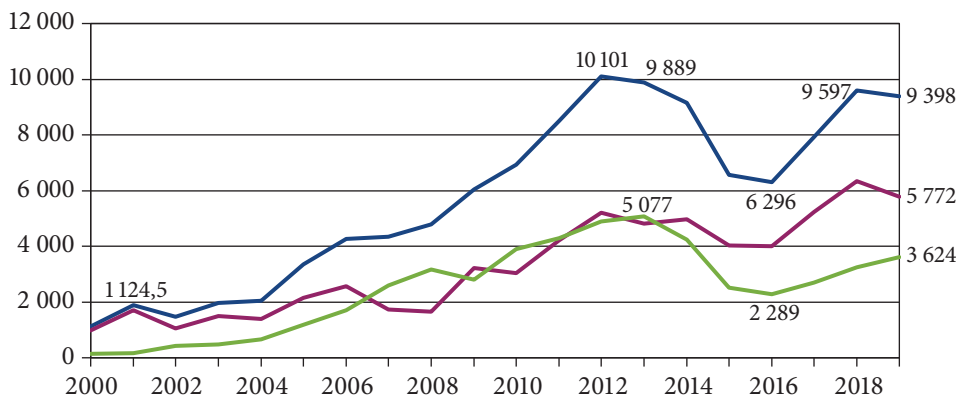

Рис. 5. Торговля ДФО с КНР (в границах ДФО до 2018 г., млн долл.).

Источник: Дальневосточное таможенное управление. Таможенная статистика.

URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>

экспорта. В общем объеме экспорта ДФО за 2013—2019 гг. на КНР приходится лишь 20,8%, тогда как на Республику Корея — 30%, а на Японию — 26%. А вот как поставщик импортных товаров в ДФО он был в эти годы вне конкуренции, давая региону 46% от стоимостного объема его импорта. Япония, занимающая второе место, сильно отстает (13%)²¹.

Важно отметить очень разную степень вовлеченности субъектов ДФО в экономические связи с Китаем. Более 70% товарооборота ДФО с КНР приходится на три территории: Приморский и Хабаровский края и Сахалинскую область. Приморье является своеобразным хабом Тихоокеанской России, через который на большую часть её территории поступает импорт из Китая (в 2018—2019 гг. на край пришлось 68—70% всего ввоза товаров ДФО из КНР). Хабаровский край и Сахалин обеспечивают половину (55% в 2019 г.) дальневосточного экспорта в эту страну.

Структура экспорта ДФО в КНР в последние два десятилетия заметно не изменилась (табл. 5). И в начале века, и сегодня в ней преобладают три статьи: минеральные продукты, рыба и морепродукты, лесоматериалы. Заметнее всего увеличились поставки в Китай рыбы и морепродуктов.

Структура импорта из КНР в то же время заметно изменилась. Ещё в 1999 г. 67% приходилось на продовольственные товары и сырьё для их производства²², но уже в 2004 г. доля этих категорий снизилась

Таблица 5

Структура экспорта и импорта ДФО из КНР

Товарная группа	2005		2019		
	Стоимость (млн долл.)	% от всего экспорта	Стоимость (млн долл.)	% от всего экспорта	Рост (раз)
Экспорт ДФО					
Нефть и нефтепродукты	916,1	45,0	2 681,7	41,6	2,9
Рыба и морепродукты	112,2	5,5	1 648,2	25,5	4,7
Древесина	528,5	25,9	894,7	13,9	1,7
Прочее	480,2	23,6	1 228,8	19,0	2,6
Всего:	2 037,0	100,0	6 453,4	100,0	3,2
Импорт ДФО					
Товары народного потребления	544,5	45,8	283,2	6,7	1,9
Пищевые продукты	208,0	17,5	535,7	13,3	2,6
Машины, оборудование, транспортные средства	178,3	15,0	1 886,0	47,1	10,6
Металлы и изделия из них	96,3	8,1	346,0	8,7	3,6
Продукция химической промышленности	86,8	7,3	419,0	10,5	4,8
Прочее	74,9	6,3	546,7	13,6	7,3
Всего:	1 188,8	100,0	4 018,6	100,0	3,4

Источник: Внешняя торговля ДФО. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>.

до 17,5% (табл. 5). В китайском экспорте в ДФО стала поступательно увеличиваться доля технической продукции: машин, оборудования, транспортных средств. С 2000 по 2008 г. ввоз товаров этой группы из Китая на Дальний Восток увеличился в 72,8 раз (с 8,5 до 846,3 млн долл.), а их удельный вес в товарной структуре импорта вырос с 5,3 до 20%²³. Сегодня почти половина ввоза из КНР приходится на эту статью. В целом же в 2018—2019 гг. от 55 до 57% ввезённых регионом машин и оборудования, 51% металлов, по 52—44% продовольствия и 44—23% транспортных средств поступило в ДФО из Китая²⁴.

Ещё одна тенденция, которая обращает на себя внимание при сопоставлении экономических связей между РФ и КНР на межгосударственном и приграничном уровнях, — это заметно бо́льшая глубина падения импорта Дальневосточного региона из Китая (табл. 6).

Таблица 6

Российско-китайская торговля:
масштабы падения в кризисные периоды (млрд долл.)

	Общий объём			Экспорт			Импорт		
	2014	2015	Падение	2014	2015	Падение	2014	2015	Падение
Россия									
Весь мир	959,0	395,7	33,9%	381,5	261,4	31,5%	217,4	134,2	38,2%
КНР	66,6	463,8	28,9%	28,7	21,3	25,6%	37,9	25,5	32,8%
ДФО									
Весь мир	29,6	19,9	32,8%	21,3	15,5	27,2%	8,3	4,4	46,9%
КНР	7,7	4,9	37%	4,0	3,0	26,1%	3,7	1,9	48,7%
Россия									
Весь мир	319,7	265,6	16,9%	206,7	160,0	22,6%	113,0	105,6	6,5%
КНР	51,1	48,2	5,7%	26,9	23,8	11,6%	24,2	24,4	+0,8%
ДФО									
Весь мир	18,4	14,9	19,0%	14,5	11,3	22,0%	3,9	3,6	7,7%
КНР	4,9	4,7	4,0%	3,1	3,0	3,2%	1,8	1,7	5,6%

Источник: Внешняя торговля ДФО. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>;
Внешняя торговля РФ. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>.

Валютный кризис и падение покупательной способности россиян сильнее всего ударили по экономическим связям ДФО с Китаем.

Более глубокий уровень падения экономических связей ДФО с КНР, нежели отношений на межгосударственном уровне, привёл к снижению значения региона в российско-китайских экономических связях: если в 2013 г. на него приходилось 13,8% российско-китайской торговли, то в 2019 г. — уже только 9,5%.

По-разному можно оценивать попытки вовлечь китайские капиталы в развитие экономики Тихоокеанской России. С одной стороны, за 5 лет (с начала 2014 г. до конца 2019 г.) накопленные ПИИ из КНР увеличились в регионе почти в три раза — с 247 млн долл. до 707 млн долл.²⁵ Однако доля ДФО в общем объёме китайских ПИИ в России составляет лишь 10,4%, а в общем объёме ПИИ в ДФО на КНР по-прежнему приходится менее 1%. Более того, 68,5% китайских инвестиций сосредоточено в Забайкальском крае в виде вложений в единственный на территории Дальневосточного федерального округа крупный промышленный объект с китайским капиталом — Амазарский целлюлозно-бумажный комбинат. Еще 101 млн долл. (14,3%) задержался в Приморском крае, 66 млн долл. (9,3%) — в Амурской области, так что на все остальные территории приходится лишь 56 млн долл. Но при этом официальная статистика не может выделить те китайские инвестиции, которые поступают через офшоры, в частности, в крупные компании, действующие в сферах лесного и сельского хозяйства, а также в области разработки рудных месторождений²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует целый ряд специальных сфер экономического взаимодействия РФ и КНР, которые остались за рамками данной статьи: транспортная инфраструктура, туризм, трудовые ресурсы и др. Масштабы использования китайской рабочей силы в России вышли на пик к концу первого десятилетия XXI в., но с тех пор по разным причинам существенно снижаются. А вот познавательный туризм (особенно с китайской стороны) очень активно развивается с середины второго десятилетия, стимулируя как саму туристическую индустрию, так и связанные с ней отрасли. Притчей во языцех остаётся состояние приграничных погранпереходов. Все темы достаточно

специфичны, имеют немало подводных течений и теневых ответвлений, и поэтому требуют специального и достаточно скрупулезного рассмотрения, для которого рамки этой статьи узки.

В целом изучение процесса и результатов российско-китайского экономического взаимодействия приводит к противоречивым выводам. С одной стороны, за два десятилетия существенно (в 14 раз) увеличились объёмы торговли. Китай стал для России главным торговым партнёром. Многократно выросли прямые инвестиции в экономику двух соседних стран. С другой стороны, за этот же период номенклатура товарообмена заметно сократилась, российский экспорт в Китай стал преимущественно сырьевым, и в то же время продовольственная зависимость России от КНР трансформировалась в технологическую. Не изменились позиции России среди экономических партнёров Китая. По итогам 2019 г. она также входит в первую десятку, но на её долю приходится лишь 2% китайского экспорта и 2,9% импорта.

Самое главное — не изменилось само качество отношений, стержнем которых является обмен сырья на готовую продукцию. Пожалуй, сегодня лишь один товар серьёзно связывает экономики РФ и КНР: сырая нефть. В 2019 г. Россия поставила в Китай 77,7 млн т нефти, что составило 15% всего нефтяного импорта КНР и 29% российского нефтяного экспорта. Именно поэтому российско-китайские экономические отношения столь чувствительны к воздействию внешних факторов, прежде всего цен на энергоресурсы.

К сожалению, так и не были реализованы некоторые весьма важные и перспективные идеи. Не сложилась производственная кооперация, особенно в сфере высокотехнологичной продукции. Потерпели неудачу первые попытки ускорить развитие периферийных территорий двух стран — Дальневосточного федерального округа и Северо-Востока Китая — посредством координации их экономической деятельности. Даже в минимальной степени не реализован потенциал приграничного сотрудничества. Россия практически не вписывается в китайский стратегический проект «Пояса и пути». Не виден и серьёзный задел на будущее, который может быть создан только на основе совместных научно-технических разработок.

Пока в России на высоком уровне отсутствует видение того, как задействовать огромный демографический и экономический потенциал Китая в интересах развития страны. Парадоксально, но в утверждённой

правительством РФ в сентябре 2020 г. Национальной программе развития Дальнего Востока до 2035 г. об экономическом взаимодействии со второй экономикой мира, с которой регион имеет протяжённую границу, даже не упоминается, а приграничные территории в лучшем случае рассматриваются как зона для транзита китайских грузов в третьи страны. Конечно, имеется «подушка безопасности» за счёт скорого ввода в строй газопровода «Сила Сибири», когда объёмы торговли, безусловно, вновь побьют существующие рекорды. Но что это изменит, кроме как увеличит долю сырьевой части российского экспорта до 95%, пополнит федеральный бюджет и укрепит позиции государственных корпораций?

Разрыв в уровне и качестве российско-китайского политического и экономического сотрудничества является сегодня ахиллесовой пятой стратегического партнёрства двух великих держав. И эта незащищённая зона, куда будут целенаправленно бить силы, которым не по нраву существование сильных, независимых, самодостаточных России и Китая, будет существовать до тех пор, пока в своём экономическом взаимодействии Москва и Пекин не сделают ставку на интеллект, знания, науку, технологии и творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российская таможенная статистика, не способная учесть товары, шедшие через границу контрабандой или в багаже челноков, сообщает лишь о 6,2 млрд долл.
- ² Федорук В. Торгово-экономическое сотрудничество: рекордная высота взята // Компас. ИТАСС. 2001. № 28. С. 37.
- ³ Japanese Trade and Investment Statistics // Statistical Abstract of the United States 2015. Maryland: Bernan, 2015. P. 828, 831.
- ⁴ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 17.07.2001. URL: <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
- ⁵ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 14.10.2004. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/2053>.
- ⁶ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21.03.2006. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/>.
- ⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413>.

- ⁸ Пресс-конференция по итогам российско-китайских переговоров. 16.06.2011. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/11594>.
- ⁹ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21.03.2006. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3710/>.
- ¹⁰ 2020年6月进出口商品主要国别(地区)总值表(美元值)(Экспорт и импорт товаров по странам (территориям) за 6 месяцев 2020 г. [в долларах США]). URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302275/3187998/index.html>.
- ¹¹ Эти цифры взаимных инвестиций на 2010 г. озвучил Д. Медведев в интервью китайским СМИ. См.: Интервью Дмитрия Медведева Центральному телевидению Китая. 12.04.2011. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/10911>.
- ¹² 中国对外投资合作发展报告 2016 (Доклад о сотрудничестве в области иностранных инвестиций за 2016 г.). 北京: 中华人民共和国商务部, 2016. С. 93.
- ¹³ Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
- ¹⁴ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: остатки по странам-инвесторам по видам экономической деятельности по состоянию на 01.01.2020. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/65-dir_inv.xlsx.
- ¹⁵ Российско-китайское инвестиционное сотрудничество // Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
- ¹⁶ 对外投资合作国别(地区)指南. 俄罗斯(2016年版)(Руководство по сотрудничеству с разными странами (регионами) в сфере инвестиций. Россия). 北京: 商务部国际贸易合作研究院, 2016.
- ¹⁷ См. например: Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 105—113; Иванов С.А. Без полномочий, ресурсов и целей: роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 28—45; Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 138—153; Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 5—21; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 5—23; Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 182—194, 316—380 и др.
- ¹⁸ См.: Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 54—65.
- ¹⁹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.06.2012. URL: <http://m.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>.

- ²⁰ Подробнее см.: Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве... С. 260—264.
- ²¹ Подсчитано по: Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/>.
- ²² Итоги внешнеэкономической деятельности предприятий Дальневосточного региона за 1999 г. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 1. С. 24.
- ²³ Деваева Е.И., Котова Т.Е. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития // Пространственная экономика. 2009. № 4. С. 51.
- ²⁴ Подсчитано по: Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/>.
- ²⁵ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
- ²⁶ Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве... С. 347.

РОССИЯ В ПЛАНАХ И ПРОГРАММАХ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КИТАЯ*

8 января 2021 г. официальный рупор КНР газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью, которая оптимистично постулировала, что сотрудничество между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России «придаёт импульс углублению отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства и сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху»¹. Эта обтекаемая формулировка подразумевает в том числе продолжающийся поиск более эффективных путей и средств развития Северо-Востока страны, в обеспечении которого российскому фактору отводится немаловажная роль.

Данная стратегическая линия, которая сформировалась и была внедрена в концепции развития приграничных с Россией пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг.², не раз подтверждалась в документах центрального и местного уровня в первые два десятилетия XXI в. Правительство КНР приняло серию решений, нацеленных на ускоренное развитие приграничных районов страны, поощрение развития взаимодействия с сопредельными зарубежными территориями, предоставило им для этого ряд льгот и преференций. Соседние с Россией территории принимали специальные решения, программы и планы расширения сотрудничества с северным соседом, фиксировали этот курс в пятилетних планах своего развития, провинциальных и местных интерпретациях инициативы «Пояса и пути», создавали специальные зоны внешней открытости и международного сотрудничества и вели себя достаточно активно в продвижении своих интересов на российской территории.

Внедрение в практику теоретических положений строительства социализма с китайской спецификой «новой эпохи», утверждённых XIX съездом КПК в качестве руководящей идеологии развития страны на долгосрочный период³, потребовало ревизии ранее сделанного и выработки новых подходов. Даже поверхностный анализ показывает, что многие ориентиры, которые намечались для приграничных с Россией территорий и ради которых китайские власти намеревались использовать потенциал России, не были достигнуты. Стратегия

* Опубликовано в журнале: Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 12. С. 5—14.

возрождения «старопромышленной» базы Северо-Востока КНР, на которую делалась ставка, дала очень скромные результаты⁴. Темпы его экономического развития хронически отставали от средних по стране⁵. Фактически провалилась «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг.»⁶. Объём экономических связей северо-восточных провинций КНР с Россией за эти годы не только не вырос, а существенно сократился. Указанные обстоятельства ставят под сомнение представления об эффективности китайского среднесрочного планирования, утвердившиеся в последние годы в информационном пространстве России.

12 марта 2021 г. Всекитайское собрание народных представителей утвердило 14-й пятилетний план развития страны на 2021—2025 гг. и перспективные направления её модернизации до 2035 г. В течение февраля — мая текущего года аналогичные планы приняли Собрания народных представителей Хэйлунцзяна, Цзилини и Внутренней Монголии, а также приграничных городов Суйфэнхэ и Хэйхэ. Эти документы позволяют оценить намерения руководства данных территорий в отношении выстраивания связей с Россией не только на пятилетку, но и на более долгосрочный период.

Целью данной статьи как раз и является анализ сформулированных китайской властью подходов к взаимодействию с Россией в контексте решения старых и новых задач по развитию приграничных территорий. В первой части статьи кратко представлены концептуальные подходы Китая к этой проблеме в первые два десятилетия XXI в. и результаты их практического воплощения, во второй анализируются свежие проявления китайской теоретической мысли на тему использования потенциала России для решения задач развития Китая в «новую эпоху».

ОПЫТ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ КАК ОСНОВА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Мы уже писали о том, что, хотя руководство КНР формально исповедовало, поддерживало и не раз декларировало идею привлечения потенциала Сибири и Дальнего Востока для форсированного развития своих северных и северо-восточных территорий⁷, последние

не находились в фокусе глобального зрения Пекина. Решение одной из «прорывных идей» 1990-х — создание «единого экономического пространства Северо-Восточной Азии» — было отдано на откуп трём приграничным провинциям, наиболее заинтересованным в реализации этой идеи. Такой же подход проявился в концепте инициативы «Пояса и пути», которая акцентировала внимание на необходимости «использовать близость Внутренней Монголии к Монголии и России», «укрепить сотрудничество между китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин и российским Дальневосточным регионом в области морских и сухопутных перевозок» и сформулировала задачу строительства «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»⁸.

Таким образом, позиция Пекина по вопросу использования ресурса России в значительной степени сформировалась на основе прагматичных расчётов пограничных с РФ территорий, которые воспринимали её преимущественно в трёх проекциях: как географически близкий источник природных (в том числе энергетических) ресурсов; как рынок сбыта (ограниченный по масштабам, но для определённых секторов важный) промышленной и сельскохозяйственной продукции и рабочей силы; как владельца транспортной (железнодорожной, портовой и морской) инфраструктуры, удобной для поставки товаров на европейский, азиатский и американский рынки⁹.

Пров. Хэйлунцзян, на которую приходится 70% (2981 км) российско-китайской границы, уже с конца 1980-х гг. позиционировала себя как национальную платформу сотрудничества с Россией и её восточными районами. «Общий план восстановления старопромышленной базы пров. Хэйлунцзян» (2004 г.) зафиксировал цель создания общекитайского «окна» для открытия России и транспортного коридора, который должен связать Китай с Европой. Там же были обозначены три основные сферы сотрудничества с Россией: наука, разработка природных ресурсов и торговля¹⁰. В марте 2005 г. власти провинции утвердили программу развития экономических отношений с Россией, подкреплённую конкретными планами взаимодействия в сфере энергетики, создания экспортного, в том числе сельскохозяйственного, производства, нацеленного на Россию, научно-технического сотрудничества¹¹. В ноябре 2009 г. эта программа была скорректирована, но её принципиальные установки не изменились¹². В том же году была утверждена «Программа совместного освоения китайской

зоны Туманган», разработанная в рамках уже многие годы обсуждаемого международного проекта развития территорий Китая, России, КНДР и Монголии, примыкающих к р. Туманной (кит. *Тумэньцзян*, кор. *Туманган*). Формально программа имела статус национальной стратегии, но являлась сугубо провинциальной, став руководством к действию только для правительственной и интеллектуальной элит пров. Цзилинь¹³.

В течение 2012—2016 гг. правительство КНР санкционировало несколько новых программ развития приграничных территорий страны, предусматривавших в том числе стимулирование их связей с зарубежными партнёрами, включая Россию. В этом ключе были выдержаны документы, посвящённые укреплению позиций Северо-Восточного Китая в Северо-Восточной Азии¹⁴ и дальнейшему развитию Туманганского проекта¹⁵. В 2014 г. пров. Хэйлунцзян приняла программу развития торговли услугами с Россией вплоть до 2023 г.¹⁶ Весной 2016 г. была утверждена Программа развития Северо-Востока Китая¹⁷. В числе её приоритетных задач были названы сопряжение планов развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России и строительство «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»¹⁸.

Интерпретации общенациональной инициативы «Пояса и пути», которые активно продвигали приграничные территории, также были ориентированы на расширение взаимодействия с Россией. В первую очередь они были нацелены на создание трансграничной транспортной инфраструктуры, способной обеспечить им выход на рынки Европы, Азии и Америки. Именно в таком ключе выдержаны хэйлунцзянские «Рабочая программа строительства восточного мультимодального Шёлкового пути»¹⁹ (утверждена в ноябре 2014 г.) и «Программа строительства экономического пояса Хэйлунцзянского мультимодального Шёлкового пути Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»²⁰ (апрель 2015 г.).

Соответствующим образом взгляд на Россию был представлен в планах развития этих территорий на 13-ю пятилетку (2016—2020 гг.). В хэйлунцзянском плане среди восьми базовых задач фигурировало создание «системы всесторонней внешней открытости с приоритетным развитием сотрудничества с Россией... в целях заметного повышения пропускной способности трансграничных транспортных коридоров», формирование «ориентированной на весь Китай

платформы услуг и каналов взаимодействия с Россией», «развитие трансграничных производственных цепочек и кластеров для углубления всестороннего сотрудничества с Россией и осуществления новых прорывов в развитии отношений с Японией, Республикой Корея, Европой, США, Австралией, Новой Зеландией, Израилем, Гонконгом, Тайванем и Макао»²¹. В пятилетнем плане пров. Цзилинь в качестве «опорного района» «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия» представлена зона Чанцзиту (треугольник Чанчунь — Цзилинь — Туманган). Провинция нацеливалась на развитие мультимодальных перевозок через Россию, подключение к восточной части её газотранспортной системы, развитие промышленных и сельскохозяйственных производств, ориентированных на российский рынок²². Внутренняя Монголия намеревалась «повысить уровень открытости и сотрудничества с Россией и Монголией», прежде всего посредством создания международных «опытных площадок», «открытых пилотных зон» и «зон приграничного сотрудничества», логистических парков, производств для переработки импортных и экспортных товаров, а также развития туризма, ну и, конечно, строительства «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»²³.

В этом планировании обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, отсутствие какой-либо координации планов взаимодействия с Россией между приграничными регионами КНР. Напротив, они фактически конкурировали между собой как ведя борьбу за внимание, поддержку и трансферты центра, распределявшиеся в рамках концепта «Пояса и пути», посреднические функции между производителями экспортной продукции из южных и восточных провинций и российскими потребителями, так и соревнуясь за ресурсы, рынки и доступ к транспортным артериям РФ. Во-вторых, господство достаточно упрощённых и мало изменившихся с 90-х гг. XX в. представлений о важнейших формах взаимодействия с Россией: 1) импорт, переработка и перепродажа в Китае российского сырья; 2) экспорт в Россию готовой продукции, прежде всего из внутренних районов Китая; 3) строительство транспортных коридоров через российскую территорию в Европу, Азию и Америку. В-третьих, декларативность многих положений, редко простиравшихся далее упоминания различных специальных «зон приграничного сотрудничества». Наконец, заметная дистанция между теорией и практикой. Как оказалось, вроде бы правильно и убедительно обоснованные положения

и модели на практике изначально работали плохо. Вероятно, именно по этой причине наблюдавшаяся во втором десятилетии стагнация, а в некоторых случаях и снижение объёмов торгово-экономических связей этих территорий с Россией воспринимались в Китае без особого трагизма.

Уже к середине второго десятилетия нового века эксперты отмечали, что приграничное сотрудничество, способное стать третьей важной основой российско-китайского стратегического партнёрства, откровенно хромает²⁴. К концу десятилетия они вообще оценивали состояние и перспективы развития приграничных отношений двух стран достаточно критически, отмечая, что экономические связи фактически ограничивались торговлей, причём с китайской стороны торговля в значительной степени оставалась посреднической и была мало связана с реальным сектором местной экономики. Производителями и конечными получателями товаров являлись главным образом восточные и центральные провинции КНР²⁵. Производственная кооперация не развивалась, строительство транспортных коридоров буксовало, присутствие России в большинстве «пилотных зон» было номинальным, а научно-техническое сотрудничество оставалось только мечтой.

В торгово-экономических отношениях с Россией во втором десятилетии XXI в. «в плюсе» оказалась только Внутренняя Монголия, объём торговли которой с РФ увеличился в пять раз, прежде всего за счёт существенного роста импорта (см. таблицу). Пров. Цзинь, ещё в 2016 г. заявлявшая о намерении увеличить объём торговли с Россией к 2020 г. до 2 млрд долл.²⁶, напротив, снизила его до 825 млн долл.²⁷ А товарооборот Хэйлунцзяна с РФ, несмотря на все решения, планы, программы и усилия, сократился на 13%, причём китайского экспорта — в 3,5 раза. Можно, конечно, сетовать на снижение спроса в России на китайскую продукцию сельского хозяйства и лёгкой промышленности, падение мировых цен на сырьевые товары, поставлявшиеся из России, девальвацию рубля и другие объективные причины, но тот факт, что доля трёх приграничных территорий в торговле с Россией снизилась с 2012 до 2019 г. по экспорту с 12,1 до 3,8%, а по импорту — с 45,2 до 33,2% (см. табл. 1), по сути, свидетельствует о кризисной ситуации в их экономических связях с Россией.

Не получила развития экономическая кооперация приграничного китайского бизнеса с российским. Несмотря на то что провинциальные

Таблица 1

Значение России во внешнеторговых связях приграничных территорий КНР

Год	Хэйлунцзян		АРВМ		Цзилинь		Три региона Северо-Востока	
	Объём, млн долл.	Доля в торговле региона, %	Объём, млн долл.	Доля в торговле региона, %	Объём, млн долл.	Доля в торговле региона, %	Объём, млн долл.	Доля в российско-китайской торговле, %
Экспорт								
2012	5 155,8	35,7	278,6	7,0	822,1	3,3	6 256,5	12,1
2019	1 453	28,6	386,7	7,1	240,0	5,2	2079,7	3,8
Прирост/снижение	-71,8	-7,1	+38,8	+0,1	-70,8	+1,9	-66,8	-8,3
Импорт								
2012	16 153,4	69,1	244,5	3,4	143,9	0,8	16 541,8	45,2
2019	17 015,8	77,0	2 307,7	22,0	584,5	4,2	19 908,0	33,2
Прирост/снижение	+5,3	+7,9	+843,8	+18,6	+306,1	+3,4	+20,3	-12,0

Составлено по: Статистические ежегодники пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия за 2013, 2020 и 2021 гг. Цифры откорректированы в соответствии с более свежими данными китайской стороны.

власти рапортовали о миллиардных инвестициях в российскую экономику (так, ответственные лица пров. Цзилинь сообщали о 2 млрд долл. накопленных вложений в РФ на конец 2015 г. и намерении увеличить их объём до 3 млрд долл. в 2020 г.²⁸, а чиновники пров. Хэйлунцзян — о 2,98 млрд долл. на начало 2018 г.²⁹), их фактический объём был существенно меньше. Если исходить из официальной статистики, в 2012—2018 гг. пров. Хэйлунцзян инвестировала в Россию от 2,3 млн до 72 млн долл. в год, что составляло от 0,2 до 1,5% всех её прямых капитальных вложений за рубежом и никак не выводило на заявленные масштабы³⁰.

Единственный показатель, который существенно вырос за эти годы — это число китайских туристов в России³¹. Можно предположить, что подавляющее большинство этих туристов приезжали из приграничных районов Китая. В то же время, если опираться на данные тех же провинциальных статистических ежегодников, туристическая

индустрия китайского приграничья недосчиталась около 40% туристов из РФ: их число снизилось с 2,4 млн в 2012 г. до 1,47 млн чел. в 2019 г., в то время как в целом в Китае оно выросло на 7%³².

Даже официальные данные показывают серьёзные экономические трудности, возникшие у приграничных с Россией городов, завязанных на неё экономически, — Суйфэньхэ и Хэйхэ. Среднегодовые темпы прироста ВРП Хэйхэ за 13-ю пятилетку при запланированных 7% составили 6%, капиталовложений — 4,8 вместо 8%, а внешняя торговля принесла не увеличение на 5%, а падение на 1,7%³³. Ежегодные темпы роста ВРП Суйфэньхэ составили всего 2,86%³⁴.

Таким образом, второе десятилетие XXI в. продемонстрировало малую эффективность той модели приграничного взаимодействия с Россией, которая была выстроена в Китае на рубеже столетий. Были ли причиной тому завышенные ожидания, чрезмерный оптимизм планировщиков или оплошали исполнители — это вопросы для специального анализа. Нас занимает другое: какие уроки извлечены из прошлого десятилетия и в каком ракурсе тема России представлена в региональном планировании «новой эпохи» строительства социализма в КНР?

НОВЫЕ ПЛАНЫ НА «НОВУЮ ЭПОХУ»

Ответить на данный вопрос позволяют документы двух типов. Первый — отчёты правительств приграничных регионов о результатах работы за прошедший год и задачах на следующий. Второй — планы социально-экономического развития этих территорий на период до 2025 г. и намётки на последующее десятилетие.

Отчёты правительств закономерно посвящены главным образом вопросам внутренней жизни. Тем не менее по ним можно судить как о внешнеэкономических приоритетах территории, так и о глубине интереса её властей к России. В отчётах правительства Хэйлунцзяна за 2017, 2018 и 2019 гг. российская проблематика была представлена достаточно широко³⁵. В отчёте за 2020 г. Россия упомянута всего 11 раз. Но при этом и.о. губернатора провинции Ху Чаншэн был оптимистичен. По его словам, Хэйлунцзян «ещё более укрепил свой статус крупной провинции по развитию сотрудничества с Россией», формирует «всестороннюю модель открытости, ориентированную

на Россию и Северо-Восточную Азию», намерен совершенствовать приграничную торговлю услугами, активно расширять инвестиционное сотрудничество и работу «по ключевым проектам», укреплять взаимодействие в сфере промышленности, технологий и образования³⁶. А вот в докладе о работе правительства АРВМ за 2020 г.³⁷ о России не говорится вообще; в аналогичном документе пров. Цзилинь присутствует лишь упоминание о необходимости «эффективно использовать российские нефтяные и газовые ресурсы»³⁸. Не часто писали о России и в отчётах правительств Цзилини и АРВМ за предшествующие пять лет — в основном в общих фразах о реализации инициативы «Пояса и пути», важности строительства «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия» и трансграничной транспортной инфраструктуры.

Куда большую пищу для размышлений о месте и роли, отводимым России в стратегических замыслах администраций приграничных с ней китайских территорий, дают планы их экономического и социального развития на 14-ю пятилетку (2021—2025 гг.) и целях до 2035 г.

Квинтэссенцией политики пров. Цзилинь в отношении России названо «развитие сотрудничества в области освоения ресурсов России и приграничной торговли» с ней. Говоря об отношениях с двумя другими ближайшими соседями — Японией и Южной Кореей, план предполагает развитие с ними «экономического, торгового и технического взаимодействия»³⁹. «Эффективно использовать» нефтегазовые ресурсы России провинция намерена посредством строительства газопровода из Приморского края до г. Хуньчунь, создания его соответствующей инфраструктуры и перерабатывающей базы нефтехимии мощностью 10 млн т⁴⁰. Из других новаций стоит отметить расширение провинциального экспорта в Россию посредством электронных торгов. В остальном же план ограничивается общими фразами о развитии приграничной торговли, ускорении процесса создания транспортных коридоров через порты Приморского края, «Ледового Шёлкового пути» и зон приграничного сотрудничества. Обращает на себя внимание и задача создания в Хуньчуни — наиболее близкой к побережью Японского моря точке провинции — специальной зоны морского экономического развития. Не обладая прямым выходом к морю, руководство провинции тем не менее намерено «создавать объекты морского культурного туризма, в рамках концепта умных морских городов построить порт и логистический центр

судоходства... содействовать строительству предприятий по переработке морской продукции, производству оборудования для морской деятельности и рыболовства, морской биомедицине и др.»⁴¹.

Внутренняя Монголия продолжает организовывать свои внешние связи в формате «ускоренного строительства „Экономического коридора Китай — Монголия — Россия“». Её конкретные интересы в России ограничиваются поставками газа через ответвление газопровода «Сила Сибири» до г. Хулунбуир, совершенствованием организации приграничной торговли и развитием гуманитарного обмена, в том числе путём привлечения в АРВМ «выдающихся талантов»⁴². Правительство пограничного с Россией округа Хулунбуир, не мудрствуя лукаво, отделяется общими фразами о необходимости «углублять сотрудничество с соседними регионами России и Монголии, укреплять межличностные и культурные обмены, улучшать механизм регулярных межправительственных встреч и развивать сотрудничество с соседними регионами России и Монголии в сферах экономики и торговли, туризма, культуры, образования, спорта, экологии и Красного Креста, чтобы постоянно добиваться новых результатов»⁴³. Ещё одна провинция Северо-Востока, не имеющая общей границы с Россией, но относительно близкая к ней, — Ляонин ограничивает свои планы «активным участием в строительстве „Экономического коридора Китай — Монголия — Россия“, «сопряжённым сотрудничеством (对接合作) с Дальним Востоком России» и его «рыбохозяйственным освоением»⁴⁴.

Куда обстоятельнее представлена Россия в планах пров. Хэйлунцзян, которую центральное правительство продолжает рассматривать как территориальную платформу дальнейшего развития взаимодействия с РФ. Цель «поднять уровень открытости Харбина для сотрудничества с Россией» даже закреплена в общенациональном плане на 14-ю пятилетку⁴⁵.

Сама пров. Хэйлунцзян, как и прежде, считает соседство с Россией благоприятным фактором и намерена использовать его более продуктивно. В течение 2020 г. провинциальное министерство торговли организовало серию онлайн-семинаров для чиновников, предпринимателей, юристов и всех заинтересованных лиц, посвящённых разным аспектам взаимодействия с Россией. В центре внимания оказались проблемы инвестирования, особенности российского законодательства. Очевидно, что власти провинции поставили перед собой

задачу сформировать группу высококвалифицированных экспертов, способных обеспечивать потребности всего Китая в консультациях по вопросам развития российской экономики, различным аспектам российского права, в том числе в сфере интеллектуальной собственности⁴⁶. Развивая эту линию, власти Суйфэньхэ обозначили цель создать «крупнейшую в стране приграничную базу профессионального обучения» китайских специалистов для работы с Россией⁴⁷.

Эти намерения отразились в провинциальном плане развития на 14-ю пятилетку, в том числе в представленных там оценках более далёких перспектив. Среди главных задач провинции на ближайшие годы названы: формирование «новой модели внешней открытости с акцентом на Россию и СВА»; «дальнейший прорыв в закреплении позиции пров. Хэйлунцзян как лидера во взаимодействии КНР с Россией»⁴⁸; превращение её в «авангард» китайско-российского торгово-экономического сотрудничества⁴⁹, «ключевую промышленную базу»⁵⁰. За несколькими крупными городами и территориями провинции закреплены конкретные функции в отношениях с Россией. Харбин позиционирован как «центральный город сотрудничества КНР с РФ»; Муданьцзян — как «важное окно в Россию и СВА», «город — модель сотрудничества с Россией», центр взаимодействия в области сельского хозяйства и фармацевтики⁵¹; Цицикар — как центр обработки импортированной из России древесины⁵². Путям и методам реализации этих задач, по сути, посвящена вся гл. 10 плана, раскрывающая действия провинции по реализации инициативы «Пояса и пути» и политики внешней открытости.

Особые полномочия возложены на приграничные с Россией Суйфэньхэ и Хэйхэ. Пятилетние планы этих городов в значительной степени построены на идее использования их «уникального географического положения» как чуть ли не единственного благоприятного фактора для развития. Хэйхэ ставит перед собой цель стать «стратегическим центром и важной платформой китайско-российского трансграничного сотрудничества», «самым крупным, масштабным, населённым, перспективным и экологичным городом на российско-китайской границе»⁵³. Конкурирующий с ним г. Суйфэньхэ его власти намерены сделать «важным окном для китайско-российского стратегического партнёрства, открытости и сотрудничества в Северо-Восточной Азии», «новаторской и экспериментальной платформой

для тесного торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией»⁵⁴. Оба плана прописывают для этого целый комплекс мер в самых разных областях экономической и социальной политики, включая объёмы финансирования и конкретные объекты.

Анализ направлений, сфер и форм деятельности, которую власти приграничных территорий предполагают осуществлять для развития отношений с Россией, как и особенностей промышленных, сельскохозяйственных и инфраструктурных объектов, намеченных к строительству, выходит за рамки данного исследования. Обозначим лишь некоторые принципиальные моменты, касающиеся намерений китайской региональной администрации.

Первое. Стратегическая нацеленность китайских властей на использование российского экономического потенциала для нужд Северо-Востока страны сохранилась. Но принципиальное значение эта задача имеет только для Хэйлунцзяна, в то время как АРВМ в одинаковой степени ищет ресурсы в России и Монголии, а для Цзилли взаимодействие с РФ — лишь подспорье в решении вопросов энергетики и коммуникации. Главной же целью Хэйлунцзяна остаётся максимальное привлечение ресурсов и освоение рынков России в интересах собственного развития, а также сохранение посреднических функций в отношениях с ней других провинций Китая. Протяжённая граница, многочисленные погранпереходы, подготовленные кадры, владеющие русским языком и знакомые с российскими реалиями, многолетний опыт работы с северным соседом являются в этом случае серьёзными аргументами.

Второе. Идеологически идея использования потенциала России подводится под решение ряда общенациональных задач: реализацию инициативы «Пояса и пути» (строительство «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия» и «Ледового Шёлкового пути»), обеспечение «пяти важнейших аспектов безопасности», выделенных XIX съездом КПК в качестве одного из средне- и долгосрочных приоритетов политики (в научно-технической, оборонной, продовольственной, энергетической и сырьевой сферах), строительство «зелёной» и инновационной экономики и др. На практике приграничные территории руководствуются своими насущными потребностями в сырьевых и интеллектуальных ресурсах, рынках сбыта, коммуникациях. При этом они не ограничивают сферу своего интереса

соседними краями и областями России, Дальневосточным и даже Сибирским федеральными округами. Суйфэньхэ вообще строит свою стратегию исходя из лозунга «покупать по всей России, продавать по всему Китаю», а Хэйхэ опирается на принцип «соединять Китай и Россию, служить всей стране»⁵⁵.

Третье. Несмотря на заявленные намерения властей отойти от примитивной модели экономического взаимодействия «сырьё в обмен на готовую продукцию», сделать пров. Хэйлунцзян «ключевой площадкой научно-технического и инновационного сотрудничества с Россией»⁵⁶, «добиться прорыва в таких областях, как технологии, образование, высокотехнологичное производство и торговля услугами», «укрепить инвестиционное сотрудничество с Россией в сфере высокотехнологичного производства», конкретных шагов в этих направлениях ни пятилетние планы провинциального уровня, ни аналогичные документы Хэйхэ и Суйфэньхэ не предусматривают. Куда более детально прописаны действия по расширению импорта российских энергоресурсов и сырьевых товаров, созданию сети перерабатывающих производств на китайской территории, увеличению экспорта в Россию собственных промышленной и сельскохозяйственной продукции и услуг, большей эффективности трансграничных транспортных коридоров. Осторожно ставятся задачи «использования русских земельных угодий для решения важной проблемы дефицита продовольствия в нашей стране», импорта и переработки экологически чистой сельскохозяйственной и морепродукции из России.

Четвёртое. Тем не менее некоторые элементы новых подходов пробивают себе дорогу. Власти Суйфэньхэ, например, декларируют финансовую поддержку компаниям, инвестирующим в Россию. В документах руководства территории говорится о создании благоприятного правового, финансового, таможенного режимов для экономического сотрудничества. Строятся планы развития электронной торговли и банковского взаимодействия. Ставятся задачи создания китайско-российских производственных цепочек в таких областях, как деревообработка, нефтехимия, переработка зерна и соевых бобов, фармацевтика и других, подготовки высококвалифицированных кадров со знанием русского языка и российской деловой и социальной практики.

Пятое. Серьёзная ставка по-прежнему делается на создание различных «специальных территорий взаимодействия»: «платформ для

обмена технологиями», научно-технических парков и «пилотных зон», выставочных и демонстрационных центров и др., где и предполагается внедрять прогрессивные формы сотрудничества. При этом власти Суйфэньхэ не теряют надежды вдохнуть жизнь в приснопамятную трансграничную торгово-экономическую зону «Суйфэньхэ — Пограничный», история которой уходит ещё в 90-е гг. XX в., а Хэйхэ продолжает продвигать идею «соразвития» с соседним Благовещенском.

Шестое. Помимо чисто экономического взаимодействия, все планы с той или иной степенью глубины и развёрнутости нацеливают на развитие обмена в сфере образования, культуры, медицины, спорта, туризма, создание более благоприятных условий для привлечения высококвалифицированных специалистов из России, обеспечение экологической, медико-биологической и санитарной безопасности и др.

Обобщая сказанное выше, мы можем констатировать, что обретение Китаем статуса глобальной державы и его вхождение в «новую эпоху» строительства социализма, как и усвоение прошлых, не слишком удачных попыток использовать ресурс России в качестве драйвера социально-экономического развития Северо-Востока, лишь в незначительной степени подкорректировали курс Пекина и пограничных с РФ территорий в этом направлении. Установка на развитие отношений с Россией является обязательной к исполнению для Цилини, Внутренней Монголии и Хэйлунцзяна, но лишь Харбин относится к ней с полной серьёзностью, ставит многостороннее и многоплановое сотрудничество с Россией во главу угла политики внешней открытости. Суйфэньхэ и Хэйхэ строят планы своего развития в расчёте на ресурсный потенциал и рынок уже не только соседних Сибирского и Дальневосточного регионов, но и всей России. Сохраняется ориентация на импорт и переработку российского сырья, экспорт местной продукции, освоение транспортной инфраструктуры. И пусть новации, ориентированные на научно-технологическое, кооперационное, финансовое и цифровое взаимодействие, носят преимущественно декларативный характер, а некоторые из высказанных в китайских планах намерений выходят за рамки реальных возможностей, все они нацелены на сотрудничество, а не конфронтацию, а значит, обладают позитивным потенциалом для обеих сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹中俄“东北—远东”合作展现活力, 2021年01月08日 (Китайско-российское сотрудничество «Северо-Восток — Дальний Восток» показывает свою жизненную силу, 08.01.2021). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0108/c1002-31992970.html>.
- ²Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток — Запад, 2005. С. 81—136.
- ³Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 178.
- ⁴История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 354—355.
- ⁵По данным провинциальной статистики, прирост ВРП пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и АРВМ составил: в 2018 г. — соответственно 5,0, 4,5 и 5,2%; в 2019 г. — 4,5, 3,5 и 5,2%, в 2020 г. — 1,0, 2,4 и 0,2%, тогда как в среднем в КНР за те же годы экономический рост составлял 6,8, 6,1 и 2,3% (см.: 黑龙江统计年鉴, 2012—2021 (Статистические ежегодники пров. Хэйлунцзян за 2012—2021 гг.). URL: <http://tjj.hlj.gov.cn/>; 吉林统计年鉴, 2012—2021 (Статистические ежегодники пров. Цзилинь за 2012—2021 гг.). URL: <http://tjj.jl.gov.cn/>; 内蒙古统计年鉴, 2012—2021 (Статистические ежегодники Автономного района Внутренняя Монголия за 2012—2021 гг.). URL: <http://tj.nmg.gov.cn/m/>).
- ⁶См.: История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв... Кн. 5. С. 220—237; Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая, 2009—2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3. 26 с.
- ⁷Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 182—194.
- ⁸Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. Xinhua, 29.03.2015. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0329/c90883-8870719.html>.
- ⁹Восточные районы России в координатах внешней политики и международных отношений в Тихоокеанской Азии // У карты Тихого океана. 2018. № 2. С. 16—18.
- ¹⁰История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв... Кн. 5. С. 222.
- ¹¹黑龙江省人民政府关于推进对俄经贸科技合作战略升级的意见, 2007年08月17日 (Мнение Народного правительства пров. Хэйлунцзян о содействии стратегической модернизации торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией, 17 августа 2007 г.). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2007/0817/c75-142689.html>.
- ¹²黑龙江省人民政府关于推进对俄合作适应性战略调整的意见, 2010年01月07日 (Мнение Народного правительства пров. Хэйлунцзян о содействии корректировке адаптивной стратегии сотрудничества с Россией, 7 января 2010 г.). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2010/0107/c75-127444.html>.
- ¹³История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв... Кн. 5. С. 227.

- ¹⁴ 中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要 (2012—2020年) 2015-12-09 (Основы плана регионального открытия Северо-Восточного Китая в Северо-Восточную Азию (2012—2020 гг.). 9 декабря 2015 г.). URL: <http://www.cre.org.cn/qy/db/9794.html>.
- ¹⁵ 国务院办公厅关于支持中国图们江区域 (珲春) 国际合作示范区建设的若干意见. 国办发, 2012年, 第19号 (Некоторые мнения Канцелярии Госсовета о поддержке строительства Демонстрационной зоны международного сотрудничества в районе реки Тумэнь (Хунчунь) в Китае. Издано Госсоветом, 2012, № 19). URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2012/content_2131970.htm.
- ¹⁶ 黑龙江省对俄服务贸易中长期规划正式出炉, 2014年03月19日 (Официально опубликован среднесрочный и долгосрочный план пров. Хэйлунцзян торговли услугами с Россией, 19 марта 2014 г.). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-03/19/content_2641433.htm.
- ¹⁷ 中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见, 2016年04月26日 (Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о возрождении старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, 26 апреля 2016 г.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm.
- ¹⁸ См.: История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв... Кн. 5. С. 219—223; Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики... С. 187—193.
- ¹⁹ 黑龙江省人民政府办公厅关于印发推进东部陆海丝绸之路经济带建设工作方案的通知, 2014年11月20日 (Уведомление Канцелярии Народного правительства пров. Хэйлунцзян о печати и распространении плана работ по содействию строительству Восточного участка сухопутно-морского Экономического пояса Шёлкового пути, 20 ноября 2014 г.). URL: <http://chanyedanao.com/detail-36172.html>.
- ²⁰ “中蒙俄经济走廊” 黑龙江陆海丝绸之路经济带建设规划, 2015年04月15日 (План строительства сухопутно-морского Экономического пояса Шёлкового пути «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия» в пров. Хэйлунцзян. 15 апреля 2015 г.). URL: <http://yuqing.dbw.cn/system/2015/04/15/000959201.shtml>.
- ²¹ 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要, 2016年02月15日 (Основы плана социально-экономического развития пров. Хэйлунцзян на 13-ю пятилетку, 15 февраля 2016 г.). URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2016/02/15/057084446.shtml>.
- ²² 吉林省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要, 2016年03月24日 (Основы плана социально-экономического развития пров. Цзилинь на 13-ю пятилетку, 24 марта 2016 г.). URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H2_AN202101131450159640_1.pdf?1610561791000.pdf.
- ²³ 内蒙古自治区国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要, 2016年3月 (Основы плана социально-экономического развития автономного района Внутренняя Монголия на 13-ю пятилетку, март 2016 г.). URL: <https://www.ciyew.com/wp-content/uploads/2018/10/e8c882bcf912a8c1d77a.pdf>.
- ²⁴ Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 9—19.
- ²⁵ История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв... Кн. 5. С. 206.

- ²⁶ 吉林省将加大与俄罗斯在投资和旅游领域合作, 2016年05月11日 (Пров. Цзилинь увеличит сотрудничество с Россией в сфере инвестиций и туризма, 11 мая 2016 г.). URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJVqg7>.
- ²⁷ Статистический ежегодник пров. Цзилинь за 2020 г...
- ²⁸ Пров. Цзилинь увеличит сотрудничество с Россией...
- ²⁹ 对俄经贸合作将黑龙江推向沿边开放发展道路, 2018年07月13日 (Торгово-экономическое сотрудничество с Россией подтолкнёт Хэйлунцзян на путь открытия границ и развития, 13 июля 2018 г.). URL: <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/53530.shtml>.
- ³⁰ Статистические ежегодники пров. Хэйлунцзян за 2013—2020 гг...
- ³¹ В частности, только количество туристов из КНР в ДФО, обслуженных российскими турфирмами, увеличилось с 2012 по 2018 г. в пять раз, с 46 тыс. до 246 тыс. человек (см.: ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31598>).
- ³² Подсчитано на основе статистических ежегодников КНР (см.: 中国统计年鉴 (Статистические ежегодники Китая). URL: <http://www.stats.gov.cn>) и пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия за 2013 и 2020 гг.
- ³³ 黑河市国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要, 2021年04月16日 (14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Хэйхэ и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г., 16.04.2021). URL: http://zwgk.heihe.gov.cn/info/egovinfo/1001/nry/01525685-1-02_Z/2021-0416001.htm.
- ³⁴ 绥芬河市国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要, 2021年03月19日 (14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Суйфэнхэ и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г., 19 марта 2021 г.). URL: <http://www.suifenhe.gov.cn/zfxgk/contents/4235/108024.html>.
- ³⁵ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1. С. 11.
- ³⁶ 黑龙江省人民政府. 2021年政府工作报告, 2021年02月24日 (Народное правительство пров. Хэйлунцзян. Отчёт о работе 2021 г., 24 февраля 2021 г.). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2021/0224/c68-11014966.html>.
- ³⁷ 2021年内蒙古自治区政府工作报告, 2021年02月01 (Отчёт о работе правительства Внутренней Монголии 2021 г., 1 февраля 2021 г.). URL: http://www.nmg.xinhuanet.com/xwzx/ttxw/2021-02/01/c_1127049726.htm.
- ³⁸ 2021年吉林省政府工作报告, 2021年01月31日 (Отчёт о работе правительства пров. Цзилинь 2021 г., 31 января 2021 г.). URL: <http://jl.people.com.cn/n2/2021/0131/c349771-34556570.html>.
- ³⁹ 吉林省国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要. 吉林省人民政府, 2021年3月 (14-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Цзилинь и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г. Народное правительство пров. Цзилинь, март 2021 г.). С. 95. URL: <http://xxgk.jl.gov.cn/szf/gkml/202103/W020210408374532246284.pdf>.
- ⁴⁰ Там же. С. 27, 104—105.
- ⁴¹ Там же. С. 95—98.

- ⁴² 内蒙古自治区国民经济和社会发展的第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021年02月10日 (14-й пятилетний план социально-экономического развития автономного района Внутренняя Монголия и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г., 10 февраля 2021 г.). URL: http://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxxgk/zfxxgkml/202102/t20210210_887052.html.
- ⁴³ 中共呼伦贝尔市委员会关于制定国民经济和社会发展的第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议, 2021年02月04日 (Рекомендации парткома КПК округа Хулунбуир по формулированию 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития и наброска основных долгосрочных целей до 2035 г., 4 февраля 2021 г.). URL: https://mp.weixin.qq.com/s/pZNFEK4pluLoMo_WvcuslQ.
- ⁴⁴ 辽宁省国民经济和社会发展的第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要 (14-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Ляонин и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г.). С. 125—126. URL: <http://www.ln.gov.cn/zwgkx/zfwj/zhwj/202104/P020210409363471219769.pdf>.
- ⁴⁵ 中华人民共和国国民经济和社会发展的第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021年03月13日 (14-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Ляонин и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г., 13 марта 2021 г.). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.
- ⁴⁶ См.: 2020年黑龙江省对俄业务线上培训班成功举办, 2020年08月10日 (В 2020 году успешно проведён онлайн-курс пров. Хэйлунцзян по бизнесу с Россией, 10 августа 2020 г.). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2020/0810/c603-11006135.html>; 2020年黑龙江省对俄合作政策法规线上培训会成功举办, 2020年12月24日 (В 2020 году успешно проведена онлайн-встреча — тренинг по политике и регламенту сотрудничества между Хэйлунцзяном и Россией, 24 декабря 2020 г.). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2020/1225/c604-11012735.html>.
- ⁴⁷ 14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Суйфэньхэ...
- ⁴⁸ 黑龙江省国民经济和社会发展的第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要, 2021年06月28日 (14-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Хэйлунцзян и набросок основных долгосрочных целей до 2035 г., 28 июня 2021 г.). С. 18. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/dfzgh/202106/t20210628_1284318.html.
- ⁴⁹ Там же. С. 83.
- ⁵⁰ Там же. С. 84—85.
- ⁵¹ Там же. С. 69.
- ⁵² Там же. С. 43.
- ⁵³ См.: 14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Хэйхэ...
- ⁵⁴ См.: 14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Суйфэньхэ...
- ⁵⁵ См.: 14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Суйфэньхэ...; 14-й пятилетний план социально-экономического развития г. Хэйхэ...
- ⁵⁶ 14-й пятилетний план социально-экономического развития пров. Хэйлунцзян... С. 85.

РАЗДЕЛ 4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: РАКУРСЫ РОССИЙСКОГО ВОСПРИЯТИЯ*

•

Прежде всего, я хочу обозначить ракурсы своего подхода к освещению этой проблемы. Главное, с моей точки зрения, — это поиск возможностей сотрудничества между Россией и Японией в решении этих проблем.

Эти самые «ключевые проблемы» я считаю возможным — исходя из их степени влияния на судьбу региона — расставить в следующем порядке.

ПУТИ, СРЕДСТВА, ФОРМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Все страны осознают и декларируют важность интеграции в регионе, эта проблема обсуждается уже два десятилетия, но процесс идёт чрезвычайно медленно.

Москва рассматривает интеграцию России в регион в качестве инструмента её экономического развития и модернизации, одного из способов кардинального социально-экономического подъёма восточных районов страны. Главными и реально возможными для неё путями интеграции в АТР на сегодняшний день являются: в экономике — энергетика, транспорт и логистика; в политике — развитие двусторонних

* Доклад на Третьем российско-японском научно-практическом форуме «Тихоокеанский вектор мирового развития». Владивосток, 25 сентября 2012 г.

отношений и участие в региональных организациях; в общественной жизни — гуманитарные связи и народная дипломатия.

Камней преткновения на пути региональной интеграции немало, но главные для России два.

Первый — проблема лидерства и приоритетного партнерства: кто способен реально повести за собой столь разные страны с различными, иногда противоположными интересами и с кем следует крепче всего дружить? Россия на такое лидерство не претендует. По многим признакам, она вроде бы склоняется в пользу Китая, но в реальности в Кремле побаиваются чрезмерного влияния Пекина в регионе. В то же время проблемой является недооценка Кремлём роли, значения и потенциала Токио. Возможно, в том числе и потому, что внутренние политические коллизии Японии чрезмерно влияют на формирование её внешней политики.

Второй — выбор модели и стратегии развития Тихоокеанской России. Подсознательные и осмысленные опасения, что активное сближение этой части страны с зарубежной Азией повлечёт за собой дезинтеграцию российского государства, тормозит выбор пути модернизации и трансформации Дальнего Востока, адекватного возможностям России и современным тенденциям мирового развития.

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ РЕСУРСОВ

Россия — обладатель многих природных ресурсов, которых катастрофически не хватает в странах Восточной Азии: нефть, газ, лес, металлы, пресная вода и др. Есть у неё ещё один мощный ресурс, который упорно не замечают в Кремле, но которым активно пользуются в остальном мире: интеллектуальный.

Эта неравномерность распределения ресурсов создаёт определённую напряжённость в регионе, порождает захватнические по природе теории, самой безобидной из которых является концепция «принадлежности природных ресурсов планеты всему человечеству». Для России эта ситуация имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она является благоприятным условием для укрепления благосостояния страны. С другой, порождает опасный соблазн использовать его в качестве инструмента для решения политических

проблем. С третьей, пробуждает несколько подзабытые страхи оказаться в «колониальной зависимости от западных держав», стать «сырьевым придатком остального мира», что трансформируется в концепции изоляционизма и наращивания военной силы на случай попыток насильственного отъёма у неё этих ресурсов. Проблемой для России является неумение заглядывать в будущее, выстраивать сложные многоходовые комбинации. Гроссмейстеров в российской внешней политике сегодня не видно. Поэтому самые очевидные решения, которые будут приниматься, — это диверсификация рынка сбыта энергоресурсов, более активная политика проникновения на рынки АТР.

БЕЗОПАСНОСТЬ И СТАБИЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

В этой области существует несколько явных и скрытых угроз, которые являются ключевыми для региона. Первые две являются наследием эпохи раздела и передела мира второй половины XIX—XX вв., в том числе холодной войны, и без их преодоления невозможно говорить ни о реальной интеграции в Восточной Азии и АТР, ни об «эпохе развития и процветания», о которой грезят футуристы-оптимисты и вещают некоторые продвинутые политики.

Первая из таких угроз — разделённые государства и территории (Корейский полуостров, материковый Китай и Тайвань).

Вторая — территориальные споры (пограничные районы, острова, шельф).

Третья группа угроз реально выходит на первый план в современном мире — изменение климата, природные и техногенные катастрофы, международная преступность, деградация природной среды, пандемии и др.

Очевидно, что решение всех этих проблем возможно только на основе постоянного и активного многостороннего и двустороннего диалога и сотрудничества. Закономерна реанимация идеи коллективной безопасности в АТР. Соответственно, не случайна российско-китайская инициатива, предложенная в сентябре 2010 г. на саммите Д. Медведев — Ху Цзиньтао: создание Комплексной азиатско-тихоокеанской архитектуры безопасности и сотрудничества на принципах «шанхайского духа» (принципах ШОС), что подразумевает под собой

«взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, консультации, уважение к различным культурам и стремление к общему развитию».

Правда, при обращении к идее комплексной безопасности вновь всплывает проблема лидерства, которая уже приобрела остроту на региональном уровне.

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА И РАССТАНОВКИ СИЛ В РЕГИОНЕ

Только ленивый не говорит сегодня о росте экономической и военной мощи Китая, кардинально меняющем картину мира. На это накладывается менее заметный, но стабильный подъём Индии, перемещение центра внимания и «ребалансировка» США в АТР, никуда не девшиеся амбиции Японии, специальные интересы Южной Кореи и Вьетнама, явно не реализованный потенциал Индонезии и, наконец, стремление России быть Азиатско-Тихоокеанской державой. Для Кремля и России как таковой существуют две ключевые и критические проблемы, от решения которых зависит её будущая позиция в конфигурации региональных отношений.

Первая — самоидентификация как евразийской и тихоокеанской державы. Эта проблема не столько политическая и экономическая, сколько культурная и социально-психологическая.

Вторая — выбор главного партнёра в регионе. С кем быть? С кем дружить? Выбор важен не только для экономического развития Тихоокеанской России, но и для выработки сценария в решении ключевых региональных проблем (в частности, корейской и тайваньской). На сегодняшний день только Китай протягивает России руку дружбы. Но что получит Москва, играя по сценарию Пекина?

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Эта проблема уходит корнями в прошлое. Ветры холодной войны, исторические противоречия и уходящее в далёкое прошлое глубокое недоверие друг к другу, примат национальных интересов над общерегиональными порождают рост государственного и стихийного национализма, тормозят выработку взаимоприемлемых решений,

оборачиваются периодическими обострениями политических конфликтов. Для России, являющейся представителем европейской и преимущественно православной культуры, правопреемницей и наследницей Советского Союза, серьёзной проблемой является формирование её имиджа как «нормального», демократического, не воинственного и не агрессивного государства, преодоление взаимного непонимания, адаптация к азиатской политической культуре, самоидентификация себя не только как европейского, но и как азиатского государства.

А теперь, возвращаясь к началу моего доклада, попытаюсь ответить на вопрос: способно ли российско-японское сотрудничество содействовать решению этих проблем? Рецепт, как всегда, прост по содержанию, но сложен по исполнению. Способно, если стороны будут позитивно и адекватно воспринимать друг друга. Если научатся идти на уступки друг другу. Если не будут поддаваться эмоциям. Если найдут компромисс в оценке существующих проблем и путей их решения.

Решение этих проблем — в интересах и России, и Японии. Значит, надо искать объединяющие нас подходы и средства.

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ*

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ СНОВА НА ПЕРИФЕРИИ

Восточная Азия или, оперируя модными ныне терминами, Восточная Евразия стоит на пороге существенных изменений как своего места в мировой политической и экономической системе, так и характера внутрирегиональных связей. Четыре великих державы, считающие этот небольшой по площади регион сферой своих жизненных интересов, — Китай, Россия, США и Япония — никак не найдут приемлемую платформу для превращения его в зону мирного и стабильного развития. Непросто определить в этой конструкции место уже глобального Китая, самолюбивой Японии, амбициозной Южной Кореи и многоликой Юго-Восточной Азии, тем более что каждый из этих игроков имеет собственное видение будущего и понимание сложившейся ситуации.

По мере замедления темпов роста КНР и перенесения фокуса её экономической активности на центральную и западную часть континента гравитационное притяжение Северо-Восточной Азии слабеет. Протекционизм Вашингтона меняет характер его экономических отношений со странами Восточной Азии. Инициативы Ким Чен Ына несколько ослабили градус военно-политической напряжённости во всем регионе и реанимировали надежды на разрешение корейской проблемы. Наконец, Москва переориентирует свою геополитическую повестку с Азиатско-Тихоокеанского региона на «Большую Евразию», параллельно опробуя новую модель экономического освоения восточных районов России. В этом раскладе территория Тихоокеанской России априори предстает как окраина гипотетически единого евразийского пространства, что возвращает восточным районам страны исторически привычный им статус двойной периферии: восточноазиатской и европейской, или же, если использовать координаты евро-азиатской интеграции — евразийской периферии.

В этих условиях нерационально тратить время и энергию на обсуждение «поворота России на Восток», её «интеграции в АТР» или «приоритетное развитие Дальнего Востока». Вероятно, в российской столице эти существительные с признаками движения («поворот», «интеграция», «развитие») вызывают энтузиазм, эмоции и кажутся

* Опубликовано в журнале: Россия в глобальной политике. 2018. № 5. С. 41—54.

настоящими, но на берегах Тихого океана они всё больше воспринимаются как очередной эксперимент кремлевских мечтателей и инструмент для «рационального использования» бюджета. Частота произнесения ритуальных слов не сопровождается притоком капитала, новыми управленческими решениями, стабилизацией демографической ситуации в регионе. «Территории опережающего развития», «свободные порты», «дальневосточный гектар», как и созданные для управления ими бюрократические структуры, не оправдывают возлагавшихся на них надежд. Переориентация России в сторону Большой Евразии подтверждает прогнозы о скором завершении не первой в истории попытки «интенсивного освоения Дальнего Востока», а также теорию цикличности российских «поворотов к Востоку» и политик по развитию восточной периферии.

Это, однако, не снимает с повестки дня саму проблему. Если Москва по-настоящему хочет изменить судьбу восточных окраин России, необходимо осознать глубину происходящих в Тихоокеанской Азии тектонических сдвигов.

КОНЕЦ СТАРОГО МИРА: КОЛЛИЗИИ МИРОВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кардинальные изменения в конфигурации мира, балансе и расстановке сил в глобальной политике, стимулах и направлениях движения международной экономики не могли не повлиять на обстановку в Восточной Евразии. Наименование непринципиально: Восточная или Тихоокеанская Азия либо Западная Пацифика — это все дело вкуса и мировоззренческих пристрастий. Вне зависимости от названия регион на глазах трансформируется в принципиально новую геополитическую и экономическую реальность, где не только Китай и КНДР, но уже Япония, Южная Корея, страны ЮВА пытаются делать акцент на самостоятельную внешнюю политику, основанную на примате национальных интересов.

Из многочисленных последствий этих изменений решающими для Восточной Евразии являются два.

Первый — относительное ослабление политического влияния гегемона (США), происходящее вследствие глубокого кризиса либерализма. Запад с его ещё недавно «универсальными человеческими ценностями»

быстро теряет привлекательность на Востоке. Он по-прежнему уверен в своей исключительности, агрессивно отстаивает право судить и вразумлять остальной мир, но каждый его шаг только ускоряет деградацию. Проблемы Евросоюза и социально-политический раскол американского общества тщательно анализируются и оцениваются в сильно европеизированной, но по-прежнему конфуцианско-буддийской Восточной Азии, побуждая её всё более дистанцироваться от дискредитирующей себя «Европы».

С этим процессом связан второй фактор — самоопределение КНР как глобальной державы. К концу первого десятилетия XXI в. Китай стал державой номер два в экономике и мировой торговле (с претензией в ближайшем будущем занять первые позиции на обоих направлениях), создал современную и мощную военную машину, набрал солидный политический вес и престиж, прочувствовал своё новое качество, взвесил все плюсы и минусы пребывания на мировом Олимпе и созрел для признания неизбежности превращения в глобальную державу. Китайские руководители «пятого поколения» отважились отойти от заветов «мудрого Дэна» и объявили о готовности взять на себя часть ответственности за решение мировых и региональных проблем. Китай становится центром притяжения для многих государств, что и демонстрирует их реакция на инициативу «Пояса и пути» Си Цзиньпина.

На сегодняшний день в Тихоокеанской Азии возник вакуум силы, в котором сосуществуют и соперничают два полюса, два лидера: старый — Соединённые Штаты и новый — Китай. Это именно полюса притяжения, но не центры силы в традиционном понимании. Поскольку Вашингтон откровенно демонстрирует, что более не намерен жертвовать своими внутренними интересами ради безопасности союзников, он теряет магнетизм. Пекин же целенаправленно и последовательно обретает влияние. В подспудном соревновании США и Китая за Восточную Евразию семь десятилетий назад возникли и по сей день доминируют несколько точек, где интересы чётко обозначены и сталкиваются напрямую (Тайвань, Корейский полуостров), но ещё больше сфер, где продолжается жёсткая подковёрная борьба.

Главным трендом современного развития Восточной Евразии стал переход инициативы в руки Пекина, в том числе вследствие растущей отстранённости Вашингтона. Стратегические устремления и повседневные потребности КНР не только диктуют логику его поведения,

но и становятся ориентиром для других государств, которые, с одной стороны, намерены извлечь выгоду из планов и проектов китайского руководства, с другой — закономерно опасаются ущемления своих интересов, с третьей — конкурируют с ним за жизненное пространство, ресурсы и рынки.

Япония и Южная Корея аккуратно высвобождаются из-под абсолютного влияния Вашингтона, маневрируют в отношениях с Пекином и модернизируют стратегические подходы к России. Рост комплексной мощи КНР стал для обеих держав мотивом для перестройки отношений с Москвой в конкуренции за экономическое присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке. Эта конкуренция имеет в большей степени виртуальный, чем реальный характер, и хотя силу её воздействия на их внешнюю политику замерить невозможно, но нельзя не учитывать.

На карте региона появился новый амбициозный, изощрённый и не признающий устоявшихся правил ядерный игрок — Северная Корея. Демонстративное миролюбие и дипломатическая активность Ким Чен Ына, проявленные весной 2018 г., обусловлены не только эйфорией от успехов ракетно-ядерной программы, но и стремлением поиграть на противоречиях между США и Китаем, вовлечь в свои игры другие страны, в том числе и Россию. Формальное согласие Белого дома на американо-северокорейский саммит — победа Пхеньяна в длительной идеологической «борьбе с империализмом». Каковы бы ни были результаты, ситуация на Корейском полуострове уже не будет прежней.

В эту меняющуюся конфигурацию придётся встраиваться Москве, если она намерена найти и обеспечить России нишу, адекватную её интересам и потенциалу. Пока такая ниша не определена ни в экономической, ни в политической сфере, будучи невнятно обозначена как «достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

НОВЫЕ ПРОЕКЦИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ

В начале XXI в. в результате провала интеграционных устремлений, так и не достигнутых многосторонних договорённостей по вопросам региональной безопасности и свободной торговли, основой международных отношений в Северной Пацифике остаются,

как и прежде, двусторонние связи. Тем не менее они переживают трансформацию. Главной тенденцией становится растущая самостоятельность региональных акторов, ориентирующихся прежде всего на свои национальные интересы.

Глубочайшая экономическая взаимозависимость США и КНР (объём взаимной торговли в 2017 г. составил 687 млрд долл.), а также неуверенность в гарантированной победе в случае прямой конфронтации заставляют американцев осторожничать. Пекин, со своей стороны, ведёт себя как разрастающаяся империя в отношении империи в стадии упадка. Диаметрально противоположные взгляды Пекина и Вашингтона на мировое устройство и управление являются главным препятствием к тому, чтобы две столицы договорились о разделении ответственности за будущее планеты. Они способны лишь ограниченно сотрудничать в отдельных сферах, но США не воспримут китайскую модель многополярного мира, а Китай не согласится на сохранение американского доминирования.

Отношения Китая с Японией, Южной Кореей, странами ЮВА выстраиваются на платформе из сложнейшей комбинации экономических интересов, цивилизационных аллюзий, исторических обид, военно-политических и бюрократических расчётов, реальных и призрачных ценностей и личностных предпочтений.

Стратегическая неопределённость сохраняется на Корейском полуострове. Пхеньян, поднаторевший в том, как провоцировать и стравливать лбами своих противников, продолжает стравливать Китай и Соединённые Штаты, пытаясь вовлечь в игры Россию. Сеул, сохраняя приверженность альянсу с США, дипломатично дистанцируется от антироссийских санкций. Новая северная политика Мун Чжэ Ина ещё не обрела ясной формы, но ставит южную часть Тихоокеанской России в центр краткосрочной стратегии по объединению Кореи путём вовлечения Севера в совместные экономические проекты. Пекин, продолжая терпеть своего ненадёжного союзника — КНДР, без сомнения, выработал несколько сценариев действия на Корейском полуострове. Ни один из них не предполагает американского доминирования в регионе, но каждый учитывает глобальные последствия конфликта.

Япония, расставшись с надеждами на региональное лидерство и не будучи уверена в том, что Америка всегда придёт ей на помощь в соперничестве с Китаем, не скрывает желания вырваться из-под плотной опеки Вашингтона, надеется выстоять в жесточайшей

экономической конкуренции с КНР и разорвать пути экономически глобальной, но политически региональной державы. Премьер-министр Синдзо Абэ рассчитывает найти ключик к Владимиру Путину и выполнить предвыборные обещания — продвинуть решение проблемы северных территорий, естественно, в русле японских интересов.

Для России по объективным причинам главным партнёром в регионе является Китай. Ещё осенью 2010 г. руководители России и КНР практически в унисон заговорили о «новой главе» (Дмитрий Медведев) и «новом старте» (Ху Цзиньтао) межгосударственных отношений. «Новый исторический старт» официально закреплён в коммюнике по итогам саммита Путин — Ху в июне 2012 г. Даже беглый взгляд на подписанные тогда документы показывает, что касается этот «старт» не экономических и гуманитарных связей, где стороны не смогли предложить друг другу ничего принципиально нового, а глобальной политики, обеспечения безопасности (продвижение российско-китайской инициативы по формированию в АТР «архитектуры безопасности и устойчивого развития») и фиксации нового формата отношений — «всеобъемлющего равноправного **доверительного** (выделено мной. — В.Л.) партнёрства и стратегического взаимодействия».

О необходимости «двум мировым державам» совместно прилагать усилия для «вступления российско-китайских отношений в новую эпоху» Си Цзиньпин написал в марте 2018 г. в поздравительной телеграмме Путину по случаю его избрания на должность президента. Задачей сторон, особенно актуальной в свете давления Соединённых Штатов, является наполнение ритуальной фразы конкретным, главным образом экономическим, содержанием.

НА ОКРАИНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Важной тенденцией глобального развития начала XXI в. стало перемещение центра мировой активности из выпестованной Вашингтоном политической конструкции под названием Азиатско-Тихоокеанский регион на просторы Евразийского континента. Конструкт АТР оказался недолговечным. Причиной тому не столько аморфность и громоздкость региона, сколько тот факт, что его задачей было подстроить эту часть мира под американское видение мира и интересы, выдаваемые при этом за общие. Игра на американской «поляне» априори

является проигрышной для других крупных участников, в том числе Китая и России. Первыми это осознали в Пекине. Инициатива «Пояса и пути», ориентированная в противоположном от АТР направлении (хотя и не исключающая его использование в интересах Пекина), обозначила поворот головы китайского дракона в сторону Евразийского континента. Идея создания общеевропейского экономического пространства, впервые прозвучавшая из уст российского президента осенью 2010 г. и некоторое время сосуществовавшая с концептом «тихоокеанской интеграции», постепенно стала доминирующей и в России.

Тем не менее «формирование единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана» остаётся сомнительной, но теоретически возможной перспективой. Хотя предложенная президентом России идея переживает пик популярности среди российской бюрократии, наивно надеяться, что политика регионализма и экономическая интеграция сами по себе объединят, расслабят и примирят страны, народы, культуры и цивилизации Евразии, заставят их одолеть веками копившиеся недоверие, обиды, противоречия. Политическая, экономическая и культурная мозаика на континенте слишком сложна, чтобы предполагать возможность такого объединения в обозримом будущем.

Перенос геополитических акцентов с Тихого океана на Евразию автоматически снижает значение Северо-Восточной Азии как региона. Тем более что ожидания, связанные с ним, не оправдались. Он не стал локомотивом мирового экономического развития. Международная экономическая интеграция в СВА, о которой мечтали последние три десятилетия и которая предполагала мощную синергию развития региона на основе объединения японских капиталов и технологий, южнокорейского менеджмента, китайской и северокорейской рабочей силы и российских природных ресурсов, не состоялась. Слишком велики и непреодолимы политические, исторические, культурные и психологические барьеры. На сегодняшний день неприятие ядерной и ракетной программ КНДР фактически является единственным стимулом для тесного взаимодействия государств региона, оставаясь в то же время главным и непреодолимым препятствием для их экономической интеграции. Реальностью СВА стало не экономическое взаимопроникновение, а наращивание военной мощи, рост государственного национализма и настойчивости в отстаивании национальных интересов. Всё это повышает градус конфликтности в зоне Северной Пацифики. И главная опасность заключается в том,

что экономическая повестка в этом регионе уходит на второй план. Единственным экономическим проектом общевразийского значения, который может быть реализован в Северной Пацифике, является восточный участок Северного морского пути.

Япония и Южная Корея в нынешней конфигурации мира остаются в большей степени тихоокеанскими, чем евразийскими державами. Японский премьер Синдзо Абэ по-прежнему привержен идеям тихоокеанской интеграции, продвигает стратегию «открытой и свободной Индо-Пацифики». Новая северная политика президента РК Мун Чжэ Ина, в фокусе которой «северные страны» континента, от России и Монголии до Восточной Европы и Кавказа, находится в стадии теоретического осмысления. Администрация Дональда Трампа слишком озабочена внутренними проблемами Америки и не страдает альтруизмом, чтобы предлагать своим союзникам в Азии привлекательную для них повестку дня. Как результат, перспективы Восточной Евразии в концепте Единого евразийского пространства выглядят туманно.

Смена геополитических приоритетов Кремля закономерна. За годы самостоятельного существования Россия дважды пыталась встроиться в крайне аморфные образования с одним очевидным лидером — США. В 1990-е гг. это был «западный мир», в первое десятилетие 2000-х — Азиатско-Тихоокеанский регион. Оба раза не получилось по объективным причинам: размеры страны, её история, независимый характер и лидерские традиции. Россия по определению не может куда-либо интегрироваться. Она способна и должна сама выступать в роли интегратора, что и пытается делать на Евразийском континенте.

Тем же самым занимается сегодня Пекин, воплощая в жизнь идеи «Пояса и пути». Обращение Китая и России к континентальной Евразии — закономерное явление, обусловленное совокупностью экономических и политических факторов. Во-первых, главные угрозы развитию, суверенитету и безопасности обоих государств проистекают с Евразийского континента. К южной евразийской дуге нестабильности, протянувшейся от Корейского полуострова до Украины, может добавиться северная, возникновение которой обусловлено разворачивающейся борьбой за Арктику. Во-вторых, именно на этот регион почти на 90% завязаны экономические интересы России и более чем на 60% — Китая. В-третьих, Россия и Китай имеют богатый опыт собирания вокруг себя стран и народов, основанный на понимании важности обеспечения безопасности по периметру границ.

Российский и китайский интеграционные проекты, воплощаемые на ограниченном пространстве Евразии, конкурируют. Пока китайская идея «Пояса и пути» более жизнеспособна, она притягивает к себе все больше и больше заинтересованных государств. И не только благодаря существенным финансовым вливаниям, но и потому, что предлагает привлекательные перспективы. Решение Москвы и Пекина о «сопряжении» двух интеграционных евразийских инициатив, фактическое согласие руководства двух государств работать тандемом в строительстве комфортной для себя Евразии стало закономерным результатом осознания ими не только общности экономических и политических интересов, но и ответственности за судьбу континента, целенаправленно ввергаемого в пучину войн и конфликтов. Можно обоснованно критиковать идею «сопряжения» с экономической точки зрения, но как геополитическое решение она представляется весьма разумной, а в современной ситуации критического обострения отношений не только России, но и Китая с Западом — единственно верной.

Если регионализм «сверху» в Восточной Евразии не состоялся, а идеи регионализма по-прежнему не могут перешагнуть стадию обсуждения, то стихийная регионализация, являющаяся одним из главных приводных ремней развития региона, идёт полным ходом. Ускоряются, расширяются и усложняются потоки движения денег, людей, товаров. Достаточно посмотреть, как оперативно и гибко отреагировали приграничные районы России и Китая на изменение экономической и финансовой конъюнктуры в последние три года.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Создаётся впечатление, что изменение конфигурации мира, баланса и расстановки сил в глобальной политике, о котором говорилось выше, если не поставило крест на тихоокеанской повестке дня России, то как минимум отложило её на неопределённое время. По крайней мере, она стала постепенно исчезать из политической риторики. На словах Москва всё ещё привержена лозунгу интеграции в АТР; развитие Сибири и Дальнего Востока по инерции увязывается с идеей «поворота на Восток», однако континентальная евразийская природа страны в очередной раз взяла верх. В результате главным образом по причине своей

краткосрочности и импульсивности полуразворот Москвы в направлении Тихого океана был в большей степени симитирован, чем выполнен.

Тем не менее продвижение общевразийской интеграционной модели не исключает возникновения нескольких самостоятельных платформ сотрудничества, одной из которых может стать Северо-Восточная Евразия с включением в неё Тихоокеанской России.

В евразийских интеграционных концептах — пока преимущественно умозрительных конструкциях Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), «Большой Евразии», сопряжения ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и даже «экономического коридора Китая, Монголии и России» — Тихоокеанская Россия, как, впрочем, и вся Восточная Евразия, представлены условно. Для большинства российских и китайских разработчиков концепций и проектов её присутствие — лишь некая данность, которую нельзя по ряду причин отвергнуть, но которая тяготит, озадачивает, а некоторым кажется обузой. Тихоокеанская часть России в этот концепт вставляется механически — как географическая составляющая Евразийского континента. На практике, перенеся внимание на Центральную и Юго-Западную Евразию, российское правительство резко сократило бюджетные вливания в восточную часть страны. Создание там территорий опережающего развития и свободных портов с их преференциальными условиями для предпринимательской деятельности выглядит как откуп государства, призванный компенсировать его финансовый уход из региона. Причина не только в ограниченности средств. Трудно, если не невозможно, притянуть к сориентированному на центрально-азиатское и европейское пространство проектам восточные районы России, которые, с одной стороны, экономически развернуты к Азии, а с другой, несмотря на все усилия, никак не поддаются экономической модернизации. Неудивительно, что даже концепции «Большой Евразии» и «поворота России на Восток», имея одних идеологов и разработчиков, существуют в параллельных мирах, не мешая друг другу, но и не находя точек соприкосновения.

Китайская интеграционная повестка однозначно фокусируется на Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. Северо-восточные провинции КНР всеми силами пытаются обустроить свою нишу в концепции ЭПШП, но без особого успеха. В наиболее выигрышном положении оказывается Внутренняя Монголия, попавшая в зону экономического коридора Китай — Монголия — Россия, однако и здесь

много неясностей. Потребуется время для теоретического осмысления новой реальности, складывающейся в регионе. При этом правила игры определены: поскольку московская и пекинская бюрократия приняли сопряжение ЭПШП и ЕАЭС в качестве руководящей идеи, то задача экспертного сообщества становится прикладной — наполнить эту идею конкретным содержанием, т.е. органично встроить немалый кусочек Восточной Евразии в единое экономическое и инфраструктурное пространство континента.

Совместимость интересов России и Китая в зоне Северо-Восточной Евразии несомненна. И политических (демилитаризация и обеспечение безопасности региона), и экономических (производственная кооперация), и социальных (интересы населения приграничных территорий). Сегодня развитие восточных районов России осуществляется на новых принципах. Китай также в поиске новых идей, стимулов, форматов развития. Давно прорабатываемая, но так и не нашедшая подходящего формата идея со-развития приграничных территорий Тихоокеанской России и Северного (Автономный район Внутренняя Монголия) и Северо-Восточного (Хэйлунцзян, Цилинь) Китая требует иных подходов, должна разрабатываться на новых технологических и интеллектуальных основах и принципах, в контексте интересов и потенциала всей зоны Северо-Восточной Евразии и Северной Пацифики. Первая попытка руководства Москвы и Пекина скоординировать планы развития российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая и на этой основе получить какой-то эффект не сработала. Бюрократическое и формальное отношение привело к дискредитации и фактическому провалу хорошей идеи. Но это не означает, что от неё надо вовсе отказаться.

Через Тихоокеанскую Россию к общеевропейской интеграции могут подключаться другие мировые игроки — Япония и Южная Корея, находящиеся в активном поиске новой идентичности и возможностей для продвижения своих интересов на Европейском континенте, а в перспективе — Северная Корея и Тайвань. Учитывая экономическую ориентацию США на страны Евразии (КНР, Япония) и их историческую связь с европейской прародиной, интерес Вашингтона к тесному взаимодействию со всей Евразией фундаментален, и изоляционизм Трампа долго не продержится.

Северо-восточная платформа евразийской интеграции превратится из фантазии в реальность, если станет продуктом прежде всего

интеллектуального и политического, а вслед за этим экономического взаимодействия на двух уровнях — межгосударственном и региональном. В обоих случаях только Китай и Россия способны выступить движущими силами и координаторами проекта. Институциональную основу составит многосторонний политический диалог государств, формирующих зону Восточной Евразии (Россия, Китай, Япония, Южная и Северная Кореи и Монголия) в формате международного «Совета по развитию Северо-Восточной Евразии» как политического инструмента для реализации хотя бы отдельных элементов этого проекта.

Приоритетные проекты для Северо-Восточной Евразии — инфраструктурные. Самое понятное и доступное условие для ускорения темпов экономического развития Северо-Восточной Евразии — создание на её территории условий для свободного перемещения людей (интеллектуальных ресурсов, рабочей силы, туристов), товаров и капиталов. В этом нуждаются, каждая по-своему, все страны региона. Сегодня только предполагается начать переговоры о создании зон свободной торговли на межгосударственном уровне между Россией и Южной Кореей, Россией и Китаем, на формирование правового поля уйдут десятилетия. Есть надежды (скорее всего, иллюзорные), что в скором времени исчезнет главное препятствие для реализации многих таких проектов — закрытость Северной Кореи.

Ничто не мешает начать работу с создания открытых каналов для движения людей, капиталов и товаров в определённых ареалах Евразии. Например, между специально созданными экономическими анклавами, такими как уже действующие на территории Тихоокеанской России «свободные порты». При всех недостатках они обладают немалым потенциалом для стимулирования интеграционных процессов. Другие страны региона могут сформировать параллельные российским локальные зоны ускоренного развития, и, замыкая их на аналоги в других странах, постепенно расширять масштабы свободной торговли и обмена. «Свободные морские порты» можно дополнить комплектом открытых сухопутных и речных портов вдоль российско-китайской границы: Благовещенск — Хэйхэ, Забайкальск — Маньчжоули и др. Яньбянь-Корейский автономный округ при обретении статуса свободного порта сможет более активно взаимодействовать со свободным портом Владивосток.

Политическая и правовая среда для реализации таких идей реальна только на межгосударственном уровне. Так что все по-прежнему

упирается в интересы и глубину понимания проблем столичными чиновниками. От того, насколько глубоко в их сознании геополитические изменения в Восточной Евразии соотносятся с трансформацией роли и возможностей собственных и соседних периферийных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская версия «поворота на Восток», выстроенная в парадигме Азиатско-Тихоокеанского региона, являла собой в значительной степени виртуальные упражнения группы московских интеллектуалов. Она была лишь формально признана (но не разделена) российской политической элитой. Сознание этой элиты быстро и безболезненно возвращается к восприятию Дальнего Востока как вторичного (окраинного) геополитического и геоэкономического пространства уже не только России, но и «Большой Евразии». В рамках этого концепта государство не будет (да и не может) жертвовать интересами других территорий России ради «комплексного развития» её тихоокеанской части. Оно будет вынуждено — ради обеспечения национальной безопасности, политического престижа и интересов крупных госкорпораций — сконцентрироваться на: 1) вопросах его безопасности; 2) продвижении на его территории нескольких крупных энергетических и инфраструктурных проектов; 3) обеспечении демографического доминирования россиян хотя бы в ключевых точках региона; 4) техническом оформлении Тихоокеанской России как сегмента евразийского экономического пространства и полномочного представителя российского присутствия в Тихоокеанской Азии.

Сегодня ТР является экономически менее обустроенной, но политически наиболее стабильной частью Восточной Евразии. Наряду с Северной Кореей, которая рано или поздно встанет на путь нормального развития (не принципиально — в составе объединённой Кореи или как самостоятельное государство), Тихоокеанская Россия является самой перспективной частью континента для приложения финансового и человеческого капитала, интеллектуальных ресурсов и научно-технических достижений, самореализации людей и воплощения идей. Изменившаяся геополитическая ситуация в регионе открывает для этого новые возможности. Значит, будут новые попытки изменить судьбу региона.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КИТАЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ ИЛИ БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ?*

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2012 г. с трибуны XVIII съезда Компартии Китая её руководители в открытую заявили о намерении КНР расстаться с ролью скромного игрока в мировой политике и возложить на себя бремя «ответственной крупной страны», готовой к «совместным ответам на глобальные вызовы»¹. Таким образом, Китай формально обрёл статус «глобальной державы», т.е. страны, чьи интересы распространяются по всему земному шару и за его пределами², которая не только обладает потенциалом и возможностями самым серьёзным образом влиять на мировые процессы, но и намерена активно использовать эти возможности в интересах своего существования и развития.

Не удивительно, что интересы Пекина в глобальной проекции, мотивы его претензий на место на мировом политическом олимпе выступают одной из главных тем научных и политических дискуссий. Их характерной чертой стали настороженность и тревога сторонних наблюдателей относительно целей и намерений Китая. Скептицизм нарастал как по мере наращивания экономической и военной мощи КНР, так и вследствие жёсткой реакции Пекина на неприятные ему факты и события как внутри страны, так и на международной арене (волнения в Гонконге, ситуация в Южно-Китайском море, отношения с Тайванем). В результате определение «напористый Китай» (*assertive China*) стало широко использоваться в числе главных характеристик его поведения на международной арене.

Лидеры КНР прилагают большие усилия, чтобы убедить мировое сообщество в «историческом миролюбии китайской нации», у которой «в генах заложены гармония и сосуществование»³, в принципиальной неприемлемости для Китая самих понятий «гегемония» и «гегемонизм», в полном отсутствии у него стремления к мировому и даже региональному господству. Они убеждают, что намерения Пекина носят сугубо мирный характер и завязаны, прежде всего, на задачах

* Опубликовано в журнале: Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4 (93). С. 47—67.

поступательного внутреннего развития, обогащения и процветания китайской нации. Более того, аналогичное процветание обещано всему человечеству, конечно, в том случае, если оно поддержит инициативы КНР по переустройству глобальной системы управления, созданию новой структуры безопасности, внедрению «справедливых принципов» отношений между государствами и др. Концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина представляют зарубежной аудитории и как «правильный путь к всеобщему миру и развитию», и как цель «нового раунда» экономической глобализации⁴, драйвером и лидером которой готов стать Китай.

Не похоже, чтобы пропагандистские усилия Пекина давали большой эффект. Соседи КНР продолжают смотреть на неё с недоверием и подозрением. Наращивание военной мощи, бескомпромиссность в отстаивании своих интересов и готовность применять силу там и тогда, где Пекин считает это необходимым, также не повышают уровень доверия. В модернизации армии, выходе китайского ВМФ на просторы Мирового океана, росте военных расходов КНР её соседи видят если не непосредственную, то будущую угрозу. Возрождение Китая как великой державы уже воспринимается как «главный стратегический вызов для союзнических отношений между США и Японией и всей архитектуры безопасности в Восточной Азии»⁵, а «глобальная сеть партнёрства с Китаем в центре» — как подрыв американской системы договорных альянсов, чреватый опасными последствиями для региона и мира⁶.

По мнению японских стратегов, «военное и иное развитие Китая, дополненное отсутствием транспарентности вокруг его оборонительной политики и строительства вооружённых сил, представляет серьёзный вызов безопасности региона, включая Японию, и международного сообщества»⁷. Как «долговременная стратегическая проблема» КНР представлена в Среднесрочном оборонительном плане Южной Кореи на 2020—2024 гг.⁸ Администрация Д. Трампа сформировала для себя образ Китая как «ревизионистской державы», которая совместно с Россией «подрывает американскую безопасность и процветание», стремится «сформировать мир, противоположный ценностям и интересам», «вытеснить США из Индо-Тихоокеанского региона» и «перестроить его по своему вкусу»⁹. На специальных слушаниях в Конгрессе США приглашённые эксперты в один голос утверждали, что «военная, экономическая и политическая деятельность Китая

в Азии и во всём мире создаёт „серьёзные проблемы“ для американской безопасности», а генеральной целью Пекина является мировое господство, свержение с пьедестала нынешнего гегемона — Соединённых Штатов Америки¹⁰.

Настоящая пропагандистская война развернулась вокруг тезиса о «гегемонистских устремлениях», которые приписывает Китаю американская пропаганда. Его обвиняют в намерениях не только добиться восстановления своего «геополитического господства на побережье Восточной Азии»¹¹, нередко отсылая к замечанию культового на Западе Ф. Фукуямы о стремлении китайцев «таким образом организовать Восточную Азию, чтобы оказаться в центре её»¹², но и «взобраться на вершину пирамиды мировой власти»¹³.

Конечно, существуют и более умеренные взгляды на глобальные амбиции Пекина. В частности, пишут о его «доброжелательной (benevolent) гегемонии» или «гегемонии в датском стиле» (dutch-style hegemony)¹⁴, его желании не более чем «усилить голос и позиции Китая в международных институтах»¹⁵ и др. Есть те, кто полагает, что КНР отнюдь не намерена «подрывать основы существующей политической, экономической системы и отношений безопасности в мире», заинтересована прежде всего в экономическом развитии и внутренней стабильности¹⁶. Пишут о том, что Пекин лишь заполняет возникший по причине международной пассивности Вашингтона вакуум, предлагая миру китайское видение мирового порядка, продвигая собственные приоритеты и ценности, для чего занимает руководящие должности в международных организациях и создаёт многосторонние институты под своим руководством¹⁷. Однако всё же доминируют взгляды «ястребов» и китаефобов. Трезвые голоса почти не слышны на фоне потока алармистских публикаций, заполонивших американские и европейские издания. Причин несколько. С одной стороны, «КПК откровенно не показывает тот мир, который она хочет иметь»¹⁸. С другой, в Китае никуда не исчезла группировка «ястребов», особенно сильная среди военных, которые призывают руководителей страны действовать жёстко, использовать армию и флот для обеспечения экономических интересов КНР по всему миру и даже контролировать мировые ресурсы и их распределение¹⁹. Наконец, имеют место нежелание и элементарная неспособность многих экспертов — в силу идеологической зашоренности — адекватно воспринимать и интерпретировать глобальные и региональные проекции Пекина.

Любопытно, что в то время как тема глобальных амбиций КНР не сходила со страниц западных изданий, в российском медийном пространстве о Китае в последнее время несколько подзабыли. Жарко обсуждались выборы в США и Белоруссии, обстановка на Украине, в Сирии и Киргизии, война вокруг Карабаха... Иногда складывается ощущение, что и для российской дипломатии аналогичным образом глобальный мир сузился до постсоветского пространства, в котором резвятся враги РФ. С другой стороны, обсуждение этих проблем может обнажить некоторые болевые точки российско-китайских отношений, чего не хотелось бы в пору острейшего противостояния с США, обострения отношений с Европой и неспокойной обстановки на западных и южных границах РФ. В результате проблема фактически выпала из российского политического, а за ним и академического дискурса. Например, в 11 номерах главного рупора российского МИД — журнала «Международная жизнь» — за 2020 г. Китай представлен только один раз, да и то через призму его торговой войны с США, а в № 9 за 2019 г., формально посвящённом 70-летию установления дипотношений между СССР и КНР, обнаруживается лишь официоз зам. министра РФ И.В. Моргулова²⁰ и экскурс в историю создания посольства КНР в Москве К.М. Барского.

Нельзя сказать, что наш ближайший сосед и статусный стратегический партнёр как-то страдает от российского невнимания. Его это, по большому счёту, мало волнует. Заручившись определёнными политическими гарантиями со стороны Москвы (невмешательство во внутренние дела КНР, уважение суверенитета и территориальной целостности страны, моральная поддержка в экономическом конфликте с США), а также долговременными контрактами на поставку нефти и газа, Пекин ведёт беспроигрышную партию доброго, отзывчивого, но скрытного, прижимистого, неуступчивого соседа. Сосед этот живёт своими интересами и проблемами, шаг за шагом выполняя поставленные ранее задачи и формулируя новые внутри страны и последовательно проводя свою линию на международной арене. Успешно справился с коронавирусом. Восстанавливает экономику²¹. И, как всегда, заглядывает далеко в будущее, своими инициативами и решениями нередко ставя в тупик профессиональных, много лет изучающих Китай экспертов.

Таким образом, платформа для обсуждения целей, намерений, интересов глобального Китая остаётся. Для России она не менее, а даже

более (по причине близкого соседства) актуальна, чем для достаточно отдалённых от КНР США и Европы. Однозначных ответов на возникающие вопросы не существует. Для адекватного толкования сути и компонентов новоявленной политической теории Пекина, чудным образом сочетающей в себе элементы традиционной китайской философии, «марксизма с китайской спецификой» и европейской политической мысли, как и способов и путей её реализации, недостаточно свободно оперировать западными политическими теориями, мало отрешиться от веры в превосходство либеральной демократии и даже способности оперировать примерами из собственно китайской истории. Более важно — хотя бы чуть-чуть воспринимать окружающий мир, чувствовать и думать как китайцы.

Принципиальным вопросом, исходя из ответов на который всем партнёрам КНР приходится строить с ней отношения, остаётся один: имеет ли современная глобальная повестка Пекина целью восстановление Срединной империи со всеми присущими ей атрибутами (естественно, в современной их интерпретации), либо же это вынужденная реакция руководства страны на запросы китайской экономики и китайского общества? Автор однозначно склоняется ко второму, хотя не может не отмечать некоторые элементы в политическом мышлении и конкретных действиях современного китайского руководства, которые тревожат сегодня мир Запада и Востока и не должны выпадать из поля зрения России. Это, прежде всего, национализм («возрождение китайской нации» в его глобальной проекции), агрессивная историческая память (неумение и нежелание забыть и простить), приоритет общественных ценностей («неоспоримость линии партии») над личными и др.

НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЕ

В первую декаду XXI в. эксперты активно гадали, как скоро быстро набравший мощь и влияние Китай перестанет, следуя заветам мудрого Дэн Сяопина, держаться в тени, обозначит свои истинные интересы, покажет характер и настоящее лицо. Думать об этом были все основания. КНР осторожно, но целенаправленно подгоняла под себя одеяние «ответственной державы»²²: осваивала поле многосторонних международных отношений, активизировала участие

в миротворческих операциях ООН, подключалась к международной повестке защиты окружающей среды и борьбе с изменением климата, наконец, осторожно продвигала мысли о восстановлении былого статуса, реноме и влияния. Как уже тогда заметил Я. Бергер, в геополитических конструкциях современного и особенно грядущего миропорядка китайские авторы почти неизменно ставили свою страну на то же место, которое их предки отводили Срединной империи²³. К концу десятилетия был обнародован эскиз видения КНР справедливого и правильного мироустройства и глобального управления. 23 сентября 2009 г. на сессии Генеральной ассамблеи ООН, посвящённой изменению климата, Ху Цзиньтао представил это видение зарубежной аудитории, изложив и китайское представление о строительстве нового — «гармоничного мира»²⁴, и его понимание «универсальной системы безопасности»²⁵.

Вскоре после принятия на XVIII съезде КПК политического решения о глобальной повестке КНР в стране был предпринят мощный мозговой штурм, нацеленный на создание собственной политической теории как платформы для практической деятельности. И уже в ноябре 2014 г. Си Цзиньпин изложил ключевые цели и принципы «глобального Китая»: «создание международных отношений нового типа», формирование «глубоко переплетённой сети взаимовыгодного сотрудничества» и «повсеместной глобальной партнёрской сети», приверженность принципам экономической глобализации, «эффективная защита» интересов государства за его пределами. Генеральными задачами он назвал «возрождение китайской нации» и «сохранение благоприятной международной обстановки для внутреннего развития страны»²⁶.

Таким образом, ближе к середине второго десятилетия XXI в. ранее инертное отношение КНР к международным делам сменилось активной позицией. Из пассивного наблюдателя и участника она превратилась в активного члена и промоутера собственных идей²⁷. Набор организационных, экономических, финансовых, военно-политических и пропагандистских действий Пекина подтвердил серьёзность намерений нового поколения китайских лидеров не только вернуть КНР «должное место» на мировом политическом олимпе, но и продвигать свою повестку переустройства мира и новую модель глобального управления. В этой повестке было немало новаций. Одной из ключевых стала концепция «Сообщества единой судьбы человечества», которую Си Цзиньпин представил на 70-й сессии ГА ООН в 2015 г.²⁸

В июне 2018 г. на второй Центральной рабочей конференции по международным делам, которая завершила этап структуризации «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» и закрепление в качестве целевого приоритета Китая на международной арене «продвижение строительства сообщества судьбы человечества»²⁹, председатель КНР заявил о готовности страны возглавить движение к реформе глобальной системы управления на принципах справедливости и права. Такое переустройство он назвал «коренным национальным интересом» Китая³⁰. Ну а главным инструментом для реализации поставленных задач стала инициатива «Пояса и пути». Принципиально важно, что и концепция «Китайской мечты», и путь к её достижению — инициатива «Пояса и пути» — на XIX съезде КПК, будучи зафиксированными в Уставе партии, стали догматом, обязательным к исполнению не только для 90 млн членов партии, но и почти для каждого китайца.

ПРИЗНАКИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

По целому ряду параметров КНР уже априори глобальный лидер. Именно с ней связаны не только нынешние траектория, темпы и перспективы мирового развития, но и целый ряд политических интриг современного мира. Интересы, инициативы, решения и действия Пекина во многом влияют на мировую экономику, политику, даже гуманитарные и идеологические процессы. Не говоря уже о проблеме здоровья людей. При этом Китай не только ищет, предлагает, но и продвигает что-то новое. США в лучшем случае обращаются к хорошо забытому старому. Россия тоже не бедна на идеи, но, как всегда, слишком долго запрягает и ждёт, пока кто-то её серьёзно раззадорит...

Важнейшие из вопросов, которые возникают при попытках оценить результаты данного влияния КНР, — это новая конфигурация мироустройства и принципы глобального управления, нормы и правила поведения государств, система гуманитарных и политических ценностей.

Начнём с тех факторов, которые объективно заставили китайское руководство нарушить завещание Дэн Сяопина «скрывать возможности и держаться в тени». Первым из таких факторов стала глобализация интересов КНР, в сфере которых оказалась вся планета Земля, и невозможность реализации этих интересов в статусе регионального

игрока. Амбициозные планы экономического и социального строительства требуют принципиально иного масштаба и качества природных, людских и технологических ресурсов, чем те, которые сегодня доступны Китаю. Нынешняя система глобального управления, мировая финансовая система с доминирующим в ней долларом, информационная система, в которой господствуют западные СМИ, откровенно тормозят развитие КНР. Выход у Пекина один: эти системы надо менять, модернизировать, подстраивая под свои цели и интересы. Второй фактор — это глубокое включение Китая в мировые экономические процессы, участие его во многих цепочках создания глобальной стоимости (Global value chain). Все экономические достижения КНР в 90-е гг. XX — начале XXI в. в решающей степени были связаны с её интеграцией в глобальную экономику³¹. Как лаконично описал путь Китая Си Цзиньпин на встрече G-20 в Ханчжоу, «мы стремились развиваться в открытой среде, начав с крупных зарубежных инвестиций, а затем большими шагами выйдя на мировой рынок»³². В результате в 2007 г. КНР обошла Германию и стала третьей по масштабам экономикой в мире, через три года заняла вторую позицию среди мировых держав, опередив Японию. Уже ведутся разговоры о том, что экономический кризис 2020 г., ставший следствием ковид-пандемии, выводит Китай, который успешнее других стран справляется с его последствиями, на первое место в мире.

Китайские руководители, выстраивая стратегию на десятилетия вперёд, настраивают себя на адаптацию к принципиально новой модели глобализации, характерными чертами которой являются одновременный рост экономического национализма и цифровой интеграции, структурные сдвиги в глобальной обрабатывающей промышленности, что кардинально меняет экономическую, предпринимательскую и политическую среду³³. На саммите G-20 в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Си Цзиньпин не только объявил о необходимости построения «инновационной, здоровой, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики», важности создания «новой модели глобального экономического управления», но и намекнул на готовность Пекина стать архитектором этого нового мира³⁴.

В последние несколько лет Китай вынужден действовать в данном направлении не только активно, но и агрессивно. Протекционистская политика Д. Трампа нанесла по завязанным на КНР экономическим цепочкам мощный удар. Пострадали не только сборочные

производства многих многонациональных фирм в Китае. Под угрозой оказалась сама китайская экономическая модель, и КНР не остаётся ничего иного, как «сопротивляться и сражаться» за свои интересы³⁵, принимать экстренные меры и искать адекватные ответы.

В конце октября 2020 г. Пленум ЦК КПК утвердил 14-й пятилетний план развития страны на 2021—2025 гг. и перспективные направления её модернизации до 2035 г. Главная отличительная черта плана — это не только позиционирование в нём Китая как мировой державы, закрепление курса на экономическую глобализацию как необходимое условие для успешного решения внутренних задач страны, но и подтверждение глобальных амбиций Пекина. Фактически в этом плане КНР ещё раз публично заявляет о своих претензиях на мировое, как минимум экономическое, лидерство. Именно так интерпретируют этот план китайские эксперты. По их убеждению, страна вступает в новую пятилетку уже не как ведомая региональная держава, а как мировой лидер, и пятилетний план не может не предусматривать, каким образом КНР будет вести за собой мировую экономику³⁶. Причина проста: поскольку США во время президентства Д. Трампа отказались от функции локомотива глобализации, а лидер миру необходим, то это место решил занять Китай.

Кому-то это решение кажется дерзким и необоснованным, а пекинские руководители — чрезмерно самоуверенными фантазёрами, которые, побуждаемые идеями великодержавия и исключительности китайской нации, решились бросить вызов САМОЙ Америке. Между тем решение это было в значительной степени вынужденным, оно неоднократно обсуждалось, взвешивалось и просчитывалось. Оно состоялось хотя бы потому, что дальнейшая модернизация экономики КНР, повышение благосостояния нации, которое стоит в центре нынешней политики КПК, в значительной степени зависит не только от экономических связей Китая с окружающим миром, но от глобальной стабильности как таковой. А это значит, что Пекин не может не включаться в решение большинства глобальных проблем.

По этой же причине интеграционные проекты Китая носят поистине всемирный характер. Инициатива «Пояса и пути» в той или иной степени захватывает 130 стран и три десятка международных организаций. В ноябре 2020 г. Пекин поставил точку в восьмилетнем процессе создания «Всеобъемлющего регионального экономического

партнёрства» (ВРЭП), соглашения о свободной торговле, объединяющего 15 стран с населением 2,2 млрд чел., в которых сконцентрировано 30% мирового ВВП. За бортом соглашения остались США, но среди подписантов — их ближайшие союзники на Тихом океане: Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. Главная изюминка документа в том, что сделки в его рамках осуществляются не в долларах США, а в национальных валютах и юанях, в результате чего ВРЭП являет собой, по мнению известного экономиста П. Кенига, «китайский шедевр с китайскими особенностями», который становится в том числе «мощным инструментом для дедолларизации» и в регионе, и в мире³⁷.

Необходимость защиты и продвижения глобальных интересов КНР априори предполагает трансформацию её в военную державу, готовую и способную отстаивать их силой. Сегодня это касается преимущественно региона Тихоокеанской Азии и наиболее откровенно проявляется в отношении Тайваня и в акватории Южно-Китайского моря. Закономерным образом НОАК превращается из структуры, заточенной на оборону континента, в силу, способную проецировать мощь за пределы Китая за счёт расширения военно-морских, военно-воздушных, кибернетических, космических возможностей, как и искусственного интеллекта³⁸. Хочется или не хочется Пекину, но он вынужден играть более активную роль в обеспечении безопасности во всей Тихоокеанской Азии. Военно-политическая нестабильность, хроническая неспособность государств региона договориться о согласованных и системных действиях в сфере обеспечения стабильности и безопасности становится актуальной для Китая проблемой. Сегодня мир в регионе очень хрупок. Он соткан вокруг крайне непростых, пронизанных взаимной подозрительностью и историческими обидами отношений между соседями, скреплён набором военно-политических альянсов (США с Японией и Южной Кореей) и квазисоюзов (Китай с КНДР и близкие к союзническим отношения между Россией и КНР) и удерживается не столько стремлением сторон к миру, сколько страхом фатальных последствий эскалации тлеющих конфликтов на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе, вокруг спорных территорий.

Ответом Пекина становится выдвижение собственной, китайской, концепции безопасности в Азии, альтернативной американской системе военных альянсов. Этот шаг не был, по мнению Т. Хита,

обусловлен ни амбициями лидеров КНР, ни их попытками дать ответ на «перебалансировку» США в Азию. Пекин всего лишь стремится создать в регионе такую систему отношений, которая бы подходила для глубокой интеграции КНР в его экономику. В военных же союзах США с Японией и Южной Кореей Пекин видит «структурное препятствие» как для обеспечения региональной безопасности, так и для собственного развития³⁹.

Существенно расширившиеся интересы Китая и его готовность брать на себя ответственность за судьбу планеты предполагают также превращение КНР в глобальную морскую державу, обозначающую и защищающую своё присутствие не только на всех океанах, но и в Арктике и Антарктике. В июле 2013 г. на специальном заседании Политбюро ЦК КПК, посвящённом освоению ресурсов океана, Си Цзиньпин заявил, что «превращение Китая в великую морскую державу является составной частью строительства социализма с китайской спецификой». Буквально через 3 месяца после этого он объявил о создании Морского шёлкового пути XXI в. (МШП), который должен проходить из морских портов Китая через Индийский океан в Европу, а также в южную акваторию Тихого океана⁴⁰. Создание современного военно-морского флота — это необходимое условие для обеспечения интересов КНР на море, и, стремясь обеспечить эти интересы, она автоматически становится «первой великой державой со времён довоенной Японии, бросившей вызов морскому превосходству США, которое было краеугольным камнем глобальной мощи и национальной безопасности США после Второй мировой войны»⁴¹. Стоит ли удивляться столь болезненной реакции Вашингтона на модернизацию ВМФ КНР.

Наконец, есть ещё одна сфера, где КНР официально высказывает претензии на лидерство и которая в наибольшей степени беспокоит нынешнего лидера — США: новые технологии. В 2015 г. Пекин объявил о стратегическом плане «Сделано в Китае 2025». Целью его реализации было обозначено преодоление разрыва с западными достижениями в области высоких технологий и уменьшение зависимости страны от импортных технологий⁴². При этом план является только первой частью долгосрочной программы превращения КНР в ведущий центр производства, основанный на новых технологиях. Выполняя эту программу, Китай к 2025 г. должен стать одной из ведущих мировых производственных площадок, к 2035 г. — войти

в середину мирового рейтинга крупнейших мировых производителей, а к 2049 г. — столетию КНР — обрести статус ведущего центра производства на планете. Определены 10 областей, в которых страна должна добиться мирового лидерства: робототехника, информационные технологии нового поколения, авиационное и аэрокосмическое оборудование, морское оборудование и высокотехнологичные морские суда, железнодорожный транспорт, новые энергоносители и энергосберегающие транспортные средства, энергетическое оборудование, сельскохозяйственное оборудование, новые материалы, биофарма и высокотехнологичные медицинские приборы⁴³.

В октябре 2017 г. на XIX съезде КПК Си Цзиньпин, говоря о важности инноваций для реализации планов развития страны, вскользь упомянул о задаче превращения Китая в «научно-техническую державу»⁴⁴. Менее чем через год, выступая перед научным сообществом КНР, руководитель страны призвал учёных «бороться за великую цель создания мировой державы в области науки и технологий»⁴⁵. В пятилетнем плане социально-экономического развития КНР неоднократно говорится о наращивании «технологической мощи Китая», а само словосочетание «наука и технологии» встречается в тексте постановления ЦК КПК об этом плане 38 раз⁴⁶.

Итак, планы Пекина на будущее грандиозны, амбициозны, выполняются, как показывает практика последних десятилетий, с большой тщательностью и, как правило, с опережением. Вполне очевидно, что их реализация превратит КНР в весьма влиятельную силу в мире, обладающую разнообразными рычагами для того, чтобы решать в свою пользу многие проблемы. Так что принципиальный вопрос заключается не в том, способен ли Китай достичь поставленных целей, а в том, как Пекин намерен воспользоваться обрётённой силой?

Ответ на этот вопрос более всего будоражит сознание политического истеблишмента и экспертного сообщества США. По мнению американских экспертов, существуют очевидные признаки того, что Китай готовится к борьбе за мировое лидерство. Основываясь на западных политических теориях и историческом опыте европейских государств и Соединённых Штатов Америки, они абсолютно уверены, что усилившийся Пекин будет не только беззастенчиво пользоваться своим преимуществом в интересах экономического и социального развития КНР, но и навязывать другим странам и народам свою авторитарную модель управления, ценности и идеалы КПК. Пример США

у экспертов перед глазами, и они убеждены, что Китай, осваивая путь сверхдержавы, будет поступать именно так, как действовал Вашингтон, — распространять своё влияние и продвигать «китайскую модель» по всему миру. Тот же, кто не верит в претензии КНР, является, по их мнению, жертвой собственного «умышленного невежества»⁴⁷.

Между тем исторически Китай никому из его соседей не навязывал свой путь развития. Он подавал пример, делился опытом и требовал не более чем соблюдения некоторых необременительных для этих соседей ритуалов, предполагавших подтверждение исключительных роли и места Китая под солнцем. Китай всегда, на протяжении всей своей истории, считал себя выше окружающих его «варваров», даже если они превосходили его силой, даже если они рвали на части его территорию и восседали на императорском троне. Основой тому было цивилизационное превосходство Поднебесной. Китай всегда осознавал себя великой державой не благодаря военной мощи, посредством которой он защищал свои протяжённые границы и контролировал соседние страны и территории, а на основе очевидного доминирования в Азии, которое обеспечивалось за счёт владения огромной территорией, продолжительности существования империи, культурного и бюрократического влияния, а также экономического благосостояния самой страны⁴⁸.

Сегодня все эти элементы присутствуют, однако уровень экономического благосостояния КНР и масштабы её культурного и политического влияния, если рассматривать их в глобальной проекции, явно недостаточны для доминирования не только в мире в целом, но и в регионе Тихоокеанской Азии в частности. Пока Китай мало что может предложить как альтернативу идеям либеральной демократии, пусть дискредитированным главными проводниками этих идей — США и Западной Европой, но не ставшим от этого менее популярными в мире. В этих условиях для Пекина принципиально важно получить признание за ним права заботиться о благе всех народов планеты (концепция Сообщества единой судьбы человечества), универсальности его модели взаимоотношений между государствами (равенство и взаимная выгода), концепции «Равной и неделимой безопасности» и других элементов его повестки глобального переустройства.

Борьба с пандемией коронавируса, ставшая одним из главных пунктов повестки мирового развития в 2020 г., с одной стороны, показала более высокую эффективность китайской системы управления

в противодействии подобным явлениям, с другой — заставила многих задуматься о приемлемости для них подобной — в глазах Запада «авторитарной» — системы власти, а также последствиях расширения влияния КНР в мире. Тем более что Пекин умело воспользовался политической неразберихой в США, для того чтобы усилить своё влияние во всём мире, «экспортируя медицинское оборудование, знания, опыт и деньги в другие сильно пострадавшие страны через так называемую коронавирусную дипломатию»⁴⁹. Сильнейшим пропагандистским ходом Пекина стала публикация письма 100 китайских учёных в адрес американского народа с предложением «не политизировать пандемию COVID-19», а объединить усилия в борьбе с ней⁵⁰. Эти обстоятельства привели в состояние паники некоторых политологов США. Пекин откровенно переиграл Вашингтон в «глобальном ответе на атаку коронавируса», сделал ещё один уверенный шаг в направлении того, чтобы подвинуть США с позиции глобального лидера, поскольку это лидерство «построено не только на богатстве и мощи, но и... их способности и желании давать и координировать глобальный ответ на кризисы»⁵¹.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКЦИЯХ КИТАЯ

Важный и принципиальный для нас вопрос — какая роль отводится России в том глобальном пасьянсе, который раскладывает сегодня Пекин? Ответ на него надо искать не в двусторонних документах, где РФ и КНР обмениваются дипломатическими любезностями, а в прагматических конструкциях, выстраиваемых Пекином для реализации своих внутренних и внешних целей и задач. И их изучение показывает, что Россия для Китая, по большому счёту, уже давно малоинтересна как экономический, но исключительно важна как геополитический партнёр.

Ещё в 2011 г. известный китайский эксперт Ван Цзисы писал, что «Россия, в которой некоторые китайцы видят потенциального союзника в сфере безопасности, экономически и социально для Китая менее важна, чем Южная Корея»⁵². Ситуация если и изменилась, то лишь в плане возрастания значимости РФ как поставщика энергетического сырья для КНР. В 2019 г. на Россию пришлось 15% всей импортированной Китаем сырой нефти. Ввод в строй газопровода «Сила

Сибири» увеличит зависимость КНР от российского газа. Все остальные параметры экономических отношений не внушают оптимизма. На долю РФ стабильно приходится не более 2% оборота внешней торговли КНР; на территории России на начало 2019 г. было сосредоточено, по китайским данным, 0,7% всех зарубежных инвестиций китайского бизнеса, а инвестиции РФ в экономике страны практически незаметны (0,04% от ПИИ в КНР)⁵³. Китай в целом устраивают эти отношения «неблагоприятной взаимодополняемости», хотя из политических соображений он проявляет «умеренную готовность» отзываться на попытки Москвы переломить ситуацию⁵⁴.

Пока ещё сохраняется интерес к РФ как источнику интеллектуальных ресурсов, необходимых для решения задачи превращения КНР в научно-техническую державу, особенно на фоне ограничения доступа китайских учёных к американским знаниям и технологиям. В последнем издании «Жёлтой книги» о России имеется даже небольшой раздел, посвящённый российско-китайскому сотрудничеству в сфере инноваций, где утверждается, что это сотрудничество является «важным средством обеспечения лидирующих позиций обеих сторон в области высоких технологий»⁵⁵. Хотя в данном случае имеет место, скорее, реверанс в сторону политической акции — объявления 2020—2021 гг. годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. При этом очевидна заинтересованность Пекина главным образом не в создании новых знаний и передовых технологий совместно с российскими учёными, а в перекачке из РФ в КНР знаний, умений, мозгов и технических решений.

Более важна для Пекина другая функция Москвы — военно-стратегическая. Россия для него — безопасный тыл, наличие которого позволяет безбоязненно решать стратегические проблемы на южном направлении, конфликтовать с США, осваивать пространства и ресурсы Центральной и Передней Азии. Поэтому для Пекина столь значимы нормальные политические отношения с Москвой, долгосрочное «стратегическое партнёрство», которое позволяет строить планы на будущее без оглядки на потенциальные угрозы с севера. Сохраняется у КНР и интерес к современным вооружениям.

В этой же плоскости можно рассматривать и третью функцию России в стратегических замыслах Пекина: единомышленник и ведомый партнёр в переустройстве системы глобального управления. Сегодня в отношениях с РФ на глобальном уровне китайские

руководители используют формулу «стратегическая координация», которая призвана, по словам министра иностранных дел КНР Ван И, «привнести больше позитивной энергии в глобальную безопасность, стабильность и стратегический баланс»⁵⁶. У Пекина есть своя повестка и своя стратегия переустройства: концепция «Сообщества единой судьбы человечества»; разработан алгоритм её реализации: усиление экономического влияния; созданы необходимые инструменты: инициатива «Пояса и пути», система двусторонних и многосторонних отношений, основанных на общем экономическом интересе. Главная движущая сила — это КПК с её идеологией просвещённого национализма (идея возрождения китайской нации) и китайская диаспора за пределами КНР.

Россия со всем этим не может не считаться. Но как этим воспользоваться, к сожалению, толком не понимает. В который раз приходится писать о двойственности восприятия Китая в РФ, а в силу этого — отсутствию у Кремля внятной китайской стратегии и политики, как и понимания того, как обернуть потенциал и амбиции КНР на пользу России. Парадоксально, но в утверждённой правительством РФ в сентябре 2020 г. Национальной программе развития Дальнего Востока до 2035 г. об экономическом взаимодействии со второй экономикой мира, с которой регион имеет протяжённую границу, даже не упоминается, а его приграничные территории рассматриваются в лучшем случае как коридор для транзита китайских грузов в третьи страны. Довольствуемся малым, боимся замахиваться на большее, страхуемся, опасаемся, тормозим, а китайский скоростной поезд уже далеко впереди. Российская дипломатия привычно, почти по инерции успокаивает себя общностью взглядов Москвы и Пекина на ситуацию в мире и на перспективы её дальнейшего развития, близостью и даже совпадением подходов к большинству вопросов глобальной и региональной повестки дня⁵⁷.

Наивно полагать, что РФ может принципиально повлиять на политику Пекина. Умудрённые опытом взаимодействия с Китаем американские эксперты сегодня вынуждены признать, что все попытки Вашингтона как-то воздействовать на Китай, заставить его измениться, «притянуть или привязать к себе» провалились. По этой причине, как они полагают, «путеводной звездой» американской стратегии в Азии должно быть не сдерживание или ослабление КНР и не стремление как-то её изменить. США следует сфокусировать внимание

на усилении собственной мощи и собственном поведении, оценивать Китай более реалистично и исходя из таких оценок выстраивать отношения с ним⁵⁸. Это как раз тот случай, когда рекомендации опытейших экспертов по КНР⁵⁹, даваемые американским политикам, вполне приемлемы для России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на все предостережения алармистов, трезвый анализ показывает, что, как и в прежние четыре десятилетия политики реформ и открытости, внешнеполитические интересы Китая, в том числе в их глобальной проекции, подчинены решению внутренних задач. К. Рад, вычленяя основные элементы в миропонимании Си Цзиньпина, на первые пять мест поставил те, которые связаны с внутренним развитием страны. И лишь последним, десятым, названо желание Си «изменить мировой порядок, чтобы он больше соответствовал интересам и ценностям Китая»⁶⁰.

Думают лидеры КНР о современной реинкарнации Срединной империи или нет — это не так важно. Сегодня у них не существует для этого реальных возможностей. Да и самые значимые атрибуты этой империи (политическая закрытость и экономическая самоизоляция от внешнего мира, система вассально-даннических отношений с соседями) явно не соответствуют ни современным принципам мироустройства, ни приоритетам самого Китая. Более того, реализация ключевых задач его внутреннего развития — возрождение богатого и сильного государства — в значительной степени зависит от того, насколько эффективно Пекин будет действовать на международной арене.

В силу своего размера, структуры экономики и её глубокой встроенности в мировую экономическую систему, необходимости защищать интересы не только на своей территории, по периметру границ, но и в разных точках планеты, Китай вынужден активно влиять на глобальные экономические и политические процессы, создавая для себя тем самым немалые проблемы, новые вызовы и новые возможности. Будущее не только почти полуторамиллиардной КНР, но и всей планеты в немалой степени зависит от того, какие ответы китайское руководство предложит своему народу и мировому сообществу. Последнее с энтузиазмом воспринимает Китай как драйвер

мирового экономического развития, но отнюдь не в восторге от маячащего перед ним призрака Срединной империи.

Главная проблема и задача для Китая, который только примеряет одеяние глобальной державы, — не навредить себе. Бремя глобального лидерства — тяжёлая ноша. Желающих если не подставить подножку, то хотя бы позлорадствовать — великое множество. Кто-то, как США, делает это без всякого стеснения. Большинство выступает в роли пассивных наблюдателей.

Для России вопрос о том, отодвинет глобальный Китай с позиции мирового лидера США или нет, также не принципиален. Ей необходимо собственное видение системы глобального управления, которое будет максимально соответствовать её интересам и решению её задач. Очевидно, что оно будет ближе к китайскому, чем американскому. Но вот в какой степени и в каких плоскостях вероятен консенсус, а где придётся искать компромисс — это вопрос. И я надеюсь, что в процессе поиска этого компромисса геостратегические приоритеты РФ на Тихом океане будут наконец-то сформулированы, КНР займёт в них должное место, а Тихоокеанская Россия будет выступать важным, даже ключевым звеном в их реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告. 2012年11月18日 (Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде Коммунистической партии Китая. 18 ноября 2012 г.). URL: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm.
- ² Я имею в виду амбициозную космическую программу КНР, предполагающую создание собственной орбитальной станции, освоение Луны, полёты к Марсу и проч.
- ³ Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the Opening Ceremony of the B20 Summit. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1396112.shtml.
- ⁴ Zheng Bijian. *Economic Globalization and China's Future*. Beijing: Foreign Languages Press, 2018. P. 153.
- ⁵ Decoding China's Emerging "Great Power" Strategy in Asia. A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. June 2014. Washington, D.C.: Center for Strategic & International Studies, 2014. P. 1.
- ⁶ Tobin L. Xi's Vision for Transforming Global Governance. A Strategic Challenge for Washington and Its Allies // *China's Global Influence: Perspectives and Recommendations* / ed. by S.D. McDonald, M.C. Burgoyne. Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2019. P. 42.

- ⁷ National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond. P. 5. URL: [http:// www.cas.go.jp/jp/siryou/pdf/2019boueikeikaku_e.pdf](http://www.cas.go.jp/jp/siryou/pdf/2019boueikeikaku_e.pdf).
- ⁸ Glosserman B. and Choi S.I. Don't Lose Sight of Under-the-Hood Changes to South Korea's Defense Posture. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/dont-lose-sightof-under-the-hood-changes-to-south-koreas-defense-posture/>.
- ⁹ National Security Strategy of the United States of America. Washington DC: The White House, December 2017. P. 2, 25.
- ¹⁰ Gertz B. China 'Dream' Is Global Hegemony. U.S. Urged to Counter Beijing's Military, Economic Expansion. URL: <https://freebeacon.com/national-security/chinadream-global-hegemony/>.
- ¹¹ Arase D. The Geopolitics of Xi Jinping's Chinese Dream: Problems and Prospects (Trends in Southeast Asia, 0219-3213). Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2016. 31 p.
- ¹² Fukuyama Francis. America's Challenge in Asia // The Wall Street Journal. 2005, March 2.
- ¹³ Rolland N. China's Vision for a New World Order. The NBR Special Report № 83. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2020. P. 4.
- ¹⁴ Этот путь глобального лидерства, основанный на преследовании исключительно националистических целей, корысти и самовозвеличивании, исповедовали Нидерланды в XVI—XVII вв. См.: Danner L.K., Martin F.E. China's Hegemonic Intentions and Trajectory: Will it Opt for Benevolent, Coercive, or Dutch-style Hegemony? // Asia Pac Policy Stud. 2009. P. 3—4. DOI: 10.1002/APP5.273.
- ¹⁵ Zhao Suisheng. China as a Rising Power Versus the US-led World Order // Rising Powers Quarterly. 2016. Vol. 1. P. 14.
- ¹⁶ Bader J.A. What does China Really Want? URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2016/02/11/what-does-china-really-want/>.
- ¹⁷ Zhao Suisheng. Rhetoric and Reality of China's Global Leadership in the Context of COVID-19: Implications for the US-led World Order and Liberal Globalization // Journal of Contemporary China. P. 2. DOI: 10.1080/10670564.2020.1790900.
- ¹⁸ Rolland N. China's Vision... P. 3.
- ¹⁹ Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 74—76. Много шума на Западе наделала изданная в США на английском языке книга отставного китайского военного Лю Минфу «Китайская мечта» (Liu Mingfu. The China Dream: Great Power Thinking and Strategic Posture in the Post-American Era. New York: CNTimes, 2015. 430 p.), автор которой прямо говорил как о необходимости строительства в КНР сильной армии, так и о том, что к 2050 г. Китай заменит США на позиции мирового лидера. Многих экспертов тревожило не само по себе лидерство КНР, а судьба либерального порядка и демократических свобод, существование которых оказывается под большим вопросом в случае глобального доминирования тоталитарного Китая.
- ²⁰ Моргулов И. Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития // Международная жизнь. 2019. № 9. С. 4—13.
- ²¹ В 3 квартале 2020 г. прирост ВВП КНР составил без малого 5%, а за 9 месяцев, даже с учётом падения на 10% в 1 квартале, — 0,7%. Темпы несколько ниже привычных для Китая, но они наращаются. См.: 2020年三季度国内生产总值 (GDP) 初步核算结果(Предварительные результаты подсчёта валового

- внутреннего продукта (ВВП) в третьем квартале 2020 г.). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202010/t20201020_1794939.html.
- ²² Зародов И. Формирование образа Китая как ответственной глобальной державы // *Международная жизнь*. 2019. № 6. С. 69.
- ²³ Бергер Я. Китай — глобальная держава XXI века? // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 8. С. 3.
- ²⁴胡锦涛.同舟共济共创未来——在第六十四届联大一般性辩论时的讲话 (Ху Цзиньтао. Работать вместе для создания совместного будущего. Выступление на общих прениях 64-й Генеральной Ассамблеи ООН). 23 сентября 2009 г. URL: <https://www.un.org/zh/focus/hujintao/ga.shtml>.
- ²⁵胡锦涛.共同缔造普遍安全的世界——在安理会核不扩散与核裁军峰会上的讲话 (Ху Цзиньтао. Работать вместе над созданием безопасного мира. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН по ядерному нераспространению и ядерному разоружению). 24 сентября 2009 г. URL: <https://www.un.org/zh/focus/hujintao/sc.shtml>.
- ²⁶习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 (Си Цзиньпин присутствовал на Центральной рабочей конференции по международным делам и выступил с важной речью). 29 ноября 2014 г. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm.
- ²⁷ Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 37.
- ²⁸习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 (全文). 2015年09月29日 (Выступление Си Цзиньпина на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст). 29 сентября 2015 г.). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
- ²⁹ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 70—73.
- ³⁰习近平: 努力开创中国特色大国外交新局面 (Си Цзиньпин: Усердно создавать новые условия для развития дипломатии крупной державы с китайской спецификой). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-06/23/content_5300807.htm.
- ³¹ Бергер Я. Китай — глобальная держава XXI века?.. С. 4.
- ³² Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the Opening Ceremony of the B20 Summit. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1396112.shtml.
- ³³ Кондратьев В.Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 6. С. 5.
- ³⁴ Keynote Speech by H.E. Xi Jinping...
- ³⁵ Choi Byung-il. Global Value Chain in East Asia Under “New Normal”: Ideology Technology-Institution Nexus // *East Asian Economic Review*. 2020. Vol. 24. No. 1. P. 5.
- ³⁶ Wang Wen. The 14th Five-Year Plan Stresses Global Vision // *Global Times*. 2020, Nov. 3.
- ³⁷ Koenig P. The China Moment. URL: <https://www.globalresearch.ca/chinamoment/5730223/>.
- ³⁸ Rudd K. The Coronavirus and Xi Jinping's Worldview // *Korea Herald*. 2020, Febr. 10. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200209000267>.
- ³⁹ Heath T.R. China and the U.S. Alliance System // *Diplomat*. 2014, June 11. URL: <https://thediplomat.com/2014/06/china-and-the-u-s-alliance-system/>.

- ⁴⁰ 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 (Продвижение концепции и действий по совместному строительству Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI в.). URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cept/chn/gdxw/P020160713657093398289.pdf>. Подробнее об экономических и гуманитарных аспектах морской политики Китая см.: Ларин В.Л., Песцов С.К. Становление Китая как великой морской державы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. № 3. С. 27—46.
- ⁴¹ Ross R.S. What Does the Rise of China Mean for the United States? // *The China Questions: Critical Insights into a Rising Power* / ed. by J. Rudolph and M. Szonyi. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. P. 81.
- ⁴² 国务院关于印发《中国制造2025》的通知。2015年5月8日 (Уведомление Госсовета КНР по вопросу о [плане] «Сделано в Китае 2025». 8 мая 2015 г.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
- ⁴³ См.: Куда ведёт Китай стратегия «Made in China 2025»? URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5dc569dfaa9fe536eed045e/kuda-vedet-kitai-strategiia-made-in-china2025-5e044adac05c7100acc1c757?utm_source=serp.
- ⁴⁴ 习近平: 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (Си Цзиньпин. Доклад на 19 съезде КПК). URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm.
- ⁴⁵ 习近平: 在中国科学院第十九次院士大会、中国工程院第十四次院士大会上的讲话 (Си Цзиньпин. Речь на 19-м Общем собрании Академии наук КНР и 14-м Общем собрании Инженерной академии КНР. 28 мая 2018 г.). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-05/28/c_1122901308.htm.
- ⁴⁶ 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 (Предложения Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по формулированию XIV 5-летнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 г.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm.
- ⁴⁷ Brands H., Sullivan J. China Has Two Paths to Global Domination // *Foreign Policy*. 2020, May 22. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/22/china-superpowertwo-paths-global-domination-cold-war/>.
- ⁴⁸ Swaine M.D., Tellis A.J. *Interpreting China's Grand Strategy*. RAND, 2000. P. 15.
- ⁴⁹ Zhao Suisheng. *Rhetoric and Reality...* P. 1.
- ⁵⁰ An Open Letter to the People of the United States From 100 Chinese Scholars. URL: <https://thedi diplomat.com/2020/04/an-open-letter-to-the-people-of-the-unitedstates-from-100-chinese-scholars/>.
- ⁵¹ Campbell K.M., Doshi R. The Coronavirus Could Reshape Global Order // *Foreign Affairs*. 2020, March 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>.
- ⁵² Wang Jisi. China's Search for a Grand Strategy. A Rising Great Power Finds Its Way // *Foreign Affairs*. 2011, March/April. P. 74.
- ⁵³ Подсчит. по: *中国统计年鉴2019* (Статистический ежегодник Китая — 2019). Пекин: *中国统计出版社*, 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/>. Если же опираться на данные Центробанка РФ, то доля прямых китайских инвестиций в России вообще падает до 0,2%, а количество российских в КНР увеличивается до 0,2%. См.: Банк России. *Статистика внешнего сектора*. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

- ⁵⁴ Королёв А.Н. Неблагоприятная взаимодополняемость в российско-китайских экономических отношениях и её последствия // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 1. С. 46.
- ⁵⁵ 俄罗斯发展报告(2020) (Доклад о развитии России (2020 г.)). Шанхай: 社会科学文献出版社, 2020. 360 с.
- ⁵⁶ 王毅.跨越东西差异, 践行多边主义在第56届慕尼黑安全会议上发表演讲 2020-02-15 (Ван И. Преодолеть различия между Востоком и Западом, практиковать многосторонность. Выступление на 56-й Мюнхенской конференции по безопасности. 15 февраля 2020 г.). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbjz_673089/zyjh_673099/t1745326.shtml.
- ⁵⁷ Моргулов И. Российско-китайские отношения... С. 10.
- ⁵⁸ Campbell K.M., Ratner E. The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs. 2018, March/April. P. 60—70.
- ⁵⁹ Авторы статьи занимали ответственные позиции в администрации Б. Обамы: К. Кэмпбелл являлся помощником по делам Восточной Азии (Assistant Secretary of State for East Asian and Pacific Affairs) у госсекретаря США Х. Клинтон в 2009—2013 гг., а Р. Эли — заместителем советника по вопросам национальной безопасности (Deputy National Security Adviser) в аппарате вице-президента США Д. Байдена в 2015—2017 гг.
- ⁶⁰ Rudd K. The Coronavirus and Xi Jinping's Worldview...

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ КИТАЯ «В НОВУЮ ЭПОХУ»*

В истории Китая, особенно в последние полтора столетия, Северо-Восточная Азия была и остаётся одним из важнейших, если не самым важным регионом. Территориальное соседство, культурная близость, экономическая связанность и общая история не только определяют характер и нюансы нынешних отношений КНР со странами СВА, но прямо и косвенно влияют на процесс самоидентификации и самоопределения Китая в мире.

Использование финансового, экономического и технологического потенциала стран СВА в интересах развития Китая было одним из важнейших направлений дэнсяопиновской политики реформ и открытости. Поскольку интерес был взаимовыгодным, неудивительно, что к началу второго десятилетия XXI в. КНР стала главным экономическим партнёром всех стран региона. Китайское руководство развивало разные формы политического диалога, гуманитарный обмен, вело активное пропагандистское наступление, но при этом, учитывая многоликость региона, никогда не пыталось использовать унифицированный подход ко всем его странам, даже в русле «периферийной дипломатии». И всё это время Китай вёл себя как региональная держава, не претендуя на лидерство, не пытаясь навязывать соседям свои взгляды, но при этом чётко обозначая и жёстко отстаивая свои интересы.

Осенью 2012 г. с трибуны XVIII съезда КПК китайские руководители заявили о намерении КНР расстаться со статусом скромного игрока в мировой политике, возложить на себя бремя «большой и ответственной державы». Был предпринят мощный мозговой штурм, нацеленный на формирование собственной политической теории. Набор организационных, экономических, финансовых, военно-политических и пропагандистских действий подтвердил серьёзность намерений нового поколения китайских лидеров не только вернуть Китаю «должное место» на мировом политическом Олимпе, но и предложить

* Опубликовано в журнале: Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 114—122.

свою повестку переустройства мира и новую модель глобального управления. Своё намерение повести человечество «в новую эпоху» Си Цзиньпин объявил «коренным национальным интересом» Китая¹.

Несмотря на то что Северо-Восточная Азия в китайских теоретических изысканиях и конкретных планах специальным образом не представлена, наращивание веса и влияния Китая в Азии вызвали настороженность в Вашингтоне, Токио и Сеуле, которые увидели в этом «серьёзные проблемы» для американской и японской безопасности² и в конечном итоге опасность восстановления «геополитического господства Китая на побережье Восточной Азии»³.

Для России и её восточных территорий, чьё развитие в немалой степени зависит от обстановки в этом регионе мира, от того, какие интересы преследует и какую политику проводит в нём Китай, принципиально важно держать руку на пульсе и учитывать нынешние и потенциальные подвижки в политическом и экономическом раскладе в регионе. В какой степени инициативы Си Цзиньпина влияют на ситуацию в Северо-Восточной Азии, на характер отношений Китая со странами региона? Как они сказываются на российских интересах и развитии восточных районов РФ? На эти вопросы и призвана ответить данная статья. Границы СВА мы очерчиваем, исходя из китайских представлений: Япония, Южная и Северная Корея, Монголия, российский Дальний Восток (в современных границах Дальневосточного федерального округа). В этот регион также входят три Северо-Восточные провинции (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян) и автономный район Внутренняя Монголия КНР.

СВА В КОНЦЕПЦИЯХ КИТАЙСКОГО МИРОПОРЯДКА

Ключевые принципы политики «глобального Китая», которые априори распространяются на его политику в СВА, включают в себя «создание международных отношений нового типа», формирование «повсеместной глобальной партнёрской сети», приверженность принципам экономической глобализации, «эффективную защиту» интересов Китая за пределами страны в целях «возрождения китайской нации» и «сохранение благоприятной международной обстановки для внутреннего развития страны»⁴. Посмотрим, как эти идеи реализовались в политике Китая в СВА в последние годы.

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

Исходя из установок Си Цзиньпина, Китай намерен по-разному выстраивать отношения с великими державами, сопредельными государствами и развивающимися странами, однако объединяющим началом его «международных отношений нового типа» являются «сотрудничество и взаимная выгода». В СВА представлены все три группы государств. Все они являются для Китая сопредельными, Россия и Япония также и «великие», а Монголия и Северная Корея — развивающиеся. Но какими бы терминами ни описывались отношения Китая с этими странами, система связей с ними будет выстраиваться в рамках концепции «формирования сети партнёров». В официальных разъяснениях эта структура представлена как «многовекторная, многоуровневая интеграционная сеть партнёрских отношений по всему миру, составляющая глобальный „круг друзей“ (Китая)»⁵, хотя западные эксперты ограничивают этот круг развивающимися государствами, которые Пекин стремится объединить в целях «ослабления мощи Запада»⁶.

Страны СВА уже вплетены Пекином в эту сеть партнёрства, причём каждой из них, исходя из её экономического и политического потенциала, истории и традиций взаимоотношений с ней, отведена особая ячейка. С Японией «партнёрские отношения дружественного сотрудничества» (友好合作伙伴关系) Китай установил ещё в 1998 г. Спустя десять лет они были трансформированы в «стратегические взаимовыгодные отношения» (战略互惠关系). Сегодня Си Цзиньпин призывает своих японских коллег модернизировать двусторонние отношения в соответствии с «требованиями новой эпохи», развивать их «в глобальной перспективе», совместно строить «Пояс и путь» и сотрудничать на рынках третьих стран⁷.

Иначе Пекин выстраивает линию поведения в отношении Республики Корея (РК), на которую смотрит через призму «дружбы» и цивилизационной близости⁸. «Партнёрские отношения стратегического сотрудничества» (战略合作伙伴关系) с РК были установлены в 2008 г., а чуть позже она стала одним из первых государств, которое Си Цзиньпин вовлекал в «круг друзей». Экономическое сближение, симпатии прежнего президента РК Пак Кын Хе к Китаю, некоторое дистанцирование Си Цзиньпина от Северной Кореи привели к заметному улучшению отношений. В июне 2013 г. был подписан План действий

по воплощению в жизнь отношений стратегического партнёрства, в основе которого лежали вопросы мирного решения проблемы Корейского полуострова, экономического и гуманитарного обмена⁹. Престиж Китая среди южнокорейцев существенно вырос. Министр иностранных дел РК Юн Бенсе даже назвал корейско-китайские отношения «лучшими в истории с момента нормализации в 1992 г.»¹⁰.

Однако после согласия Сеула на размещение на территории страны американской системы ПРО (июль 2016 г.) и подписания (ноябрь 2016 г.) корейско-японского Соглашения об обмене военной информацией (GSOMIA) отношения резко ухудшились. Если на GSOMIA в Пекине отреагировали лишь недоброжелательными комментариями, то ответом на размещение ПРО стали экономические санкции. Руководство КНР фактически ввело запрет на посещение Южной Кореи китайскими туристическими группами, заблокировало работу супермаркетов компании «Лоттэ», начался бойкот южнокорейских товаров. Число китайских туристов в РК сократилось в 2017 г. более чем на 60%, на столько же снизился приток китайских инвестиций в страну¹¹.

Жёсткая реакция Китая была воспринята в Корее как «несправедливое нападение сверхдержавы», что привело к резкому ухудшению его имиджа среди южнокорейцев. Число граждан Кореи, которые стали рассматривать Китай как угрозу, возросло с 32,7% в 2015 г. до 62% в 2017 г.¹² Эти события показали, насколько сложно будет Китаю реализовать свои планы и идеи даже в ближайшем окружении, родственном ему культурно и ментально, не говоря уже об остальном мире.

Исторический багаж в значительной степени является определяющим и в отношениях Китая с двумя развивающимися странами региона — Монголией и Северной Кореей. С Монголией «стратегические партнёрские отношения» Пекин установил в 2011 г. и сегодня рассматривает её как объект «периферийной дипломатии», как партнёра не только в строительстве «Пояса и пути», но и «Сообщества единой судьбы человечества»¹³.

Ключевым словом, которое использует китайская пропаганда для характеристики отношений с Северной Кореей, является «дружественные». После короткого периода охлаждения отношений в начале 2010-х гг. они были восстановлены до прежнего «тёплого» уровня, а их особенностью сегодня называют наличие «общих идеалов и целей борьбы»¹⁴. Как характеризовало агентство «Синьхуа» итоги визита Си Цзиньпина в Пхеньян в июне 2019 г., «как бы ни меня-

лась международная обстановка, твёрдая позиция КПК и китайского правительства, направленная на укрепление и развитие отношений дружбы и сотрудничества (с КНДР), не изменится»¹⁵.

В «клубе друзей» Китая сегодня однозначно присутствует и Россия. Совместное заявление РФ и КНР от 20 мая 2014 г. декларировало начало «нового этапа отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» между двумя государствами¹⁶. В 2019 г. было объявлено, что эти отношения вступили «в новую эпоху», отличительной чертой которой является их «координация»¹⁷.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Вплоть до конца первого десятилетия XXI в. Китай не имел своей собственной повестки регионального строительства и роль его в процессах регионализма была весьма противоречивой. С одной стороны, он являлся катализатором производственной кооперации и экономического сближения, а с другой — политическим и идеологическим барьером к созданию общерегиональных структур. Да и сами китайские власти скорее склонялись к идеям национализма, многосторонности и модернизации двусторонних отношений, чем к мыслям об участии или тем паче лидерстве в процессах региональной интеграции в СВА¹⁸.

Сегодня тема экономической интеграции в регионе лишь в виде абстрактного тезиса о важности «интеграционных процессов в Азии» фигурирует в редких высказываниях Си Цзиньпина, когда он призывает «ускорить реализацию стратегии создания зоны свободной торговли, расширить пространство торгово-инвестиционного сотрудничества, формируя тем самым новую архитектуру региональной экономической интеграции»¹⁹.

В действительности подобные процессы идут очень трудно. Два десятилетия назад общие экономические интересы Китая, Японии и Южной Кореи привели к формированию трёхстороннего формата взаимодействия (Trilateral Summit Meeting), возникновению некоторых структур и инструментов координации усилий трёх стран в области экологии, охраны здоровья, борьбы с изменением климата и др. В Пекине рассматривают этот формат более широко — как средство реализации идей открытости, многосторонности и свободной торговли²⁰, но реальной интеграцией его считать явно преждевременно.

НОВАЯ СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ

Хроническая неспособность государств СВА договориться о согласованных и системных действиях в области обеспечения стабильности и безопасности в регионе — застарелая и пока неразрешимая проблема. Нарращивание военной мощи КНР, бескомпромиссность Пекина в отстаивании своих интересов и готовность применять силу там и тогда, где и когда он считает это необходимым, также не добавляют спокойствия в регионе. В модернизации НОАК, выходе китайского ВМФ на просторы Мирового океана, росте военных расходов страны соседи Китая видят если не непосредственную, то будущую угрозу. Возрождение Китая в качестве великой державы они рассматривают как «главный стратегический вызов для... всей архитектуры безопасности в Восточной Азии»²¹. Так что нынешнее «повышение градуса напряжённости» в СВА связано не столько с китайскими декларациями о создании «нового мирового порядка», его военными программами и действиями в Южно-Китайском море, сколько с напряжёнными ожиданиями Японии и Южной Кореи, нервозностью Вашингтона и их болезненной реакцией на усиление Китая.

Китайское руководство, с одной стороны, прилагает серьёзные пропагандистские усилия, чтобы убедить соседей в своём миролюбии, последовательно демонстрирует приверженность к бесконфронтационному взаимодействию, с другой — пытается предложить собственное видение структуры и принципов безопасности в Азии.

Тезис о генетическом миролюбии китайской нации, которая «всегда стремилась к миру» и «никогда не вела колониальные или агрессивные войны против других стран»²², а сегодня является «подлинной опорой мира и стабильности во всём мире и главным двигателем глобального развития и процветания»²³, стал одним из ключевых во внешнеполитической пропаганде Пекина. В мае 2014 г. на IV Саммите Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) Си Цзиньпин выдвинул идею превращения СВМДА в «платформу для диалога по вопросам безопасности и сотрудничества» на основе «равенства безопасности» для всех, уважения суверенитета и невмешательства в дела других государств²⁴. Принципиально важной для Си Цзиньпина была полная поддержка этих инициатив со стороны России²⁵.

Как «глобальная и ответственная держава», Пекин попытался выступить и в отношении северокорейского режима, перейдя от пассивной политики, делавшей акцент на наблюдение за ситуацией и декларацию «мирного варианта» решения проблемы, к более активной, предусматривающей санкционное давление на КНДР²⁶. На регулярные обвинения со стороны Вашингтона в нежелании надавить на Пхеньян и заставить его встать на путь ядерного разоружения, Пекин ответил требованием к «КНДР и США разработать выполнимую дорожную карту в целях установления режима постоянного мира и полной денуклеаризации полуострова»²⁷.

В июне 2019 г. состоялся пятый Саммит СВМДА, в итоговом документе которого очень скромно говорится о том, что СВМДА должно «играть бóльшую роль в продвижении равной и неделимой безопасности и общего развития, основанных на едином понимании, достигнутом к настоящему времени в Азии»²⁸. В реальности такого общего понимания не существует. Концепция Си отвергает систему военно-политических альянсов и союзов, Япония и Южная Корея непоколебимы в том, что их союзнические отношения с США являются краеугольным камнем обеспечения безопасности всего региона. Так что пять лет председательства Китая в СВМДА не стали временем его триумфа в создании новой системы безопасности в Азии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

«Новую эпоху» международного сотрудничества отличают, по оценке председателя КНР, «высокий уровень обмена в области финансов, технологий, информации и людей»²⁹. По всем этим направлениям Китай сегодня стремится быть среди лидеров. В числе его приоритетов — не только «инклюзивная инновационная экономика», свободная конкуренция, но и развитие «зелёной» и морской индустрии, высоких и особенно цифровых технологий, формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей Китаю доступ к мировым рынкам, знаниям, источникам сырья и технологий.

Северо-Восточная Азия не выглядит в этих проекциях главным сегментом. Основное внимание Пекина сфокусировано на поиске ответов

на глобальные вызовы, с одной стороны, и реализации своих экономических интересов по периметру южных и западных границ — с другой. Если ответы на глобальные вызовы Пекина сегодня носят преимущественно теоретический характер, то создание благоприятного внешнего окружения в зоне китайской периферии идёт более успешно, прежде всего через реализацию инициативы «Пояса и пути».

Северо-восточная часть Евразии в концепциях этой инициативы Си Цзиньпина представлена скромно, только лишь через «улучшение железнодорожного сообщения Хэйлунцзяна с Россией», «сотрудничество Хэйлунцзяна, Цилиня, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки» и строительство «международного коридора экономического сотрудничества Китай — Монголия — Россия»³⁰. В 2015—2016 гг. концепция коридора была оформлена двумя трёхсторонними соглашениями между КНР, Россией и Монголией³¹. Однако, как с сожалением заметил в июне 2019 г. президент РФ В. Путин, «за три года со времени принятия программы создания экономического коридора так и не началась реализация какого-либо конкретного проекта»³².

Концепция морского сотрудничества КНР³³ предполагает, что в будущем будут «активизированы совместные действия» по созданию «экономического коридора» через Северный Ледовитый океан в Европу как «третьего голубого пути», замыкающего единое морское кольцо вокруг Евразийского континента. Параллельно с этим Китай демонстрирует большой интерес к использованию природно-ресурсного и транспортного потенциала восточной части Арктики. Но каких-то заметных усилий по развитию этих направлений он не проявляет. В рекомендациях Малой рабочей группы³⁴ по реализации инициативы «Пояса и пути» на 2015—2017 и 2018—2020-е гг. Россия и Монголия присутствуют в общих списках стран, через которые проходят транспортные коридоры «Пояса и пути» и с которыми необходимо сотрудничать³⁵, но не более того.

Ритуальная фраза о необходимости сотрудничать в строительстве «Пояса и пути» регулярно звучит из уст Си Цзиньпина на встречах с его японским и южнокорейским коллегами, однако дальше дипломатических экивоков, научных статей и конференций на тему сотрудничества в рамках «Пояса и пути», заявлений о необходимости «сопряжения стратегий»³⁶ дело не движется.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЫЧАГИ ВЛИЯНИЯ: КИТАЙ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН СВА

В начале второго десятилетия XXI в. для всех стран СВА Китай являлся торговым партнёром № 1. На его долю приходилось три четверти (77%) от общего объёма внешней торговли КНДР, половина (52%) — Монголии и около четверти — Тихоокеанской России, Южной Кореи и Японии (28, 24 и 22,5% соответственно). В то же время позиции китайского капитала в этих странах были слабы. Доля накопленных прямых инвестиций из КНР составляла лишь 3,5% общего объёма ПИИ в Японии, 1,7% — в РК, 0,5% — в Тихоокеанской России.

Выход Китая на глобальную арену, начатая им в 2014 г. финансовая экспансия в мире сопровождались лишь незначительным укреплением его позиций на торговых рынках СВА. В общем объёме внешней торговли Японии доля КНР увеличилась с 22,5 до 23,8%, Южной Кореи — с 24 до 26,5%, Дальневосточного федерального округа РФ — с 27,7 до 28,7%, Монголии — с 52 до 64,4%, КНДР — с 77 до 93%³⁷. Почти на 29% вырос китайский экспорт в Южную Корею (свою роль сыграло подписание в 2015 г. Соглашения о свободной торговле между КНР и РК), но на 7% сократился экспорт в Японию.

2014 г. стал самым «урожайным» на китайские инвестиции в СВА, куда китайский бизнес вложил 5,5 млрд долл. В 2015 г. инвестиции из КНР составляли заметную долю поступавших в эти страны ПИИ: почти 31% в Японии, 10% в РК и 11,4% в РФ. Однако эта тенденция быстро сошла на нет, регион так и не стал зоной активного китайского инвестирования. В 2013—2018 гг. на его долю приходилось от 0,8% (2016 г.) до 2,2% (2014 г.) от объёма прямых китайских капиталовложений за рубежом. В результате к 2019 г. доля КНР в общем объёме ПИИ в Японии составляла менее 5%, в Южной Корее — около 3%, а в РФ (в том числе в Дальневосточном федеральном округе) — менее 1%. Причём если в Японии и РК эта доля немного увеличилась, то в России и ДФО — сократилась.

Значительная часть китайских инвестиций в Японии и Южной Корее шла в сферу обслуживания, что было связано с бумом китайского туризма в эти страны. Общее число посещений китайцами стран СВА выросло с 8 млн в 2013 г. до 18,7 млн в 2016 г. и держится на этом уровне до настоящего времени. Рост китайской туристической

активности повлѣк за собой развитие соответствующей индустрии, системы сервиса, транспортного сообщения и рост доходов стран региона от сферы туризма и обслуживания.

Развитие экономических взаимоотношений с Китаем имеет не только плюсы, но и минусы, делая страны СВА зависимыми как от конъюнктуры китайского рынка, так и от различных внеэкономических факторов, таких как эпидемия коронавируса или болезненная реакция китайского руководства на политические решения стран-партнёров. Экономические санкции Пекина в ответ на решение Сеула о размещении в Южной Корее американской системы ПРО обошлись корейской экономике, по некоторым оценкам, в 6,8 млрд долл.³⁸

ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНА ДЛЯ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В 2013 г. на долю стран СВА приходилось 15,2% внешней торговли Китая, причѣм 7,4% составляла доля Японии и 6,1% — РК. В последующие годы экономические связи КНР со странами СВА развивались медленнее, чем с остальным миром: с 2013 по 2019 г. совокупный объѣм торговли Китая с Японией, Южной Кореей, КНДР, Монголией и Тихоокеанской Россией увеличился всего на 1% (экспорт вырос на 3,4%, а импорт упал на 0,9%), в то время как со всем миром — на 10%. Соответственно, доля региона во внешней торговле КНР снизилась до 14%.

Накопленный объѣм прямых инвестиций из стран СВА в Китае в последнее десятилетие даже сократился (на 1,6 млрд долл.), что произошло преимущественно за сѣт вывода из страны японского капитала. На начало 2019 г. прямые инвестиции из стран СВА составляли 6,3% от всех ПИИ в КНР (из них из РК — 3,5%, из Японии — 2,8%)³⁹. Основные иностранные инвесторы, как и ранее, зарегистрированы в Гонконге и офшорных зонах мира.

Пограничное положение Северо-Восточного Китая, своим фасадом выходящего на Северо-Восточную Азию, автоматически определяет более высокий уровень его взаимодействия с соседями по региону. В 2002 г. на долю стран СВА во внешней торговле Внутренней Монголии приходилось почти 80%, в пров. Хэйлунцзян — без малого 70%, в пров. Ляонин — более половины (53,1%), а в пров. Цзилинь — более трети (35,2%). Вступление Китая в ВТО сопровождалось существенным расширением географии внешней торговли этих территорий. Но не столько территориальная близость, сколько общий

процесс вовлечения Китая в глобальную экономику играл главную роль в структуре их внешнеэкономических связей⁴⁰. В результате к 2013 г. доля стран СВА в экспортно-импортных операциях китайского Северо-Востока сократилась вдвое⁴¹.

С 2014 г. роль стран СВА в торговых операциях этих территорий Китая вновь стала расти, хотя в провинциях данный процесс шёл в разных направлениях и разными темпами. В 2018 г. в общем объёме внешней торговли пров. Хэйлунцзян доля стран СВА составила 77,5% (в том числе России — 69,8%), Внутренней Монголии — 56,3%, тогда как пров. Ляонин — 27%, а пров. Цзилинь — только 17%. Пров. Хэйлунцзян и прежде всего её приграничные с РФ территории в значительной степени завязаны на Россию, и эта зависимость в последние годы только усилилась. Внутренняя Монголия ориентируется на Монголию и Россию: половина её внешней торговли приходится на эти две страны. Для пров. Ляонин и Цзилинь более важными партнёрами являются Япония, Северная и Южная Корея.

Что их всех объединяет, так это незначительная доля инвестиций из стран СВА в общем объёме привлечённых капиталов из-за рубежа. В пров. Хэйлунцзян на долю стран СВА (включая Россию) в 2018 г. приходилось только 4,5% от всех ПИИ⁴².

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В ОБЪЕКТИВЕ ГЛОБАЛЬНОГО КИТАЯ

Формально Китай придерживается сформированной ещё в конце 1980-х — начале 1990-х гг. линии на использование потенциала российского Дальнего Востока в целях развития северо-восточных районов страны. В Программе развития Северо-Востока Китая, принятой весной 2016 г., одной из приоритетных задач названо сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России и строительство «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»⁴³. Об этом изредка говорят на уровне центрального и чаще — местных правительств. Опубликованы сотни научных статей, в которых предлагаются разнообразные меры по модернизации экономических связей с восточными районами России и преодолению многочисленных проблем, мешающих этому развитию.

Однако в действительности Тихоокеанской России отведено в нынешних планах китайского руководства очень скромное место: как

территории транзита китайских грузов и дополнительного источника некоторых видов сырья. Она не рассматривается в качестве перспективной зоны для инвестиций. Во-первых, структура зарубежных инвестиций Китая меняется в пользу высокотехнологичных секторов экономики, а также объектов инфраструктуры. Во-вторых, наращивание экспорта, получение доступа к рынкам стран-партнёров и расширение зарубежного инвестирования рассматриваются ещё и как способ расширения экспорта китайской рабочей силы⁴⁴, против чего активно выступают и власти, и население России. В-третьих, существует активная оппозиция китайским инвестициям и в России в целом, и на её восточной окраине в частности⁴⁵, которую китайское руководство явно учитывает и не намерено портить из-за этого отношения с РФ.

Любопытно представлена Россия в отчётных докладах о работе за 2019 г. трёх приграничных с ней китайских провинций. Глава Внутренней Монголии упомянул лишь о необходимости развивать отношения с Красноярским краем и Иркутской областью и сделал дежурный посыл о важности строительства «Экономического коридора Китай — Монголия — Россия»⁴⁶. Его цзилиньский коллега сообщил о предстоящей газификации провинции российским газом, выразил намерение содействовать строительству международного коридора «Китай — Монголия — Россия» и развивать район российско-китайской торговли в Хуньчунь⁴⁷. Губернатор Хэйлунцзяна Ван Вэньтао уделил основное внимание завершению строительства мостовых переходов через границу, созданию трансграничной логистической сети и проведению различных бюрократических мероприятий⁴⁸. Ни один из них даже не вспомнил ни о подписанных в 2018 г. соглашениях о сотрудничестве приграничных территорий в области сельского хозяйства, ни о производственной кооперации, ни о взаимных инвестициях.

Таким образом, «глобальный Китай» ещё менее чем раньше заинтересован во включении Тихоокеанской России в свою производственно-сбытовую сеть. Ограниченный объём внутреннего рынка, отсталая инфраструктура и экспортно-сырьевая структура экономики ДФО, а также охранительный, а не кооперационный подход Москвы к развитию региона являются к этому серьёзными препятствиями.

Экономическая статистика доказывает это очень убедительно. В 2019 г. доля ДФО составила всего 0,2% экспорта и 0,3% импорта КНР. Здесь сосредоточены 0,03% от общего объёма прямых инвестиций Китая за рубежом. Объём торговли Китая с ДФО законсервировался

на уровне 2013 г. (11,2 млрд долл. в 2013 г. и 10,7 млрд долл. в 2019 г.), причём экспорт КНР сократился с 5,6 до 4 млрд долл. Дальневосточное сырьё также незаметно на китайском рынке: доля добываемой нефти и производящихся в ДФО нефтепродуктов составляет в импорте этой статьи КНР менее 1% (в 2018 г. — 2,7 из 460 млн т), угля — менее 2%, древесины и изделий из неё — менее 4%. Тихоокеанская Россия заметна лишь на рыбном рынке КНР (12,2% китайского импорта рыбы и морепродуктов в 2018 г.), но это составляет лишь 1,5% от общего объёма производства морепродуктов в стране⁴⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «глобальный статус» Китая и активное продвижение китайской повестки в международных делах слабо сказались на его положении в СВА и отношениях со странами региона. Во-первых, в Пекине учитывают непростой исторический багаж в отношениях с соседями по региону и очень осторожны и в высказываниях, и в практических действиях. Во-вторых, фокус китайской экономической политики сегодня повёрнут в противоположную от региона сторону, а его инициативы в какой-то степени конкурируют с проектами и программами расположенных здесь государств. Страны СВА, даже не находясь в русле китайской политики «Пояса и пути», испытали на себе положительный эффект от активизации внешнеэкономической деятельности Пекина: получили дополнительные доходы от торговли и туризма, приток прямых инвестиций, пусть и незначительный. Но это, скорее, результат политики открытости и глобализации Китая, чем целенаправленных действий в регионе. Более того, технологический рывок Китая превращает его из партнёра в конкурента Японии и Южной Кореи. В-третьих, слабый отклик в регионе находят инициативы Пекина в области «гармоничного развития» и обеспечения безопасности. На инициативу Пекина с созданием «единой и неделимой системы безопасности в Азии» Токио и Сеул ответили укреплением военного альянса с США: Соглашением об обмене военной информацией и решением о размещении американского комплекса ПРО в Южной Корее. Ким Чен Ын откровенно демонстрирует, что не Пекин, а Вашингтон является для него главным партнёром в переговорах.

Положительным результатом китайских инициатив можно считать улучшение имиджа Китая в регионе, хотя оно весьма условно. Согласно опросам общественного мнения, если в 2013—2014 гг. неблагоприятное впечатление о Китае имели 93% японцев, то в 2019 г. их число снизилось до 85%⁵⁰. Общественное мнение Южной Кореи столь же однозначно делает выбор в пользу США, а не Китая. Для большинства южнокорейцев Китай остаётся прежде всего коммунистической страной, и лишь 30% ощущают их общую принадлежность к конфуцианскому миру⁵¹. Да и в Тихоокеанской России, несмотря на очень оптимистичные прогнозы относительно нынешнего состояния и будущего российско-китайских отношений, важности Китая для региональной экономики, около четверти населения настроено против Китая.

Что бы ни обещали китайские руководители, они прекрасно понимают, что не могут облагодетельствовать весь мир. Они лишь стремятся сделать этот мир более удобным, комфортным для развития своей страны и пытаются привлечь к этому всё человечество. В Северо-Восточной Азии Китай делает это с большой осторожностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 习近平: 努力开创中国特色大国外交新局面 (Си Цзиньпин: Предпринимать усилия для создания дипломатии крупной страны с китайской спецификой). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-06/23/content_5300807.htm.
- ² Gertz B. China 'Dream' Is Global Hegemony. U.S. Urged to Counter Beijing's Military, Economic Expansion. URL: <https://freebeacon.com/national-security/china-dream-global-hegemony>.
- ³ Arase D. The Geopolitics of Xi Jinping's Chinese Dream: Problems and Prospects. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2016. P. 10—11.
- ⁴ Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Гоцзишудянь, 2018. Т. 2. С. 633—639.
- ⁵ 杨洁篪. 以习近平外交思想为指导深入推进新时代对外工作 (Ян Цзечи. Руководствуясь идеями Си Цзиньпина о дипломатии развивать дипломатическую деятельность в новую эпоху). URL: www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-08/01/c_1123209510.htm.
- ⁶ Tobin L. Xi's Vision for Transforming Global Governance a Strategic Challenge for Washington and Its Allies // China's Global Influence: Perspectives and Recommendations. Ed. by S.D. McDonald, M.C. Burgoyne. Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2019. P. 42.
- ⁷ 习近平会见日本首相安倍晋三. 2019.12.23 (Встреча Си Цзиньпина с премьер-министром Японии Синдзо Абэ. 23 декабря 2019 г.). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-12/23/content_5463369.htm.

- ⁸ Kang Kyu Lee. China's Lost Face and the Two Koreas: The Effects of Culture and Identity on Chinese Foreign Policy (2019). Electronic Theses and Dissertations. 1594. URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2594&context=etd>.
- ⁹ 充实中韩战略合作伙伴关系行动计划全文发布 (Опубликован полный текст плана действий по укреплению китайско-южнокорейского стратегического партнёрства). URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-06/28/content_2435863.htm.
- ¹⁰ Keynote Speech "Security on the Korean Peninsula" by H.E. Yun Byung-se. 2014.12.03. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5689/view.do?seq=318602&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=8&titleNm=.
- ¹¹ Invest Korea. Annual Report 2017. Seoul: KOTRA, 2018. P. 9.
- ¹² Kim Jiyoon. South Korean Public Opinion. The Asan Forum, February 27, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/south-korean-public-opinion>.
- ¹³ 习近平同蒙古国总统巴特图勒嘎会谈. 2020.02.27 (Си Цзиньпин провёл переговоры с президентом Монголии Баттулгой. 27 февраля 2020 г.). URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1750173.shtml>.
- ¹⁴ 习近平访朝是一次友好之旅、和平之旅. 2019.06.24 (Визит Си Цзиньпина в КНДР — путешествие дружбы и мира. 24 июня 2019 г.). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/24/c_1210168040.htm.
- ¹⁵ 新华社评论员: 共同开启中朝友谊崭新篇章 (Обозреватель информационного агентства «Синьхуа»: Совместными усилиями открываем новую главу дружбы между Китаем и КНДР). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/21/c_1124656081.htm.
- ¹⁶ Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
- ¹⁷ Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>.
- ¹⁸ См.: Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
- ¹⁹ Си Цзиньпин. О государственном управлении... Т. 1. С. 404.
- ²⁰ Li Keqiang, President Moon Jae-in of the Republic of Korea (ROK) and Prime Minister Shinzo Abe of Japan Meet the Press. December 12, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/xwlb_663352/t1727935.shtml.
- ²¹ Decoding China's Emerging "Great Power" Strategy in Asia. A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. June 2014. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies, 2014. P. 1.
- ²² Си Цзиньпин. О государственном управлении... Т. 1. С. 360.
- ²³ China Today: A Proud Member of the Global Community. Statement by H.E. Wang Yi State Councilor and Minister of Foreign Affairs of the PRC at the General Debate of the 74th Session of the UN General Assembly. New York, 28 September 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1703219.shtml.
- ²⁴ Си Цзиньпин. О государственном управлении... Т. 4. С. 479—488.
- ²⁵ Идея «новой архитектуры безопасности в Азии» была впервые анонсирована 27 сентября 2010 г. в Пекине, где главы двух государств предложили создать

- в АТР «открытую, транспарентную и равноправную архитектуру безопасности и сотрудничества, основанную на принципах международного права, внеблоковых началах и учёте законных интересов всех сторон» (см.: Совместное заявление РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия. 27 сентября 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719). В российско-китайском заявлении от 20 мая 2014 г. СВМДА названо «эффективным механизмом диалога по вопросам обеспечения мира и безопасности в регионе» (см.: Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>).
- ²⁶ Михеев В., Игнатьев С. Российско-китайское стратегическое партнёрство и ракетно-ядерная проблема КНДР // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 1. С. 21.
- ²⁷ Building on 70 Years of Achievements and Pursuing Progress in the New Era. State Councilor and Foreign Minister Wang Yi's Exclusive Year-end Interview with People's Daily. 24 December, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjzbz_663304/wjzbz_663308/2461_663310/t1727381.shtml.
- ²⁸ Декларация пятого саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Общее видение безопасного и более процветающего региона СВМДА. 15 июня 2019 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5423>.
- ²⁹ 习近平在亚太经合组织工商领导人峰会开幕式上的演讲(全文) 2014.11.09 (Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия саммита лидеров бизнеса АТЭС (полный текст). 9 ноября 2014 г.). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1109/c64094-25999796.html>.
- ³⁰ Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. 29.03.2015. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0329/c908838870719.html>.
- ³¹ 9 июля 2015 г. в г. Уфе был подписан Меморандум о взаимопонимании между РФ, КНР и МНР о разработке этой программы, а 24 июня 2016 г. в Ташкенте подписана сама программа.
- ³² Встреча с председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой. 14.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60753>.
- ³³ “一带一路”建设海上合作设想 (Концепция сотрудничества на море при строительстве «Одного пояса, одного пути»). URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2017-11/17/5240325/files/13f35a0e00a845a2b8c5655eb0e95df5.pdf>.
- ³⁴ Национальная малая рабочая группа по продвижению инициативы «Пояса и пути» (国家推进“一带一路”建设工作领导小组) создана в феврале 2015 г. решением Госсовета КНР. В её задачи входит, помимо общего руководства реализацией инициативы, официальное толкование всей атрибутики этого китайского проекта.
- ³⁵ 标准联通共建“一带一路”行动计划 (2018—2020年) (Стандартизированный план совместного строительства «Пояса и пути». 2018—2020 гг.). URL: http://www.srcic.com/upload/newsletter/16/pdf_zh/5bfd0ba90de69.pdf.
- ³⁶ На деловом саммите «Китай — Япония — Южная Корея» в ноябре 2019 г. в г. Чэнду Мун Джэ Ин дипломатично сказал, что «китайская инициатива „Один пояс, один путь“, японская стратегия открытой и свободной Индо-Пацифики

- и корейская новая северная и новая южная политика „связывают континентальные и морские регионы“ и их последовательная цель — объединять человеческие сердца и мысли, а также поддерживать мир и процветание для всех» (см.: Remarks by President Moon Jae-in at Korea-Japan-China Business Summit. December 24, 2019. URL: <http://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/733>).
- ³⁷ Здесь и далее подсчитано на основе национальных таможенных статистик СВА.
- ³⁸ Echo Huang. China Inflicted a World of Pain on South Korea in 2017. URL: <https://qz.com/1149663/china-southkorea-relations-in-2017-thaad-backlash-and-the-effect-on-tourism>.
- ³⁹ *中国统计年鉴2019*. (Статистический ежегодник КНР за 2019 г.). 北京: 中国统计局, 2019, URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/html/C1114.jpg>.
- ⁴⁰ Ash R.F. China's Regional Economics and the Asian Region. Building Interdependent Regions // *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Ed. by D. Shambaugh. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2005. P. 99.
- ⁴¹ В 2002 г. на долю Японии, РК, КНДР и России во внешней торговле пров. Ляонин приходилось 53,1%, а в 2013 г. — 24,1%, в пров. Цилинь соответственно — 35,2 и 16,3%.
- ⁴² *2019黑龙江统计年鉴*. (Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян за 2019 г.). 哈尔滨: 黑龙江省统计局, 2019, URL: http://www.hlj.stats.gov.cn/tjsj/tjnj/202001/t20200120_76425.html.
- ⁴³ *中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见* (Мнение ЦК КПК и Госсовета о восстановлении старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm.
- ⁴⁴ Арапова Е. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 6. С. 81—82.
- ⁴⁵ По данным социологических опросов, проводившихся в ДФО, против присутствия китайских рабочих в регионе выступает более четверти опрошенных. Почти половина респондентов либо категорически против, либо опасается китайских инвестиций в регионе (см.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // *Россия и АТР*. 2018. № 2. С. 16—18).
- ⁴⁶ *2020年内蒙古自治区政府工作报告* (Отчёт Правительства Внутренней Монголии о работе за 2020 г.). URL: http://www.nmg.gov.cn/art/2020/1/20/art_4213_296344.html.
- ⁴⁷ *景俊海. 吉林省政府工作报告* (2020年1月12日) (Цзин Цзюньхай. Отчёт Правительства пров. Цилинь о работе за 2020 г.). URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/202001/20/t20200120_34162214.shtml.
- ⁴⁸ *王文涛. 黑龙江省政府工作报告* (2020年1月12日) (Ван Вэньтао. Отчёт Правительства пров. Хэйлунцзян о работе за 2020 г.). URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/202001/20/t20200120_34161934.shtml.
- ⁴⁹ Подсчитано на основе статистических данных Дальневосточного таможенного управления (URL: <http://dvtu.customs.ru/statistic>), а также статистики ООН (URL: <https://comtrade.un.org/data>).
- ⁵⁰ *Japan-China Public Opinion Survey 2019*. Tokyo: The Genron NPO, 2019. P. 3—6.
- ⁵¹ Kim Jiyeon. South Korean Public Opinion. The Asan Forum, February 27, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/south-korean-public-opinion>.

Научное издание

Ларин Виктор Лаврентьевич

Лицом к Востоку
(из работ 2012—2021 гг.)

Редакторы: Д.С. Гусарова, М.С. Киселева, О.П. Кормазина,
М.А. Луценко, О.Н. Мальцева, А.А. Осипова, Е.В. Откидыч
Редактор электронной вёрстки А.С. Иванов

Выход в свет 10.08.2022 г.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 28,06. Уч.-изд. л. 19,44.
Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (423) 222-05-07.
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru.